

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№ 4/2024

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Тема номера:
«Соотношение социальных и персональной идентичностей»
Тематический редактор номера Е.П. Белинская

Theme of the issue
“Ratio of Social and Personal Identities”
Issue editor E.P. Belinskaya

2024 г. Том 15. № 4

2024. Vol. 15. No. 4

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

Главный редактор

Н.Н. Толстых (Россия)

Ответственный секретарь

Е.В. Виноградова (Россия)

Редакционная коллегия

О.А. Гулевич (Россия),
Е.М. Дубовская (Россия),
В.А. Лабунская (Россия),
А.В. Махнач (Россия), Т.А. Нестик (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.К. Радина (Россия),
О.Е. Хухлаев (Израиль),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

Редакционный совет

Ф. Зимбардо (США),
В.А. Лабунская (Россия), М. Линч (США),
И. Маркова (Великобритания),
Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.Н. Толстых (Россия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

«Социальная психология и общество»

индексруется: ВАК Минобрнауки России,
ВИНИТИ РАН, Ядро Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO,
Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS,
DOAJ, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Издается с 2010 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-67006 от 30.08.2016

Формат 70 × 100/16

Тираж 500 экз.

Все права защищены. Название журнала, логотип,
рубрики, все тексты и иллюстрации являются
собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены
авторским правом.

Перепечатка материалов журнала и использование
иллюстраций допускается только с письменного
разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением
авторов публикаций.

Editor-in-Chief

N.N. Tolstykh (Russia)

Executive Secretary

E.V. Vinogradova (Russia)

Editorial Board

O.A. Gulevich (Russia),
E.M. Dubovskaya (Russia),
V.A. Labunskaya (Russia),
A.V. Makhnach (Russia), T.A. Nestik (Russia),
L.A. Pergamenschchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.K. Radina (Russia),
O.E. Khukhlaev (Israel), L.A. Tsvetkova (Russia),
T.I. Shulga (Russia)

Editorial Council

P.G. Zimbardo (USA),
V.A. Labunskaya (Russia), M.F. Lynch (USA),
I. Markova (Great Britain),
J. Palacios (Spain),
L.A. Pergamenschchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.N. Tolstykh (Russia),
A.A. Fayzullaev (Uzbekistan),
K. Helkama (Finland),
L.A. Tsvetkova (Russia), T.I. Shulga (Russia)

“Social Psychology and Society” Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry
of Education and Science of the Russian Federation,
Russian Science Citation Index Core (RSCI Core),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO, Ulrich's
Periodicals Directory, ERIH PLUS, DOAJ, VINITI
Database RAS, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Publisher

Moscow State University of Psychology
and Education

The journal is published since 2010

The journal is published quarterly

Certificate number: PI №FS77-67006

Registration date 30.08.2016

Format 70 × 100/16

500 copies

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics
all text and images are the property of MSUPE
and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed only
with the written permission of the publisher.

The views and opinions expressed
in the article are those of the authors and do not
necessarily reflect the views or positions of the
editorial staff.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- Белинская Е.П.* Соотношение социальных и персональной идентичностей: современное состояние проблемы 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Гришина Н.В.* Идентичность как проявление целостности личности 12
- Нестик Т.А.* Эффект Поллианны: роль механизмов защиты позитивной личностной и групповой идентичности 25
- Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н.* Метаморфозы идентичности человека достроенного: от цифрового донора к цифровому кентавру 40
- Персидская О.А.* Культурно-историческая теория как методологическая рамка типологизации цифровой идентичности 58

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Мещерякова Е.М., Серый А.В., Яницкий М.С.* Временная перспектива личности как ресурс преодоления кризиса идентичности на различных этапах жизнеосуществления 75
- Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е.* Роль социальной активности молодежи в выраженности идентичностей и их согласованности 94
- Клементьева М.В.* Толерантность к неопределенности у студентов-пользователей онлайн-платформ с разными статусами виртуальной идентичности 109
- Гулевич О.А., Косимова С.С.* Связь российской идентичности и политической поляризации: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма 123
- Байдхови Б., Престон М., Сяхпурта В., Кахиани А.Д., Рабита Д.* Личностные факторы формирования и укрепления национальной идентичности: роль восприятия собственной компетентности (на английском языке) 140
- Микляева А.В., Самойлов О.М.* Социальные верования и основания морального выбора как предикторы гражданской идентичности подростков 154
- Берберян А.С., Берберян Э.С., Тучина О.Р.* Специфика религиозной идентичности армянской молодежи в России и в Армении 172
- Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Кулеш Е.В.* Взаимосвязь мотивов конструирования этнической идентичности и индивидуальных ценностей у русских старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов России 189
- Ананьева О.А., Прусова И.С.* Роль просоциальной идентичности и преубеждений в готовности помогать пострадавшим от домашнего насилия 207

CONTENTS

EDITORIAL

- Belinskaya E.P.* Correlation of Social and Personal Identities:
Current State of the Problem 5

THEORETICAL RESEARCH

- Grishina N.V.* Identity as a Manifestation of the Wholeness of Personality 12
- Nestik T.A.* The Pollyanna Effect: The Role of Positive Personal
and Group Identity Defense Mechanisms 25
- Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Ilyukhina S.N.* Metamorphosis
of the Identity of the Human Completed: from Digital
Donor to Digital Centaur 40
- Persidskaya O.A.* Theoretical and Methodological Framework
of Typologization of Digital Identity 58

EMPIRICAL RESEARCH

- Meshcheryakova E.M., Seryy A.V., Yanitskiy M.S.* Personality's Time
Perspective as a Resource for Overcoming the Identity Crisis
at Different Stages of Life Realization 75
- Shamionov R.M., Bocharova E.E.* The Role of Youth Social Activity
in the Expression of Identities and their Consistency 94
- Klementyeva M.V.* The Tolerance of Ambiguity in the Virtual Identity
Statuses among Student Users of Online Platforms 109
- Gulevich O.A., Kosimova S.S.* The Relationship between Russian Identity
and Political Polarization: The Role of Secure National Identification
and National Narcissism 123
- Baydhowi B., Preston M., Syahputra W., Cahyani A.D., Rabitha D.* Building
National Identity from Within: The Role of Self-Competence
in Strengthening National Identity 140
- Miklyaeva A.V., Samoilov O.M.* Social Beliefs and Foundations for Moral
Choice as Predictors of Civic Identity in Adolescence 154
- Berberyay A.S., Berberyay H.S., Tuchina O.R.* The Specifics of Religious
Identity of Armenian Youth in Russia and Armenia 172
- Murashcenkova N.V., Gritsenko V.V., Kulesh E.V.* Relationship between
Motives of Constructing Ethnic Identity and Individual Values
among Russian High Schoolers from the Central
and Far Eastern Regions of Russia 189
- Ananyeva O.A., Prusova I.S.* The Role of Prosocial (Politicized) Identity
and Prejudice in Collective Action Intentions to Help Women
and Men Suffered from Domestic Violence 207

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Соотношение социальных и персональной идентичностей: современное состояние проблемы

Белинская Е.П.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru**

Взаимосвязь особенностей идентификационных структур личности и характеристик современного социального пространства не нуждается в развернутых доказательствах. В условиях «текучей» современности внимание исследователей закономерно смещается от структурных составляющих «Я» к процессуальным проявлениям идентичности. В итоге традиционная для социальной психологии проблема соотношения персональной и социальных идентичностей человека начинает приобретать новое звучание.

Для цитаты: Белинская Е.П. Соотношение социальных и персональной идентичностей: современное состояние проблемы // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 5–11. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150401>

Correlation of Social and Personal Identities: Current State of the Problem

Elena P. Belinskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

The relationship between the features of personality identification structures and the characteristics of modern social space does not need detailed evidence. In the conditions of “fluid” modernity, the attention of researchers naturally shifts from the structural components of the “I” to the procedural manifestations of identity. As a result, the problem of the correlation of a person’s personal and social identities, which is traditional for social psychology, begins to acquire a new sound.

For citation: Belinskaya E.P. Correlation of Social and Personal Identities: Current State of the Problem. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 5–11. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150401> (In Russ.).

Исследования рубежа 20-го — начала 21-го веков ознаменовались активным интересом практически всего социогуманитарного знания к проблематике идентичности, который не ослабевает и в наши дни. Стало уже достаточно традиционным связывать этот факт с актуальной динамикой социального пространства, которое все более и более приобретает черты непредсказуемой вариативности, многовекторной потенциальности, неконтролируемости со стороны социальных акторов [1; 2; 3], что закономерно переживается человеком нашей эпохи как онтологическая неопределенность [5]. Данные особенности неминуемо отражаются в характеристиках идентичности современного человека, ведь «идентичность как элемент субъективной реальности находится в динамической взаимосвязи с состояниями общества» [6, с. 29]. И потому, в то время как социологи все чаще ищут специфики социального развития в особенностях идентификационных структур человека, ибо именно «идентичность все более становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [2, с. 176], психологи все более экстраполируют многие актуальные особенности построения идентичности нашего современника на общественные процессы [8; 10].

В этой ситуации социальная психология оказывается в достаточно сложном положении, прежде всего — в силу собственного междисциплинарного статуса. Имея более чем полувековые традиции освоения проблематики идентичности и несомненно лидируя в ней, она вынуждена, с одной стороны, мириться с актуальным масштабированием гносеологического контекста ее освоения, который выражается во все более актив-

ном включении понятия идентичности в круг других концептов — смыслов и ценностей, мотивации, агентности [7; 9]. С другой стороны, в этой ситуации именно социально-психологическое знание, откликаясь на исходно социально-философский тезис о кризисных явлениях в построении идентичности современного человека — как «текучей», лишенной структурной определенности и завершенности [3; 11], в максимальной степени оказывается призвано не только концептуально осмыслить данную феноменологию, но и дать ей эмпирические операционализации, не допустив при этом окончательного «размывания» самого понятия идентичности.

Неудивительно, что в этих условиях получают новое звучание ставшие уже, казалось бы, достаточно традиционными вопросы. К таковым относится и вопрос о соотношении персональной и социальных идентичностей, вынесенный в тему текущего номера журнала. Напомним, что проблема соотношения персонального и социального полюсов идентификационных структур личности возникла в социальной психологии как определенное «отражение» общепсихологической проблемы изменчивости/устойчивости Я. Характерным решением для социально-психологического знания стал отход от классического понимания идентичности как некоего «ядра» личности, ответственного за переживание человеком своей целостности и самоидентичности, постепенно уступая место представлениям об ее изменчивости. И если первоначально данная изменчивость мыслилась как динамика исключительно социальных идентичностей, то с развитием и укреплением целого спектра когнитивистских моделей идентичности, базирующихся на концепциях А. Тэшфела и Дж. Тернера, постановка данной

проблемы стала во многом иной: в центре внимания оказались вопросы соотношения и «взаимопереходов» личностной и социальной идентичностей. Целый ряд социально-психологических концепций идентичности в конце 20-го века начинают акцентировать вопросы личностной рефлексии взаимодействия с социальным окружением, контекстуальность ценностного и аффективного отношения человека к фактам социального влияния, специфику его когнитивной активности и возможных когнитивных искажений в построении своего Я. В результате изменчивость/устойчивость идентичности все более начала пониматься как неоднозначность результата самокатегоризации, задающая множественность и потенциальность Я в целом. В итоге сформировался определенный консенсус социально-психологических позиций относительно тезиса о неоднозначности и вариативности соотношения персональной и социальной идентичностей, а, соответственно, в понимании проблемы баланса изменчивости/устойчивости Я-структур постулировалась известная процессуальность, превратившая этот баланс в постоянное «балансирование» [4]. И потому сегодня традиционная дихотомия «персональная идентичность vs социальная идентичность», акцентировавшая структурные составляющие Я, фактически уходит в прошлое, в то время как современная идентичность все более понимается как постоянный процесс ее трансформаций, когда оба полюса (и социальная, и персональная идентичность) одновременно достраиваются человеком сообразно «внешне-внутренней диалектике» идентификаций. Думается, что феноменологически основная задача здесь — это поиск каждым человеком допустимого для себя лично баланса устойчивости/изменчивости всех представлений о себе.

Подчеркнем, что именно эта проблема мыслилась в самом начале 21-го века как одна из системообразующих онтологических проблем современности: «Проблема...<века>... состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как успеть вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная потеряет свою ценность» [3, с. 185]. Впрочем, сегодняшняя динамика социального пространства иногда приводит исследователей и к более радикальной позиции в вопросе о соотношении персональной и социальных идентичностей. Так, обращение к анализу деструктивных личностных следствий столь ускоряющейся и одновременно непредсказуемой социальности с ее неослабевающей «хваткой идентичности», которая постоянно раскручивает спираль социальной атомизации, заставляет мыслить в качестве выхода возвращение в ситуацию, «когда меньше Я — значит больше мира» [11, с. 133], напоминая о том, что значимой функцией любых идентификаций является поддержание социального взаимодействия.

Определенный вклад в развитие многих из выделенных аспектов современного состояния проблематики идентичности вносят статьи, опубликованные в данном тематическом номере.

Раздел «Теоретические исследования» открывает статья Н.В. Гришиной, акцентирующая пересмотр традиционных представлений о личностной феноменологии в сторону холистического подхода. Автор обращается к такому фундаментальному свойству личности, как целостность, и предлагает рассматривать идентичность в качестве основного ее проявления. Думается, что современные взгляды на идентичность, предполагаю-

щие ее процессуальный характер, вполне позволяют это сделать; более того, контекстуальная «рамка анализа», заданная автором, помогает конструктивно преодолеть известное противоречие в понимании идентичности, а именно — концептуально соединить изменчивость и устойчивость, множественность и единство идентификационных структур.

Обращение к динамическим проявлениям идентичности по-новому обращает исследователей к механизмам ее функционирования. Вопросу возможных защитных механизмов идентичности, реализуемых на личностном и групповом уровне, посвящена статья Т.А. Нестика. Анализ социально-психологических механизмов, поддерживающих эффект лингвистической позитивности («эффект Поллианны»), позволяет автору не только дать новые объяснения стремления человека к позитивной оценке себя и своей группы, но и наметить перспективные направления изучения идентичности в современных условиях трудно контролируемых угроз и коллективных травм.

Одним из факторов, определяющих нарастающие риски современности, является цифровизация практически всех сфер жизнедеятельности и социальной практики. Характеристика современного социального мира как цифрового уже стала достаточно традиционной, а исследования трансформаций идентичности в условиях виртуальной коммуникации имеют солидные традиции как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Третья статья данного раздела, написанная Г.У. Солдатовой и ее молодыми коллегами С.В. Чигарьковой и С.Н. Илюхиной, открывает, как представляется, принципиально новую страницу для психологического изучения личности в ситуации нарастающей цифровизации повседневности, воплощая идею «смешения» реальности и

виртуальности в анализе феноменологии идентичности. Завершает данный раздел, во многом вступая в заочную полемику с предыдущей позицией, статья О.А. Персидской, в которой ряд идентификационных трансформаций человека цифрового мира описан и специфицирован через набор поведенческих сценариев при виртуальной коммуникации.

Содержание следующего раздела, «Эмпирические исследования», достаточно разнопланово как тематически, так и методически и отражает многообразие «эмпирического пространства» проблематики идентичности в целом.

Статьи Е.М. Мещеряковой, А.В. Серого, М.С. Яницкого и Р.М. Шамина, Е.Е. Бочаровой раскрывают возможные направления эмпирического поиска системных личностных свойств как предикторов процессуальных характеристик идентификационных структур. В первом случае в качестве такого предиктора выступают особенности временной перспективы личности, а во втором — просоциальная активность. Статья М.В. Клементьевой, с одной стороны, продолжает эту тему, продемонстрировав роль такой фундаментальной личностной диспозиции, как толерантность к неопределенности, в реализации различных статусов идентичности, а с другой — обращена к особенностям идентификаций в виртуальном пространстве.

Отдельный, содержательно и численно доминирующий блок этого раздела образуют статьи, посвященные вопросам национальной и гражданской идентичностей. Представляется, что столь выраженный исследовательский акцент, фактически оставивший за рамками номера изучение многих других социальных идентичностей (гендерной и профессиональной прежде всего), не случаен — для него имеются определенные объективные

предпосылки. «Размывание» многих социальных оснований для самокатегоризации в условиях глобализации неизбежно активизирует в человеке «поиск корней», и интересно, что сегодня подобное стремление реализуется не только через традиционно отмечающийся в исследованиях интерес человека к собственной этнической и/или религиозной принадлежности, но и через попытки идентификации с достаточно трудно определяемыми социальными группами, отражением чего и являются национальная и/или гражданская идентичность. В статье О.А. Гулевич и С.С. Косимовой на масштабной выборке россиян доказательно продемонстрировано, что существующие различия во взаимосвязях национальной идентичности респондентов и их отношения к людям с полярными политическими взглядами зависят от степени конструктивности национальной идентификации, понимаемой как возможность ее отграничения от национального нарциссизма. Следующие две статьи центрированы на выявлении личностных предикторов национальной и/или гражданской идентичности: индонезийские авторы Б. Байдхови, М. Престон, В. Сяпутра, А.Д. Кахиани, Д. Рабита исследуют в качестве таковых самовосприятие человеком собственной компетентности и особенности локуса контроля, а работа А.В. Микляевой и О.М. Самойлова посвящена изучению целой плеяды различных социо-когнитивных особенностей личности в качестве факторов формирования и развития гражданской идентичности на подростковом этапе социализации.

Две статьи этого же раздела номера посвящены кросс-культурному анали-

зу закономерностей проявления таких вариантов социальной идентификации, как религиозная и этническая идентичность, отдельно акцентируя влияние на это ценностных ориентаций личности. А.С. Берберян, Э.С. Берберян и О.Р. Тучина представляют масштабное исследование взаимосвязей религиозной и этнической идентичностей с системой социальных ценностей и психологическим благополучием человека, проведенное на интересной выборке — армянской молодежи Армении и этнических армянах, проживающих на российской территории, эмпирически демонстрируя системообразующую роль религиозной идентификации в обоих случаях. Н.В. Мураценкова, В.В. Гриценко и Е.В. Кулеш, опираясь на интегративную модель мотивов конструирования идентичности, обращают внимание на значение ценностных оснований подобной мотивации при формировании этнической идентичности в подростковом возрасте, одновременно фиксируя наличие региональных различий. Завершает номер статья О.А. Ананьевой и И.С. Прусовой, посвященная, по сути, мотивационному потенциалу идентичности в целом: авторы эмпирически показывают, какие сложные причинно-следственные отношения связывают социальную идентичность, социальные предубеждения и поведенческие намерения человека.

Следует, наверное, также отметить, что часть присланных в редакцию статей в силу ограничения объема журнала будет перенесена в первый номер 2025 года.

Увлекательного вам чтения, дорогие читатели!

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 19.11.2024). DOI:10.54359/ps.v8i40.550

2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
4. Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. «Психология. Педагогика». Серия 16. 2018. Т. 8. № 1. С. 6–15. DOI:10.21638/11701/spbu16.2018.101
5. Белинская Е.П., Рикель А.М. Идентичность поколений: социально-психологический подход и опыт эмпирического исследования // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19. № 3. С. 31–45. DOI:10.11621/npj.2024.0303
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
7. Гришутина М.М., Костенко В.Ю. Многообразие возможных Я: роль агентности и эмпирическая валидность // Психология. Журнал НИУ ВШЭ. 2022. Т. 19. № 2. С. 405–423. DOI:10.17323/1813-8918-2022-2-405-423
8. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Дисформативная идентичность // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 80–91. DOI:10.21146/0042-8744-2020-4-80-91
9. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.11.2024). DOI:10.54359/ps.v8i40.555
10. Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. Издание 3-е, исправленное. М.: Смысл, 2022. 566 с.
11. Хан Бён-Чхоль. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / пер. с нем. А.С. Салина, предисловие и научная редакция А.В. Павлова. М.: Издательство АСТ, 2023. 161 с.

References

1. Asmolov A.G. Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya [Psychology of Modernity: Challenges of uncertainty, complexity and diversity]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*, 2015. Vol. 8, no. 40. DOI:10.54359/ps.v8i40.550 (In Russ.).
2. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized Society]. Moscow: Logos, 2005. 390 p. (In Russ.).
3. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Fluid Modernity]. Saint-Petersburg: Piter, 2008. 240 p. (In Russ.).
4. Belinskaya E.P. Sovremennye issledovaniya identichnosti: ot strukturnoi opredelennosti k protsessual'nosti i nezavershennosti [Modern Identity Research: from Structural certainty to Processuality and Incompleteness]. *Vestnik Saint-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta. «Psikhologiya. Pedagogika». Seriya 16 = Bulletin of St. Petersburg State University. "Psychology. Pedagogy". Episode 16*, 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 6–15. DOI:10.21638/11701/spbu16.2018.101 (In Russ.).
5. Belinskaya E.P., Rikel' A.M. Identichnost' pokolenii: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod i opyt empiricheskogo issledovaniya [The identity of generations: a socio-psychological approach and the experience of empirical research]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Journal of Psychology*, 2024. Vol. 19, no. 3, pp. 31–45. DOI:10.11621/npj.2024.0303 (In Russ.).
6. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [The social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: «Medium», 1995. 323 p. (In Russ.).
7. Grishutina M.M., Kostenko V.Yu. Mnogoobrazie vozmozhnykh Ya: rol' agentnosti i empiricheskaya validnost' [The variety of possible Selves: the role of agency and empirical validity]. *Psikhologiya. Zhurnal NIU VShE = Psychology. The Journal of the Higher School of Economics*, 2022. Vol. 19, no. 2, pp. 405–423. DOI:10.17323/1813-8918-2022-2-405-423 (In Russ.).

8. Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Disformativnaya identichnost' [The Disformative identity]. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*, 2020, no. 4, pp. 80–91. DOI:10.21146/0042-8744-2020-4-80-91 (In Russ.).
9. Leont'ev D.A. Vyzov neopredelennosti kak tsentral'naya problema psikhologii lichnosti [The challenge of uncertainty as a central problem of personality psychology]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*, 2015. Vol. 8, no. 40. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 02.11.2024). DOI:10.54359/ps.v8i40.555 (In Russ.).
10. Sokolova E.T. Klinicheskaya psikhologiya utraty Ya. Izdanie 3-e, ispravlennoe [The clinical psychology of self-loss. The 3rd edition is corrected]. Moscow: Smysl, 2022. 566 p.
11. Khan Ben-Chkhol'. Obshchestvo ustalosti. Negativnyi opyt v epokhu chrezmernogo pozitivita [The fatigue society. Negative experiences in an era of excessive positivity]. In A.V. Pavlov (eds.). Moscow: Publ. AST, 2023. 161 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Белинская Елена Павловна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Information about the authors

Elena P. Belinskaya, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Получена 29.11.2024

Received 29.11.2024

Принята в печать 14.12.2024

Accepted 14.12.2024

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Идентичность как проявление целостности личности

Гришина Н.В.

*ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6763-7389>, e-mail: n.v.grishina@spbu.ru*

Цель. Рассмотрение феномена идентичности в контексте целостности как фундаментальной характеристики личности; обсуждение тезиса о возможности понимания идентичности как проявления целостности личности.

Контекст и актуальность. Следствием перехода от структурных описаний личности с акцентом на ее устойчивых характеристиках к процессуально-динамическим описаниям, характерного для современной психологии личности, становится усиление внимания к фундаментальным свойствам личности и пересмотр ряда традиционных представлений о личностной феноменологии. К этим фундаментальным свойствам относится целостность личности. Разработка подходов к изучению целостности является важнейшей задачей психологии, поскольку именно «разделенность» личности на отдельные психические образования считается одной из основных причин методологического кризиса психологии XX века. Описание целостности личности может быть осуществлено с помощью анализа личностных феноменов, которые являются ее проявлениями. В качестве основного феноменологического проявления целостности личности предлагается рассматривать идентичность личности.

Используемая методология. Системный подход к личности, методологические принципы процессуального подхода.

Основные выводы. В современной психологии понятия целостности и идентичности личности утрачивают структурную определенность и рассматриваются как динамичные образования. Для изучения идентичности важнейшее значение имеет признание ее контекстуальной природы. Во взаимодействии с контекстом идентичность выполняет функцию «собирания» личности, обеспечивающего ее целостность.

Ключевые слова: фундаментальные свойства личности; целостность личности; процессуальный подход; идентичность; контекстуальный характер идентичности; интегральные характеристики личности.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-18-00308, https://rscf.ru/prjcard_int?24-18-00308.

Для цитаты: Гришина Н.В. Идентичность как проявление целостности личности // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 12–24. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150402>

Identity as a Manifestation of the Wholeness of Personality

Natalia V. Grishina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6763-7389>, e-mail: n.v.grishina@spbu.ru

Objective. *Consideration of the phenomenon of identity in the context of integrity as a fundamental characteristic of personality; discussion of the thesis on the possibility of understanding identity as a manifestation of personality wholeness.*

Background. *The consequence of the transition from structural descriptions of personality with an emphasis on its stable characteristics to processual-dynamic descriptions, characteristic of modern personality psychology, is an increased attention to the fundamental properties of personality and a revision of a number of traditional views about personal phenomenology. These fundamental properties include the wholeness of the personality. The development of approaches to the study of wholeness is the most important task of psychology, since it is the “separation” of personality into separate mental formations that is considered one of the main causes of the methodological crisis of psychology of the twentieth century. The description of the wholeness of the personality can be carried out by analyzing personal phenomena that are manifestations of the wholeness of the personality. It is proposed to consider personality identity as the main manifestation of personality wholeness in personal phenomenology.*

Methodology. *A system approach to personality, methodological principles of the processual approach.*

Conclusions. *In modern psychology, the concepts of personal wholeness and identity lose their structural certainty and are considered as dynamic formations. Recognition of its contextual nature is essential for the study of identity. In interaction with the context, identity performs the function of “gathering” a personality, ensuring its integrity.*

Keywords: *fundamental properties of personality; wholeness of personality; processual approach; identity; contextual nature of identity; integral characteristics of personality.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 24-18-00308, https://rscf.ru/prjcard_int?24-18-00308.

For citation: Grishina N.V. Identity as a Manifestation of the Wholeness of Personality. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 12–24. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150402> (In Russ.).

Введение

В своей работе конца 60-х годов Р. Мэй, утверждая, что «в наше время человек, раздираемый психологическими страстями, несет в себе бремя сотрясающих его эпоху конфликтов», проводит анализ проблем, переживаемых людьми XX века. Ссылаясь на ряд авторитетных изданий, он пишет о появлении проблемы идентичности. В конце 40-х — начале 50-х годов она, по его словам, «заботила лишь тера-

певтов с их пациентами». Но уже через десять лет тема идентичности обретает необыкновенную популярность: в конце 50-х — начале 60-х годов «проблема идентификации была на устах у каждого думающего человека: она стала постоянной темой карикатур в Нью-Йоркере; десятки книг, написанных на эту тему, стали бестселлерами в своей области» [13, с. 21].

С тех пор проблема идентичности не уходит из поля зрения психологии,

а отчасти и гуманитарной науки в целом¹. Благодаря проводимым исследованиям расширяются представления о природе и феноменологии идентичности, в современной психологии личности появляются новые подходы, приводящие к пересмотру традиционной феноменологии. Тема идентичности в условиях изменяющейся реальности с ее вызовами к устойчивости личности вновь и вновь становится актуальной. З. Бауман в вышедшей в начале века работе отмечает, что «исследования идентичности становятся сегодня независимой и быстро развивающейся отраслью знания; происходит нечто большее, и можно сказать, что “идентичность” становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [3].

«Вечный» интерес к проблеме идентичности, на наш взгляд, в значительной мере определен тем, что проблема идентичности связана с самыми фундаментальными свойствами личности, с самой природой личности, относится к «ядерной» тематике психологии личности, а потому она всегда будет находиться в фокусе ее внимания.

В качестве фундаментальных свойств личности выступают ее системные свойства, важнейшим из которых является целостность как условие выживания системы.

Основной тезис данной статьи состоит в том, что идентичность неразрывно связана с целостностью личности и является формой ее проявления.

Целостность как фундаментальная характеристика личности

Системный подход к личности является общепризнанным в психологической науке. Уже в работах Г. Олпорта, одного из основателей психологии личности, утверждается идея системной природы личности. В своих работах он обсуждает приложение принципов открытых систем к существующим теориям личности. На основании своего анализа он приходит к выводу, что большинство известных теорий личности удовлетворяют критериям открытой системы, и формулирует свое известное определение: «Личность — широко открытая, стремящаяся ко все новым уровням порядка и взаимодействия система» [15, с. 73].

Впоследствии представления о системной природе личности расширяются, дополняются принципами функционирования неравновесных систем, «философией нестабильности» (И.Р. Пригожин) и т.д.

Признание системного характера личности означает, что ей присущи фундаментальные свойства любой системы. К этим свойствам прежде всего относятся процессы изменчивости и стабилизации, сопряженное действие которых обеспечивает устойчивость системы и ее целостность, являющиеся условиями ее выживания.

Эволюционные процессы связаны с развитием, которое становится вызовом к способности личности к изменениям и сохранению устойчивости, и с нарастающей дифференциацией, которая в свою

¹ По данным РИНЦ, число публикаций, в названии которых присутствует понятие «идентичность», с 2010 до 2015 года составляет немногим менее 18 тыс., в последующие пять лет (2015–2019) удваивается, достигая 37 тыс., и остается на том же уровне (38,5 тыс.) в следующие пять лет. При этом речь идет о широком использовании понятия идентичности, не только в научном дискурсе психологии, но и в широком спектре гуманитарных и социальных наук.

очередь становится вызовом к целостности человека.

Механизмы обеспечения целостности начинают формироваться с самого раннего возраста человека и сопутствуют процессу его развития на всех его этапах. Развитие целостности связано с дифференциацией, нарастающей в процессе онтогенетического развития индивида. В младенческом возрасте первоначальная или, как ее называет Л.И. Анцыферова, «диффузная одноуровневая целостность психического» претерпевает изменения, «расслоение, дифференциацию» на все более четко отграниченные друг от друга «уровни, структуры, механизмы». И этот «постоянно действующий механизм выделения новых частей целостной психологической системы требует формирования механизмов интеграции личностной системы, усиление действия которых — одна из центральных тенденций развития личности» [2, с. 23—24]. «Личность — всегда целостность, которая развивается, формируя в своей организации все новые и новые части, каждая из которых обладает качеством породившей ее целостности, подразумевает существование ранее выделившихся частей и несет в себе возможность возникновения новых» [2, с. 47].

Об этом же пишет А.Р. Лурия в связи с изучением поведения человека: «Генезис организованного человеческого поведения идет по пути развития и включения все новых регулятивных систем, которые преодолевают первичные формы поведения и переводят их ко все новым и более совершенным системам организации» [11, с. 27].

К. Левин отмечает, что в процессе развития «индивид становится все более дифференцированным». Внешне это проявляется в возрастающем разнообразии поведения человека. Кроме этого, термин «дифференциация» относится

«к отношениям зависимости и независимости между частями динамического целого. В таком случае увеличивающаяся дифференциация означает, что увеличивается число частей человека, которые могут функционировать относительно независимо, т.е. увеличивается степень их независимости» [10, с. 284—285].

Г. Олпорт в своей концепции также использует понятие дифференциации: анализируя приложение принципов открытых систем к теории личности, он отмечает «увеличение порядка в результате возрастания сложности и дифференциации частей», «развитие внутренней упорядоченности», что, в сущности, означает целостность личности [15].

Таким образом, в своих ставших уже классическими работах Олпорт, Левин, Анцыферова связывают целостность личности с процессами дифференциации внутреннего мира человека.

Однако целостность личности — это «ответ» не только на процессы дифференциации внутреннего мира, но и на дифференциацию жизненного пространства человека, которое соединяет его внутренний мир с реальностью, а потому испытывает на себе влияние ее вызовов, турбулентности окружающей среды.

Личность не существует вне бытия, а структура бытия человека описывается многообразием его связей и отношений с миром. Доиндустриальный мир с его простыми формами жизнедеятельности, определяемыми задачами выживания и жизнеобеспечения, определял и простоту жизненного пространства индивида. Оно еще не сегментировано, и работа, семейная жизнь и хозяйственная деятельность часто осуществляются в одном и том же пространстве. Мир тем самым предстает как моноконтекстуальный, что усиливается традиционной для того времени низкой мобильностью, замкну-

тостью жизни человека определенным географическим местом. В результате возникает однородный и ограниченный «набор» способов взаимодействия с реальностью, позволяющих выстроить непротиворечивую картину жизни, поддерживающую целостность личности.

Чем сложнее структура реальности, мира, в котором живет человек, тем более дифференцированным становится пространство его жизнедеятельности, тем сложнее личности сохранять внутреннее чувство целостности.

Развитие цивилизации, постиндустриальное ускорение темпов этого развития усложняют структуру социальной жизни сообществ, а значит изменяют и структуру повседневной жизни индивида, реальность которого начинает описываться как многомерный мир жизни. Складываются многообразные типы отношений человека с действительностью, сопровождаемая рефлексией этого отношения. Моноконтекстуальность сменяется поликонтекстуальностью, в которой каждый контекст расслаивается на множество аспектов жизни, требуя выработки своего отношения к себе, то есть своего онтологического статуса.

Усложнение жизни, которое выражается в увеличении порядка онтологических статусов, то есть усиливающейся полионтологичности жизни, влечет за собой необходимость «быть соответствующим» каждой стороне своего бытия и найти способы интегрирования каждой из них во всеединстве жизненного мира.

Идея необходимости единства личности представлена в работе отечественного философа Л. Карсавина «О личности». Человек, по мнению Карсавина, раскрывает себя по отношению к миру как самоединство, саморазъединение и самовоссоединение: «Личность существует как одна и единая потому, что она

“сначала” едина, “потом” множественна и “наконец” или “снова” едина, и еще потому, что обладает этими своими (а не чужими) “сначала”, “потом”, “наконец” и “снова” *сразу*, то есть *всевременна*» [9, с. 5]. При этом личность стремится к своему единству, всеединству на уровне индивидуального бытия. Для обозначения механизма обеспечения этого единства Карсавин использует понятие «стяженность», которое относится к «собираению» множественного в единство: «Именно путем стяжения и отвлечения несовершенная личность пробивается чрез множество и движется к единству этого самого множества и покою этого самого движения» [9, с. 76].

Важнейшим как для теоретической, так и для практической психологии является вопрос о том, что лежит в основе этого «стяжения» личности.

Идентичность личности

Признание целостности в качестве фундаментального системного свойства личности, как следствие, предполагает наличие интеграционных механизмов, обеспечивающих целостность личности, и психологических феноменов, отражающих эту целостность.

Одним из этих феноменов, на наш взгляд, является идентичность личности. Рассмотрение идентичности в контексте целостности личности исходит из того, что и целостность, и идентичность возникают как «ответ» на дифференциацию внутреннего мира личности и ее жизненного пространства во взаимодействии с окружающим миром. И целостность, и идентичность являются результатом действия интеграционных механизмов, обеспечивающих «стяжение», «собираение» личности. Г.М. Андреева, обсуждая проблему кризиса идентичности в современных реалиях, отмечает, что идентич-

ность означает не только способность индивида осознавать свою «особость», но и способность поддерживать свою целостность [1].

Как уже отмечалось, проблема идентичности имеет свою историю в психологии. На основе анализа существующих подходов к ее изучению Е.П. Белинская отмечает «две содержательно взаимосвязанные “точки согласия” между исследователями самой разной дисциплинарной принадлежности и теоретических пристрастий». Во-первых, это переход от структурных описаний идентичности к ее процессуальному пониманию (отвечающему логике развития современных исследований в психологии личности) и, во-вторых, что представляется еще более значимым, «констатация определенных феноменологических изменений в системе идентификаций» [4, с. 32]. Это побуждает к пересмотру сложившихся представлений о природе идентичности.

Чрезвычайно важным в контексте обсуждаемой темы является утверждение о том, что «традиционное структурное различие персональной и социальной идентичностей во многом теряет смысл, уступая место идее главенства отношения человека к социальному контексту своего бытия» [4, с. 33].

Два недавних выпуска журнала «Identity» [17]² посвящены рассмотрению идентичности «в реальном времени» (“real-time identity”), которая рассматривается как результат взаимодействия личности с контекстом, результат ее интеракций с микро- (например, семья, партнеры, школа, рабочее место) и макро- (социаль-

ный, культурный, политический и исторический) контекстуальными уровнями. Идентичность возникает из индивидуального повседневного опыта, мыслей, чувств, взаимодействий и поведения индивидов и относится к их усилиям по конструированию, поддержанию и уточнению своей идентичности [18; 19].

Понимаемая таким образом идентичность относится к динамичным, процессуальным образованиям, в которых взаимодействие личности с контекстом играет решающую роль. Процессуальный подход в описании личностной феноменологии переносит фокус внимания со структурных характеристик к контекстуальным основаниям. В таком понимании идентичности выделение ее традиционных устойчивых форм (личностной и социальной идентичности) лишено смысла: в “real-time identity” живой опыт «здесь-и-сейчас» активности представляет собой амальгаму установок, чувств, оценок и т.д., и т.п.; важнее становится вопрос о механизмах формирования такой «актуальной», «подвижной» идентичности и ее функциях.

Традиционно понимаемая идентичность является основой устойчивости личности, ее опорой. Контекстуально и ситуативно формирующаяся идентичность выполняет схожие функции: она «определяет» личность относительно конкретных условий и задач ее жизнедеятельности. «Самоопределение» личности в ситуации преодолевает неопределенность, связанную с множественностью возможностей ее (ситуации) развития. Тем самым идентичность вы-

² Журнал «Identity. An International Journal of Theory and Research» ежеквартально выпускается Society for Research on Identity Formation [17]. С 2010 года изданы 9 тематических выпусков, посвященных довольно традиционной тематике – работам Э. Эриксона, развитию идентичности, ее возрастной динамике, личностным коррелятам и т.д. Журналы, о которых идет речь, относятся к последним изданиям (“Real-time processes: Theories and methods”, 2021 и “Real-time processes: Empirical applications”, 2022) [18; 19].

ступает формой поддержания и защиты целостности личности.

Контекстуальный принцип изучения интегральных феноменов

Разработка подходов к изучению интегральных феноменов (к которым относятся и целостность, и идентичность личности) является важнейшей задачей психологии: именно «разделенность» личности на отдельные психические образования считается одной из основных причин методологического кризиса психологии XX века.

Этому в немалой степени способствует переход психологии личности от структурных моделей ее описания, основанных на выделении отдельных черт и характеристик, к динамическим и процессуальным подходам в понимании личностной феноменологии, что побуждает к *поиску концептуальных решений*, соответствующих принципам процессуального подхода³.

Изучение целостности личности как фундаментальной характеристики, отражающей «работу» интегративных процессов, как и других интегративных феноменов, которые наиболее полно отражают природу и особенности лично-

сти, сопряжено с трудностями их операционализации⁴.

Основной исследовательской задачей описания сложных феноменов является поиск единиц их описания.

А.Р. Лурия, анализируя творчество Л.С. Выготского, пишет: «Каждая наука должна разлагать сложное явление на составляющие *части*; каждая наука должна искать *корни* явления и проследить путь его развития... Но на какие части можно разлагать сложное психическое целое, чтобы не потерять особенностей всего целого? И где именно надо искать глубокие корни сложных явлений сознательной жизни человека?» [11, с. 280]. По мнению Лурии, величайшая заслуга Выготского и его вклад в психологическую науку состоит в правильном ответе на эти вопросы, который состоит в том, что сложные явления надо разлагать не на элементы, а на *единицы*.

Применительно к описанию целостности, идентичности и других интегральных параметров жизнедеятельности человека это означает, что они не должны раскладываться «на составные части», но могут изучаться на разных «порядках» (масштабах) их существования.

По отношению к целостности существует *возможность рассмотрения раз-*

³ В качестве примера можно привести работу европейских ученых, описывающих следующую динамическую системную модель личности (Personality Dynamics Model) [20]. Модель включает три параметра: 1) основание личности (baseline personality) – ее стабильная часть или «стержень» личности, образованный усредненными показателями поведенческих, когнитивных и аффективных проявлений различных диспозиций; 2) изменчивость или вариативность личности (personality variability) – мера отклонения показателей от стержневой линии, степень колебания (флуктуации) состояний личности в течение времени и в различных ситуациях, под влиянием как внешних факторов, так и внутренней мотивации; 3) «сила притяжения» в системе личности или сила аттрактора в личности (personality attractor force) – скорость, с которой отклонения в системе сменяются возвращением к ее центру, базовой линии, означающая способность к поддержанию баланса в системе [20]. Данная концепция соответствует современным представлениям о целостности личности как взаимодействию и интеграции полюсов стабильности/устойчивости и изменчивости.

⁴ Касаясь такого интегративного понятия в описании жизнедеятельности личности, как хронотоп, В.П. Зинченко отмечает, что «хронотоп, являющийся результатом и условием развития сознательной и бессознательной жизни, ... как все живое, упорно сопротивляется концептуализации» [8, с. 53].

ных «порядков» целостности. Об этом, в частности, пишет К. Левин: «Существуют целые всех ступеней динамического единства: на одном конце существуют совокупности независимых объектов; затем целые небольших степеней единства, средних степеней единства, высокой степени единства; наконец на другом конце — целые такой высокой степени единства, что едва ли имеет смысл говорить о частях»; тем самым допускается существование разных степеней целостности. И далее: «При стремлении поставить в центр внимания проблему целостности, необходимо остерегаться тенденции делать эти целостности возможно более широкоохватными. Для начала необходимо уяснить себе, что конкретное исследование, стремящееся выйти за пределы общих неопределенностей, должно ставить вопрос, из каких единиц складываются имеющиеся целостности и каковы границы системных целостностей, выступающих основополагающими в каждом отдельном случае» [10, с. 114].

Обсуждая направленность модификации целостности в связи с развитием человека и обретением им нового опыта, Л.И. Анцыферова замечает: «Происходит актуализация и новая интеграция необходимых побуждений, сочетающаяся с построением психологических преград для конкурирующих влечений и стимуляций; изменяется система значимостей; расставляются новые акценты в системе ценностей; мобилизуются функциональные возможности человека, изменяется психологический тонус; происходит смена психических состояний; преобразуется размерность временной перспективы; корректируются или перестраиваются «сценарии» поведения; интенсифицируются чувства сопричастности определенным «значимым другим», социальным общностям, человечеству» [2, с. 231].

Опираясь на эти утверждения, можно утверждать, что первоначальная концептуальная разработка понятия целостности может быть предпринята на основе описания ее проявления в феноменологии разного уровня. Это же относится и к другим интегральным феноменам; так, предлагается рассматривать идентичность как иерархическую структуру, каждая из ступеней которой содержит комплексы идентичностей.

В соответствии с методологией процессуального подхода наши исследования исходят из принципа контекстуального описания личностной феноменологии [7]. Интегральные феномены и характеристики проявляются во всех контекстах жизнедеятельности, сохраняя все свойства своей природы, но обретая особенности конкретного контекста активности человека. Тем самым, по нашему мнению, именно обращение к контекстным формам проявления интегральных свойств становится наиболее адекватным решением в их исследовании.

Целостность личности наиболее явным образом проявляется в ее активности, объективировано представленной в поведении. Именно в поведении человек проявляется целостно, и это особенно очевидно в ситуациях воздействий, нарушающих нормальное функционирование индивида. Достаточно вспомнить теорию стресса Г. Селье, определявшего стресс как неспецифическую реакцию организма, его целостную реакцию. В своих исследованиях А.Р. Лурия описывает, как в условиях аффективного конфликта или стресса возникает целостная реакция, отражающая общую дезорганизацию поведения человека [11]. В проведенном под нашим руководством исследовании В.Д. Мамаевой-Найлз убедительно продемонстрировано, что в ситуации нарушенных ожиданий, когда ситуация

оказывается не такой, как ожидалось, первоначальные цели человека замещаются целями самозащиты [12]. В целом, в ситуациях угрозы (целям, планам, благополучию человека и т.д.) возникают регрессивные формы поведения как возвращения к более простым формам реагирования, к более простым формам целостности, к «защите» целостности за счет уменьшения дифференцированности.

При этом, какой бы уровень или контекст проявления целостности мы не рассматривали, она все равно сохраняет все свойства своей природы. О какой бы форме проявления идентичности — личностной или социальной — ни шла речь, она все равно остается идентичностью со всеми присущими ей атрибутивными свойствами, обретая, однако, контекстуальную специфичность.

Целостность и идентичность как интегральные характеристики личности в рамках конкретного контекста, преодолевая сложность и неопределенность конкретной ситуации, работают на «определение себя» в этой ситуации, «собираение» и «стяжение» себя. Как показывает анализ современной зарубежной и отечественной литературы, посвященной теме целостности, понятием, которое наиболее часто используется при определении и описании целостности, является понятие согласованности. Согласованность рассматривается как степень, в которой отдельные психологические составляющие (подсистемы личности, психические процессы, механизмы и т.д.) во взаимодействии обеспечивают успешное функционирование личности; при этом речь может идти о соответствии черт личности и поведения, интеграции целей личности, нарративной согласованности как связности повествования и т.д.

Согласованность, лежащая в основе целостности, обеспечивается на разных

уровнях жизнедеятельности человека. Даже привычная деятельность, отдельные действия или акты поведения включают задачу, условия (объективные) ее реализации, компетенции человека (знания, умения, навыки) и его мотивацию. Реализация деятельности требует согласования всех этих компонентов, их интеграции, что обеспечивается доступными человеку процессами саморегуляции. Если в качестве задач выступают жизненные цели, жизненные планы, для их реализации также необходимы определенные условия, возможности или ограничения актуальной жизненной ситуации; в качестве личностных факторов (компетенций) выступают компоненты личностного потенциала (в том числе потенциала самоизменений); мотивация, соответственно, имеет более сложный характер, связанный не только с конкретной ситуацией, но и в целом с более широкой мотивацией (например, мотивацией достижения). Именно на этом уровне наиболее очевидным образом проявляются рассогласования — между жизненными целями и жизненными стратегиями, реальным Я и идеальным Я, жизненными целями и возможностями личности и т.д. — в виде переживаемых конфликтов и кризисов. Сложность этих составляющих и их взаимодействия требует и более сложных механизмов интеграции, в качестве которых выступают процессы самодетерминации.

Результатом согласованности является «единство действия» (как в относительно простых, так и в сложных формах активности), повторяющиеся формы которого становятся основой формирования устойчивых стилевых особенностей поведения — индивидуального стиля деятельности и жизненного стиля. Индивидуальный стиль деятельности и жизненный стиль являются интеграци-

онными характеристиками, отражающими целостность личности на поведенческом уровне.

Таким образом, целостность личности, относящаяся к ее фундаментальным характеристикам, проявляется в различных интегративных феноменах, которые отражают природу целостности как соединения, согласования, «собираания» себя, выполняющего функцию поддержания устойчивости личности и одновременной эффективности ее деятельности в результате обеспечения «единства действия».

На «горизонтальном» контуре активности (определенным ее ситуационным или жизненным контекстом) это единство обеспечивается взаимодополнительностью различных составляющих активности, которая, однако, не является механическим их соединением, а «работает» по принципу ансамбля, отвечая принципу целого, не сводимого к совокупности его частей, но рождающего новое качество.

Разные контексты жизнедеятельности человека — ситуационный, описываемый привычной повседневной деятельностью, жизненный, включающий более масштабную жизненную ситуацию и пространство жизни человека, бытийный (экзистенциальный) контекст включения человека в базовые, фундаментальные основы его существования — взаимосвязаны и соединены «вертикальными» контурами регуляции активности человека. Здесь интеграция, целостность личности обеспечивается не взаимодополнительностью частей, но единым «управляющим» центром, объединяющим и подчиняющим себе все виды активности.

В проведенном нами исследовании целевой регуляции поведения человека показано, что в ситуационном контексте повседневной активности цели человека предстают как решаемые им задачи, в

жизненном контексте — как собственно цели, жизненные планы, соотносимые с видением своего будущего. Наконец, в бытийном контексте цели человека обретают характер смыслов, являющихся «высшим» звеном, управляющим активностью человека [6]. Осмысленность жизни при этом обеспечивается согласованностью жизненной активности разных уровней. В проведенном под нашим руководством исследовании М.В. Виклейн было показано, что именно согласованность ближних и дальних целей человека, управляющих повседневной активностью человека, рождает чувство осмысленности жизни [5].

Идентичность как форма проявления целостности также проявляет себя в разных видах деятельности, сферах жизни и контекстах существования, но если исходить из «вершинных» уровней как определяющих, то в этом качестве выступает экзистенциальная идентичность, которая является высшей (и наиболее общей) ее формой, представляющей собой осознание себя и своего существования в контексте бытия, собственной причастности к бытию.

Заключение

Современная психология личности проявляет все больший интерес к интегративным феноменам, позволяющим увидеть личность в ее целостности, отражающей ее подлинную природу. К наиболее фундаментальным свойствам личности относятся ее характеристики, вытекающие из системной природы личности, а именно — процессы изменчивости и стабилизации личности, совокупное и сопряженное действие которых обеспечивает устойчивость и целостность личности.

Целостность личности проявляет себя в различной феноменологии личности, име-

ющей интегративную природу, ведущее место в которой занимает феномен идентичности. И целостность, и идентичность личности являются «ответом» на дифференциацию личности, способом ее «собирания» и «стяжения» (по выражению Карсавина); близость этих феноменов позволяет их концептуальное объединение.

Наибольшая трудность в исследовании интегративных феноменов, как известно, связана с поиском способов их описания, «единиц», которые (в противовес их дроблению на составные части) в парциальной форме отражали бы в себе все свойства целого.

В качестве оснований поиска таких единиц мы предлагаем рассматривать контекстуальный принцип проявления личностной феноменологии. Личностная феноменология возникает и проявляется в определенных контекстах жизненной

активности человека, в рамках которых она и должна описываться; свойства личности более «высокого порядка» не могут быть объяснены характеристиками низшего уровня⁵.

Интегральные свойства личности — такие как целостность и идентичность — имеют «сквозной» характер, проявляясь на всех уровнях ее существования, во всех контекстах ее жизнедеятельности.

Исследовательская задача, соответственно, состоит в описании того, как «частные» формы целостности и идентичности объединяются в свои «высшие» формы. Именно целостность, идентичность личности «высшего порядка» создают то чувство гармонии собственной жизни, чувство своего созвучия с жизнью, чувство «своего пути», которое мы называем подлинностью или аутентичностью.

Литература

1. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 6(20). С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 19.09.2024).
2. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2006. 512 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 182 с.
4. Белинская Е.П., Рикель А.М. Идентичность поколений: социально-психологический подход и опыт эмпирического исследования // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19. № 3. С. 31–45. DOI:10.11621/npj.2024.0303
5. Виклейн М.В., Гришина Н.В. Смысловая функция целеполагания в повседневной активности // Новые психологические исследования. 2024. № 2. С. 60–81. DOI:10.51217/prsyresearch_2024_04_02_03
6. Гришина Н.В. Целевая регуляция поведения человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 3. С. 310–323. DOI:10.21638/spbu16.2023.302
7. Гришина Н.В., Костромина С.Н., Мироненко И.А. Структура проблемного поля психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 26–35. DOI:10.7868/S0205959217010032
8. Зинченко В.П. Время — действующее лицо // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 36–54.
9. Карсавин Л.П. О личности / Религиозно-философские сочинения / Вступ. ст. С.С. Хоружего. Т. 1. М.: Renaissance, 1992. 324 с.

⁵ В частности, в соответствии с законами димензиональной онтологии В. Франкла [16, с. 49–50].

10. Левин К. Динамическая психология: избранные труды. М.: Смысл, 2001. 572 с.
11. Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека. М.: Когито-Центр, 2002. 527 с.
12. Мамаева-Найлз В.Д. Изменение саморепрезентации личности в условиях неконгруэнтности целей и ситуационных возможностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 3. С. 375–395. DOI:10.21638/spbu16.2023.306
13. Мэй Р. Любовь и воля. М.: «Рефл-бук»; К.: «Ваклер», 1997. 376 с.
14. Нурманбетова Д.Н. Архитектоника человеческой идентичности // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 39–50.
15. Олпорт Г. Становление личности. М.: Смысл, 2002. 461 с.
16. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
17. Identity. An International Journal of Theory and Research. URL: <http://identityisri-org/identity-journal> (дата обращения: 14.09.2024).
18. Identity. An International Journal of Theory and Research. Special Issue. Real-time processes: Theories and methods, 2021. URL: <http://identityisri-org/identity-journal> (дата обращения: 14.09.2024).
19. Identity. An International Journal of Theory and Research. Special Issue. Real-time processes: Empirical applications, 2022. URL: <http://identityisri.org/identity-journal> (дата обращения: 14.09.2024).
20. Sosnowska J. et al. New directions in the conceptualization and assessment of personality — A dynamic systems approach // European Journal of Personality. 2020. Vol. 34. № 6. P. 988–998.

References

1. Andreyeva G.M. K voprosu o krizise identichnosti v usloviyakh sotsial'noy transformatsii [Elektronnyy resurs] [On the issue of identity crisis in the context of social transformations]. *Psikhologicheskkiye issledovaniya: elektron. nauch. zhurn. = Psychological research: electronic scientific journal*, 2011, no. 6(20), pp. 1. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 19.09.2024). (In Russ.).
2. Antsyferova L.I. Razvitiye lichnosti i problemy gerontopsikhologii. [Personality development and problems of gerontopsychology]. Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN», 2006. 512 p. (In Russ.).
3. Bauman Z. Individualizirovannoye obshchestvo [Individualized society]. Moscow: Logos, 2002. 182 p. (In Russ.).
4. Belinskaya Ye.P., Rikel' A.M. Identichnost' pokoleniy: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod i opyt empiricheskogo issledovaniya [Identity of generations: socio-psychological approach and experience of empirical research]. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal = National psychological journal*, 2024. Vol. 19, no. 3, pp. 31–45. DOI:10.11621/npj.2024.0303 (In Russ.).
5. Vikleyn M.V., Grishina N.V. Smyslovaya funktsiya tselepolaganiya v povsednevnoy aktivnosti [The semantic function of goal setting in everyday activity]. *Novyye psikhologicheskkiye issledovaniya = New psychological research*, 2024, no. 2, pp. 60–81. DOI:10.51217/npsyresearch_2024_04_02_03 (In Russ.).
6. Grishina N.V. Tselevaya regulyatsiya povedeniya cheloveka [Target regulation of human behavior]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Vestnik of St. Petersburg University. Psychology*, 2023. Vol. 13. Vyp. 3, pp. 310–323. DOI:10.21638/spbu16.2023.302 (In Russ.).
7. Grishina N.V., Kostromina S.N., Mironenko I.A. Struktura problemnogo polya psikhologii lichnosti [The structure of the problem field of personality psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2018. Vol. 39, no. 1, pp. 26–35. DOI:10.7868/S0205959217010032
8. Zinchenko V.P. Vremya — deystvuyushcheye litso [Time is an actor]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 2001, no. 6, pp. 36–54.
9. Karsavin L.P. O lichnosti [About personality]. *Religiozno-filosofskkiye sochineniya. Vstup. stat. S.S. Khoruzhego [Religious and philosophical works. Introd. art. by S.S. Khoruzny]*. Moscow: Renaissance, 1992. 324 p. (In Russ.).

10. Lewin K. Dinamicheskaya psikhologiya: izbrannyye trudy [Dynamic psychology: selected works]. Moscow: Smysl, 2001. 572 p. (In Russ.).
11. Luriya A.R. Priroda chelovecheskikh konfliktov: Ob'yektivnoye izucheniye dezorganizatsii povedeniya cheloveka [The nature of human conflicts: An objective study of disorganization of human behavior]. Moscow: Cogito-Centre, 2002. 527 p. (In Russ.).
12. Mamayeva-Naylz V.D. Izmeneniye samoreprezentatsii lichnosti v usloviyakh nekongruentnosti tselei i situatsionnykh vozmozhnostey [Changes in a person's self-representation in conditions of incongruent goals and situational opportunities]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Vestnik of St. Petersburg University. Psychology*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 375–395. DOI:10.21638/spbu16.2023.306
13. May R. Lyubov' i volya [Love and will]. Moscow: "Refl-book"; K.: "Vakler", 1997. 376 p. (In Russ.).
14. Nurmanbetova D.N. Arkhitektonika chelovecheskoy identichnosti [Architectonics of human identity]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2016, no. 5, pp. 39–50. (In Russ.).
15. Allport G. Stanovleniye lichnosti [Formation of personality]. Moscow: Smysl, 2002. 461 p.
16. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man in search of meaning]. Moscow: Progress, 1990. 368 p. (In Russ.).
17. Identity. An International Journal of Theory and Research. URL: <http://identityisri.org/identity-journal> (Accessed 14.09.2024).
18. Identity. An International Journal of Theory and Research. Special Issue. Real-time processes: Theories and methods, 2021. URL: <http://identityisri.org/identity-journal> (Accessed 14.09.2024).
19. Identity. An International Journal of Theory and Research. Special Issue. Real-time processes: Empirical applications, 2022. URL: <http://identityisri.org/identity-journal> (Accessed 14.09.2024).
20. Sosnowska J. et al. New directions in the conceptualization and assessment of personality – A dynamic systems approach. *European Journal of Personality*, 2020. Vol. 34, no. 6, pp. 988–998.

Информация об авторах

Гришина Наталья Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6763-7389>, e-mail: n.v.grishina@spbu.ru

Information about the authors

Natalia V. Grishina, Doctor of Psychology, Professor, Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6763-7389>, e-mail: n.v.grishina@spbu.ru

Получена 04.10.2024

Received 04.10.2024

Принята в печать 14.12.2024

Accepted 14.12.2024

Эффект Поллианны: роль механизмов защиты позитивной личностной и групповой идентичности

Нестик Т.А.

**ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН ИП РАН), г. Москва; ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ФГАОУ ВО КФУ), г. Казань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru**

Цель исследования. Анализ социально-психологических механизмов, поддерживающих эффект лингвистической позитивности и ее динамику в условиях кризиса.

Контекст и актуальность. В условиях нарастания трудноконтролируемых климатических, военных, экономических и технологических угроз все более значимыми становятся исследования, направленные на выявление психологических механизмов, лежащих в основе готовности личности и группы позитивно оценивать себя, свою группу и мир в целом. Одним из результатов работы таких механизмов является эффект Поллианны — склонность людей отдавать предпочтение позитивной информации, проявляющаяся в оценках настоящего, воспоминаниях о прошлом и ожиданиях в отношении будущего, а также отражающаяся в преобладании позитивной лексики над негативной в словарном составе языка.

Основные выводы. Выделены индивидуальные, межличностные и групповые социально-психологические механизмы эффекта лингвистической позитивности, среди которых последние изучены значительно меньше остальных. На индивидуальном уровне эффект Поллианны поддерживается за счет закономерностей восприятия позитивной и негативной информации, эмоциональной контррегуляции, механизмов совладания и позитивных иллюзий, защищающих позитивную идентичность личности. На межличностном уровне такими механизмами являются совместные позитивные переживания, межличностная аттракция и доверие. На групповом уровне — групповая идентификация, позитивные групповые эмоции и механизмы, поддерживающие позитивную оценку своей группы: ингрупповой фаворитизм, перцептивные защиты, конструирование коллективной памяти и коллективного образа будущего. Обосновано предположение о том, что вклад групповой идентичности в обеспечение эффекта Поллианны возрастает в условиях кризисов, сопряженных с переживанием трудноконтролируемой угрозы и коллективной травмой. Намечены перспективные направления социально-психологических исследований в данной области.

Ключевые слова: эффект Поллианны; лингвистическая позитивность; позитивное искажение; позитивный сдвиг; кризис; военные конфликты; психологическое благополучие.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-18-00570, <https://rscf.ru/project/24-18-00570/>.

Для цитаты: Нестик Т.А. Эффект Поллианны: роль механизмов защиты позитивной личностной и групповой идентичности // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150403>

The Pollyanna Effect: The Role of Positive Personal and Group Identity Defense Mechanisms

Timofei A. Nestik

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow;

Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru

Objective. *To study the socio-psychological mechanisms supporting the effect of linguistic positivity and its dynamics in crisis conditions.*

Background. *In the context of increasing hard-to-control climatic, military, economic and technological threats, research aimed at identifying the psychological mechanisms underlying the willingness of individuals and groups to positively evaluate themselves, their group and the world is becoming increasingly important. One of the results of such mechanisms is the Pollyanna effect — the tendency of people to give preference to positive information, manifested in assessments of the present, memories of the past and expectations about the future, and reflected in the prevalence of positive words over negative in the vocabulary of the language.*

Conclusions. *Individual, interpersonal and group socio-psychological mechanisms of the linguistic positivity effect have been identified, among which the former are much better studied than the others. At the individual level, the Pollyanna effect is supported by patterns of perception of positive and negative information, emotion counter-regulation, coping mechanisms, and positive illusions that protect the positive identity of the individual. At the interpersonal level, these mechanisms are shared positive experiences, interpersonal attraction, and trust. At the group level — group identification, positive group emotions and mechanisms supporting positive evaluation of one's group: ingroup favoritism, perceptual references, construction of collective memory and collective image of the future. The assumption that the contribution of group identity to the Pollyanna effect increases in crises associated with the experience of hard-to-control threat and collective trauma is stated. Promising directions of socio-psychological research in this area are outlined. The results of our empirical research indicate that group identity participates in the processes of emotional self-regulation and mobilization of psychological resources when experiencing an uncontrollable threat, reducing the level of individual and collective anxiety. Promising directions of socio-psychological research in this area are outlined.*

Keywords: *Pollyanna effect; linguistic positivity; positive bias; positive offset; crisis; military conflicts; psychological well-being.*

Funding. *The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 24-18-00570; <https://rscf.ru/project/24-18-00570/>.*

For citation: Nestik T.A. The Pollyanna Effect: The Role of Positive Personal and Group Identity Defense Mechanisms. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150403> (In Russ.).

Введение

В периоды человеческой истории, когда личность и общество переживают трудноконтролируемую угрозу, растет не только уровень тревоги и депрессии, но и выраженность механизмов, поддерживающих индивидуальную и групповую жизнеспособность.

Одним из результатов работы таких механизмов является эффект Поллианны, или лингвистическая позитивность, проявляющийся в том, что люди предпочитают позитивную лексику негативной, а в более широком смысле — склонность отдавать предпочтение позитивной информации, проявляющаяся в оценках

настоящего, воспоминаниях о прошлом и ожиданиях в отношении будущего [11; 14; 17; 27; 33; 36; 56; 57; 71]. Для обозначения этого явления Дж. Бучер и Ч. Осгуд воспользовались именем героини романа американской писательницы Э. Портер, опубликованного в 1913 году. «Так даже лучше!» — не уставала повторять в трудных ситуациях жизнерадостная 11-летняя девочка Поллианна.

В социально-психологических исследованиях эта закономерность описывается как «позитивный сдвиг», «позитивное искажение» или «позитивно-негативная асимметрия» [26; 35; 37; 49]. Эффект лингвистической позитивности обнаружен не только в письменных текстах, но и в речи участников экспериментов, причем ему оказались более подверженными женщины и участники исследования с более выраженной экстраверсией [8]. Данный эффект проявляется при обсуждении трагических ситуаций, в частности при обсуждении врачами случаев смерти пациента [86].

Рост числа исследований динамики психологического состояния общества с опорой на анализ текстов открывает новые возможности для количественной исторической психологии, социальной психиатрии, психологии больших социальных групп и межгрупповых отношений. Тем важнее становится прояснение социально-психологических механизмов, лежащих в основе самого феномена лингвистической позитивности и его динамики.

Механизмы восприятия позитивной и негативной информации

Психофизиологические эксперименты свидетельствуют о том, что при низком уровне эмоционального возбуждения испытуемые быстрее реагируют на позитивную, а не на негативную информацию [16; 43]. И напротив, при вы-

соком эмоциональном возбуждении мы быстрее реагируем на негативные стимулы и дольше удерживаем на них внимание — эффект «предпочтения негативной информации», который может быть связан с ориентацией на распознавание потенциальной угрозы [10; 29]. Анализ эмоционально окрашенной лексики показывает, что позитивные слова более часто используются, но зато негативные состояния описываются более дифференцированно, так как относительно более редкие негативные события требуют более широкого репертуара реакций и обладают большей значимостью для обучения на своем и чужом опыте [66].

Результаты многочисленных исследований позволяют сделать вывод о взаимодополнительности эффектов позитивного сдвига и чувствительности к негативной информации, которую можно описать как соотношение «фона» и «фигуры»: позитивная оценка реальности служит основанием для сравнения, облегчающим выявление отклонений от нормы и мобилизацию когнитивных ресурсов для анализа информации об опасности [35]. Это подтверждается и лингвистическими данными о разнообразии лексики и частоте ее употребления как разных измерениях эмоционального опыта. Так, например, в словарном составе английского языка преобладает позитивная эмоциональная лексика, характеризующаяся низкой интенсивностью эмоций, но при росте интенсивности аффекта носители языка чаще используют слова с негативным значением [80].

Но при длительном переживании угрозы «фигура» и «фон» могут меняться местами: внимание неосознанно смещается на позитивные стимулы [65]. Этот эффект, получивший название эмоциональной контррегуляции, может проявляться в смещении внимания с не-

гативных новостей на позитивные, в том числе в поисковых запросах [1; 31]. Этот механизм может лежать в основе эффектов, обнаруженных в корпусных исследованиях: так, рост пессимизма и руминации по поводу негативных событий в текстах песен предшествует экономическим спадам [89], но во время длительного экономического кризиса и пандемии прослушивание песен с позитивной тональностью возрастает [62].

Возможные эволюционные предпосылки эффекта Поллианны

По-видимому, позитивный сдвиг может иметь эволюционное происхождение, так как дает определенные преимущества для выживания. Выдвинуто предположение о том, что «позитивное искажение» выработано как адаптационный механизм в ходе эволюции и могло сформироваться еще в период палеолита, так как позитивное настроение и оптимизм облегчали поиск креативных решений в трудных ситуациях, повышали продолжительность жизни, облегчали поиск пищи, выстраивание близких отношений, репродуктивное поведение и воспитание детей [26]. Оптимизм в отношении будущего может рассматриваться как сформировавшееся в ходе эволюции мотивационное искажение, связанное с тем, что мы стремимся к позитивным целям чаще, чем к негативным [45]. Позитивные эмоции повышают креативность и расширяют репертуар поведенческих стратегий при столкновении с новым [28], что можно рассматривать как один из эволюционно выработанных механизмов преадаптации. В странах с более высоким уровнем позитивных эмоций и психологического благополучия выше разнообразие поисковых запросов и готовность интернет-пользователей расширять свой кругозор [88].

Склонность обращать больше внимания на позитивные стимулы (слова, изображения, сообщения), чем на негативные, усиливается с возрастом и может быть связана с ростом значимости долгосрочных отношений и социоземotionalных целей, что также может иметь эволюционное значение: присутствие дедушек и бабушек в семье повышает выживаемость потомства у людей и некоторых других млекопитающих [64].

Как отмечают некоторые лингвисты, смысл эффекта Поллианны состоит не столько в том, что людям свойственно быть оптимистами, сколько в том, что мы считаем хорошее нормой, а не отклонением [5]. Одним из первых лингвистическую позитивность пытался объяснить Р. Зайонц, выдвинувший гипотезу о том, что она закрепляется через взаимовлияние часто используемой лексики и социальных установок. Слова, описывающие позитивные, желательные или предпочтительные аспекты реальности, употребляются чаще, а само повторение такой лексики в коммуникативных актах, в свою очередь, усиливает ориентацию на соответствующее социально желательное поведение, подкрепляя таким образом групповые нормы [84]. По существу, это объяснение опирается на сформулированную еще в XIX веке и получившую развитие в работах Г. Олпорта, Г. Одберта и Р. Кеттелла лексическую гипотезу: в языке закрепляются значимые и желательные для общества характеристики поведения, которые можно рассматривать как основу для построения классификаций личностных черт.

Это может быть одним из объяснений феномена, обнаруженного в исследованиях на основе пятифакторной модели личностных черт с привлечением больших выборок испытуемых: личностные характеристики образуют общий фак-

тор социальности, обладающий высокой кросс-культурной стабильностью, который можно интерпретировать как положительные черты, обеспечивающие социальную успешность и проявляющиеся в переживании позитивных эмоций, удовлетворенности жизнью и высокой самооценке [21; 75]. С точки зрения эволюционной психологии эта характеристика может рассматриваться как ориентация на медленную стратегию жизни, при которой выживание обеспечивается инвестициями в долгосрочные отношения и воспитание потомства, в противоположность быстрой стратегии, предполагающей короткую жизнь, полную риска, и большое число потомков [21]. Положительная оценка эволюционно значимых и желательных для общества особенностей поведения закрепляется в языковой картине мира.

Позитивный сдвиг и личностная идентичность

Эффект Поллианны поддерживается механизмами защиты позитивной идентичности личности, которая является условием психологического благополучия. Информация, угрожающая нашей идентичности, недооценивается и отвергается [49; 55; 75]. Позитивное представление о мире поддерживается позитивной самооценкой и позитивным сдвигом в восприятии себя: мы склонны позитивно реагировать на свое лицо и свое имя, а также с большей легкостью приписываем себе позитивные черты, чем негативные [49; 79; 87], склонны демонстрировать и признавать у себя позитивные эмоции, чем негативные [25; 26; 37], а также позитивно оценивать свое будущее [47].

В автобиографической памяти позитивные события теснее связаны с идентичностью личности, чем негативные [85]. Показано также, что моменты, свя-

занные с негативными эмоциями, быстрее блекнут в памяти, чем позитивные события, а сами негативные события со временем чаще переосмысливаются как позитивные [78], поддерживая таким образом совладание с критическими ситуациями и психологическое благополучие. Причем этот эффект наблюдается не только на индивидуальном уровне, но и на уровне межличностном [46], а также на уровне группы и в межгрупповых отношениях [13].

Позитивное восприятие себя облегчает конструктивное совладание с трудностями, поддерживая стратегию движения навстречу, а не ухода [18]. В условиях неопределенности мы более склонны к так называемым «позитивным иллюзиям»: сверхоптимизму, преувеличению своей способности влиять на ситуацию, переоценке своих деловых качеств [73]. Такие иллюзии защищают позитивную идентичность личности и облегчают конструктивные действия, направленные на решение проблемы.

Я-концепция является динамической когнитивной структурой, регулирующей эмоциональные переживания [55]. Поддерживаемые позитивной личностной идентичностью эмоции, такие как радость, интерес, удовлетворение, гордость и любовь, расширяют репертуар стратегий поведения, облегчают адаптацию к новому, а также способствуют формированию психологических ресурсов личности и сохранению аутентичности [28]. Совместное переживание таких эмоций облегчает формирование чувства «Мы», повышает межличностную аттракцию, уровень доверия и просоциальные установки [90]. Испытывая позитивные эмоции, люди более склонны к сотрудничеству, поиску взаимовыгодных решений [20], а также к проявлению альтруизма [69]. В качестве одного из примеров про-

явления стремления к сотрудничеству может рассматриваться рост позитивности научных текстов, причем наличие позитивной лексики в научных статьях слабо, но статистически значимо коррелирует с их цитируемостью [52].

Позитивный сдвиг и групповая идентичность в условиях кризиса

В целом, социально-психологическая интерпретация эффекта лингвистической позитивности сводится к тому, что он облегчает завязывание социальных связей и внутригрупповое взаимодействие [8; 29; 80; 86]. Иными словами, в фокусе внимания лингвистов и социальных психологов остается межличностный контекст лингвистической позитивности, тогда как групповые и межгрупповые ее механизмы остаются значительно менее изученными.

Между тем можно предположить, что этот эффект тесно связан с групповой идентификацией и механизмами, поддерживающими позитивную оценку своей группы: ингрупповым фаворитизмом, позитивными автостереотипами, перцептивными защитами, конструированием коллективной памяти и коллективного образа будущего. Эти социокогнитивные механизмы влияют на оценку последствий тех или иных событий для своей группы, поддерживая позитивные групповые эмоции и коллективные переживания [9; 45; 53].

Можно выделить два пути влияния групповой идентичности на лингвистическую позитивность: во-первых, позитивная групповая идентичность повышает использование позитивной лексики для описания прошлого, настоящего и будущего своей группы; во-вторых, она может повышать психологическое благополучие членов группы за счет воспринимаемой социальной поддержки,

повышения субъективного контроля и самооценки [82], делая тем самым более вероятным использование позитивной лексики. Так, например, более частое использование местоимений первого лица множественного числа («Мы») положительно связано с показателями психологического здоровья [41].

Поиск смысла при выстраивании образа мира, а также позитивное переосмысление негативного опыта могут быть основными причинами разнообразия позитивной лексики [80]. При переживании неконтролируемой угрозы в периоды эпидемий, военных конфликтов и экономических кризисов совладание через активные действия или мысленный уход оказываются менее эффективными, чем перцептивные, мировоззренческие защиты, основанные на социальной категоризации и самоидентификации [6; 40]. Такие механизмы поддерживают веру в осмысленность и доброжелательность мира, возвращают чувство контроля и защищают от фрустрирующего социального сравнения. К ним можно отнести религиозность [34], базовые убеждения личности [39], веру в справедливость мира [24; 32], оправдание социальной системы [76]. Схожие функции выполняет группа социальных аксиом, выявленная на основе кросс-культурных исследований М. Бондом и К. Леунгом и получившая название динамической экстернативности — вера в способность человека преодолеть силу обстоятельств [48]. Такие представления облегчают совладание с трудностями через их позитивное переосмысление, отражающееся в языковом поведении, что в конечном счете влияет на разнообразие и частоту использования положительно окрашенных слов.

В ряде исследований высказывается предположение о том, что снижение позитивности текстов в экономически раз-

витых странах на протяжении последних двух веков, по-видимому, отражающее снижение психологического благополучия общества, может быть связано с ростом индивидуализма, ослаблением сплоченности, значимости идентификации с группой и следования ее нормам [30; 31; 36; 42]. Показано, что рост «мягкости» американской культуры в последние 200 лет сопровождается ростом креативности, но имеет свою цену — «падение нравов», например, рост числа подростковых аборт [38]. Анализ лексических маркеров моральных оснований в текстах бывшей Британской империи (Великобритания, США, Канада, Новая Зеландия и Австралия) с 1800 по 1999 годы с помощью Google Ngram Viewer свидетельствует о наличии фактора высшего порядка «Asabiyyah» (социальная сплоченность и наличие коллективной цели). При этом рост индивидуализирующих моральных оснований и снижение связывающих моральных оснований авторы объясняют снижением межгрупповой конкуренции и растущей стабильностью условий жизни [81].

Вклад групповой идентичности в поддержку психологического благополучия и оптимизма возрастает при переживании трудноконтролируемой угрозы. В тех случаях, когда такая угроза носит макросоциальный характер, психологическое благополучие поддерживается через идентификацию с большими социальными группами, в том числе за счет усиления гражданской идентичности. Так, роль идентификации со страной возрастает в экономически неблагоприятные периоды: анализ текстов показывает, что частота употребления словосочетания «счастливая нация» возросла в периоды с низкими доходами американского населения, тогда как выражение «счастливый человек» — в

периоды с высокими доходами [60]. Частота лексических маркеров групповой идентичности существенно возрастает в периоды военных конфликтов. Анализ текстов электронных СМИ показывает, что в мирных странах наиболее часто используются слова, связанные с повседневной деятельностью: «время», «нравится», «игра», «играть», «хорошо», «команда», тогда как в странах, переживающих военные конфликты, чаще всего используются слова, поддерживающие гражданскую идентичность: «государство», «правительство», «страна», «суд», «общий», «закон» [51]. Использование местоимения «Мы» существенно возросло в англоязычных и арабоязычных блогах в периоды интенсивных военных действий в Ираке [54]. В русскоязычных текстах корпуса Google Ngrams с 1901 по 2009 г. наибольшая интенсивность использования слов, связанных с принадлежностью к группе (семья, группа, коллектив, общество, вместе и т.п.), приходится на 1942—1943 гг. [70]. Рост коллективной субъектности в 1941—1945 гг. отражается и в более частом употреблении слов с семантикой целеполагания [59]. Корпусные исследования также показывают, что не только во время непосредственного переживания угрозы существованию группы, но и после событий, сопряженных с коллективной травмой, возрастает частота использования местоимения первого лица множественного числа «Мы» [23; 61; 72].

Позитивное переосмысление в условиях кризисов поддерживается конструированием коллективной памяти и коллективного образа будущего. Гражданская идентичность облегчает символическое совладание с социальными изменениями, обеспечивая возможность сопоставления новых явлений с событиями коллективного прошлого. Одной из

форм совладания с кризисом является рост социального оптимизма — веры в благополучное будущее своей группы, обеспеченное совместными усилиями ее членов [2]. Нейробиологические исследования с использованием МРТ обнаружили связь индивидуального и социального оптимизма со структурами мозга, отвечающими за оценку своей и других групп, формирование аутистических стереотипов. Это дает основания предполагать, что позитивная оценка будущего своей группы может усиливаться аутистической дискриминацией [58]. Известно также, что чем сильнее групповая идентичность, чем более значимое место занимают социальные группы в Я-концепции личности, тем более позитивно оценивается их будущее [12]. Кроме того, есть эмпирические подтверждения того, что после переживания коллективной травмы позитивная оценка смещается с индивидуального будущего на будущее коллективное [74].

Проведенные нами ранее эмпирические исследования показывают, что гражданская идентичность не только повышает социальный оптимизм, но и поддерживает его стабильность в условиях кризиса. В период военного конфликта социальный оптимизм, тесно связанный с гражданской идентичностью, вносит более весомый вклад в экономические ожидания, чем уровень доходов и уверенность личности в своих силах. Более того, была обнаружена положительная связь между проактивностью личности и лояльностью к своей группе [2]. Полученные нами данные хорошо согласуются с результатами другого исследования, показавшего, что в условиях военного конфликта и санкций гражданская идентичность вносит как прямой вклад в психологическое здоровье, так и непрямым — через позитивное переосмысление

и религиозные практики [3]. По данным исследования с использованием корпуса Google Ngrams, в периоды военных конфликтов аффективная компонента индивидуальной самооценки остается стабильной, тогда как когнитивная компонента, то есть приписывание себе позитивных черт, признание собственной компетентности, снижается [87]. К сожалению, историческая динамика лингвистических маркеров позитивной оценки своей группы остается пока не изученной, несмотря на значительный прогресс в определении лексических признаков силы групповой идентификации в онлайн-сообществах [7]. Между тем можно предположить, что в периоды военных конфликтов снижение уверенности личности в собственных силах компенсируется ростом позитивной гражданской идентичности и социального оптимизма.

Заключение

В целом проведенный нами теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что эффект Поллианны является результатом выработанных в ходе эволюции индивидуальных, межличностных и групповых социально-психологических механизмов, поддерживающих позитивную оценку человеком себя, значимых других, своей группы и мира в целом. Накопленные к настоящему времени эмпирические данные позволяют выдвинуть предположение о том, что вклад групповых механизмов в эффект Поллианны возрастает в периоды общественных кризисов. Это проявляется в повышении выраженности позитивной групповой идентичности, росте ее влияния на психологическое благополучие личности за счет ее вклада в воспринимаемую социальную поддержку, позитивные коллективные переживания, позитивное переосмысление, перцептивные защиты,

символическое совладание и социальный оптимизм.

Автоматизированный анализ больших корпусов текстов открывает перед социальной психологией новые возможности для изучения больших волн, длительных макропсихологических изменений. Корпусные исследования позволяют изучать влияние крупных исторических событий на психологическое состояние общества и отдельных социальных групп. Появляется возможность сопоставления динамики психологического состояния общества с политическими, экономическими и культурными процессами. Расширяется эмпирическая база для кросс-культурных сопоставлений, а также для изучения глобальных психологических феноменов. Вместе с тем следует иметь в виду целый ряд ограничений, характерных для такого рода исследований: влияние политических факторов, в том числе цензуры и самоцензуры авторов; неизбежные искажения в полученных данных, связанные с неполнотой корпусов и трудностями разграничения текстов разных жанров, места написания и издания рукописей; наконец, временной лаг между событиями и их отражением в текстах.

Намечая перспективные направления исследований в данной области, хотелось бы отметить необходимость перехода от выделения лексических маркеров индивидуальных психологических состояний к поиску лингвистических индикаторов динамики групповых социально-психологических феноменов: коллективных переживаний, характеристик групповой идентичности и языковой картины мира крупных социальных групп. Развитие больших языковых моделей, таких как ChatGPT и его аналоги, открывает широкие возможности для психолингвистического анализа текстов, что может

повысить точность не только диагностики, но и прогнозирования динамики психологического состояния общества по лингвистическим маркерам [63; 77]. Перспективной и пока не решенной задачей является разработка методологии анализа влияния исторических событий на психологическое состояние общества с опорой на автоматизированный анализ креолизованных текстов и изображений: фотографий, картин, плакатов и т.п.

Корпусные исследования открывают возможность для эмпирического изучения долгосрочных макропсихологических последствий военных конфликтов за последние 200 лет в различных обществах. Для повышения эффективности психологической помощи людям, пережившим военный конфликт, важно уточнить механизмы, связывающие самооффективность и оптимизм с разными формами гражданской идентичности [30; 60]. Все более важной задачей становится изучение по лингвистическим маркерам динамики веры в опасный и конкурентный мир, образа врага, этоса конфликта, коллективного нарциссизма, дегуманизации и ксенофобии. Но еще важнее становятся исследования динамики конструктивного патриотизма, сопереживания, генерализованного доверия, надежды, коллективной самооффективности и социального оптимизма в постконфликтных обществах.

Необходимы кросс-культурные исследования, которые позволили бы выявить особенности динамики психологического благополучия в обществах с разными политическими системами, в том числе в условиях высокой и низкой самоцензуры. До сих пор остается неясным, каковы последствия подавления негативных эмоций при самоцензуре для психологического благополучия личности и группы. В этой связи информатив-

ным может оказаться сопоставление позитивности текстов официальных СМИ с «интимными» жанрами, такими как лирика и дневниковые записи. Можно предположить, что за позитивной оценкой мира, себя и своей группы в этих текстах стоят разные социально-психологические механизмы.

Необходимы дополнительные экспериментальные исследования, которые позволили бы пролить свет на соотношение индивидуальных и групповых механизмов лингвистической позитивности. Чрезвычайно перспективными в этой связи представляются также лонгитюд-

ные исследования динамики отношения к коллективному прошлому и будущему. В частности, мы все еще мало знаем, при каких условиях усиливается или слабеет асимметрия в оценке своего и коллективного будущего: склонность переоценивать индивидуальное будущее и недооценивать будущее коллективное [74]. Для прояснения вклада символического совладания в лингвистическую позитивность большую ценность представляют исследования динамики содержания коллективной памяти и образа коллективного будущего в индивидуалистических и коллективистических культурах.

Литература/References

1. Белинская Е.П., Столбова Е.А., Цикина Е.О. Динамика информационных поисковых запросов о COVID-19 на этапе самоизоляции // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 105–119. DOI:10.17759/sps.2020110408
Belinskaya E.P., Stolbova E.A., Tsikina E.O. The Dynamics of Information Search Queries about COVID-19 at the Self-Isolation Stage. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 105–119. DOI:10.17759/sps.2020110408 (In Russ.).
2. Нестик Т.А. Психологические механизмы экономического оптимизма в условиях кризиса // Проблемы прогнозирования. 2024. № 1(202). С. 23–34. DOI:10.47711/0868-6351-202-23-34
Nestik T.A. Psychological Mechanisms of Economic Optimism amid the Crisis. *Studies on Russian Economic Development*. 2024. Vol. 35, no. 1, pp. 13–20. (In Engl.).
3. Татарко А.Н. Гражданская идентичность и ментальное здоровье россиян: роль психологических стратегий совладания в условиях санкционной политики // Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей / отв. ред. Т.В. Дробышева, Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик, Н.Н. Хашченко, А.Е. Воробьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 408–502.
Tatarco A.N. Grazhdanskaya identichnost' i mental'noe zdorov'e rossiyan: rol' psikhologicheskikh strategii sovladaniya v usloviyakh sanktsionnoi politiki [Civic identity and mental health of Russians: the role of psychological strategies of coping under the conditions of economic sanctions]. In T.V. Drobysheva, T.P. Emel'yanova, T.A. Nestik, N.N. Khashchenko, A.E. Vorob'eva (eds.). *Aktual'nye problemy sovremennoi sotsial'noi psikhologii i ee otraslei [Actual problems of contemporary social psychology and its branches]*. Moscow: IP RAS, 2023, pp. 408–502. (In Russ.).
4. Abendroth J., Nauroth P., Richter T., Gollwitzer M. Non-strategic detection of identity-threatening information: Epistemic validation and identity defense may share a common cognitive basis. *PLoS one*, 2022. Vol. 17, no. 1, pp. e0261535. DOI:10.1371/journal.pone.0261535
5. Armstrong N., Hogg C. The Pollyanna Principle in French: A study of variable lexis. *Journal of Pragmatics*, 2002. Vol. 33, no. 11, pp. 1757–1785.
6. Arndt J., Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T., Simon L. Suppression, accessibility of death-related thoughts, and cultural worldview defence: Exploring the psychodynamics of terror management. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1997. Vol. 73, no. 1, pp. 5–18.

7. Ashokkumar A., Pennebaker J.W. Tracking group identity through natural language within groups. *PNAS nexus*, 2022. Vol. 1, no. 2, pp. pgac022. DOI:10.1093/pnasnexus/pgac022
8. Augustine A.A., Mehl M.R., Larsen R.J. A positivity bias in written and spoken English and its moderation by personality and gender. *Social Psychological and Personality Science*, 2011. Vol. 2, no. 5, pp. 508–515.
9. Barsade S.G., Gibson D.E. Group Affect: Its Influence on Individual and Group Outcomes. *Current Directions in Psychological Science*, 2012. Vol. 21, no. 2, pp. 119–123. DOI:10.1177/0963721412438352
10. Baumeister R.F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K.D. Bad is stronger than good. *Review of general psychology*, 2001. Vol. 5, no. 4, pp. 323–370. DOI:10.1037/1089-2680.5.4.323
11. Bentley R.A., Acerbi A., Ormerod P., Lampos V. Books average previous decade of economic misery. *PloS one*, 2014. Vol. 9, no. 1, pp. e83147. DOI:10.1371/journal.pone.0083147
12. Berntsen D., Rubin D.C. Collectives closer to the self are anticipated to have a brighter future: Self-enhancement in collective cognition. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2024. Vol. 153, no. 5, pp. 1226–1235. DOI:10.1037/xge0001550
13. Birtel M.D., Di Bernardo G.A., Vezzali L. Fading affect bias in intergroup relations: The role of intergroup contact in fading outgroup affect. *Social Psychology*, 2021. Vol. 52, no. 4, pp. 203–214.
14. Bochkarev V.V., Solovyev V.D., Nestik T.A., Shevlyakova A.V. Variations in average word valence of Russian books over a century and social change. *Investigations on applied mathematics and informatics. Part II–1, Zapiski Nauchnykh Seminarov POMI*, 2023. Vol. 529, pp. 24–42. URL: <http://ftp.pdmi.ras.ru/pub/publicat/zns/v529/p024.pdf> (Accessed 25.09.2024)
15. Bollen J., Ten Thij M., Breithaupt F., Barron A.T.J., Rutter L.A., Lorenzo-Luaces L., Scheffer M. Historical language records reveal a surge of cognitive distortions in recent decades. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2021. Vol. 118, no. 30, pp. e2102061118. DOI:10.1073/pnas.2102061118
16. Booy R.M., Carolan P.L. The role of selective attention in the positivity offset: Evidence from event related potentials. *PloS one*, 2021. Vol. 16, no. 11, pp. e0258640. DOI:10.1371/journal.pone.0258640
17. Boucher J., Osgood C.E. The Pollyanna hypothesis. *Journal of Verbal Learning & Verbal Behavior*, 1969. Vol. 8, no. 1, pp. 1–8. DOI:10.1016/S0022-5371(69)80002-2
18. Cacioppo J.T., Gardner W.L., Berntson G.G. The affect system has parallel and integrative processing components: Form follows function. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999. Vol. 76, no. 5, pp. 839–855. DOI:10.1037/0022-3514.76.5.839
19. Campbell-Sills L., Barlow D.H., Brown T.A., Hofmann S. G. Acceptability and suppression of negative emotion in anxiety and mood disorders. *Emotion*, 2006. Vol. 6, no. 4, pp. 587–595. DOI:10.1037/1528-3542.6.4.587
20. Carnevale P.J. Positive effect and decision frame in negotiation. *Group Decision and Negotiation*, 2007. Vol. 17, pp. 51–63.
21. Chua K.J., Lukaszewski A.W., Manson J.H. Do Early Life Experiences Predict Variation in the General Factor of Personality (GFP)? *Adaptive Human Behavior and Physiology*, 2021. Vol. 7, pp. 447–470.
22. Cichocka A. Understanding defensive and secure in-group positivity: The role of collective narcissism. *European Review of Social Psychology*, 2016. Vol. 27, no. 1, pp. 283–317. DOI:10.1080/10463283.2016.1252530
23. Cohn M.A., Mehl M.R., Pennebaker J.W. Linguistic markers of psychological change surrounding September 11, 2001. *Psychological Science*, 2004. Vol. 15, no. 10, pp. 687–693.
24. Dalbert C. Functions of the Belief in a Just World. *The Justice Motive as a Personal Resource. Critical Issues in Social Justice*. Springer, Boston, MA, 2001, pp. 73–127. DOI:10.1007/978-1-4757-3383-9_3
25. Diener E., Diener C. Most people are happy. *Psychological science*, 1996. Vol. 7, no. 3, pp. 181–185.

26. Diener E., Kanazawa S., Suh E.M., Oishi S. Why People Are in a Generally Good Mood. *Personality and social psychology review*, 2015. Vol. 19, no. 3, pp. 235–256. DOI:10.1177/1088868314544467
27. Dodds P.S., Clark E.M., Desu S., Frank, et al. Human language reveals a universal positivity bias. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2015. Vol. 112, no. 8, pp. 2389–2394. DOI:10.1073/pnas.1411678112
28. Fredrickson B.L. The role of positive emotions in positive psychology. The broaden-and-build theory of positive emotions. *The American psychologist*, 2001. Vol. 56, no. 3, pp. 218–226. DOI:10.1037/0003-066x.56.3.218
29. Garcia D., Garas A., Schweitzer F. Positive words carry less information than negative words. *EPJ Data Science*. 2012. 1:3. DOI:10.1140/epjds3
30. Greenfield P.M. The changing psychology of culture from 1800 through 2000. *Psychological Science*, 2013. Vol. 24, no. 9, pp. 1722–1731. DOI:10.1177/0956797613479387
31. Greving H., Sassenberg K. Threatened individuals prefer positive information during Internet search: An experimental laboratory study. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2018. Vol. 12, no. 1, Article 6. DOI:10.5817/CP2018-1-6
32. Hafer C.L., Busseri M.A., Rubel A.N. et al. A Latent Factor Approach to Belief in a Just World and its Association with Well-Being. *Social Justice Research*, 2020. Vol. 33, pp. 1–17. DOI:10.1007/s11211-019-00342-8
33. Hills T.T., Proto E., Sgroi D., Seresinhe C.I. Historical analysis of national subjective wellbeing using millions of digitized books. *Nature Human Behaviour*, 2019, no. 3, pp. 1271–1275. DOI: 10.1038/s41562-019-0750-z
34. Hoogeveen S., Wagenmakers E.J., Kay A.C., van Elk M. Compensatory control and religious beliefs: A registered replication report across two countries. *Comprehensive Results in Social Psychology*, 2018. Vol. 3, pp. 240–265.
35. Hoorens V. Positivity bias. In Michalos A.C. (Ed.). *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Springer, Dordrecht, Netherlands, 2014, pp. 4938–4941.
36. Iliev R., Hoover J., Dehghani M., Axelrod R. Linguistic positivity in historical texts reflects dynamic environmental and psychological factors. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2016. Vol. 113, no. 49. E7871–E7879. DOI:10.1073/pnas.1612058113
37. Ito T.A., Cacioppo J.T. Variations on a human universal: Individual differences in positivity offset and negativity bias. *Cognition and Emotion*, 2005. Vol. 19, no. 1, pp. 1–26. DOI:10.1080/02699930441000120
38. Jackson J.C., Gelfand M., De S., Fox A. The loosening of American culture over 200 years is associated with a creativity-order trade-off. *Nature human behaviour*, 2019. Vol. 3, no. 3, pp. 244–250. DOI:10.1038/s41562-018-0516-z
39. Janoff-Bulman R. *Shattered assumption: Towards a new psychology of trauma*. N.Y.: Free Press, 1992. 256 p.
40. Jonas E., McGregor I., Klackl J., Agroskin D., Fritsche I., Holbrook C., Nash K., Proulx T., Quirin M. Threat and defense: From anxiety to approach. *Advances in experimental social psychology*, 2014. Vol. 49, pp. 219–286.
41. Karan A., Rosenthal R., Robbins M.L. Meta-analytic evidence that we-talk predicts relationship and personal functioning in romantic couples. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2019. Vol. 36, no. 9, pp. 2624–2651. DOI:10.1177/0265407518795336
42. Kesebir P., Kesebir S. The cultural salience of moral character and virtue declined in twentieth century America. *The Journal of Positive Psychology*, 2012. Vol. 7, no. 6, pp. 471–480. DOI:10.1080/17439760.2012.715182
43. Kiehl K.A., Hare R.D., McDonald J.J., Brink J. Semantic and affective processing in psychopaths: An event-related potential (ERP) study. *Journal of Psychophysiology*, 1999. Vol. 36, no. 6, pp. 765–774.
44. Kunda Z. The case for motivated reasoning. *Psychological Bulletin*, 1990. Vol. 108, no. 3, pp. 480–498. DOI:10.1037/0033-2909.108.3.480

45. Kuppens T., Yzerbyt V.Y. Group-Based Emotions: The Impact of Social Identity on Appraisals, Emotions, and Behaviors. *Basic and Applied Social Psychology*, 2012. Vol. 34, no. 1, pp. 20–33. DOI:10.1080/01973533.2011.637474
46. Landau J.D., Gunter B.C. “Don’t worry; you really will get over it”: Methodological investigations of the fading affect bias. *The American Journal of Psychology*, 2009. Vol. 122, no. 2, pp. 209–217. DOI:10.2307/27784392
47. Lench H.C., Bench S.W. Automatic optimism: Why people assume their futures will be bright. *Social and Personality Psychology Compass*, 2012. Vol. 6, no. 4, pp. 347–360. DOI:10.1111/j.1751-9004.2012.00430.x
48. Leung K., Bond M.H., Reimel de Carrasquel S., Mu oz C., Hernandez M., Murakami F., Yamaguchi S., Bierbrauer G., Singelis T.M. Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2002. Vol. 33, no. 3, pp. 286–302. DOI:10.1177/0022022102033003005
49. Lewicka M., Czapinski J., Peeters G. Positive-negative asymmetry or “When the heart needs a reason”. *European Journal of Social Psychology*, 1992. Vol. 22, no. 5, pp. 425–434. DOI:10.1002/ejsp.2420220502
50. Li M., Watkins H.M., Hirschberger G., Kretchner M., Leidner B., Baumert A. National glorification and attachment differentially predict support for intergroup conflict resolution: Scrutinizing cross country generalizability. *European Journal of Social Psychology*, 2023. Vol. 53, pp. 29–42. DOI:10.1002/ejsp.2881
51. Liebovitch L.S., Powers W., Shi L., Chen-Carrel A., Loustaunau P., Coleman P.T. Word differences in news media of lower and higher peace countries revealed by natural language processing and machine learning. *PLoS one*, 2023. Vol. 18, no. 11, pp. e0292604. DOI:10.1371/journal.pone.0292604
52. Liu X., Zhu H. Linguistic positivity in soft and hard disciplines: temporal dynamics, disciplinary variation, and the relationship with research impact. *Scientometrics*, 2023. Vol. 128, no. 5, pp. 3107–3127. DOI:10.1007/s11192-023-04679-5
53. Mackie D.M., Smith E.R. Intergroup emotions theory: Production, regulation, and modification of group-based emotions. In J.M. Olson (Ed.). *Advances in experimental social psychology*. Elsevier Academic Press, 2018, pp. 1–69.
54. Mark G., Bagdouri M., Palen L., Martin J.H., Al-Ani B., Anderson K.M. Blogs as a collective war diary. *Proceedings of the ACM 2012 conference on Computer Supported Cooperative Work*, 2012, pp. 37–46. DOI:10.1145/2145204.2145215
55. Markus H., Wurf E. The dynamic self-concept: A social psychological perspective. *Annual review of psychology*, 1987. Vol. 38, pp. 299–337.
56. Matlin M.W., Stang D.J. The Pollyanna Principle: Selectivity in Language, Memory, and Thought. Cambridge, Mass.: Schenkman Publishing Co., 1978. 226 p.
57. Matlin M.W. Pollyanna Principle. In R.F. Pohl (Ed.). *Cognitive illusions: Intriguing phenomena in thinking, judgment and memory* (2nd ed.). Routledge/Taylor & Francis Group, 2017, pp. 315–335.
58. Moser D.A., Dricu M., Wiest R., Schpbach L., Aue T. Social optimism biases are associated with cortical thickness. *Social cognitive and affective neuroscience*, 2020. Vol. 15, no. 7, pp. 745–754. DOI:10.1093/scan/nsaa095
59. Nestik T., Bochkarev V., Levina V. Dynamics of the Long-Term Orientation in Russian Society Over the Past 100 years: Results of the Analysis of the Russian Subcorpus of Google Books Ngram. In Agarwal N., Kleiner G.B., Sakalauskas L. (eds.). *Modeling and Simulation of Social-Behavioral Phenomena in Creative Societies. MSBC 2022. Communications in Computer and Information Science*. Vol. 1717. Springer, Cham., 2023, pp. 126–136. DOI:10.1007/978-3-031-33728-4_9
60. Oishi S., Graham J., Kesebir S., Galinha I.C. Concepts of happiness across time and cultures. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2013. Vol. 39, no. 5, pp. 559–577.

61. Orvell A., Gelman S.A., Kross E. What “you” and “we” say about me: How small shifts in language reveal and empower fundamental shifts in perspective. *Social and Personality Psychology Compass*, 2022. Vol. 16, no. 5, e12665. DOI:10.1111/spc3.12665
62. Palomeque M., de-Lucio J. The Soundtrack of a Crisis: More Positive Music Preferences During Economic and Social Adversity. *Journal of Happiness Studies*, 2024. Vol. 25, Article 44, pp. 1–24. DOI:10.1007/s10902-024-00757-4
63. Rathje S., Mirea D.M., Sucholutsky I., Marjeh R., Robertson C.E., Van Bavel J.J. GPT is an effective tool for multilingual psychological text analysis. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2024. Vol. 121, no. 34, pp. e2308950121. DOI:10.1073/pnas.2308950121
64. Reed A.E., Carstensen L.L. The theory behind the age-related positivity effect. *Frontiers in Psychology*, 2012. Vol. 3, Article 339. DOI:10.3389/fpsyg.2012.00339
65. Rothermund K., Gast A., Wentura D. Incongruity effects in affective processing: automatic motivational counter-regulation or mismatch-induced salience? *Cognition & Emotion*, 2011. Vol. 25, no. 3, pp. 413–425. DOI:10.1080/02699931.2010.537075
66. Rozin P., Berman L., Royzman E. Biases in use of positive and negative words across twenty natural languages. *Cognition & Emotion*, 2010. Vol. 24, no. 3, pp. 536–548. DOI:10.1080/02699930902793462
67. Sch tz A., Baumeister R.F. Positive illusions and the happy mind. In M.D. Robinson, M. Eid (Eds.). *The happy mind: Cognitive contributions to well-being*. Springer International Publishing/Springer Nature, 2017, pp. 177–193. DOI:10.1007/978-3-319-58763-9_10
68. Seidlitz L., Diener E. Memory for positive versus negative life events: Theories for the differences between happy and unhappy persons. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1993. Vol. 64, no. 4, pp. 654–664. DOI:10.1037//0022-3514.64.4.654
69. Shin J., Choi H.W., Suh E.M., Koo J. Do happy teenagers become good citizens? Positive affect builds prosocial perspectives and behavior. *Korean Journal of Social and Personality Psychology*, 2013. Vol. 27, no. 3, pp. 1–21. DOI:10.21193/kjspp.2013.27.3.001
70. Skrebyte A., Garnett P., Kendal J.R. Temporal Relationships Between Individualism–Collectivism and the Economy in Soviet Russia: A Word Frequency Analysis Using the Google Ngram Corpus. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2016. Vol. 47, no. 9, pp. 1217–1235. DOI:10.1177/0022022116659540
71. Solovyev V.D., Ivleva A.I. The difference in positivity of the Russian and English lexicon: The big data approach. *Russian Journal of Linguistics*, 2024. Vol. 28, no. 2, pp. 266–293. DOI:10.22363/2687-0088-35624
72. Stone L.D., Pennebaker J.W. Trauma in real time: Talking and avoiding online conversations about the death of Princess Diana. *Basic and Applied Social Psychology*, 2002. Vol. 24, no. 3, pp. 173–183. DOI:10.1207/S15324834BASP2403_1
73. Taylor S.E., Brown J.D. Positive illusions and well-being revisited: Separating fact from fiction. *Psychological Bulletin*, 1994. Vol. 116, no. 1, pp. 21–27. DOI:10.1037/0033-2909.116.1.21
74. Top u M.N., Hirst W. When the personal and the collective intersects: Memory, future thinking, and perceived agency during the COVID-19 pandemic. *Journal of experimental psychology. General*, 2024. Vol. 153, no. 9, pp. 2258–2278. DOI:10.1037/xge0001624
75. van der Linden D., Dunkel C.S., Petrides K.V. The general factor of personality (GFP) as social effectiveness: Review of the literature. *Personality and Individual Differences*, 2016. Vol. 101, pp. 98–105. DOI:10.1016/j.paid.2016.05.020
76. Van der Toorn J., Feinberg M., Jost J.T., Kay A.C., Tyler T.R., Willer R., Wilmoth C. A sense of powerlessness fosters system justification: Implications for the legitimization of authority, hierarchy, and government. *Political Psychology*, 2015. Vol. 36, no. 1, pp. 93–110.
77. Varnum M.E.W., Baumard N., Atari M., Gray K. Large Language Models based on historical text could offer informative tools for behavioral science. *PNAS*, 2024. Vol. 121, no. 42, e2407639121. DOI:10.1073/pnas.2407639121

78. Walker W.R., Skowronski J.J. The Fading affect bias: But what the hell is it for? *Applied Cognitive Psychology*, 2009. Vol. 23, no. 8, pp. 1122–1136.
79. Wang N., Li J., Zeng M., Yang J. Positive-negative asymmetry in self-related processing: From the perspectives of cognition and emotion. *Journal of Individual Differences*, 2022. Vol. 43, no. 4, pp. 180–187. DOI:10.1027/1614-0001/a000369
80. Warriner A.B., Kuperman V. Affective biases in English are bi-dimensional. *Cognition & Emotion*, 2015. Vol. 29, no. 7, pp. 1147–1167. DOI:10.1080/02699931.2014.968098
81. Woodley of Menie M.A., Figueredo A.J., Pe aherrera-Aguirre M., Jurgenssen J., Sarraf M.A. Moral foundations tracked over 200 years of lexicographic data, and their predictors. *Anthropological Review*, 2022. Vol. 85, no. 2, pp. 79–102. DOI:10.18778/1898-6773.85.2.04
82. Yu G., Wang Q. The Relationship between Group Identity and Individual Mental Health: Regulating Variables and Mechanism. *Environment and Social Psychology*, 2022. Vol. 6, no. 1, pp. 45–57. DOI:10.18063/esp.v6.i1.1393
83. Zaff J.F., Hair E.C. Positive development of the self: Self-concept, self-esteem, and identity. In M.H. Bornstein, L. Davidson, C.L.M. Keyes, K.A. Moore (Eds.). *Well-being: Positive development across the life course*, Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2003, pp. 235–251.
84. Zajonc R.B. Attitudinal effects of mere exposure. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1968. Vol. 9, no. 2, Pt. 2, pp. 1–27. DOI:10.1037/h0025848
85. Zaragoza Scherman A., Salgado S., Shao Z., Berntsen D. Event centrality of positive and negative autobiographical memories to identity and life story across cultures. *Memory*, 2015. Vol. 23, no. 8, pp. 1152–1171. DOI:10.1080/09658211.2014.962997
86. Zhan J., Jin B. Does Pollyanna hypothesis hold true in death narratives? A sentiment analysis approach. *Acta Psychologica*, 2024. Vol. 245, pp. 104238. DOI:10.1016/j.actpsy.2024.104238
87. Zhang Y., Zou F., Jia S., Wang F. Mapping the Positive Self-Bias Embedded in Human Languages. *PsyArXiv*, 2024, July 20. DOI:10.31234/osf.io/mnv37
88. Zhou D., Patankar S., Lydon-Staley D.M., Zurn P., Gerlach M., Bassett D.S. Architectural styles of curiosity in global Wikipedia mobile app readership. *Science advances*, 2024. Vol. 10, no. 43, eadn3268. DOI:10.1126/sciadv.adn3268
89. Zhou J., Prinzing M.M., Le Nguyen K.D., West T.N., Fredrickson B.L. The goods in everyday love: Positivity resonance builds prosociality. *Emotion*, 2022. Vol. 22(1), pp. 30–45. DOI:10.1037/emo0001035
90. Zullo H.M. Pessimistic Rumination in Popular Songs and News magazines Predict Economic Recession via Decreased Consumer Optimism and Spending. *Journal of Economic Psychology*, 1991. Vol. 12, no. 3, pp. 501–526.

Информация об авторах

Нестик Тимофей Александрович, доктор психологических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН ИП РАН), г. Москва; ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ФГАОУ ВО КФУ), г. Казань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru

Information about the authors

Timofei A. Nestik, Doctor of Sciences, Professor of RAS, Head of Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow; Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru

Получена 30.10.2024

Принята в печать 14.12.2024

Received 30.10.2024

Accepted 14.12.2024

Метаморфозы идентичности человека достроенного: от цифрового донора к цифровому кентавру

Солдатова Г.У.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Чигарькова С.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7473-9025>, e-mail: chigars@gmail.com

Илюхина С.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9947-450X>, e-mail: svetla.iluhina@gmail.com

Цель. Выделение векторов формирования технологически достроенной личности и анализ специфики идентичности разных ее типов через призму возможностей и рисков ее конструирования.

Контекст и актуальность. Четвертая промышленная революция постепенно подводит нас к границе неуклонного превращения человека в существо, все более соединенное с технологиями. Смартфоны, компьютеры, интернет вещей, ИИ-ассистенты, формирующие целостную технологическую систему, опосредующую повседневность человека, выступают сложными культурными инструментами, которые становятся его достройками и расширениями — частью личности. Формируется новый тип личности, технологически достроенной сложными цифровыми инструментами, как важнейший результат современного этапа социальной и когнитивной эволюции человеческой психики в условиях цифровых трансформаций. Идентичность как интегративное личностное образование — ключевой феномен для понимания возможных психологических трансформаций современного человека в условиях конвергенции онлайн- и офлайн-миров и определения рисков различных вариантов метаморфоз технологически расширенной личности.

Используемая методология. Экстерналистские подходы к рассмотрению человека (Л.С. Выготский, Э. Кларк, Д. Чалмерс, Л. Малафурус и др.), социально-когнитивная концепция цифровой социализации (Г.У. Солдатова, А.Е. Войскунский), концепции и подходы к анализу идентичности (Э. Эрикссон, К. Роджерс, Г. Тэджфел, Дж. Тернер, С. Московичи, Дж. Марсиа и др.).

Основные выводы. Выделены векторы технологически расширенной личности через следующие типы: цифровые аборигены, техноконсерваторы, техноизоляциялисты, киборги, персоноиды, цифровые кентавры. Описаны основные их характеристики и проанализирована специфика идентичности и возможные риски ее конструирования для каждого типа. Одним из преадаптивных векторов трансформации идентичности представляется переход от цифровых аборигенов-доноров к цифровым кентаврам.

Ключевые слова: расширенное сознание; технологически достроенная личность; идентичность; типы; цифровые аборигены; техноконсерваторы; техноизоляциялисты; киборги; персоноиды; цифровые кентавры.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-18-00350, <https://www.rscf.ru/project/23-18-00350/>.

Для цитаты: Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Метаморфозы идентичности человека достроенного: от цифрового донора к цифровому кентавру // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 40–57. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150404>

Metamorphosis of the Identity of the Human Completed: from Digital Donor to Digital Centaur

Galina U. Soldatova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Svetlana V. Chigarkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7473-9025>, e-mail: chigars@gmail.com

Svetlana N. Ilyukhina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9947-450X>, e-mail: svetla.iluhina@gmail.com

Objective. *Identification of formation vectors of technologically completed personality and analysis of the specificity of identity of its different types through the prism of opportunities and risks of its construction.*

Background. *The Fourth Industrial Revolution is gradually bringing us to the frontier of the steady transformation of the human being into a being increasingly connected to technology. Smartphones, computers, the Internet of Things, and AI assistants, which form an integral technosystem that mediates the everyday life of man, are complex cultural tools that become his complements and extensions – part of the personality. A new type of personality, technologically completed by advanced digital tools, is formed as the most important result of the modern stage of social and cognitive evolution of the human psyche in the conditions of digital transformations. Identity as an integrative personal formation is a key phenomenon for understanding the possible psychological transformations of a modern person in the conditions of convergence of online and offline worlds and determining the risks of various options of metamorphoses of technologically completed personality.*

Methodology. *Externalist approaches to the study of a person (L.S. Vygotsky, E. Clark, D. Chalmers, L. Malafouris, etc.), the socio-cognitive concept of digital socialization (G.U. Soldatova, A.E. Voyskunsky), concepts and approaches to the analysis of identity (E. Erikson, K. Rogers, I. Hoffman, G. Tajfel, J. Turner, S. Moscovici, J. Marcia, etc.).*

Conclusions. *The vectors of technologically extended personality are identified through the following types: digital natives, techno-conservatives, techno-isolationists, cyborgs, personoids, digital centaurs. Their main characteristics are described and the specifics of identity and possible risks of its development for each type are analyzed. One of the pre-adaptive vectors of identity transformation is the transition from digital natives-donors to digital centaurs.*

Keywords: *extended mind; technologically completed personality; identity; types; digital natives; techno-conservative; techno-isolationist; cyborg; personoid; digital centaur.*

Funding. *The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-18-00350 (<https://www.rscf.ru/project/23-18-00350/>).*

For citation: Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Ilyukhina S.N. Metamorphosis of the Identity of the Human Completed: from Digital Donor to Digital Centaur. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 40–57. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150404> (In Russ.).

Введение

«Нынче расскажу про тела, превращенные в формы новые...» — так начинает древнеримский поэт Овидий свои знаменитые «Метаморфозы» — мифы о самых разных превращениях человека в бесконечно изменяющемся мире. Четвертая промышленная революция постепенно подводит нас к границе неуклонного превращения человека в существо, все более соединенное с технологиями. В этом контексте исследователи ищут метафоры, через которые возможно описание, объяснение и исследование происходящих изменений. Одна из них — технологически достроенный человек — это способ представить то, что происходит с личностью в процессе ее непрерывного развития в условиях стремительных цифровых трансформаций. Смартфоны, компьютеры, интернет вещей, цифровые пространства, ИИ-ассистенты, формирующие целостную техносистему, опосредующую повседневность человека, выступают сложными культурными орудиями, которые становятся его достройками, расширениями и неотъемлемой частью личности [15].

Опираясь на экстерналистскую оптику рассмотрения человека [4; 28; 40] и социально-когнитивную концепцию цифровой социализации [15], мы обращаемся к исследованию формирования нового типа личности, технологически достроенной сложными цифровыми орудиями, как важнейшего результата и незавершенного проекта современного этапа социальной и когнитивной эволюции человеческой психики. Одна из важных особенностей социотехнологической среды, в которой действует достроенная личность, это размывание границы меж-

ду онлайн и офлайн. А переключения между двумя мирами и их совмещение создают переживание смешанной реальности, как сложной киберфизической системы, и ее целостное восприятие в едином временно-пространственном континууме [15; 31] индивидуумами с гибридной идентичностью, одна из главных функций которой — адаптация в условиях постоянных трансформаций.

Идентичность как интегративное личностное образование — ключевой феномен для понимания возможных психологических трансформаций современного человека в условиях конвергенции онлайн- и офлайн-миров и определения рисков различных вариантов метаморфоз технологически расширенной личности. Опираясь на известные концепции идентичности зарубежных (Э. Эриксона [21], К. Роджерса [12], И. Гофмана [5], Э. Фромма [19], Г. Тэджфела [51], Дж. Тернера [51] и др.) и отечественных (Г.М. Андреева [1], Е.П. Белинская [3], Т.Д. Марцинковская [11], Е.Т. Соколова [13], Г.У. Солдатова [14], Т.Г. Стефаненко [18] и др.) авторов, выделим наиболее важные аспекты идентичности в рамках нашей темы.

Тождественность-непрерывность и изменчивость-множественность идентичности. Э. Эриксон определил идентичность как непрерывность и тождественность человека самому себе. Одновременно идентичность динамична, развивается и меняется на протяжении жизни, при этом сохраняя протяженность во времени, что обеспечивает целостность личности [21]. Процесс интеграции и создания целостной идентичности представляется одной из основных линий личностного развития. В постмо-

дернистском дискурсе уделяется больше внимания множественности, текучести и незаконченности идентичности как отражению роста неопределенности и сложности самого мира [3]. Соотношение неизменного и динамичного, целостного и множественного — один из ключевых вопросов в анализе идентичности в условиях конвергенции онлайн- и офлайн-миров в смешанной реальности.

Адаптация и преадаптация как функции идентичности. Идентичность социальна по своей природе, одной из основных ее функций выступает адаптация человека к актуальному социокультурному контексту. Э. Эриксон рассматривал формирование идентичности как процесс разрешения кризисов, а их успешное прохождение — как адаптацию к окружающему миру на той или иной стадии психосоциального развития [21]. Современное понимание функций идентичности расширяют идеи преадаптации, нацеленной на новизну и непредсказуемость будущего и определяемой «режимом новаций» [2], что особенно важно в контексте технологических вызовов. Выстраивание отношений со своими цифровыми дотройками как часть процесса формирования идентичности может приводить как к неадаптивной активности (например, интернет-зависимость), так и к успешной адаптации или предвосхищению изменений и преадаптации (например, вложиться в криптовалюту в 2010 г.). При неоспоримой значимости идентичности для адаптации и преадаптации необходимо понимание особенностей реализации данной функции для личности, вооруженной цифровыми технологиями.

Кризисы идентичности и цифровые риски. Несмотря на идеи нормативности кризисов идентичности [21], риски, связанные как с процессом их прохождения, так и с его результатами, обретают но-

вую остроту в контексте общего тренда неопределенности, сложности, транзитивности мира [2; 11]. Помимо решения задач психосоциального развития, общепринятыми причинами кризисов как реальной, так и виртуальной идентичности являются: интерференция социальных ролей, слишком большой разрыв между реальным и идеальным Я, противоречия между личностной и социальной идентичностью, несоответствие Я-концепции и ее репрезентации референтными группами. На фоне постоянных изменений, усиления тенденций к индивидуализму, культуры постмодерна происходит размывание традиционных социальных ролей и ценностей, переход от больших нарративов к множеству частных, что усложняет поиск идентичности. С одной стороны, это порождает потребность в поиске новых смыслов, экспериментирование со множеством Я, необходимость постоянного самопознания и рефлексии. С другой — возникают риски потери смысла жизни и интереса к ней, утраты Я, неуверенности в себе и невозможности опереться на авторитеты, переживания пустоты и бесполезности, а также нездоровой конкуренции и обесценивания себя в гонке за личным успехом. Кроме того, процессы глобализации и деглобализации обостряют проблемы многообразия идентичности, порождая конфликты и усиливая радикализацию.

В рамках анализа различных типов технологически построенной личности все представленные линии обладают ценностью для понимания специфики возможных траекторий идентичности в контексте множественных миров.

Цель работы — выделение векторов формирования технологически построенной личности и анализ специфики идентичности разных ее типов через призму возможностей и рисков их конструирования.

В качестве эмпирической иллюстрации к описанию предлагаемых векторов развития идентичности в цифровую эпоху используются данные исследования, проведенного в сентябре 2024 г. среди московской молодежи 18–39 лет ($N = 388$, 68% женщин, 32% мужчин). Респонденты оценивали кейсы с описанием кратких портретов шести типов технологически достроенной личности по 5-балльной шкале, с позиции, во-первых, своей схожести с данными типами, во-вторых, оценки своего желания быть на них похожими через десять лет.

Рожденные цифровыми: от цифровых аборигенов к жителям смешанной реальности

Исходя из высокого уровня проникновения интернета, мы предполагаем, что подавляющее большинство людей можно отнести к активным пользователям, представляющим новый антропологический тип — человека подключенного и технологически достраиваемого. Одна из самых популярных метафор для таких людей — «цифровые аборигены» («digital native») [48]. Они родились в цифровую эпоху и с детства используют цифровые технологии. Выделяют их общие характеристики: они обладают новыми способами познания и жизнедеятельности; являются движущей силой цифровизации; многозадачны; предпочитают работу в команде; естественным образом овладевают технологиями и технически подкованы; любят игровое и интерактивное взаимодействие; нуждаются в моментальном вознаграждении, а также ориентированы на экономику знаний [50]. Несмотря на критику, цифровые аборигены остаются обсуждаемым концептом, который обладает эвристической ценностью и продолжает эволюционировать, например, в рамках идеи «AI natives» [30].

Для рожденных цифровыми характерен высокий уровень онлайн-подключенности и даже гиперподключенность, когда человек проводит с цифровыми устройствами половину времени своего бодрствования и больше, что определяет качественные изменения его жизнедеятельности [15; 27]. Еще один критерий гиперподключенности — насыщенность цифровыми устройствами нашей повседневности: по данным на 2023 г., в Европе на человека в среднем приходилось 9,4 устройства, а в Северной Америке — уже 13,4, что в 3,5 раза превышает данные пятилетней давности [34]. Экранное время и цифровая насыщенность меняют и переживание окружающего мира как смешанной реальности, что отражается в интеграции виртуальной и реальной идентичности и формировании целостного образа Я как способа адаптации к конвергенции онлайн- и офлайн-миров [7; 17]. Масштабные количественные изменения приводят к качественным трансформациям человека достраиваемого, что, безусловно, требует рассматривать самый актуальный вектор его развития в контексте нового понятия — «жители смешанной реальности».

Глобальная оцифровка, начавшаяся в 21 веке, определяет конструирование идентичности через виртуальную самопрезентацию, что ведет к «умножению» количества самокатегоризаций и социальных ролей, а также приводит к качественным изменениям идентичности. Разные стратегии конструирования виртуальной идентичности, например, создание идеального или альтернативного Я, могут усиливать диссонанс и расщепление внутри Я-концепции, а также специфику протекания ее кризисов в условиях смешанной реальности.

Цифровые технологии создают новые формы взаимодействия человека

и компьютера, когда выкладываемая людьми информация становится своего рода «кормом» для искусственного интеллекта (ИИ), который уже сейчас рассматривают как сущность и даже агента, способного к планированию, использованию инструментов и, соответственно, к автономным действиям [44]. В этом ключе можно предложить метафору «цифрового донора», отдающего часть своей цифровой личности — свои данные и контент — реципиентам, которыми могут выступать как другие пользователи или компании, так и ИИ.

Цифровые аборигены-доноры отличаются высоким уровнем интеграции с цифровыми дотройками для обеспечения повседневного комфорта и готовностью (в разной степени осознанной) расплачиваться данными и потерей приватности. Как показывает наше исследование, сейчас именно с таким типом молодежь идентифицирует себя чаще всего (44%), причем через 10 лет процент останется примерно на таком же уровне (40%). Для цифрового аборигена характерна гибридная идентичность, интегрирующая в той или иной мере свое виртуальное и реальное Я, что создает риски расщепления, размывания и дискретности целостного Я. Перспектива все возрастающей необходимости конкуренции с ИИ, риски цифровой социальности, снижение приватности и контроля своего цифрового пространства могут также оказывать влияние на идентичность цифровых доноров, порождая переживание неполноценности своего Я.

Техноконсерваторы и техноизоляция: страх перед технологическим прогрессом

Обозначая векторы формирования технологически достраиваемого человека, важно учитывать сопротивление

стремительному развитию технологий, что выражается в различного рода феноменах: технопессимизме, технофобии, технострессе, неолуддизме. Основа их формирования — характерное для человечества опасение непонятного и незнакомого, что всегда связано со страхами, настороженностью, тревогой, негативизмом и отрицанием. Такой спектр чувств и эмоций определяет особые формы адаптации к цифровому миру и миру смешанной реальности.

Эмоционально-оценочный аспект в отношении к технологиям нашел свое отражение в феномене технофобии. Это внутреннее сопротивление, возникающее у людей, когда они думают или говорят о новых технологиях; страх или тревога, связанные с ее использованием; враждебные или агрессивные установки по отношению к ним [26]. Технофобия может приобретать различные формы: от ощущения беспокойства при потенциальном использовании технологии до избегания средств связи из-за страха облучения или боязни «восстания машин» [36]. В последние годы особое внимание уделяется изучению робофобии (фобии роботов) [43] и страхов, связанных с использованием ИИ [45], — ИИ-фобий. Специфика технофобии — негативное отношение к технологии при невозможности полного отказа от ее использования [6].

Техностресс, технопессимизм и технофобия могут вызывать противоречивые переживания, приводить к снижению самооценки, ощущению своей неполноценности, формированию дезадаптивных стратегий поведения, сокращению репертуара социальных ролей и изоляции из-за цифрового разрыва и неравенства. Это осложняет реализацию основной функции идентичности — адаптации к новому социальному контексту при сохранении целостности

Я. Для технопессимистов и технофобов жизнь в смешанной реальности становится вызовом их идентичности. С одной стороны, это может приводить к поиску «своих», гиперидентичности и радикализации, с другой — необходимость приспосабливаться к цифровой повседневности при внутреннем сопротивлении может приводить к разделению на цифровое и нецифровое Я и сложностям их интеграции. Пессимистичное и консервативное отношение к технологиям находит отражение в движении неолуддитов, продвигающих идеи ограничения использования передовых технологий [33]. Умеренные неолуддиты, развивая идеи «медленного движения» в условиях цифровизации повседневности, стремятся замедлить темп жизни и призывают к вдумчивому, ответственному отношению к появляющимся технологиям [47], выполняя таким образом важную функцию осторожного сдерживания технологического развития.

Описанные феномены позволяют выделить два типа технологически достроенной личности с общими мировоззренческими и эмоционально-оценочными характеристиками, но разной степенью выраженности категоричности в использовании цифровых технологий: техноконсерваторов, призывающих к критике технологий и ограничению их использования в повседневной и профессиональной сферах, если только это не продиктовано необходимостью и невозможностью реализации деятельности другим способом, и техноизоляционистов, демонстрирующих неприятие технологий и уход в изоляцию от цифрового мира, а также призывающих к отказу от технологического прогресса. В контексте идентичности это может иметь ряд последствий: ограничение в реализации социальных ролей в рамках социального Я, отчужде-

ние от социального большинства, радикализация идентичности, дезадаптация и внутренний кризис целостности в связи с необходимостью взаимодействовать с цифровым миром. По нашим данным, с техноконсерваторами идентифицируется треть молодых людей, при этом в будущем их доля остается такой же. Сейчас техноизоляционисты — одна из немногочисленных групп (10%), которая несколько увеличивается «через 10 лет» (14%) ($t = -3,58, p < 0,01$).

Киборги: от персонажей научной фантастики до отстаивания новой идентичности

Противоположный неолуддизму вектор развития человека достроенного находит яркое отражение в философии трансгуманизма и постгуманизма, наполненных идеями о телесном самосовершенствовании посредством технологических устройств, вплоть до модифицированных постлюдей-киборгов и стирания границ между человеком и машиной [24; 32]. В рамках постгуманизма человек не является вершиной эволюции, а скорее началом эволюции вида *homo sapiens* [20]. Трансгуманистическая декларация объединения Humanity+, созданная в 1997 году профессором Оксфорда Н. Бостромом и его коллегой Д. Пирсом, выступает за морфологическую свободу — право менять и совершенствовать свое тело, разум и эмоции, отмечая, что потенциал человечества в основном еще не реализован.

Технологическое развитие позволяет реализовать в жизнь то, что еще недавно казалось фантастикой. В продолжение тезиса о расширенном разуме ряд авторов развивают тезис о расширенном теле: телесные процессы не ограничиваются организмом, а распространяются на технологические устройства, как

восполняющие недостающие функции, так и дополняющие и расширяющие их [53]. Внедряются устройства, которые компенсируют телесные недостатки, дополняют или расширяют человеческие возможности, например, вживляемые чипы, электронные импланты, активно применяемые для идентификации личности и в медицине, при создании нейрокомпьютерных интерфейсов (например, проект Neuralink Илона Маска, проекты NEIRY и МГУ). В исследовании 2022 г. каждый десятый молодой человек уже готов встроить в свой организм цифровое устройство, а более четверти подростков и почти треть молодежи готовы воспользоваться генетическими и медицинскими усовершенствованиями человека на основе современных технологий [16]. Таким образом, возможно, будущие киборги уже среди нас. Если сейчас с ними идентифицируются около 7%, то через 10 лет киборгами хотели бы себя видеть уже в два раза больше молодых людей — практически каждый шестой ($t = -9,31, p < 0,01$).

Киборгизацию активно используют как метафору пластичности идентичности человека и возможности понимать ее через другие нормы и оптики, как, например, в «Манифесте киборгов» Д. Харауэй [35]. Построение идентичности нового человека становится центральным в вопросах восприятия себя киборгом [22], ставшим частью мира, который для него пока еще не приспособлен. С одной стороны, принятие возможности телесных модификаций может рассматриваться как одна из преадаптивных стратегий, с другой — при масштабном распространении таких технологий один из основных рисков будет связан с изменением телесности. На основе психодинамического подхода, нейропсихологии и теории привязанности формулируется представле-

ние об интеграции телесного и психологического Я как основы переживания собственной психофизической целостности, непрерывности и уникальности [37]. Дистморфобии и навязчивые идеи собственного телесного несовершенства, ощущение себя недостаточно эффективным без постоянного усовершенствования тела новыми технологиями могут осложнять формирование позитивной идентичности. Необходимость переконструирования и принятия нового образа тела при технологических изменениях выступает новым вызовом в процессе формирования идентичности и может усугублять сложности при прохождении традиционных кризисов идентичности. Для киборгов перекаладывание на вживленные технологические дотройки важных функций и снижение жизнеспособности без них в ситуациях их удаления или поломки могут нарушать целостность и непрерывность идентичности, приводить к потере контроля и утрате Я. Противопоставление себя «некиборгам» и формирование гиперидентичности могут создавать риски дискриминации (в обе стороны), а также «расчеловечивания» и потери общечеловеческой идентичности.

Персоноид: человек без человека

Появление цифровых отшельников, потерявшихся в многопользовательских играх геймеров, погрязших в недрах компьютера айтишников, а также активно развивающаяся в трансгуманизме концепция цифрового бессмертия фокусируют внимание на человеке, воплощенном в цифровых мирах и «развоплощенном» (disembodiment) относительно физической оболочки. Известная статья Н. Бострома, предположившего, что наша реальность — это компьютерная симуляция, созданная высокораз-

витой цивилизацией [24], придает этому пути развития сюрреалистический оттенок. Людей, проводящих в Сети больше времени, чем во сне, распределенных в коллективном пространстве инфосферы общества Новацена, называют инфоргамми — информационными организмами [31; 39]. С. Лемом в книге «Абсолютная пустота» предложен термин персоноид, описанный им как искусственно созданное разумное бестелесное существо с «сильным» искусственным интеллектом, которое не заключено в физическом теле, поскольку, с его точки зрения, «мир не имеет границ» [10, с. 205]. Мы же используем этот термин для описания человека, стремящегося воплотить свое сознание в цифровом мире, а в теории и полностью перенести свою жизнь в виртуальные пространства, лишённые «недостатков» физического мира.

Уже сейчас можно наблюдать культурный феномен хикикомори — цифровых затворников, которых можно рассматривать в некотором смысле как переходный тип будущих персоноидов, особой категории жителей метавселенных. Цифровых затворников изучают как тревожных индивидов со сниженной самооценкой, чувством одиночества и депрессивными симптомами, предпочитающих социальную изоляцию от реальной жизни. Это приводит к потере и расщеплению идентичности и поиску ее новых оснований в цифровых социальных пространствах [52].

Поскольку перенос сознания на цифровые носители пока лишь футуристичная идея, о цифровых затворниках говорят исключительно в негативном контексте, рассматривая их как зависимых от технологий и интернета, опирающихся на свое идеализированное виртуальное Я и дезадаптивных в реальной жизни [23]. Риски такого типа прежде

всего связаны с потерей реального Я и снижением чувства телесности, дисморфофобией, дезадаптацией в физической среде, иллюзией цифрового бессмертия, которое пока невозможно, и фобиями потери цифровой личности, которая становится куда важнее, чем реальное Я. Опираясь на концепцию невоплощенности (unembodiment) Р. Лэйнга и исследование рассогласования реальной и виртуальной идентичностей, русскоязычные авторы создают модель развоплощения (disembodiment) пользователя информационных технологий, акцентируя внимание на проблеме разделения границ Я и не-Я на основе сформированного образа тела, дефицита реальности и переживания иллюзорности существования [8].

В трансгуманизме цифровое существование не определяется кругом проблем хикикомори, а рассматривается как возможность создания нового типа человека, улучшенного с помощью технологий постчеловека будущего, лишённого оков и недостатков телесного воплощения и неизбежной смерти физического тела [25]. Это поднимает серьезный этический вопрос о физических границах человека и оцифрованного сознания, которое может быть признано другим разумным антропоморфным существом [9]. По данным нашего исследования, такой тип расширенной личности уже сегодня выбирают около 7% молодых людей как сейчас, так и через 10 лет.

Цифровые кентавры: сохраняя баланс между человеком и машиной

Для понимания еще одного вектора развития технологически достроенного человека мы заимствуем метафору цифрового кентавра — индивида, «усиленного» цифровыми технологиями и ИИ и способного решать поставленные задачи эффективнее, чем человек и ИИ

в отдельности. Праотец киберпсихологии — физик, математик и психолог Дж. Ликлайдер — еще в 1960 г. в своей знаменитой статье «Симбиоз человека и компьютера» писал: «Надеюсь, что немного осталось лет до того, как человеческий мозг и вычислительные машины будут тесно связаны, а получившееся партнерство будет думать так, как человеческий мозг никогда не сможет, и обрабатывать данные способами, которые недоступны известным нам машинам» [38, с. 4]. Сегодня этот вектор уже достаточно отчетливо определился в некоторых сферах жизнедеятельности людей и связан с настоятельной необходимостью повышения качества человеческого интеллекта.

Претворение в жизнь идеи цифрового кентавра началось в 1998 г., когда был сыгран первый в истории матч, где друг против друга выступали не просто шахматисты, а пары «человек-компьютер». С появлением в 2022 г. ChatGPT формат цифрового кентавра вышел за границы узкого клуба профессиональных игроков в логические игры. ChatGPT установил мировой рекорд как самое быстрорастущее приложение по числу скачиваний — за 2 месяца он достиг 100 млн пользователей. Насколько реализуется формат цифровых кентавров в различных сферах? Есть данные, что использование ИИ при выполнении различных задач повышает производительность, но ее заметный рост чаще характерен для тех, кто обладает изначально более слабыми навыками [29; 46]. Отражением идей цифрового кентавра на макроуровне является концепция Индустрии 5.0, в рамках которой вместо автоматизации задач, выполняемых людьми, предполагается сотрудничество между людьми и киберфизическими когнитивными системами, расширяющими возможности человека, в том числе в формате коботов — интел-

лектуальных помощников, способных адаптироваться к задачам человека, обеспечивая безопасную и эффективную совместную работу [49].

Цифровой кентавр сможет укротить ИИ, интегрироваться с ним с позиции человекоцентричности, противостоять ему, если это понадобится, только при наличии сильного человеческого интеллекта во всех его «холодных» и «горячих» проявлениях от академического до эмоционального. Главным управляющим элементом, позволяющим «собрать» сложную идентичность цифрового кентавра, на наш взгляд, может оказаться личностный интеллект, понимаемый по сравнению с существующим подходом [42] как некий интегративный уровень «горячих» интеллектов. Через развитие уникальности и субъектности личности, через оценку других людей и цифровых сущностей, саморефлексию и метапознание такой метаинтеллект может правильно построить стратегии формирования идентичности, позволяющей сохранить в человеке человеческое, доминирующее над технологическим.

Сегодня люди, которых привлекает такой вектор развития, выполняют для человечества миссию преадаптации к будущему. И цифровое поколение выбирает именно этот путь. Уже сегодня видят себя похожими на кентавров почти треть молодых людей. А через 10 лет хотели бы быть такими вдвое больше респондентов (62%, $t = -12,52$, $p < 0,01$), что делает его наиболее предпочтительным типом расширенной личности в будущем.

Цифровой кентавр сталкивается с рядом специфических рисков для своей идентичности. Для него может быть характерен постоянный поиск новой целостности, что усложняет обретение статуса достигнутой идентичности и требует больших усилий в саморефлексии.

Нарушение баланса между человеческим и технологическим создает условия для нового типа кризиса идентичности, чьи последствия пока не совсем ясны. Зависимость от технологий в различных жизненных контекстах может приводить к ощущению неполноценности, тревожно-депрессивным и фобическим состояниям, переживанию утраты Я при нарушении или отсутствии доступа к своим достройкам. Перекаладывание на цифровые устройства все больше функций может провоцировать потерю контроля над ними, усиливая переживание нежизнеспособности без достроек и снижая самоэффективность, что негативно влияет на возможности адаптации и преадаптации к меняющемуся миру. В процессе пересмотра границ возможностей человека в союзе с технологиями цифровой кентавр может формировать тип гиперидентичности, выражающейся в ощущении себя «сверхчеловеком». Следствием этого также могут выступать усложнение межличностных отношений с людьми «других типов», рост неравенства и социальной напряженности.

Выводы

1. Несмотря на то, что представленные типы технологически достроенной личности во многом являются метафорами, они могут рассматриваться как гипотетические векторы развития человека, опирающиеся на реальные феномены, требующие серьезного осмысления. Идентичность как интегративная характеристика личности, во многом определяющая возможности и риски адаптации человека к стремительным цифровым трансформациям, безусловно, должна быть в фокусе внимания как исследователей, так и практиков. В экосистеме современного человека техносистема, определяющая качественно новую социотехнологическую среду обитания, обла-

дающую сложностью, неопределенностью и непредсказуемостью, задает свои горизонты зоны ближайшего развития и трансформации человеческой идентичности с целью приспособления все чаще по типу преадаптации как эволюционного механизма опережающей адаптации, как «ожидание неожиданного», как «опережающей стратегии навигации развивающихся систем» [2], что может определять социальную эволюцию психики в таких направлениях развития личности, как цифровые кентавры, персоноиды, киборги.

2. Классические подходы к идентичности находят новое преломление в условиях глобальных изменений и технологически насыщенной смешанной реальности. Глобальный тренд на индивидуализацию и нестабильность мира может отражаться в доминировании личностной идентичности для большинства типов технологически достроенной личности, предположительно в первую очередь для цифровых аборигенов и цифровых кентавров. При этом важную роль в формировании позитивной идентичности будут играть способность к саморефлексии в условиях необходимости постоянного поиска новой целостности и эффективность адаптации к вызовам социотехнологической среды. В формировании социальной идентичности будет усиливаться цифровая координата, когда все более важное значение приобретают связанные с ней аспекты, например, ценностные ориентации в отношении технологического прогресса или установки к модификации телесности. Вероятно, гиперидентичность и противопоставление «свои-чужие» будут особенно актуальны для персоноидов, киборгов, а также техноизоляционистов и радикальных техноконсерваторов.

3. Обобщая многообразие новых кризисов и рисков идентичности, можно вы-

делить следующие векторы: усложнение поиска целостности и непрерывности идентичности в мире множественной реальности и «черных лебедей» технологических прорывов; появление кризиса общечеловеческой идентичности как основы целостности биологического вида homo sapiens; переосмысление телесности как основы идентичности; потерю контроля над цифровыми дотройками и нарушение баланса между человеческим и технологическим как ключевой риск для идентичности дотроенной личности.

4. Полученные эмпирические результаты иллюстрируют ряд векторов в трансформации идентичности цифрового поколения, хотя и являются предварительными. Гипотетическая неизменность идентификации с цифровым донором и техноконсерватором показывает, что данные типы расширенной личности являются адаптивными стратегиями управления цифровыми дотройками для большинства пользователей с разным уровнем готовности к интеграции с технологиями. Если условно объединить техноконсерваторов и техноизоляционистов, то они составят значительную группу, чья принадлежность будет основываться прежде всего на общечеловеческой идентичности и являться важной сдерживающей силой на этапе сингулярной фазы развития мира. Рост идентификации с киборгами, буквально интегрирующими свои цифровые дотройки

в тело, показывает важность осмысления новой, возникающей буквально на глазах категории населения для выявления гармоничных траекторий развития ее представителей и их интеграции в обществе. Несмотря на то, что персоноиды — пока что некий футуристический образ, специфичность данного типа также требует более глубокого понимания рисков и возможностей его адаптации в общечеловеческом контексте.

5. Один из преадаптивных векторов трансформации идентичности можно обозначить как переход от цифровых аборигенов-доноров к цифровым кентаврам. Результаты нашего исследования показывают, что этот вектор разделяется в рамках выбора желаемого будущего среди молодежи. Данный путь связан с рядом рисков для идентичности цифрового кентавра, что важно учесть при разработке стратегий по формированию данного типа различными институтами социализации: от семьи и школы до государственных структур. Уже сейчас можно предположить, что основой позитивной адаптации и преадаптации цифрового кентавра в сложной социотехнологической среде должен стать человеческий метаинтеллект, сочетающий искусственный разум с развитием «сильного» личностного интеллекта и цифровой компетентностью для обеспечения безопасного и эффективного управления цифровыми дотройками.

Литература

1. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2011. Т. 20. № 42. С. 1. DOI:10.54359/ps.v4i20.804 URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/804>
2. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты. М., 2018. 212 с.
3. Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. № 1. С. 6—15. DOI:10.21638/11701/spbu16.2018.101

4. *Выготский Л.С.* Инструментальный метод в психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 103–108.
5. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с.
6. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Социально-психологическая детерминация готовности личности к использованию новых технологий // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 5–14.
7. *Клементьева М.В.* Статусы виртуальной идентичности: понятие и методика оценки («Статус ВИ») // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 21. № 1. С. 79–100. DOI:10.17323/1813-8918-2024-1-79-100
8. *Коптева Н.В., Калугин А.Ю., Козлова Л.А.* Психометрическая проверка уточненной версии опросника «Неовплощенность в Интернете» // Клиническая и специальная психология. 2023. Т. 12. № 3. С. 165–187. DOI:10.17759/pspe.2023120308
9. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: URSS, 2023.
10. *Лем С.* Абсолютная пустота: пер. с польск. В. Кулагиной-Ярцевой, Е. Вайсброт, К. Душенко, Е. Калявиной. М.: Издательство АСТ, 2019. 288 с.
11. *Марциновская Т.* Современная психология – вызовы транзитивности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. DOI:10.54359/ps.v8i42.533
12. *Роджерс К.* Клиенто-центрированная терапия. М: Рефл-бук, 1997. 320 с.
13. *Соколова Е.Т.* Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015. 895 с.
14. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 386 с.
15. *Солдатова Г.У., Войскунский А.Е.* Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
16. *Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н.* Готовность и опыт использования технологий как показатели технологически расширенной личности подростков и молодежи // Подросток в мегаполисе: сб. трудов XVII Международной научно-практической конференции (г. Москва, 9–10 апреля 2024 г.). М.: Изд. дом ВШЭ, 2024. С. 143–146.
17. *Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н.* Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 4. С. 27–37. DOI:10.17759/chrp.2022180403
18. *Стефаненко Т.Г.* Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2009. № 2. С. 3–17.
19. *Фромм Э.* Здоровое общество. М.: АСТ, 2005. 400 с.
20. *Хаксли Д.* Новые бутылки для нового вина: пер. с англ. Лондон: Chatto&Windus, 1957. 318 с.
21. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
22. *Alichniewicz A., Michalowska M.* A New Way of Coming-To-Be // Humanity In-Between and Beyond / In Michalowska M. (ed.). Springer Verlag, 2023. P. 1–17.
23. *Almourad M.B., et al.* Defining digital addiction: Key features from the literature // Psihologija. 2020. Vol. 53. № 3. P. 237–253.
24. *Bostrom N.* Are you living in a computer simulation? // Philosophical Quarterly. 2003. Vol. 53. № 211. P. 243–255.
25. *Bostrom N.* Why I want to be a posthuman when I grow up // The transhumanist reader: Classical and contemporary essays on the science, technology, and philosophy of the human future. / In More M., Vita-More N. (eds). Wiley-Blackwell, 2013. P. 28–53.
26. *Brosnan M.J.* Technophobia: The psychological impact of information technology. London: Routledge, 1998. 232 p.

27. *Brubaker R.* Hyperconnectivity and its discontents. Polity, 2022. 288 p.
28. *Clark A., Chalmers D.* The Extended Mind // Analysis. 1998. Vol. 58. № 1. P. 7–19.
29. *Dell'Acqua F., et al.* Navigating the jagged technological frontier: field experimental evidence of the effects of AI on knowledge worker productivity and quality [Electronic resource] // SSRN Electronic Journal. 2023. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4573321 (Accessed 21.09.2024). DOI:10.2139/ssrn.4573321
30. *Eliot L.* AI ethics and the generational transition from digital natives to AI natives growing up amidst pervasive AI, including ubiquitous Self-Driving cars [Electronic resource] // Forbes. 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/lanceeliot/2022/06/12/ai-ethics-and-the-generational-transition-from-digital-natives-to-ai-natives-growing-up-amidst-pervasive-ai-including-ubiquitous-self-driving-cars/> (Accessed 07.10.2024).
31. *Floridi L.* The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality. OUP Oxford, 2014. 248 p.
32. *FM-2030.* Are You a Transhuman? Monitoring and Stimulating Your Personal Rate of Growth in a Rapidly Changing World. Warner Books, 1989. 227 p.
33. *Glendinning C.* When Technology Wounds: The Human Consequences of Progress. William Morrow & Co, 1990. 285 p.
34. Global number of devices and connections per capita 2018-2023 // Statista. 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1190270/number-of-devices-and-connections-per-person-worldwide/> (Accessed 11.09.2024).
35. *Haraway D.* Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // Simians, Cyborgs and women: The reinvention of nature. 1991. P. 149–181.
36. *Khasawneh O.Y.* Technophobia: Examining its hidden factors and defining it // Technology in Society. 2018. Vol. 54. P. 93–100.
37. *Krueger D.W.* Integrating body self & psychological self. Routledge, 2013. 284 p.
38. *Licklider J.C.R.* Man-Computer symbiosis // IRE Transactions on Human Factors in Electronics, HFE-1. 1960. Vol. 1. P. 4–11. DOI:10.1109/thfe.2.1960.4503259
39. *Lovelock J.* Novacene: The coming age of hyperintelligence. Mit Press, 2019. 160 p.
40. *Malafouris L.* How things shape the mind: A theory of material engagement. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. 304 p.
41. *Marcia J.E.* Development and validation of ego identity status // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Vol. 3. № 5. P. 551–558.
42. *Mayer J.D.* Personal intelligence expressed: A theoretical analysis // Review of General Psychology. 2009. Vol. 13. № 1. P. 46–58. DOI:10.1037/a0014229
43. *Mays K.* Authentic impediments: the influence of identity threat, cultivated perceptions, and personality on robophobia // Human-Machine Communication. 2024. Vol. 8. P. 205–226. DOI:10.30658/hmc.8.10
44. *Mollick E.* Scaling: The state of play in AI [Electronic resource] // One Useful Thing. 2024. URL: <https://www.oneusefulthing.org/p/scaling-the-state-of-play-in-ai> (Accessed 16.09.2024).
45. *Novozhilova E., Mays K., Katz J.E.* Looking towards an automated future: U.S. attitudes towards future artificial intelligence instantiations and their effect // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. № 1. Art. 132. DOI:10.1057/s41599-024-02625-1
46. *Noy S., Zhang W.* Experimental evidence on the productivity effects of generative artificial intelligence [Electronic resource] // SSRN Electronic Journal. 2023. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4375283 (Accessed 01.10.2024). DOI:10.2139/ssrn.4375283
47. *Patrignani N., Whitehouse D.* Slow Tech: a quest for good, clean and fair ICT // Journal of Information, Communication and Ethics in Society. 2014. Vol. 12. № 2. P. 78–92.
48. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants Part 2: Do They Really Think Differently? // On the Horizon. 2001. Vol. 9. № 6. P. 1–6. DOI:10.1108/10748120110424843

49. Schleiger E., et al. Collaborative Intelligence: a scoping review of current applications // Applied Artificial Intelligence. 2024. Vol. 38. № 1. Art. 2327890. DOI:10.1080/08839514.2024.2327890
50. Smith E.E. The Digital Native Debate in Higher Education: A Comparative Analysis of Recent Literature // Canadian Journal of Learning and Technology. 2012. Vol. 38. № 3. P. 1–18. DOI:10.21432/t2f302
51. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. 1986. Vol. 1. P. 7–24.
52. Teo A.R., et al. Development and validation of the 25-item Hikikomori Questionnaire (HQ-25) // Psychiatry and clinical neurosciences. 2018. Vol. 72. № 10. P. 780–788.
53. Walker M.J., Sparrow R. Being in the World: Extended Minds and Extended Bodies // Neuro-ProsthEthics: Ethical Implications of Applied Situated Cognition / In Heinrichs J.H., Beck B., Friedrich O. (eds.). Berlin: Heidelberg, 2024. P. 73–87. DOI:10.1007/978-3-662-68362-0_5

References

1. Andreeva G.M. K voprosu o krizise identichnosti v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii [Elektronnyi resurs] [To the question of identity crisis in the conditions of social transformations]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*, 2011. Vol. 20, no. 42. DOI:10.54359/ps.v4i20.804 URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/804> (In Russ.).
2. Asmolov A.G., Shehter E.D., Chernorizov A.M. Preadaptatsiya k neopredelennosti: nepredskazuemye marshruty [Preadapting to uncertainty: unpredictable routes]. Moscow, 2018. 212 p. (In Russ.).
3. Belinskaya E.P. Sovremennyye issledovaniya identichnosti: ot strukturnoi opredelennosti k protsessual'nosti i nezavershennosti [Contemporary identity studies: from structural certainty to processuality and incompleteness]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 6–15. DOI:10.21638/11701/spbu16.2018.101 (In Russ.).
4. Vygotskii L.S. Instrumental'nyi metod v psikhologii [Instrumental method in psychology]. *Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii v 6 t. T. 1. Voprosy teorii i istorii psikhologii* [Collected Works: in 6 vol. Vol. 1. Issues in the theory and history of psychology]. Moscow: Pedagogika, 1982, pp. 103–108 pp. (In Russ.).
5. Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni [Presenting oneself to others in everyday life]. Moscow: Kanon-Press-TS; Kuchkovo pole, 2000. 304 p. (In Russ.).
6. Zhuravlev A.L., Nestik T.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya determinatsiya sposobnosti lichnosti k ispol'zovaniyu novykh tekhnologiy [Socio-psychological determination of the individual's readiness to use new technologies]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psikhologicheskii Zhurnal*, 2018. Vol. 39, no. 5, pp. 5–14. (In Russ.).
7. Klement'yeva M.V. Statusy virtual'noi identichnosti: ponyatie i metodika otsenki («Status VI») [The Virtual Identity Status: The Concept and Inventory (VISI)]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2024. Vol. 21, no. 1, pp. 79–100. DOI:10.17323/1813-8918-2024-1-79-100 (In Russ.).
8. Kopteva N.V., Kalugin A.YU., Kozlova L.A. Psikhometricheskaya proverka utochnennoy versii oprosnika «Nevoploshchennost' v Internetе» [Psychometric Verification of a Refined Version of the “Unembodiment on the Internet” Questionnaire]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2023. Vol. 12, no. 3, pp. 165–187. DOI:10.17759/cpse.2023120308 (In Russ.).
9. Lakoff G., Johnson M. Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. Moscow: URSS, 2023. (In Russ.).
10. Lem S. Absolyutnaya pustota [Absolute Emptiness]: per. s pol'sk. V. Kulaginoy-Yartsevoy, Ye. Vaysbrot, K. Dushenko, Ye. Kalyavinoy. Moscow: AST Publishing House, 2019. 288 p. (In Russ.).

11. Marcinkovskaya T. Sovremennaya psikhologiya – vyzovy tranzitivnosti [Elektronnyi resurs] [Contemporary Psychology – Challenges of Transitivity]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*, 2015. Vol. 8, no. 42. DOI:10.54359/ps.v8i42.533
12. Rodzhers K. Kliyentsentrirovannaya terapiya [Person-centered therapy]. Moscow: Refl-buk, 1997. 320 p. (In Russ.).
13. Sokolova E.T. Klinicheskaya psikhologiya utraty Ya [The clinical psychology of self-loss]. Moscow: Smysl, 2015. 895 p. (In Russ.).
14. Soldatova G.U. Psikhologiya mezhetnicheskoy perezhivayemosti [Psychology of interethnic tension]. Moscow: Smysl, 1998. 386 p. (In Russ.).
15. Soldatova G.U., Voyskunskiy A.Ye. Sotsial'no-kognitivnaya kontseptsiya tsifrovoy sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsial'naya evolyutsiya psikhiki [Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 431–450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450 (In Russ.).
16. Soldatova G.U., Chigar'kova S.V., Ilyukhina S.N. Gotovnost' i opyt ispol'zovaniya tekhnologii kak pokazateley progressivnoy molodezhi, podrostkovogo vozrasta i molodezhi [Readiness and experience of using technologies as indicators of digital extended personality of teenagers and youth]. Podrostok v megapolise: sb. trudov XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Moskva, 9–10 aprelya 2024 g.) [Teenager in a metropolis: collection of works of the XVII International scientific and practical conference]. Moscow: HSE Publishing House, 2024, pp. 143–146. (In Russ.).
17. Soldatova G.U., Chigar'kova S.V., Ilyukhina S.N. YA-real'noe i YA-virtual'noe: identifikatsionnye matritsy podrostkov i vzroslykh [Real-Self and Virtual-Self: Identity Matrices of Adolescents and Adults]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 4, pp. 27–37. DOI:10.17759/chp.2022180403 (In Russ.).
18. Stefanenko T.G. Etnicheskaya identichnost': ot etnologii k sotsial'noi psikhologii [Ethnic identity: from ethnology to social psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Vestnik of Moscow University. Series 14. Psychology*, 2009, no. 2, pp. 3–17. (In Russ.).
19. Fromm E. Zdorovoe obshchestvo [The Sane Society]. Moscow: AST, 2005. 400 p. (In Russ.).
20. Khakslis D. Novyya butylki dlya novogo vina [New Bottles for New Wines]: per. s angl. London: Chatto & Windu, 1957. 318 p. (In Russ.).
21. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity, youth and crisis]. Moscow: Progress, 1996. 344 p. (In Russ.).
22. Alichniewicz A., Michalowska M. A New Way of Coming-To-Be. In Michalowska M. (ed.). *Humanity In-Between and Beyond*. Springer Verlag, 2023, pp. 1–17.
23. Almourad M.B., et al. Defining digital addiction: Key features from the literature. *Psihologija*, 2020. Vol. 53, no. 3, pp. 237–253.
24. Bostrom N. Are you living in a computer simulation? *Philosophical Quarterly*, 2003. Vol. 53, no. 211, pp. 243–255.
25. Bostrom N. Why I want to be a posthuman when I grow up. In More M., Vita-More N. (eds.). *The transhumanist reader: Classical and contemporary essays on the science, technology, and philosophy of the human future*. Wiley-Blackwell, 2013, pp. 28–53.
26. Brosnan M.J. Technophobia: The psychological impact of information technology. London: Routledge, 1998. 232 p.
27. Brubaker R. Hyperconnectivity and its discontents. *Polity*, 2022. 288 p.
28. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind. *Analysis*, 1998. Vol. 58, no. 1, pp. 7–19.
29. Dell'Acqua F., et al. Navigating the jagged technological frontier: field experimental evidence of the effects of AI on knowledge worker productivity and quality [Electronic resource]. *SSRN Electronic Journal*, 2023. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4573321 (Accessed 21.09.2024). DOI:10.2139/ssrn.4573321

30. Eliot L. AI ethics and the generational transition from digital natives to AI natives growing up amidst pervasive AI, including ubiquitous Self-Driving cars [Electronic resource]. *Forbes*, 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/lanceeliot/2022/06/12/ai-ethics-and-the-generational-transition-from-digital-natives-to-ai-natives-growing-up-amidst-pervasive-ai-including-ubiquitous-self-driving-cars/> (Accessed 07.10.2024).
31. FM-2030. *Are You a Transhuman? Monitoring and Stimulating Your Personal Rate of Growth in a Rapidly Changing World*. Warner Books, 1989. 227 p.
32. Floridi L. *The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality*. OUP Oxford, 2014. 248 p.
33. Glendinning C. *When Technology Wounds: The Human Consequences of Progress*. William Morrow & Co, 1990. 285 p.
34. Global number of devices and connections per capita 2018-2023. *Statista*, 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1190270/number-of-devices-and-connections-per-person-worldwide/> (Accessed 11.09.2024).
35. Haraway D. *Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century*. *Simians, Cyborgs and women: The reinvention of nature*, 1991, pp. 149–181.
36. Khasawneh O.Y. Technophobia: Examining its hidden factors and defining it. *Technology in Society*, 2018. Vol. 54, pp. 93–100.
37. Krueger D.W. *Integrating body self & psychological self*. Routledge, 2013. 284 p.
38. Licklider J.C.R. Man-Computer symbiosis. *IRE Transactions on Human Factors in Electronics, HFE-1*, 1960. Vol. 1, pp. 4–11. DOI:10.1109/thfe2.1960.4503259
39. Lovelock J. *Novacene: The coming age of hyperintelligence*. MIT Press, 2019. 160 p.
40. Malafouris L. *How things shape the mind: A theory of material engagement*. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. 304 p.
41. Marcia J.E. Development and validation of ego identity status. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1966. Vol. 3, no. 5, pp. 551–558.
42. Mayer J.D. Personal intelligence expressed: A theoretical analysis. *Review of General Psychology*, 2009. Vol. 13, no. 1, pp. 46–58. DOI:10.1037/a0014229
43. Mays K. Authentic impediments: the influence of identity threat, cultivated perceptions, and personality on robophobia. *Human-Machine Communication*, 2024. Vol. 8, pp. 205–226. DOI:10.30658/hmc.8.10
44. Mollick E. Scaling: The state of play in AI [Electronic resource]. *One Useful Thing*, 2024. URL: <https://www.oneusefulthing.org/p/scaling-the-state-of-play-in-ai> (Accessed 16.09.2024).
45. Novozhilova E., Mays K., Katz J.E. Looking towards an automated future: U.S. attitudes towards future artificial intelligence instantiations and their effect. *Humanities and Social Sciences Communications*, 2024. Vol. 11, no. 1, Art. 132. DOI:10.1057/s41599-024-02625-1
46. Noy S., Zhang W. Experimental evidence on the productivity effects of generative artificial intelligence [Electronic resource]. *SSRN Electronic Journal*, 2023. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4375283 (Accessed 01.10.2024). DOI:10.2139/ssrn.4375283
47. Patrignani N., Whitehouse D. Slow Tech: a quest for good, clean and fair ICT. *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*, 2014. Vol. 12, no. 2, pp. 78–92.
48. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants Part 2: Do They Really Think Differently? *On the Horizon*, 2001. Vol. 9, no. 6, pp. 1–6. DOI:10.1108/10748120110424843
49. Schleiger E., et al. Collaborative Intelligence: a scoping review of current applications. *Applied Artificial Intelligence*, 2024. Vol. 38, no. 1, Art. 2327890. DOI:10.1080/08839514.2024.2327890
50. Smith E.E. The Digital Native Debate in Higher Education: A Comparative Analysis of Recent Literature. *Canadian Journal of Learning and Technology*, 2012. Vol. 38, no. 3, pp. 1–18. DOI:10.21432/t2f302
51. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior. *Psychology of intergroup relations*, 1986. Vol. 1, pp. 7–24.

52. Teo A.R., et al. Development and validation of the 25-item Hikikomori Questionnaire (HQ-25). *Psychiatry and clinical neurosciences*, 2018. Vol. 72, no. 10, pp. 780–788.
53. Walker M.J., Sparrow R. Being in the World: Extended Minds and Extended Bodies. In Heinrichs J.H., Beck B., Friedrich O. (eds). *Neuro-ProsthEthics: Ethical Implications of Applied Situated Cognition*. Berlin: Heidelberg, 2024, pp. 73–87. DOI:10.1007/978-3-662-68362-0_5

Информация об авторах

Солдатова Галина Уртанбековна, доктор психологических наук, академик РАО, профессор кафедры психологии личности, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Чигарькова Светлана Вячеславна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры психологии личности, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7473-9025>, e-mail: chigars@gmail.com

Илюхина Светлана Николаевна, психолог кафедры психологии личности, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9947-450X>, e-mail: svetla.iluhina@gmail.com

Information about the authors

Galina U. Soldatova, Academician of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor, Department of Personality Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Svetlana V. Chigarkova, PhD in Psychology, Senior Researcher, Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7473-9025>, e-mail: chigars@gmail.com

Svetlana N. Ilyukhina, Psychologist, Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9947-450X>, e-mail: svetla.iluhina@gmail.com

Получена 13.10.2024

Received 13.10.2024

Принята в печать 14.12.2024

Accepted 14.12.2024

Культурно-историческая теория как методологическая рамка типологизации цифровой идентичности

Персидская О.А.

ФГБУН Институт философии и права Сибирского отделения

Российской академии наук (ФГБУН ИФПР СО РАН),

г. Новосибирск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6821-4692>, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru

Цель. Разработка теоретико-методологической рамки типологизации цифровой идентичности личности с опорой на критерии: 1) роли цифровой среды и цифрового устройства; 2) положения событийного центра человека; 3) положения центра самоопределения человека.

Контекст и актуальность. Цифровая среда становится настолько значимой сферой существования современного человека, что определяет своеобразие социальной ситуации его становления на разных возрастных этапах, обуславливая культурно-историческую специфику развития. В соответствии с этими трансформациями в академических исследованиях намечается тренд, связанный с выстраиванием новых концептуальных рамок понимания изменяющегося человека. Автор концентрирует внимание на основаниях представлений о цифровой идентичности личности, складывающихся в социально-психологических и антропологических исследованиях. Показано, что исследовательская оптика в выявлении содержательных параметров этой идентичности зачастую сужена, что приводит к редукции сложного, многосоставного образования — идентичности человека в цифровом мире — до отдельной части, что недостаточно для выстраивания комплексного образа современного человека.

Используемая методология. Методологическую базу исследования составили общенаучные методы анализа, сравнения и типологизации. Понимание типов цифровой идентичности выстроено с опорой на основания современной интерпретации культурно-исторического подхода в приложении к особенностям цифровой среды как значимой сферы существования человека.

Основные выводы. Представлена теоретико-методологическая рамка типологизации цифровой идентичности личности с опорой на такие философско-антропологические критерии, как роль цифровой среды и цифрового устройства; положение событийного центра человека; положение центра самоопределения человека. Описан и специфицирован через набор возможных сценариев поведения человека в цифровой среде ряд соответствующих типов цифровой идентичности: 1) человек с достроенным разумом; 2) человек с цифровой телесностью; 3) человек алгоритмический; 4) человек возвращающийся и 5) человек — информационный бродяга.

Ключевые слова: типы цифровой идентичности; поведение в цифровой среде; ребенок в цифровой среде; подросток в цифровой среде; событийный центр человека; роль цифрового устройства; центр самоопределения человека.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 21-18-00103, <https://rscf.ru/project/21-18-00103/>.

Благодарности. Автор благодарит уважаемых рецензентов за ценные замечания, внимательное отношение к тексту и кропотливую работу.

Для цитаты: Персидская О.А. Культурно-историческая теория как методологическая рамка типологизации цифровой идентичности // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 58–74. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150405>

Theoretical and Methodological Framework of Typologization of Digital Identity

Olga A. Persidskaya

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6821-4692>, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru

Objective. *The purpose of the article is to develop a theoretical and methodological framework for typologization a person's digital identity based on the following criteria: 1) the role of the digital environment and digital device; 2) the position of the person's event center; 3) the position of the center of human self-determination.*

Background. *The digital environment is becoming such a significant sphere of modern man's existence, that it determines the peculiarity of the social situation of the development of a modern man at different age stages, and determining the cultural and historical specifics of the development of higher mental functions and processes. In accordance with these transformations, a trend in academic research related to the building of a new conceptual framework for understanding a changing person is emerging. The author focuses on the foundations of ideas about the digital identity of the individual, which are formed in socio-psychological and anthropological studies. It is shown that research optics in identifying the content parameters of this identity is often narrowed, which leads to the reduction of a complex, multi-component education – the identity of a person in the digital world – to a separate part, which is not enough to build a complex image of a modern man.*

Methodology. *The methodological basis of the study was made up of general scientific methods of analysis, comparison and typologization. The understanding of the types of digital identity is based on the foundations of the modern interpretation of the Cultural and Historical Approach applied to the peculiarities of the digital environment as a significant sphere of human existence.*

Conclusions. *The theoretical and methodological framework for typologizing the digital identity of a person based on criteria of the role of the digital environment and digital device; the position of the event center of a person; the position of the center of human self-determination is presented. A number of types of digital identity are described through set of appropriate scenarios of human behavior in the digital environment: 1) a person with a completed mind; 2) a person with digital physicality; 3) an algorithmic person; 4) a returning person and 5) an information tramp.*

Keywords: *types of digital identity; behavior in a digital environment; a child in a digital environment; a teenager in a digital environment; human event center; the role of a digital device; the center of human self-determination.*

Funding. *The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 21-18-00103, <https://rscf.ru/project/21-18-00103/>.*

Acknowledgements. *The author is grateful for the respected reviewers for their valuable comments, attentive attitude to the text and painstaking work.*

For citation: Persidskaya O.A. Theoretical and Methodological Framework of Typologization of Digital Identity. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 58–74. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150405> (In Russ.).

Введение

Реальность современного человека, погруженного в цифровую среду, претерпела настолько глобальные изменения, что те, кто пытаются ее описать, осознают необходимость переименовать ее, чтобы подчеркнуть отличительность нового мира от прежнего. Так рождаются концепции *цифровой реальности*, *эпохи визуальной культуры*, *смешанной реальности*, *жизни онлайн* [14; 23; 24].

Значительная часть исследований объединена ощущением нахождения на пороге новой жизни, в которой сущностно изменяется сам человек за счет преобразования социальной ситуации его развития на разных возрастных этапах. Это обуславливает культурно-историческую специфику развития высших психических функций и процессов, которую, несомненно, следует рассматривать теперь через призму влияния цифровизации. Формирование такой исследовательской оптики можно отметить в работах [11; 25], акцент на детях и подростках делают [9; 13]. Пересечение тем, связанных с цифровой средой и человеком как социально-психологическим, антропологическим и философским феноменом, направило фокус внимания исследователей на проблемы понимания того, как может быть выстроено современное концептуальное представление об идентичностях человека в цифровой среде [20; 25].

Признавая значимость приведенных и многих других исследований для развития обозначенной темы, укажем, что понятие «цифровая идентичность» находится в процессе своего становления и зачастую используется с отличающимся смысловым наполнением разными авторами. Для нашего исследования важно, что в некоторой части работ понимание человека свертывается к его трактовке как функциональной поведенческой мо-

дели, которую можно понять через набор реакций на разнообразные воздействия цифровой среды. Вероятно, именно в связи с таким сужением исследовательского взгляда в ряде работ, попавших в область нашего анализа, понимание цифровой идентичности сводится к единому портрету, слепку, который характеризуется через согласованный набор присущих ему особенностей. Например, подчеркивается, что самоопределение современного человека представляет собой децентрализованную структуру, а сам он лишается возможности стать интегрально развитой личностью [8]. Такой слепок хотя и важен для понимания специфики отдельных сторон бытия человека в современных условиях, но все же недостаточен для выстраивания комплексного образа современного человека. Он редуцирует сложное, многосоставное образование — идентичность человека в цифровом мире — до отдельной части. Мы же уверены, что идентичность в цифровой среде не может быть исчерпана односложным предикатом принадлежности, она множественна, возможно — противоречива, насыщена многоуровневым содержанием. Здесь необходимо развивать комплексное видение проблемы, позволяющее исследовать совокупность цифровых идентичностей.

В этой связи целями статьи являются разворачивание ряда *сценариев поведения человека в цифровой среде* и спецификация этих сценариев через *набор типов цифровой идентичности*.

Методологическую базу исследования составили общенаучные и общелогические методы анализа, сравнения и типологизации. Понимание идентичностей личности выстроено с опорой на основания культурно-исторического подхода Л.С. Выготского [2] и его современной интерпретации в приложении к особен-

ностям цифровой среды как значимой сферы существования человека [11].

Идентичность через призму цифровизации жизненного мира человека

Вслед за выдающимися философами и психологами мы понимаем идентичность как представление человека о самом себе, отражающее часть его жизненного мира. Сумма идентичностей личности представляет собой систему, формирующую у человека интегративный образ самого себя, переживающийся субъектом как его самоотнесенность.

Связь современного человека и цифровых устройств настолько прочна, что требует переосмысления содержания процессов формирования личности и составляющих ее идентичностей с учетом усиливающейся зависимости от влияния цифровой среды. В выявлении этих параметров мы считаем особенно важным сфокусироваться на детстве и юности — возрастных периодах, когда формирование идентичностей идет наиболее активно.

Для описания сущностной специфики цифровой среды нам представляется удачной концепция цифровой среды как превращенной формы, которую дает С.А. Смирнов, опираясь на наследие К. Маркса. В его трактовке цифровая среда в редуцированном, ограниченном виде имитирует реальную (не цифровую) среду [10]; в этом и состоит ее «превращенность». При этом для ребенка, много времени проводящего в цифровой среде, «в его коммуникации с гаджетом выстраивается особая ситуация» (*курсив наш — О.П.*) [11, с. 55]. Социально-культурная специфика этой ситуации состоит в том, что цифровое устройство встраивается в механизм действия ребенка, и стимулирует его к деятельности, и диктуя сценарий ответной реакции.

Зафиксируем также изменения, которые цифровая среда накладывает на процессы, связанные с развитием и становлением подростков. Г.У. Солдатова наряду с конвенционально понимаемой социализацией, опосредованной реальными нормами и институтами, выделяет также цифровую социализацию, которую определяет как «опосредованный всеми доступными цифровыми технологиями процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн/онлайн-реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности» [13, с. 76]. Г.У. Солдатова, внесшая значительный вклад в разработку концепта цифровой социализации, наделяет цифровую среду критерием социальности. Однако, с нашей точки зрения, в рамках которой цифровая среда рассматривается лишь как превращенная форма социального, говорить о цифровой социализации невозможно. Скорее следует говорить о том, что не социализация, а поведенческие стратегии подростков, которые ищут свои формы идентификации, формируются под влиянием транслируемых цифровой средой образов; в этом смысле традиционно трактуемая социализация конкурирует с влиянием цифр.

Для нас важно зафиксировать, что цифровая среда изменяет объект референции, по отношению к которому ребенок или подросток начинает выстраивать параметры своей идентичности. Согласимся с М.А. Мамедовой, которая подчеркивает, что «в реальном мире персональные и групповые идентичности являются продуктом *социального* конструирования, определяются разнообразными институтами. Виртуальное пространство образует широкую гори-

зонтальную перспективу, которая обеспечивает возможности *персонального формирования идентичностей...*» (*курсив наш — О.П.*) [5, с. 80]. В этой связи можно говорить как о персонификации идентификационного процесса в цифровой среде, так и о его символическом характере. Через эту призму следует рассматривать перспективы конструирования собственных идентичностей ребенком или подростком в цифровой среде, когда он может пробовать и примерять, ориентируясь на собственные предпочтения, не только разные стили общения и социальные роли, но даже такие характеристики, как пол, возраст, социальный статус.

Методология исследования сценариев поведения в цифровой среде и типов цифровой идентичности

Можно выделить несколько типовых сценариев поведения в цифровой среде, но следует понимать, что они представляют далеко не полный список, который нужно корректировать и дополнять. Также подчеркнем, что эти сценарии не являются у отдельной личности взаимоисключающими и могут реализовываться как по отдельности, так и в совокупности. Каждый из сценариев способствует складыванию определенного типа цифровой идентичности — а совокупность этих типов представляет то, что мы считаем составляющими цифровой идентичности как комплексного феномена.

Мы вводим несколько критериев, которые служат основаниями для типизации как сценариев поведения, так и типов цифровой идентичности. Данные критерии мы считаем основанием разрабатываемого теоретико-методологического конструкта.

Первый критерий — это роль цифрового устройства и цифровой среды для человека. Рассматриваются следующие

роли цифрового устройства: инструмент; посредник; часть себя; наставник. При этом интересно подумать над тем, «оживляет» ли человек свое цифровое устройство, то есть наделяет ли его свойствами субъектности. Цифровая среда, которую мы онтологически рассматриваем в качестве превращенной формы, может выступать для человека источником информации; отображающим зеркалом; коммуникативным пространством, воспроизводящим социальность в редуцированной, превращенной форме; источником быстрых удовольствий. Таким образом, первый критерий имеет прямое отношение к вариациям онтологического статуса цифровой среды и цифрового устройства в восприятии их человеком.

Второй критерий — ценностная ориентация, показывающая направленность индивида на социальную или цифровую реальность, в связи с которой у него формируется событийный центр либо в одной, либо в другой среде. Здесь мы пытаемся ответить на вопрос о том, какие события воспринимаются человеком как более значимые, более ценностно наполненные: те, что происходят в реальной или цифровой среде? Данный критерий характеризует степень погруженности в цифровую среду. Он может быть представлен как крайними (центр событийности либо полностью находится в цифровой среде, либо целиком остается в реальности), так и промежуточными позициями.

Третий критерий относится к центру самоопределения человека. Здесь мы ставим задачу понять, какую позицию по отношению к цифровой среде занимает сам человек: субъекта действия или объекта ее воздействия, и есть ли между этими крайними позициями какие-то промежуточные положения. Другими словами, третий критерий раскрывает качество и уровень субъектности личности.

Некоторые типы идентичности и сценарии поведения в цифровой среде: эмпирический анализ

В таблице выявленные нами типы цифровой идентичности и сценарии поведения в цифровой среде приведены в краткой форме. Ниже мы постараемся развернуть их более подробно.

Тип цифровой идентичности 1. Человек с достроенным разумом. К виду деятельности, позволяющему реализовать этот сценарий поведения, следует отнести широкий спектр практик, результатом которых является получение информации с помощью цифрового устройства: формирование запроса, взаимодействие с поисковыми системами, классификация и отбор подходящих источников, проверка информации на достоверность и пр. Цифровое устройство выступает в роли инструмента, помощника, посредника между человеком и доступом в среду. Цифровая среда, в свою очередь — лишь источник информации. Однако не все так просто. Учитывая, что люди все чаще компенсируют возможности своей памяти или способности к аналитическому мышлению обращением к смартфонам, можно, на наш взгляд, говорить о сценарии поведения, связанном с «достройкой себя» цифровым орудием. Такой способ взаимодействия с цифровым устройством предполагает, что человек остается в субъектной позиции, но совершенствует и расширяет свои способности; при этом центр его событийности также, скорее всего, остается в реальности (не смещается в цифровую среду). Тип цифровой идентичности человека, формирующийся в ходе такого сценария поведения, дополняется представлением о собственном разуме как усовершенствованном цифровым помощником.

Тип цифровой идентичности 2. Человек с цифровой телесностью. Наряду с

поиском информации при помощи цифрового устройства, возможное влияние на поведение и идентичность которого было описано выше, существуют другие виды деятельности по получению информации, которые связаны со значительно большим погружением в цифровую среду. Примером здесь является опыт взаимодействия человека с носимыми цифровыми устройствами, отслеживающими параметры состояния тела человека (смарт-часы, приложения, записывающие данные о качестве сна, здоровья и пр.) и позволяющими осуществлять селф-трекинг. Е.Г. Ним выделяет три формы отношений с такими устройствами: оно может выступать в роли инструмента, игрушки и наставника [7]. На наш взгляд, первая форма отношений по своим последствиям для личности и идентичности человека адресует нас к сценарию поведения и типу идентичности, описанным выше, когда человек достраивает себя цифровым устройством, сохраняя собственную субъектную позицию. Об игре подробнее мы скажем ниже (в разделе, посвященном информационному бродяжничеству). Здесь же сосредоточимся на форме отношений, когда гаджет выступает наставником.

Е.Г. Ним фиксирует, что до появления селф-трекеров телесный опыт в основном переживался человеком как качественный, но сейчас все больше представляется количественными цифровыми оценками. Цифровой помощник при такой форме отношений становится не только наставником, но и «значимым другим» или даже «частью себя» [7]. Чувственный опыт тела — то, что позволяет фиксировать самоидентичность человека и является значимой составляющей идентичности, — отдается на аутсорсинг цифровому устройству. На наш взгляд, здесь можно говорить о смеще-

нии событийного центра человека, связанного с ощущением телесности. Типы идентичности человека таким образом могут дополняться разнообразными формами цифровой телесности. Отметим, что понятие «цифровая телесность» не является устоявшимся и в данном тексте употребляется скорее метафорично — для обозначения форм связи человека и цифрового устройства, выявление и описание которых требует дальнейшего изучения и проработки.

Тип цифровой идентичности 3. Человек алгоритмический. В современном мире социальные сети становятся одним из основных институтов коммуникации, особенно для детей и подростков. Опосредованную цифровым устройством коммуникацию часто выделяют в отдельный тип и называют киберкоммуникацией [24] за счет специфических характеристик, связанных с ограниченностью сенсорного опыта, который в ситуации онлайн-общения не может быть обогащен жестами, мимикой или интонационными модуляциями; заменой обычных проявлений человеческих эмоций на смайлы, эмодзи и иные условные знаки; трансформацией представлений о времени и пространстве коммуникативной ситуации [21; 28; 29].

В том, что касается коммуникативной деятельности, нам видятся возможными как минимум два варианта развития сценариев поведения. Первый из них — условно обозначим его как «негативный сценарий» — отличается тем, что в ходе его реализации цифровая среда выступает как превращенная форма, а человек переносит акцент внимания с себя на ту аудиторию, с которой он входит в отношение. Важно зафиксировать, что здесь перестраивается сама суть коммуникативного процесса. За счет того, что коммуникация в этой превращенной сре-

де, строго говоря, может не иметь прямого отношения не только к социальности в общеупотребительном смысле, но и вообще к реальности ни с точки зрения самого коммуниканта (он может разделять себя и ту личность, которая общается в сети), ни с точки зрения его визави (существует ли он вообще или является ботом, не-человеческим субъектом?), ни по своим последствиям (которые могут восприниматься коммуникантом как игра), цифровая коммуникация может быть переосмыслена в понятиях символического акта, имеющего большее отношение к воображению личности, чем к реальности.

В результате человек, который, казалось бы, имеет возможности для существенного расширения своего коммуникативного поля, становится все более атомизирован, одинок, замкнут сам на себя. Этот же тезис подтверждают выводы исследования, проведенного на выборке студенческой молодежи Л.Б. Шнейдер и В.В. Сыманюк: «Обращает на себя внимание тот факт, что общение в интернете не так уж значимо, то есть ценность беседы, диалога нивелируется. Складывается впечатление, что собеседником для опрошенных студентов выступает сам интернет» [19, с. 7]. Одновременно происходит девальвация значимости для человека нецифровых социальных институтов.

В то же время именно на эту превращенную, размытую среду ориентируется человек. Этот тип идентичности можно описать через несколько характеристик, выявленных разными исследователями. Прежде всего, она становится «не просто множественна, а с необходимостью расфокусирована» [4, с. 54] для того, чтобы подстроиться под запросы разнообразной аудитории. Вероятно, здесь же возможно конструирование ложных идентичностей, масок, а также «идеализированное,

утрированное самопредъявление, позволяющее человеку быть тем, кем он захочет, или не быть собой, присваивая себе утрированные атрибуты сверхчеловека» [1, с. 107]. Все это служит цели «сконструировать в виртуальном пространстве собственный образ, обеспечивающий высокую популярность» [17, с. 77].

Такая ситуация подводит нас к выводу, что субъектная позиция человека в ходе коммуникации в сети сохраняется, но сама среда выступает как превращенная форма социальной, а значит, остается неопределенной, размытой. В то же время именно в ней человек осуществляет попытку реализации этой субъектности. Соответственно, событийный центр человека смещается из реальной в цифровую среду. Обозначив данный тип идентичности «алгоритмическим», мы вслед за Е.Г. Ним [6] хотели бы акцентировать, что параметры идентичности личности в данном случае формируются под воздействием алгоритмов, заданных социальной сетью. Это означает, что актуализируется задача повышения исчислимых, количественных алгоритмических параметров социальных сетей — числа виртуальных друзей, с большей частью которых нет прямого знакомства, размещенных постов, лайков и комментариев к ним и пр.

Тип цифровой идентичности 4. Человек возвращающийся. Другой сценарий коммуникативного поведения в цифровой среде, который мы эксплицитировали на основе выводов практических исследований авторитетных авторов, можно назвать позитивным. От предыдущего он отличается тем, что в ходе его реализации человек не переносит акцент внимания на цифровую аудиторию, а оставляет его на себе. Как показали исследования Г.У. Солдатовой, С.В. Чигарьковой и С.Н. Илюхиной, сближение офлайн- и

онлайн-миров позволяет говорить о «перенесении себя (*человеком* — прим. О.П.) как биологического вида и социальной единицы из реального мира в виртуальный, а не существования в нем в виде исключительно цифрового существа» [14, с. 34]; в результате этого переноса молодые люди воспринимают цифровую среду как «полноценное пространство для конструирования идентичности и формирования личности» [14, с. 35]. К схожим выводам о том, что цифровая среда может являться основанием для достройки структуры личности, приходят и другие авторы [27].

Очевидно, что вывод о самой возможности достройки параметров личности цифровой составляющей противоречит нашему убеждению в том, что цифровая среда как превращенная форма лишь воспроизводит в редуцированном виде социальное, но по сути им не является, а значит, не может формировать личность. Однако, по-видимому, здесь мы имеем дело с ситуацией, когда эмпирическая реальность вносит коррективы в философские и антропологические концепции. Научный семинар, организованный посредством онлайн-платформы, не уступает в качестве тому, что проходит офлайн, а знакомые, обретенные на просторах социальных сетей, поздравят с днем рождения так же тепло, как и реальные. Кажется, что логичным решением обнаруженного противоречия было бы принятие допущения о том, что в отдельных случаях цифровая среда может рассматриваться не как превращенная форма, а как социальная среда.

Однако возникает вопрос: если коммуникация в цифровой среде по своей сути становится неотличима от не опосредованной цифровыми устройствами коммуникации, то можем ли мы говорить о том, что цифровая среда должна

в данном случае рассматриваться как отдельный феномен? На наш взгляд, здесь необходимо вести речь о переосмыслении роли этой среды: не следует рассматривать ее как отдельное (от реальной социальной среды) пространство для коммуникации, а допустимо описывать лишь как воплощенное через цифрового посредника (устройство) продолжение социальной среды, позволяющее устанавливать, поддерживать и развивать социальные контакты. Это означает, что при реализации данного сценария поведения цифровая среда как отдельный феномен перестает существовать, а цифровое устройство выступает в роли инструмента в коммуникации. Назвав этот тип цифровой идентичности «человек возвращающийся», мы имели в виду, что идентификационные параметры человека дополняются составляющей, обретенной в цифровой среде, но сам он не остается в ней, а возвращается к себе.

Тип цифровой идентичности 5. Человек — информационный бродяга. Вид деятельности в цифровой среде, способствующий складыванию этого типа идентичности, включает широкий спектр практик — листание ленты социальных сетей, просмотр случайно выбранных видеороликов, определенный вид игр, которые часто называют «убийцами времени», и ряд других способов нахождения в Сети, общая цель которых — развлечение и отвлечение. Особенно притягательной силой такой способ времяпрепровождения обладает для детей. Ребенок погружается в цифровую среду, ища там полноты и разнообразия жизни [10], а также возможности хотя бы на время уйти от социальных обязательств, ответственности, ценностно-нормативных ограничений. Цифровая среда предлагает человеку простые, не

требующие волевого усилия для своего восприятия символические схемы. Именно упрощение интериоризации этого доступного материала может приводить к последствиям, описанным рядом авторов, таким, например, как дефицит усилия и произвольной регуляции, нарушение способностей к самоконтролю [16], смещение ориентаций к получению психологического комфорта и легкодоступных удовольствий. В результате такой перестройки оснований деятельности человек «не умеет нести ответственность, не умеет совершать нравственный выбор, не умеет строить свою собственную ситуацию развития» [12, с. 23]. При этом «гаджет становится живым собеседником ребенка, одушевляющего его, относящегося к нему больше, чем к игрушке» [11, с. 57], то есть цифровое устройство наделяется пользователем свойствами субъектности.

Именно здесь, на наш взгляд, негативное влияние цифровой среды на человека может реализоваться в радикально разрушительной форме. Наедине с экраном человек остается в позиции пассивного наблюдателя, возможная полнота его деятельности, понимаемая как социокультурный акт, как взаимодействие с миром, формирующее личность, редуцируется к стимульно-реактивной модели. Здесь возможно воплощение сценария ухода человека от самого себя, пределы которого — «оборачивание человека в своего цифрового двойника» [11, с. 31] с потерей собственной субъектности. Соответственно, пределом такого сценария может являться формирование бессубъектной идентичности. Тип идентичности, формирующийся в ходе реализации описанного сценария поведения, мы со ссылкой на [19] обозначим как «информационное бродяжничество».

Таблица
Критерии роли цифрового устройства и цифровой среды, событийного центра и центра самоопределения человека в выявлении типов цифровой идентичности и сценариев поведения в цифровой среде

№ п/п	Роль цифрового устройства и цифровой среды	Событийный центр человека	Центр самоопределения человека	Сценарий поведения в цифровой среде	Описание типа цифровой идентичности	Название типа цифровой идентичности	Примеры форм деятельности в цифровой среде
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Устройство — инструмент. Среда — источник информации	Остается в реальности	Человек — субъект действия	Человек «достраивает себя» цифровым орудием	Идентичность дополнена представлением о «достроенном разуме»	<i>Typ 1.</i> Человек с достроенным разумом	Деятельность по получению информации: взаимодействие с поисковыми системами, классификация и отбор источников, проверка информации на достоверность и пр.
2	Устройство — значимый другой / часть себя / наставник. Среда — зеркало, формирующее представление человека о самом себе и о том, каким ему следует быть	Возможно смещение событийного центра, связанного с ощущением телесности	Самотождественность отдается на аутсорсинг цифровому устройству. Происходит сдвиг субъективной позиции человека по отношению к собственной телесности	Фокус восприятия информации об опыте тела смещается на данные в цифровом устройстве	Идентичность дополняется различными формами цифровой телесности	<i>Typ 2.</i> Человек с цифровой телесностью	Селф-трекинг (получение информации о параметрах физического состояния через носимые цифровые устройства)
3	Устройство воспроизводит среду, которая воспринимается пользователем как социальная. Цифровая среда выступает как превращенная форма социальной	Смещается в цифровую среду	Субъектная позиция сохранена, но сама среда, в которой реализуется субъектность, не определена, размыта	<i>Негативный сценарий.</i> Человек переносит акцент внимания с себя на цифровую аудиторию. Происходит редукция личности как сложного конструкта с формированием «алгоритмического Я»	1) Конструирование ложных идентичностей, масок 2) Множественная и расфокусированная идентичность 3) Идентификация как акционизм или личностный перформанс	<i>Typ 3.</i> Человек алгоритмический	Коммуникация в цифровой среде

№ п/п	Роль цифрового устройства и цифровой среды	Событийный центр человека	Центр самоопределения человека	Сценарий поведения в цифровой среде	Описание типа цифровой идентичности	Название типа цифровой идентичности	Примеры форм деятельности в цифровой среде
1	2	3	4	5	6	7	8
4	Устройство — посредник в коммуникации. Цифровая среда не существует как отдельный феномен	Находится на границе сливающихся коммуникативных пространств, и не опосредованных цифровым устройством	Человек выступает субъектом действия	<i>Позитивный сценарий.</i> Человек удерживает фокус внимания на себе и достраивает структуру личности, обращаясь в том числе к опосредованной цифровым устройством коммуникации	Способы самопрезентации обобщаются	<i>Тип 4.</i> Человек возвращающийся	Социальная коммуникация в цифровой среде
5	Устройство — посредник для доступа в цифровую среду, но может делиться субъектными свойствами. Среда — комфортное пространство бытовых удовольствий	Находится в цифровой среде	Социокультурное действие отсутствует; человек — пассивный наблюдатель	Полнота деятельности редуцируется к стимульно-реактивной модели; создаются условия для реализации сценария ухода человека от самого себя	Формируется субъектная идентичность	<i>Тип 5.</i> Человек — инициальный бродяга	Листание ленты социальных сетей, просмотр видеороликов, игры — «убийцы времени»

Выводы

Несмотря на то, что теме идентичности посвящен широкий список научных трудов, сказать, что ее социально-философское и социально-психологическое исследование следует считать исчерпывающим, нельзя. Особенно значимо продолжение этого исследования на современной стадии развития, в условиях, заданных цифровой трансформацией [15].

1. Подойдя к проблеме цифровой идентичности как к комплексному феномену, мы предложили набор типов цифровой идентичности и соответствующих им сценариев поведения в цифровой среде. Было показано, что в ряде случаев они особенно актуальны для детей и подростков. Эти типы идентичности и сценарии были рассмотрены в зависимости от следующих критериев: роль цифровой среды и цифрового устройства; положение событийного центра человека; положение центра самоопределения человека.

2. Были эксплицированы содержательные характеристики следующих типов цифровой идентичности: 1) человек с достроенным разумом; 2) человек с цифровой телесностью; 3) человек алгоритмический; 4) человек возвращающийся и 5) человек — информационный бродяга. В то же время мы отдаем себе полный отчет в том, что описанные сценарии и типы представляют собой модели, которые необходимо корректировать, а список — дополнять и перерабатывать.

3. Критерии, положенные в основу предложенной теоретико-методологической рамки типологизации цифровой идентичности, показывают разницу потенциалов к раскрытию собственной субъектности ребенком и/или подростком. Именно с ее раскрытием мы связываем основной потенциал проведенного исследования. Так, идентичность типа *человек — информационный бродяга* па-

губно влияет на возможность раскрытия субъектности, соответственно, вывод состоит в том, что следует развивать методы, ограничивающие разворачивание этого типа идентичности через переключение ребенка/подростка из позиции пассивного наблюдателя в деятельностную позицию.

Тип идентичности, обозначенный нами как *человек с цифровой телесностью*, может привести к потере ребенком/подростком самого себя, а поэтому тоже не является продуктивным. Следует ограничивать его за счет удержания цифрового устройства в позиции орудия, предупреждать риски девальвации непосредственного чувственного опыта, возвращать человека самому себе в том числе через опыт непосредственного (а не опосредованного цифровым посредником) проживания собственной телесности.

Касательно сценариев, формирующих идентификационные типы *человек алгоритмический* и *человек возвращающийся*, мы считаем важным акцентировать актуальность повышения цифровой компетенции детей и подростков для более тонкого понимания не только технических, но и связанных с философско-антропологическим горизонтом развития человека особенностей цифровой коммуникационной среды и опасностей, которые она может представлять для сохранения субъектности формирующейся личности.

Наконец, тип идентичности *человек с достроенным разумом* раскрывает, на наш взгляд, самый широкий спектр возможностей для встраивания практик, опосредованных цифровыми устройствами, в воспитание и образование детей и подростков. Особенно интересные перспективы это встраивание открывает при условии удержания ребенком/подростком себя в субъектной позиции, когда он учится обращаться к помощи

цифрового посредника для решения поисковой ситуации обучения.

4. Нам представляется, что предложенный подход усложняет понимание феномена цифровой идентичности, делает рассматриваемую проблему более многогранной. Также он помогает уйти от односложных представлений о перспективах личности в цифровом мире и показать, что сценарии ее поведения и идентификационные характеристики могут быть разными.

5. Дальнейшее развитие темы нам видится актуальным в области проработки и уточнения как центрального понятия — «цифровая идентичность», так и употребленных в данном исследовании близких к нему — «цифровая телесность», «достроенный разум», «информационное бродяжничество», «алгоритмические составляющие цифровой идентичности» и др.

6. Также обозначим практическую актуальность разработки темы типов цифровой идентичности в приложении, например, к области образовательных технологий. Об актуальности реформирования системы образования с учетом требований цифровой среды и информационного общества уже говорят многие авторы (см., например, [3]). Известно, что функция образования не сводится только лишь к передаче знаний: его гораздо более значимые задачи связаны также с формированием идентификационных

структур личности ребенка, обретением им осознания своей социальной и культурной идентичности, а в пределе — самоидентификации. При этом, как показал проведенный анализ, задача сохранения ребенком или подростком собственной субъектной позиции при обращении с цифровыми устройствами и погружении в цифровую среду скорее всего не может быть осознана и решена самостоятельно. Важную роль в сохранении субъектности современного молодого поколения может играть образовательный процесс, в ходе которого аккуратное внедрение позитивных практик обращения с цифровыми устройствами должно способствовать не только повышению цифровых компетенций обучающихся, но и формировать личность в совокупности составляющих ее типов цифровой идентичности.

Свою прикладную значимость здесь может проявить критерий центра самоопределения человека, заданный дихотомией между возможностью полного ухода ребенка как субъекта (тип идентичности № 5) и его «возвращением» в качестве личности, существенную часть самоидентификации которой составляют разные типы цифровой идентичности (тип идентичности № 4). На наш взгляд, фиксация именно этой дихотомии важна для разработки стратегий образовательного процесса личности, погруженной в цифровую среду.

Литература

1. Богомолова Е.И. Личностная идентичность в условиях виртуализации бытия // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С. 104–120.
2. Выготский Л.С. Вопросы теории и истории психологии. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. 487 с.
3. Кондаков А.М., Сергеев И.С. Образование в условиях конвергентной сетевой среды // Проблемы развития дидактики в условиях цифровой трансформации образования. Сборник научных трудов / Сост.: В.Г. Мартынов, В.М. Жураковский. М.: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина, 2022. С. 98–121.

4. *Конева А.В.* «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2018. № 1. С. 50–61.
5. *Мамедова Н.М.* Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального // Век глобализации. 2021. № 3(39). С. 74–85.
6. *Ним Е.* (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 409–427.
7. *Ним Е.* Селф-трекинг как практика квантификации телесности: концептуальные контуры // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 172–192. DOI:10.31250/1815-8870-2018-14-38-172-192
8. *Писаревская Н.С.* Средства массовой информации и ценности массового общества // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 1. С. 58–66. DOI:10.17150/2308-6203.2016.5(1).58-66
9. *Рубцова О.В.* Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть вторая) // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 4. С. 100–108. DOI:10.17759/chrp.2019150410
10. *Смирнов С.А.* Виртуальная реальность как превращенная форма // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 1. С. 21–38. DOI:10.21146/2072-0726-2023-16-1-21-38
11. *Смирнов С.А.* Культурно-исторический подход: цифровой вызов и модель опосредствования // Человек.RU. 2022. № 17. С. 14–70. DOI:10.32691/2410-0935-2022-17-14-70
12. *Смирнов С.А.* Человек и цифра: история соблазна // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 8(454). С. 22–29. DOI:10.47475/1994-2796-2021-10803
13. *Солдатова Г.У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308
14. *Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н.* Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 4. С. 27–37. DOI:10.17759/chrp.2022180403
15. *Соловьева Л.Н.* Идентичность в условиях цифровой трансформации: теоретико-методологический фокус // Общество: философия, история, культура. 2022. № 11(103). С. 76–81. DOI:10.24158/fik.2022.11.12
16. *Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г.* Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 16–24.
17. *Чернавин Ю.А.* Цифровая идентичность личности: сущность, особенности возникновения и проявления // Человеческий Капитал. 2022. Т. 2. № 12(168). С. 74–78.
18. *Шмелькова Л.В., Костылева А.А.* Цифровая образовательная среда как основа цифровой трансформации образовательной деятельности университета // Развитие современных инновационных технологий и методик в образовательных учреждениях. Сборник научных статей. Курган: Курганский государственный университет, 2021. С. 107–111.
19. *Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В.* Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 7.
20. *Barak M.* Are digital natives open to change? Examining flexible thinking and resistance to change // Computers and Education. 2018. Vol. 121. P. 115–123. DOI:10.1016/j.compedu.2018.01.016
21. *Cheung C.M.K., Wong R.Y.M., Chan T.K.H.* Online disinhibition: conceptualization, measurement, and relation to aggressive // Industrial Management & Data Systems. 2021. Vol. 121. No. 1. P. 48–64. DOI:10.1108/IMDS-08-2020-0509

22. Floridi L. The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality. Oxford: Oxford University Press, 2014. 264 p.
23. Gillian R. On the relation between «visual research methods» and contemporary visual culture // The Sociological Review. 2014. Vol. 62. P. 24–46. DOI:10.1111/1467-954X.12109
24. Gumpert G., Cathcart R. Intermedia: interpersonal communication in a media word (3rd ed). New York: Oxford University Press, 1986. 688 p.
25. Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. Networking mechanisms of identity formation // Cultura. International Journal of Philosophy of Culture and Axiology. 2017. Vol. 14. No. 2. P. 107–120. DOI:10.3726/cul.2017.02.06
26. Niezen R. Digital Identity: The Construction of Virtual Selfhood in the Indigenous Peoples' Movement // Comparative Studies in Society and History (CSSH). 2005. Vol. 47. No. 3. P. 532–551. DOI:10.1017/S0010417505000241
27. Palfrey J.S., Walker D.K., Haynie M. Technology's Children: Report of a Statewide Census of Children Dependent on Medical Supports // Pediatrics. 1991. Vol. 87. No. 5. P. 611–618.
28. Postems T., Spears R. Deindividuation and antinormative behavior: a meta-analysis // Psychological Bulletin. 1998. Vol. 123. P. 238–259. DOI:10.1037/0033-2909.123.3.2381998
29. Suler J. The online disinhibition effect // Cyberpsychology & behavior: the impact of the Internet, multimedia and virtual reality on behavior and society. 2004. Vol. 7. P. 321–326. DOI:10.1089/1094931041291295

References

1. Bogomolova E.I. Lichnostnaya identichnost' v usloviyakh virtualizatsii bytiya [Personal identity in the conditions of virtualization of being]. *Human. Community. Management = Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2014, no. 2, pp. 104–120. (In Russ.).
2. Vygotsky L.S. Voprosy teorii i istorii psikhologii. Sobranie sochinenii v 6 t. T. 1: Voprosy teorii i istorii psikhologii [Questions of theory and history of psychology. Collected works. Vol. 1: Questions of theory and history of psychology]. Moscow: Pedagogika Publ., 1982. 487 p. (In Russ.).
3. Kondakov A.M., Sergeev I.S. Obrazovaniye v usloviyakh konvergentnoy setevoy sredy [Education in a convergent network environment]. In V.G. Martynov, V.M. Zhurakovskiy (comp.) *Problemy razvitiya didaktiki v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obrazovaniya. Sbornik nauchnykh trudov [Problems of didactics development in the conditions of digital transformation of education. Collection of scientific papers]*. Moscow, 2022, pp. 98–121. (In Russ.).
4. Koneva A.V. «Tsifrovaya identichnost'»: protsessy identifikatsii i reprezentatsii v setevoi kommunikatsii [«Digital identity»: Identification and representation processes in network communication]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, 2018, no. 1, pp. 50–61. (In Russ.).
5. Mamedova N.M. Chelovek v epokhu tsifrovizatsii: na grani real'nogo i virtual'nogo [Man in the era of digitalization: On the verge of real and virtual]. *Vek globalizatsii = Age of Globalization*, 2021, no. 3(39), pp. 74–85. (In Russ.).
6. Nim E. (Ne)sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti v epokhu mediatizatsii [(Non)social construction of reality in the era of mediatization]. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*, 2017. vol. 16, no. 3, pp. 409–427. (In Russ.).
7. Nim E. Self-treking kak praktika kvantifikatsii telesnosti: kontseptual'nye kontury [Self-tracking as a practice of quantification of physicality: Conceptual contours]. *Antropologicheskii forum = Forum for Anthropology and Culture*, 2018, no. 38, pp. 172–192. (In Russ.). DOI:10.31250/1815-8870-2018-14-38-172-192
8. Pisarevskaya N.S. Sredstva massovoi informatsii i tsennosti massovogo obshchestva [New media and identity crisis]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, no. 3-2(54), pp. 192–195. (In Russ.). DOI:10.17150/2308-6203.2016.5(1).58-66

9. Rubtsova O.V. Tsifrovye tekhnologii kak novoe sredstvo oposredovaniya (Chast' vtoraya) [Digital technologies as a new means of mediation (Part Two)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2019. Vol. 15, no. 4, pp. 100–108. (In Russ.). DOI:10.17759/chp.2019150410
10. Smirnov S.A. Virtual'naya real'nost' kak prevrashchennaya forma [Virtual reality as a transformed form]. *Filosofskii zhurnal = Philosophy Journal*, 2023. Vol. 16, no. 1, pp. 21–38. (In Russ.). DOI:10.21146/2072-0726-2023-16-1-21-38
11. Smirnov S.A. Kul'turno-istoricheskii podkhod: tsifrovoy vyzov i model' oposredstvovaniya [Cultural-historical approach: Digital challenge and mediation model]. *Chelovek.RU = Humanities Almanac*, 2022, no. 17, pp. 14–70. (In Russ.). DOI:10.32691/2410-0935-2022-17-14-70
12. Smirnov S.A. Chelovek i tsifra: istoriya soblazna [The man and the digitalization: The history of temptation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2021, no. 8(454), pp. 22–29. (In Russ.). DOI:10.47475/1994-2796-2021-10803
13. Soldatova G.U. Tsifrovaya sotsializatsiya v kul'turno-istoricheskoi paradigme: izmenyayushchiysya rebenok v izmenyayushchemsya mire [Digital socialization in the cultural-historical paradigm: A changing child in a changing world]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 71–80. (In Russ.). DOI:10.17759/social.2018090308
14. Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Ilyukhina S.N. Ya-real'noe i Ya-virtual'noe: identifikatsionnye matritsy podrostkov i vzroslykh [I am real and I am virtual: Identification matrices of adolescents and adults]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 4, pp. 27–37. (In Russ.). DOI:10.17759/chp.2022180403
15. Solovyova L.N. Identichnost' v usloviyakh tsifrovoy transformatsii: teoretiko-metodologicheskii fokus [Identity in the context of digital transformation: theoretical and methodological focus]. *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kul'tura = Society: philosophy, history, culture*, 2022, no. 11(103), pp. 76–81. (In Russ.).
16. Tkhostov A.Sh., Surnov K.G. Vliyanie sovremennykh tekhnologii na razvitie lichnosti i formirovanie patologicheskikh form adaptatsii: obratnaya storona sotsializatsii [The influence of modern technologies on personality development and the formation of pathological forms of adaptation: The reverse side of socialization]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2005, no. 6, pp. 16–24. (In Russ.).
17. Chernavin Yu.A. Tsifrovaya identichnost' lichnosti: sushchnost', osobennosti vozniknoveniya i proyavleniya [Digital personal identity: essence, features of emergence and manifestation]. *Chelovecheskiy Kapital = Human Capital*, 2022. Vol. 2, no. 12(168), pp. 74–78.
18. Shmelkova L.V., Kostyleva A.A. Tsifrovaya obrazovatel'naya sreda kak osnova tsifrovoy transformatsii obrazovatel'noy deyatelnosti universiteta [Digital educational environment as the basis for the digital transformation of university educational activities]. In *Razvitiye sovremennykh innovatsionnykh tekhnologiy i metodik v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh. Sbornik nauchnykh statey [Development of modern innovative technologies and methods in educational institution. Collection of scientific articles]*. Kurgan: Kurgan State University, 2021, pp. 107–111.
19. Schneider L.B., Simanyuk V.V. Pol'zovatel' v informatsionnoi srede: tsifrovaya identichnost' segodnya [The user in the information environment: Digital identity today]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2017. Vol. 10, no. 52, p. 7. (In Russ.).
20. Barak M. Are digital aborigines open to change? The study of flexible thinking and resistance to change. *Computers and Education*, 2018. Vol. 121, pp. 115–123. DOI:10.1016/j.compedu.2018.01.016
21. Chung K.M.K., Wong R.Y.M., Chan T.K.H. Online disinhibition: Conceptualization, measurement and connection with aggressiveness. *Industrial management and data processing systems*, 2021. Vol. 121, no. 1, pp. 48–64. DOI:10.1108/IMDS-08-2020-0509
22. Floridi L. *The Fourth Revolution: How the infosphere is changing human reality*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 264 p.

23. Gillian R. On the connection between “visual research methods” and modern visual culture. *Sociological Review*, 2014. Vol. 62, pp. 24–46. DOI:10.1111/1467-954X.12109
24. Gampert G., Cathcart R. Interlude: Interpersonal Communication in the Media Word (3rd ed.). Oxford: Oxford University Press, 1986. 688 p.
25. Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. Network mechanisms of identity formation. *Culture. International Journal of Philosophy of Culture and Axiology*, 2017. Vol. 14, no. 2, pp. 107–120. DOI:10.3726/cul.2017.02.06
26. Niesen R. Digital identity: constructing a virtual self in the movement of indigenous peoples. *Comparative studies in society and history (CSSH)*, 2005. Vol. 47, no. 3, pp. 532–551. DOI:10.1017/S0010417505000241
27. Palfrey J.S., Walker D.K., Haynie M. Technology’s Children: Report of a Statewide Census of Children Dependent on Medical Supports. *Pediatrics*, 1991. Vol. 87, no. 5, pp. 611–618.
28. Postems T., Spears R. Deindividuation and antinormative behavior: Meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 1998. Vol. 123, pp. 238–259. DOI:10.1037/0033-2909.123.3.2381998
29. Suler J. The effect of online disinhibition. *Cyberpsychology and behavior: the influence of the Internet, multimedia and virtual reality on behavior and society*, 2004. Vol. 7, pp. 321–326. DOI:10.1089/1094931041291295

Информация об авторах

Персидская Ольга Алексеевна, младший научный сотрудник, ФГБУН Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ФГБУН ИФПР СО РАН), г. Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6821-4692>, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru

Information about the authors

Olga A. Persidskaya, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6821-4692>, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru

Получена 30.06.2023

Received 30.06.2023

Принята в печать 14.12.2024

Accepted 14.12.2024

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Временная перспектива личности как ресурс преодоления кризиса идентичности на различных этапах жизнеосуществления

Мещерякова Е.М.

ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга»
(ФГБОУ ВО КамГУ), г. Петропавловск-Камчатский, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7443-940X>, e-mail: colombina6@mail.ru

Серый А.В.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (ФГБОУ ВО КеМГУ),
г. Кемерово, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>, e-mail: avgrey@yahoo.com

Яницкий М.С.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (ФГБОУ ВО КеМГУ),
г. Кемерово, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>, e-mail: direktorspi@kemsu.ru

Цель. Определить роль временной перспективы личности в преодолении кризиса идентичности и раскрыть ее потенциал как ресурса психологической помощи на различных этапах жизнеосуществления.

Контекст и актуальность. Усиление проявлений кризиса идентичности в современных условиях определяет необходимость поиска новых направлений психологической работы по его предупреждению и эффективному разрешению. Имеющиеся данные о наличии взаимосвязи темпоральных и идентификационных характеристик позволяют рассматривать содержательные особенности временной перспективы личности в качестве потенциального ресурса преодоления кризиса идентичности.

Дизайн исследования. Комплекс диагностических методик, направленных на изучение особенностей временной перспективы личности и специфики проявлений переживания кризисов идентичности, позволил собрать данные по выборкам, сформированным в соответствии с возрастными периодами. Первичные данные были подвергнуты сравнительному анализу средних значений по изучаемым признакам и сопоставлению особенностей корреляционных взаимосвязей показателей временной перспективы и кризиса идентичности. В дальнейшем с помощью регрессионного анализа подтверждалось предположение о влиянии показателей временной перспективы на уровень переживания кризиса идентичности в выделенных возрастных группах. Также с использованием регрессионного анализа проверялась гипотеза об обусловливании изменчивости временной перспективы в различных возрастных группах показателями стрессогенности кризисных областей жизнеосуществления.

Участники. В исследовании приняли участие 139 человек в возрасте от 16 до 55 лет. Общая выборка была поделена на группы согласно возрастным периодам: старший подростковый (15–17 лет, 38 человек), юношеский (18–22 года, 47 человек), ранняя взрослость (23–29 лет,

26 человек), зрелость/поздняя взрослость (30–55 лет, 28 человек). Все группы были уравнены по половому признаку.

Методы (инструменты). Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо ZPTI (модификация А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной); «Опросник кризисной идентичности» Н.В. Дмитриевой и Н.А. Самойлик; анкета кризисных событий и переживаний В.Р. Манукян; методика исследования профессиональной идентичности (МИПИ) и личностной идентичности (МИЛИ) Л.Б. Шнейдер. При обработке полученных данных использовались методы статистического анализа (корреляционный анализ, U-критерий Манна-Уитни, критерий Краскела-Уоллиса, регрессионный анализ).

Результаты. Выявлена специфика взаимосвязи параметров временной перспективы личности и показателя кризисной идентичности в различных возрастных группах. Установлено, что временная перспектива детерминирует уровень и характер переживания кризиса идентичности, при этом конкретные особенности временной перспективы личности на разных этапах жизнеосуществления имеют неодинаковое значение.

Основные выводы. Содержательные характеристики временной перспективы личности являются важным потенциальным ресурсом преодоления кризиса идентичности, имеющим избирательную значимость на различных этапах жизнеосуществления, что определяет возрастные особенности возможной «терапевтической мишени» в рамках психологического воздействия.

Ключевые слова: временная перспектива личности; темпоральность; идентичность; кризис идентичности; возрастные этапы жизнеосуществления.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках реализации гранта ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга», научный проект № 14–12 от 19.11.2023 «Путь к себе: выход из кризиса».

Для цитаты: Мещерякова Е.М., Серый А.В., Яницкий М.С. Временная перспектива личности как ресурс преодоления кризиса идентичности на различных этапах жизнеосуществления // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 75–93. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150406>

Personality's Time Perspective as a Resource for Overcoming the Identity Crisis at Different Stages of Life Realization

Elena M. Meshcheryakova

Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7443-940X>, e-mail: colombina6@mail.ru

Andrey V. Seryy

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>, e-mail: avgrey@yahoo.com

Mikhail S. Yanitskiy

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>, e-mail: direktorspi@kemsu.ru

Objective. Investigating the role of personality's time perspective in overcoming the identity crisis and determining its potential as a resource of personal growth at different stages of life realization.

Background. The growth of identity crisis manifestations in modern conditions determines the necessity to search for new directions of psychological work on its prevention and effective resolution. The available theoretical data on the presence of interrelation between temporal and identification char-

acteristics allows to consider the content features of personality's time perspective as a resource for overcoming the identity crisis.

Study design. A set of diagnostic techniques aimed at studying the features of a personality's time perspective and the specifics of the manifestations of experiencing identity crises allowed us to collect data on samples formed in accordance with age periods. The primary data were subjected to a comparative analysis of the average values for the studied characteristics and a comparison of the features of the correlation relationships between the indicators of the time perspective and the identity crisis. Later, using the regression analysis of the analysis, the assumption was confirmed about the influence of time perspective indicators on the level of experiencing an identity crisis in the selected age groups. Also, using regression analysis, the hypothesis was tested that the variability of the time perspective in different age groups is conditioned by indicators of stress in crisis areas of life realization.

Participants. The study involved 139 people aged 16 to 55 years. The total sample was divided into groups according to age periods: older adolescence (15–17 years, 38 people), adolescence (18–22 years, 47 people), early adulthood (23–29 years, 26 people), maturity/late adulthood (30–55 years, 28 people). All groups were equalized by gender.

Measurements. Zimbardo's ZTPI time perspective methodology (modified by A. Syrtsova, E.T. Sokolova, O.V. Mitina); "Crisis Identity Questionnaire" by N.V. Dmitrieva and N.A. Samoilik; questionnaire of crisis events and experiences by V.R. Manukyan; methodology for the study of professional identity and personal identity by L.B. Schneider. The methods of statistical analysis (correlation analysis, Mann-Whitney U Test, Kruskal–Wallis test, regression analysis) were used in the processing of the obtained data.

Results. Belief in a just world increases political trust; belief in a dangerous world reduces it. Political trust positively predicts readiness to participate in various forms of normative political activity. The presence of cross-cultural differences in the characteristics of the model between the Russian and Ukrainian samples is established.

Conclusions. Content characteristics of the personality's time perspective are an important potential resource for overcoming the identity crisis. It has selective significance at different stages of life realization determining the age-specific features of a possible "therapeutic target" within the framework of psychological influence.

Keywords: personality's time perspective; temporality; identity; identity crisis; age-related life stages.

Funding. The study was carried out as part of the implementation of the grant of the Vitus Bering Kamchatka State University, scientific project No. 14-12 dated 11/19/2023 "The way to yourself: a way out of the crisis".

For citation: Meshcheryakova E.M., Seryy A.V., Yanitskiy M.S. Personality's Time Perspective as a Resource for Overcoming the Identity Crisis at Different Stages of Life Realization. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 75–93. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150406> (In Russ.).

Введение

Исследование кризиса идентичности во взаимосвязи с темпоральными аспектами жизнеосуществления человека имеет достаточно давнюю традицию. Еще Э. Эриксон отмечал, что выход из психосоциального кризиса характеризуется на-

пряженным переживанием времени, целенаправленным планированием будущего, стремлением к четкому определению своих жизненных перспектив. Неспособность человека ориентироваться в целостном процессе своей жизни, во взаимосвязи настоящего, прошлого и будущего опре-

делялась им как одна из характеристик кризиса идентичности — «диффузное» переживание времени [17]. Идея о темпоральности идентификационных процессов как проявлениях формирования идентичности и ее кризиса получила развитие в дальнейших исследованиях. В большинстве из них в качестве важной характеристики идентичности рассматривалась временная структура, представляющая собой результат конструирования и реконструирования целостного хода жизни. Так, Е.В. Бредун и Э.А. Щеглова понимают под жизнеосуществлением человека временную организацию психологических переживаний, обеспечивающую посредством «кодировки» временных явлений «самоидентификацию себя» [4]. Как отмечают авторы в другой своей работе, субъективные темпоральные характеристики действительности задают пространственно-временную организацию человека, позволяющую идентифицировать и реализовать себя в процессах жизнеосуществления [5]. А. Ватерман (A.S. Waterman), конкретизируя положения данного исследовательского тренда, определял в качестве элементов идентичности локализованные в персональном будущем убеждения, ценности и цели, влияющие на процесс самоопределения человека в настоящем [20]. Данная проблема, по мнению Г.М. Андреевой, освещена настолько широко, что практически не остается пространства для ее дальнейшего изложения. Тем не менее дискуссии о содержании кризиса идентичности, а также способах его преодоления продолжают вестись как отечественными, так и зарубежными учеными [1]. Е.П. Белинская, резюмируя состояние рассматриваемой проблемы, отмечает, что нарушение временной перспективы личности при кризисе идентичности является достаточно устоявшейся позицией в психологии личности. По ее мнению, причиной любо-

го кризиса идентичности является распад привычной связи событий, отражающийся на общем образе темпорального Я [3].

Ускорение темпов жизни современного человека на фоне происходящих социальных изменений вновь актуализировало исследовательский интерес к переживанию кризиса идентичности. Последние исследования свидетельствуют, что даже те компоненты социальной идентичности, которые раньше были устойчивы (гендерные, этнические, профессиональные и т.д.), становятся крайне изменчивыми, и, соответственно, параметры идентичности, выявленные и охарактеризованные 20 лет назад, уже не отражают актуальную ситуацию [18]. В этой связи обоснованной является констатация Е.П. Белинской о том, что кризис идентичности в наше время уже перешел за нормативно-возрастные рамки и стал частью всего современного общества [2]. Отличительными особенностями жизнеосуществления человека в современных условиях являются нарастающие изменения в социально-политической и экономической сферах и связанный с ними высокий уровень неопределенности, затрудняющий конструирование образа субъективного будущего и построение жизненных целей. Отчетливая трансформация социальных взаимодействий, характера профессиональной деятельности и образа жизни в целом обусловлены, в частности, «цифровизацией» или «виртуализацией» повседневной жизни [8; 11; 14]. Указанные тенденции, по мнению О.В. Лукьянова, порождают новое поколение людей, самостоятельно фиксирующих свою идентичность и легализующих ее в созданном ими же мире [9].

Проведенные нами ранее исследования показывают, что возникновение кризисов, связанных с изменением жизненной ситуации, выступает одним из факторов изменчивости структуры иден-

тичности [10; 13]. По словам Н.В. Дмитриевой и Н.А. Самойлик, происходящие сегодня изменения жизни не могли не отразиться на становлении идентичности постсовременного человека, которая определяется как «постмодернистский сэлф», отличающийся множественностью, фрагментарностью и конфликтами между субидентичностями [7]. Соответственно, сегодня актуализируется четкий запрос на исследование кризисных проявлений в данной области и путей их предупреждения, определяя необходимость обеспечения соответствия возможностей человека новым требованиям.

Опираясь на уже устоявшееся представление о существовании у одного человека одновременно множества идентичностей, мы рассматриваем идентичность личности как иерархически организованную систему, включающую различные виды субидентичностей, а проявление кризиса идентичности — как рассогласование компонентов этой системы в основных сферах жизнеосуществления человека, нарушающее хромотопичность, континуальность (непрерывность), протяженность «место-времени», которые обеспечивают устойчивость жизненного мира человека.

Временная перспектива личности во многом определяет характер идентификационных процессов в период кризисных переживаний на различных возрастных стадиях жизнеосуществления человека. Вместе с тем ее вариативность (изменчивость) во многом обуславливается факторами пережитых человеком кризисных событий в основных сферах жизнеосуществления, выражающимися в ценностно-смысловом отношении человека к субъективному прошлому, настоящему и будущему и определяющими, таким образом, выраженность переживания кризиса идентичности на определенном этапе жизни. Факты и яв-

ления человеческой жизни имеют свое смысловое содержание в определенных временных локусах субъективной реальности. В кризисных ситуациях под воздействием объективных обстоятельств механизм синхронизации временных локусов может рассогласовываться.

Можно констатировать, что временная перспектива играет важную роль в системе регуляции взаимоотношений человека с окружающей средой и определении характера личностного развития, представляя собой тем самым психологический ресурс преодоления кризиса идентичности. Совокупность ресурсов совладания с потенциально негативными эффектами изменения жизненного мира, обеспечивающих способность адекватно отвечать на актуальные вызовы, представляет собой ресурсный потенциал личности [19]. В этой связи верификация ресурсного потенциала временной перспективы личности является актуальной задачей, решение которой будет способствовать разработке эффективных психологических технологий психологического сопровождения человека на различных этапах переживания идентификационных кризисов.

С целью проверки положений о значимости роли временной перспективы личности в преодолении кризиса идентичности и раскрытии ее потенциала как ресурса психологической помощи на различных этапах жизнеосуществления в проведенном исследовании эмпирически проверялась гипотеза о детерминации переживания кризиса идентичности личности временной перспективой и ее обусловленности прожитыми кризисными моментами в основных сферах жизни человека.

Метод

Схема проведения исследования. Для достижения поставленной цели осуществлялся вторичный анализ результатов

проведенного нами ранее исследования [12], в котором использовался комплект методик, направленных на изучение особенностей временной перспективы личности, статусов профессиональной и личностной идентичности, кризиса идентичности, индивидуальной структуры психологического содержания биографических кризисов. Первичные данные были подвергнуты сравнительному анализу средних значений по изучаемым признакам и сопоставлению особенностей корреляционных взаимосвязей показателей временной перспективы и кризиса идентичности. В дальнейшем с помощью регрессионного анализа подтверждалось предположение о влиянии показателей временной перспективы на уровень переживания кризиса идентичности в выделенных возрастных группах. Также с использованием регрессионного анализа проверялась гипотеза об обусловливании изменчивости временной перспективы в различных возрастных группах показателями стрессогенности кризисных областей жизнеосуществления.

Выборка исследования. Анализировались результаты исследования 139 человек в возрасте от 16 до 55 лет, распределенных в 4 эмпирических группы: 1 группа (подростки) — девушки и юноши в возрасте от 15 до 17 лет, обучающиеся в общеобразовательных школах города Петропавловска-Камчатского, 38 человек; 2 группа (период юношества) — включает юношей и девушек в возрасте от 18 до 22 лет, обучающихся в ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга», — 47 человек; 3 эмпирическая группа (период ранней зрелости/молодость) — 26 человек (мужчин и женщин) в возрасте от 23 до 29 лет; 4 эмпирическая группа (период поздней зрелости/зрелость) — 28 человек (мужчин и женщин) в возрасте от

30 до 55 лет. Гендерный состав выборок был уравнен.

Методики исследования. Методика ЗТРИ Ф. Зимбардо (модификация А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной), позволяющая выявить особенности временной перспективы личности [15].

«Опросник кризисной идентичности» (ОКИ) Н.В. Дмитриевой и Н.А. Самойлик, предназначенный для диагностики кризисной идентичности через анализ содержательных параметров кризисов субъекта — детско-родительские, семейные отношения (ДРО), ценностно-смысловой аспект (ЦСА), эмоциональный аспект (ЭА), поведенческий аспект (ПА), межличностные и профессиональные отношения (МПО), сексуальный аспект (СА), стрессовые факторы (СФ), общий показатель кризисной идентичности (ОКИ) [6].

Анкета кризисных событий и переживаний В.Р. Манукян, направленная на изучение психологического содержания и интенсивности переживания кризисов соответствующего возрастного периода [15].

Методики исследования профессиональной (МИПИ) и личностной идентичности (МИЛИ) Л.Б. Шнейдер [16].

При анализе полученных данных использовался математико-статистический метод, в частности применялись корреляционный анализ, U-критерий Манна-Уитни, критерий Краскела-Уоллиса, регрессионный анализ.

Результаты

Оценка средних значений по измеряемым параметрам во всех четырех эмпирических группах, а также их попарное сравнение позволяют дать общую сравнительную характеристику возрастных особенностей в области временной перспективы личности и специфики переживания кризиса идентичности (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение средних показателей диагностируемых параметров в различных возрастных группах по критерию Краскела-Уоллиса и критерию Манна-Уитни

Методы	Измеряемые параметры	Подростковый период (П)	Юношеский Период (Ю)	Ранняя взрослость (РВ)	Зрелость (З)	Критерий Краскела-Уоллиса
ЗТРИ Ф. Зимбардо	Негативное прошлое	3,02 (З)	2,74 (РВ)	3,09 (Ю, З)	2,56 (П, РВ)	7,46
	Гедонистическое настоящее	3,14	3,13	3,19	2,94	2,24
	Будущее	3,42 (Ю, РВ)	3,79 (П)	3,83 (П)	3,66	6,67
	Позитивное прошлое	3,73	3,81	3,59	3,58	2,25
	Фаталистическое настоящее	2,71	2,60	2,44	2,48	3,52
МИЛИ	Личностная идентичность	67,25	70,94	70,48	74,50	3,79
МИПИ	Профессиональная идентичность	49,80	51,73	53,35	61,47	9,60*
Опросник ОКИ	Детско-родительские, семейные отношения	44,89	37,02	43,06	36,86	7,83*
	Ценностно-смысловой аспект	38,66	34,79	37,23	29,74	6,03
	Эмоциональный аспект	50,33	47,19	50,69	41,92	5,87
	Поведенческий аспект	57,20	47,75	52,09	42,24	9,61*
	Межличностные и профессиональные отношения	48,40	39,62	45,75	38,52	17,16**
	Сексуальный аспект	39,63	36,30	40,19	33,22	7,62*
	Стрессовые факторы	41,59	38,51	45,45	34,58	7,69*
Анкета кризисных событий и переживаний	Общий показатель кризиса идентичности	32,94	27,65	35,42	24,41	8,23*
	Кризис нереализованности	6,59	5,00	6,29	6,30	3,91
	Кризис бесперспективности	12,00	11,65	11,49	9,05	4,39
	Кризис опустошенности	5,15 (З)	4,99 (З)	4,74	3,60 (П, Ю)	6,56
	Общепсихологический признак кризиса	4,29	4,02	4,15	3,18	1,28
	Кризис идентичности	5,24	4,81	4,42	3,57	4,01
	Кризисный процесс вхождения во взрослость (ВУЗ)	4,28	3,00	3,00	2,45	11,45**
Кризисный процесс вхождения во взрослость (начало профессиональной деятельности)	3,31	3,09	3,33	2,18	2,77	

Примечания: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; в скобках указаны возрастные группы, с которыми методом парных сравнений по U-критерию Манна-Уитни выявлены статистически значимые различия при $p \leq 0,05$.

Рассматривая профили временной перспективы в описываемых группах, необходимо отметить тот факт, что в большинстве случаев значимых различий в показателях выявлено не было. Однако в определенных временных ориентациях отличия все-таки наблюдаются. Так, при сравнении средних показателей по шкалам негативного прошлого и будущего были выявлены достоверные различия между выборками — более выраженное негативное отношение к прошлому отмечается в подростковый период и период ранней зрелости.

Анализ специфики взаимосвязи параметров временной перспективы лич-

ности и общего показателя кризисной идентичности выявил также различия в характере корреляционных связей в описываемых группах (табл. 2).

На основе полученных данных нами была разработана модель, демонстрирующая характер взаимосвязи переживания кризиса идентичности и личностных особенностей временной перспективы в возрастной динамике (рис. 1).

Временная перспектива, как и любая системообразующая структура личности, выступает, с одной стороны, как относительно устойчивое личностное образование, а с другой — как динамическая

Таблица 2

Значения ранговой корреляции Спирмена общего показателя кризисной идентичности и параметров временной перспективы в разных возрастных группах

Параметры временной перспективы	Подростковый период	Юношеский период	Ранняя зрелость	Зрелость
Негативное прошлое	0,32*	0,47**	0,60**	0,48**
Гедонистическое настоящее	-0,22	0,29*	0,35	0,14
Будущее	-0,17	-0,13	-0,30	-0,23
Позитивное прошлое	-0,45**	-0,37**	-0,42*	-0,26
Фаталистическое настоящее	0,07	0,52**	0,43*	0,22

Примечания: * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

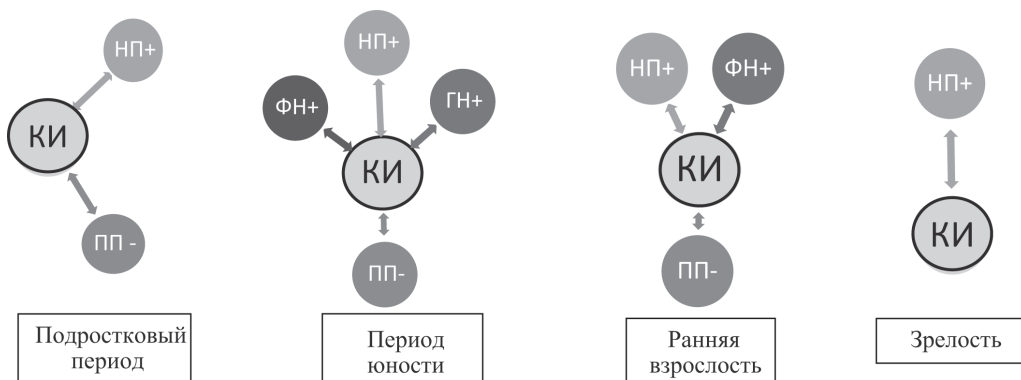

Рис. 1. Возрастные особенности корреляционных связей параметров временной перспективы и показателя кризиса идентичности: КИ — кризис идентичности; ПП — позитивное прошлое; ГН — гедонистическое настоящее; ФН — фаталистическое настоящее; НП — негативное прошлое

характеристика, трансформация которой свидетельствует о происходящих в жизни субъекта изменениях и запущенном этими изменениями процессе адаптации.

Рассматривая временную перспективу как одну из фундаментальных характеристик личности, логичным предположением выступает идея о том, что особенности временной перспективы личности могут выступать фактором, влияющим на характер и глубину переживания кризиса идентичности.

Для подтверждения гипотезы о том, что параметры временной перспективы можно рассматривать в качестве независимых переменных, воздействующих на общий показатель кризисной идентичности, нами был проведен регрессионный анализ (множественная линейная регрессия) (табл. 3), по результатам которого были получены значимые регрессионные уравнения, отражающие характер зависимости уровня переживания кризиса идентичности от тех или иных показателей временной перспективы.

На каждом возрастном этапе уравнения отражают специфику взаимосвязи временной перспективы и показателей кризиса идентичности:

КИ подростковый возраст = 61,54 – 12,93 (*ПП*) + 6,51 (*НП*);

КИ юношеский возраст = –4,13 + 11,61 (*НП*);

КИ ранняя взрослость = 45,91 + 12,43 (*НП*) – 12,75 (*Б*);

КИ зрелость = 26,37 + 7,78 (*НП*) – 6,10 (*ПП*).

Полученные уравнения уточняют характер связи элементов построенной корреляционной модели (рис. 1) и определяют детерминанты выраженности кризиса идентичности на различных возрастных этапах жизнеосуществления: в подростковом возрасте предикторами кризисной идентичности являются показатели негативного и позитивного прошлого, в период юношества – ориентация на негативное прошлое, в ранней взрослости предикторами выступают ориентации на

Таблица 3

Результаты множественного регрессионного анализа выраженности кризиса идентичности с параметрами временной перспективы в исследуемых группах

Возрастные группы	Параметры временной перспективы	Нестандартный коэффициент		Стандартный коэффициент Бета	<i>t</i>	<i>p</i>
		<i>B</i>	Стандартная ошибка			
Подростки	(Константа)	61,54	17,21		3,58	0,001***
	ПП	–12,93	3,96	–0,45	–3,27	0,001***
	НП	6,51	2,69	0,34	2,42	0,020*
Юноши	(Константа)	–4,13	7,05		–0,59	0,560
	НП	11,61	2,47	0,57	4,70	0,001***
Ранняя взрослость	(Константа)	45,91	12,19		3,77	0,001***
	НП	12,43	2,28	0,67	5,47	0,001***
	Б	–12,75	2,83	–0,55	–4,51	0,001***
Зрелость	(Константа)	26,37	9,49		2,78	0,010**
	НП	7,78	2,23	0,56	3,49	0,001***
	ПП	–6,10	2,45	–0,40	–2,49	0,020*

Примечания: ПП – позитивное прошлое; НП – негативное прошлое; Б – будущее; * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$

негативное прошлое и будущее, а в период зрелости добавляется ориентация на позитивное прошлое. Проведенный анализ позволяет нам говорить о временной перспективе как детерминанте, оказывающей влияние на уровень и характер переживания кризиса идентичности.

Вместе с тем характер этого влияния отличается нелинейностью и разнонаправленностью воздействий. Рассматривая временную перспективу как динамическую структуру, актуализируется вопрос о ситуационных факторах, связанных с основными сферами жизни, определяющих ее изменчивость на различных этапах жизнеосуществления.

Учитывая, что частные показатели кризисной идентичности, представленные в шкалах методики ОКИ, как раз и отражают уровень стрессогенности конкретной сферы жизнеосуществления субъекта, мы выдвинули предположение о том, что эти

показатели могут выступать уже в качестве независимых переменных, влияющих на временную перспективу (ее изменчивую часть). Для оценки возможности использования регрессионного анализа при проверке данной гипотезы нами был проведен корреляционный анализ, который подтвердил наличие взаимосвязей между различными ориентациями временной перспективы и определенными кризисными сферами жизни (табл. 4). По результатам проведенного анализа был сделан вывод о том, что характер выявленных взаимосвязей имеет отличия при сравнении разных возрастных этапов между собой, а также о том, что наибольшее количество корреляционных связей наблюдается между разнообразными сферами кризисных ситуаций и двумя временными ориентациями: на позитивное и негативное прошлое.

Проведенный регрессионный анализ, где в качестве зависимых переменных

Таблица 4

Значения ранговой корреляции Спирмена параметров временной перспективы и показателей выраженности кризиса в различных сферах жизнеосуществления

Параметры временной перспективы	Возрастные группы	ДРО	ЦСА	ЭА	ПА	МПО	СА	СФ
Негативное прошлое	подростки	0,22	0,38*	0,50**	0,52**	0,24	-0,03	-0,03
	юноши	0,20	0,37*	0,53**	0,53**	0,25	0,03	0,05
	ранняя зрелость	0,34	0,45*	0,60**	0,62**	0,37	0,46*	0,30
	зрелость	0,36	0,55**	0,39*	0,25	0,53**	0,23	-0,02
Гедонистическое настоящее	подростки	0,01	-0,17	-0,19	-0,20	-0,18	-0,23	-0,17
	юноши	0,05	-0,13	-0,20	-0,21	-0,11	-0,31	-0,04
	ранняя зрелость	0,32	-0,01	0,36	0,28	0,39*	0,47*	0,06
	зрелость	0,19	0,27	0,11	-0,04	0,24	0,05	-0,24
Будущее	подростки	-0,26	-0,13	-0,05	-0,01	-0,28	0,00	-0,23
	юноши	-0,29	-0,15	0,05	-0,02	-0,21	-0,04	-0,12
	ранняя зрелость	-0,33	-0,31	-0,18	-0,21	-0,24	-0,05	-0,22
	зрелость	-0,16	-0,26	0,03	-0,09	-0,17	-0,25	-0,50**

Параметры временной перспективы	Возрастные группы	ДРО	ЦСА	ЭА	ПА	МПО	СА	СФ
Позитивное прошлое	подростки	-0,32*	-0,36*	-0,40**	-0,46**	-0,38*	-0,29	-0,31
	юноши	-0,40**	-0,31*	-0,43**	-0,46**	-0,36*	-0,36*	-0,33*
	ранняя зрелость	-0,39*	-0,41*	-0,38*	-0,27	-0,20	-0,23	-0,32
	зрелость	-0,23	-0,21	-0,11	-0,24	-0,11	-0,09	-0,44*
Фаталистическое настоящее	подростки	0,27	-0,05	0,05	0,05	0,13	-0,14	0,05
	юноши	0,34*	-0,01	0,09	0,14	0,15	-0,07	0,12
	ранняя зрелость	0,15	0,30	0,54**	0,52**	0,26	0,25	0,22
	зрелость	0,10	0,16	0,25	0,11	0,28	0,19	-0,06

Примечания: ДРО – детско-родительские, семейные отношения; ЦСА – ценностно-смысловой аспект; ЭА – эмоциональный аспект; ПА – поведенческий аспект; МПО – межличностные и профессиональные отношения; СА – сексуальный аспект, СФ – стрессовые факторы; * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

выступали показатели временной перспективы, представленные в ранее выведенных уравнениях линейной регрессии, а независимыми переменными выступали показатели кризисных областей, подтвердил наше предположение о том, что некоторые показатели временной пер-

спективы (а именно: негативное прошлое, позитивное прошлое и будущее) реагируют в ответ на изменения стрессогенности определенных жизненных сфер, при этом на разных возрастных этапах сферы, способные повлиять на временную перспективу, не идентичны (табл. 5).

Таблица 5

Результаты множественного регрессионного анализа параметров временной перспективы с показателями кризисности различных жизненных сфер в исследуемых группах

Возрастная группа	Зависимая переменная	Независимая переменная	Нестандартный коэффициент		Стандартный коэффициент Бета	t	p
			Жизненные сферы	В			
Подростки	Негативное прошлое	(Константа)	1,71	0,41		4,22	0,001***
		ПА	0,02	0,01	0,50	3,47	0,001***
	Позитивное прошлое	(Константа)	4,57	0,28		16,32	0,001***
		ПА	-0,01	0,00	-0,47	-3,21	0,001***
Юноши	Негативное прошлое	(Константа)	1,30	0,36		3,58	0,001***
		ПА	0,02	0,00	0,50	4,49	0,001***
		СА	0,03	0,01	0,42	3,60	0,001***
		СФ	-0,02	0,01	-0,31	-2,78	0,010**

Возрастная группа	Зависимая переменная	Независимая переменная	Нестандартный коэффициент		Стандартный коэффициент Бета	t	p
	Параметры временной перспективы	Жизненные сферы	B	Стандартная ошибка			
Ранняя взрослость	Негативное прошлое	(Константа)	1,36	0,50		2,74	0,010**
		СА	0,04	0,01	0,59	3,56	0,001***
	Будущее	(Константа)	5,20	0,49		10,56	0,001***
		МПО	-0,03	0,01	-0,50	-2,82	0,010**
Зрелость	Негативное прошлое	(Константа)	1,53	0,33		4,56	0,001***
		ЦСА	0,03	0,01	0,55	3,36	0,001***
	Позитивное прошлое	(Константа)	4,50	0,44		10,17	0,001***
		СФ	-0,03	0,01	-0,40	-2,20	0,040*

Примечания:: ЦСА – ценностно-смысловой аспект; ПА – поведенческий аспект; МПО – межличностные и профессиональные отношения; СА – сексуальный аспект, СФ – стрессовые факторы; * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Полученные уравнения отражают далеко не все корреляционные связи обсуждаемых параметров, что говорит о разнонаправленности воздействий: нами были выявлены только те связи, что направлены на временную ориентацию, влияющие на нее. Повидимому, другие корреляционные связи характеризуются или нелинейностью взаимосвязи, или другой направленностью, в которой уже временная ориентация влияет на значение той или иной кризисной области.

Уравнения линейной регрессии будут иметь следующий вид:

– подростковый возраст:

Негативное прошлое = 1,71 + 0,02 (ПА);

Позитивное прошлое = 4,57 – 0,01 (ПА);

– юношеский возраст:

Негативное прошлое = 1,29 + 0,02 (ПА) + 0,03 (СА) – 0,02 (СФ);

– период ранней взрослости:

Негативное прошлое = 1,36 + 0,05 (СА);

Будущее = 5,19 – 0,02 (МПО);

– период зрелости:

Негативное прошлое = 1,52 + 0,03 (ЦСА);

Позитивное прошлое = 4,5 – 0,02 (СФ).

Результаты регрессионного анализа позволяют понять, через какую именно сферу жизни человека необходимо работать, чтобы оказать направленное воздействие на изменение временных ориентаций, которые в свою очередь оказывают влияние на общее переживание кризиса идентичности.

На основе проведенного математического анализа можно констатировать, что временная перспектива личности выступает фактором, детерминирующим степень и характер переживания кризиса идентичности. А значит, направленное воздействие на временную перспективу может способствовать гармонизации кризисного состояния, при этом на разных возрастных этапах изменения во временной перспективе диктуются стрессовыми событиями из несходных жизненных сфер, учет которых позволяет определить конкретные мишени терапевтического воздействия.

Обсуждение результатов

Как следует из полученных нами результатов, существенной возрастной динамики временных ориентаций в исследуемой вы-

борке не обнаружено, что, на наш взгляд, подтверждает фундаментальную роль временной перспективы в функционировании и адаптации личности к меняющимся жизненным условиям. К 15 годам ядро личности уже сформировано, и это ядро в достаточной мере отражает ту культурно-историческую систему ценностей и смыслов, которая необходима человеку для функционирования в конкретном социуме. Смыслы, локализованные в различных временных модусах и актуализирующие отношение к субъективному прошлому, настоящему и будущему, к старшему подростковому возрасту уже достаточно сформированы для того, чтобы помогать человеку справляться с различными кризисными ситуациями.

Вместе с тем, как уже отмечалось, в подростковый период и период ранней зрелости характерным является несколько более негативное отношение к своему прошлому. Важно отметить, что негативное отношение к прошлому предполагает скорее отрицательный фон реконструкции событий прошлого и их негативную оценку, обесценивание и склонность к повторному переживанию неприятных моментов жизни. Как мы знаем, обесценивание прошлых достижений и зацикленность на неудачах и промахах зачастую свидетельствуют о наступлении переломного или кризисного этапа жизни. Именно это и подтверждает анализ показателей параметров кризисных состояний: для подросткового периода и периода ранней зрелости характерны более выраженные кризисные переживания в сфере детско-родительских и семейных отношений; отсутствие четких целей и понимания собственных желаний от жизни, а соответственно, и какой-либо целенаправленной активности по достижению этих целей; в эти возрастные периоды человек чаще сталкивается с появлением некоторого дискомфорта в социальных взаимодействиях, чаще выражает недовольство

поведением окружающих, при отсутствии ясных целей на данных возрастных этапах человек часто проявляет активную деятельность, что вызывает ощущение нехватки времени для выполнения всех поставленных задач, но тот факт, что сами задачи не отличаются осознанным пониманием итоговой цели, чаще приводит к стрессовому состоянию и переживанию кризиса опустошенности. Период юности и зрелости отличается более гармоничным переживанием кризисных состояний, при этом больше половины респондентов в юношеском возрасте характеризуются наличием кризиса профессиональной идентичности. Можно говорить о тенденции нарастания кризиса профессиональной идентичности в юношеском возрасте и снижения его актуальности к периоду зрелости.

Взаимосвязь параметров временной перспективы личности и общего показателя кризисной идентичности в описываемых возрастных группах является достаточно специфичной. Так, в подростковом возрасте переживание кризиса идентичности связано с особенностями реконструкции прошлых событий и общей ориентации человека на позитивное или негативное прошлое. В случае, если в общем профиле временной перспективы личности показатель ориентации на негативное прошлое выше, чем на позитивное, можно ожидать, что и уровень кризисной идентичности окажется довольно высоким. Верно и обратное— в период переживания кризиса идентичности у человека наблюдается довольно пессимистическое отношение к прошлому, частая актуализация травмирующих событий прошлого, повторное переживание связанных с этими событиями негативных эмоций. Однако в ситуации, когда у респондента достаточно высокий уровень ориентации на позитивное прошлое, выраженное в теплом к нему отношении, умении видеть положительное ядро жизненного опыта в

прошедших событиях, сила переживания кризиса идентичности, наоборот, снижается. Без соответствующего анализа говорить о направленности влияния нельзя, но сам характер включения в корреляционную плеяду двух противоположных временных ориентаций, касающихся прошлого, позволяет сделать вывод о важности модальности (положительной или отрицательной) реконструкции событий прошлого.

Аналогичный характер взаимосвязи показателя кризисной идентичности и временных ориентаций на позитивное или негативное прошлое можно проследить и в других эмпирических группах. При этом в период юности особенности временной перспективы чаще связаны с особенностями переживания кризиса идентичности, чем на любом другом возрастном этапе. В период юности такие характеристики, как фаталистическое отношение к жизни, избегание постановки конкретных целей, отражающих собственный самостоятельный выбор, чувство предопределенности будущего, пассивная роль зрителя своей собственной жизни, низкая удовлетворенность жизнью в настоящем вкупе с неспособностью позаботиться о последствиях будущего, могут выступать маркерами переживания кризиса идентичности. Важно отметить, что ориентация на гедонистическое настоящее, как нацеленность на получение удовольствия от жизни здесь и сейчас, без построения следственных связей с возможным отдаленным будущим, выступает признаком переживания кризиса идентичности только в юношеском возрасте, в период ранней зрелости и зрелости такой взаимосвязи выявлено не было.

Результаты регрессионного анализа свидетельствуют, что временная перспектива личности может выступать в качестве независимой переменной, оказывающей влияние на уровень и характер переживания кризиса идентичности, при этом влия-

ние конкретных параметров идентичности имеет неодинаковую значимость на разных возрастных этапах. Соответственно, мишень возможного психологического воздействия на временную перспективу личности должна быть различной в зависимости от этапа жизнеосуществления.

Так, при работе с подростками необходимо делать акцент на переосмыслении и позитивном реконструировании событий своего прошлого. Важно, что в такой работе сразу достигается две цели: снижение ориентации на негативное прошлое и повышение общей ориентации на позитивное прошлое, что положительно сказывается на гармонизации состояния человека в период кризиса идентичности.

В период юношеского возраста повышение ориентации на позитивное прошлое уже не выступает ресурсным полем для совладания с кризисными переживаниями, и основной целью работы психолога становится снижение ориентации на негативное прошлое.

В период ранней зрелости ресурсным полем для преодоления кризиса идентичности выступает ориентация на будущее, которая предполагает наличие у человека определенных целей, размещенных в удаленном от момента настоящего времени, а значит, что работа с мотивационной сферой человека, обучение его способности ставить цели и идти к их достижению, наряду с работой по переосмыслению и реконструированию событий своего прошлого, должна привести к снижению показателя кризисной идентичности.

В период зрелости работа по гармонизации переживания кризиса идентичности будет иметь схожий характер с линией работы в подростковом возрасте. Однако есть различия: в подростковом возрасте ориентация на позитивное прошлое имеет больший вклад, чем ориентация на негативное прошлое, в период же зрелости

вклады этих независимых переменных практически одинаковы, негативное прошлое немного больше, чем позитивное, а значит, и целью предполагаемой терапевтической работы должны стать негативные воспоминания и их переосмысление.

Взаимосвязь показателей временной перспективы с различными сферами проблемных ситуаций свидетельствует, что определенные жизненные сферы могут выступать в качестве конкретизированной области, требующей проработки, с целью повышения или понижения соответствующего параметра временной перспективы. При этом направленность терапевтической работы с личностью, переживающей кризис идентичности, также будет во многом зависеть от того, на каком возрастном этапе переживается кризис.

В работе с подростками целесообразно делать акцент на поведенческий аспект жизнеосуществления, а именно: повышение уверенности в себе, развитие целеустремленности, умения ставить осуществимые цели, включение подростка в систему здоровых взаимоотношений (групповая работа), анализ стратегий выхода из конфликтных ситуаций, обучение эффективным копинг-стратегиям, переосмысление ситуаций прошлого, с анализом поведенческих реакций и моделированием других возможных реакций в данных ситуациях. В результате целенаправленной работы мы снизим показатель кризисности в поведенческом аспекте жизни, что, в свою очередь, понизит ориентацию личности на негативное прошлое, повысит ориентацию на позитивное и, как итог, снизит общий уровень переживания кризиса идентичности.

Для периода юности сохраняется направление работы в поведенческой сфере. При этом добавляется проработка сексуальных отношений, анализируются ситуации прошлого, связанные с половыми партнерами, вопросы принятия своего тела как

источника физического удовольствия, прорабатываются представления о сексуальных ролях. В работе также рекомендуется использовать техники, снимающие общую стрессовую нагрузку, методы релаксации. Важен анализ различных сфер жизни с целью выявления наиболее стрессогенных факторов, после чего делать акцент на работу именно в тех областях, которые выступают источником стрессовой нагрузки.

Для периода ранней взрослости, так же как и в период юности, важна работа в сфере сексуальных отношений, проработка данного опыта позволит снизить общую ориентацию на негативное прошлое, что будет способствовать гармонизации кризисного состояния. Кроме того, на данном возрастном этапе ориентация на будущее выступает одним из источников, способствующих совладанию с кризисом идентичности. Для повышения общей ориентации на будущее мишенью терапевтической и консультационной работы становится сфера межличностных отношений и отношение к профессиональной деятельности. Анализ конфликтных ситуаций, обучение эффективным стратегиям выхода из конфликтов, развитие эмпатии, способствующей повышению качества межличностных отношений — это рекомендованные направления работы психолога. Кроме того, важна профориентологическая работа, предполагающая анализ профессионального развития человека, перспектив в карьерном росте, постановку целей и путей их достижения. В работе необходимо сделать акцент на эмоциональное отношение человека к его профессии и к профессиональной деятельности в целом, в случае необходимости помочь в выборе иной, более подходящей профессиональной сферы.

При работе с переживанием кризиса идентичности в период зрелости прежде всего необходимо использовать техники по снижению общего стрессового состояния, если такое имеется, использовать техни-

ки релаксации, обучать приемам совладания со стрессовыми ситуациями и повышенным эмоциональным фоном. Другим важнейшим фокусом внимания является ценностно-смысловая сфера, а именно: работа со смыслом жизни, построение четких перспектив будущего, развитие активной жизненной позиции через осмысление и переосмысление прошлого и настоящего; работа, направленная на познание себя, своих личностных границ, развитие умения понимать себя и свои желания.

Выводы

1. Временная перспектива личности является важным потенциальным ресурсом преодоления кризиса идентичности.

2. Конкретные параметры временной перспективы личности имеют специфическую значимость при переживании кризиса идентичности на различных этапах жизнеосуществления, что определяет возрастные особенности соответствующей психологической помощи.

3. Перспективными «терапевтическими мишенями» психологического воздействия при кризисе идентичности и его направлениями на основные потенциальные сферы возникновения кризисных ситуаций являются:

— для подросткового возраста — перенос внимания с негативных на позитив-

ные события собственного прошлого; концентрация на поведенческих аспектах жизнеосуществления;

— для юношеского возраста — дезактуализация негативных событий прошлого; акцент на жизненных областях, являющихся основным источником стресса в настоящем;

— для периода ранней взрослости — концентрация на собственном будущем; акцент на сферах межличностных отношений и профессиональной деятельности;

— для периода зрелости — переосмысление негативно воспринимаемого прошлого; акцент на ценностно-смысловой сфере личности, поставленных жизненных целях и результатах их достижения.

Проведенное исследование носит преимущественно поисковый характер и обозначает перспективы дальнейшего научного поиска психологических условий, факторов и механизмов, определяющих ресурсный потенциал временной перспективы личности в преодолении кризисов идентичности на различных этапах жизнеосуществления. В этой связи в дальнейшем необходимо, помимо увеличения экспериментальной выборки, расширить спектр психодиагностических методик, направленных на оценку и изучение ценностно-смысловых составляющих переживания кризисных состояний.

Литература

1. *Андреева Г.М.* К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 6(20). С. 1. DOI:10.54359/ps.v4i20.804
2. *Белинская Е.П.* Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2015. № 8(40). С. 12. DOI:10.54359/ps.v8i40.551
3. *Белинская Е.П.* Кризис идентичности в условиях радикальных социальных изменений // Идентичность и организация в меняющемся мире / Под ред. Ивановой Н.Л., Штроо В.А., Лебедевой Н.М. М.: Высшая школа экономики, 2008. С. 93–111.
4. *Бредун Е.В., Щеглова Э.А.* Психологические особенности темпомира человека как предикторы процесса решения когнитивной задачи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 4. С. 430–439. DOI:10.21603/2078-897S-2022-24-4-430-439

5. Бредун Е.В., Щеглова Э.А., Смышко Е.В., Шмер Т.А. Диагностические возможности опросника «темпоральные модальности жизнеосуществления» // Сибирский психологический журнал. 2021. № 82. С. 174–190. DOI:10.17223/17267080/82/10
6. Дмитриева Н.В., Козырева Т.С., Перевозкина Ю.М. Кризисная идентичность посттравматической личности. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. 191 с.
7. Дмитриева Н.В., Самойлик Н.А. Кризис идентичности: феноменология переживания. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 233 с.
8. Карабанова О.А., Тихомандрицкая О.А., Молчанов С.В. Связь базовых ценностей личности с характером психологической адаптации к глобальным цифровым рискам // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29. № 4. С. 104–125. DOI:10.17759/pse.2024290409
9. Лукьянов О.В. Проблема аутентификации. Необходимость психологии подлинности // Новые психологические контексты становления личности в меняющемся мире. Томск: Изд-во ТГУ, 2017. С. 96–114.
10. Майер С.В., Серый А.В., Яницкий М.С. Смысловые и темпоральные характеристики кризиса профессиональной идентичности в среднем возрасте // Психология человека в образовании. 2023. Т. 5. № 4. С. 594–606. DOI:10.33910/2686-9527-2023-5-4-594-606
11. Марцинковская Т.Д., Андреева (Голубева) Н.А., Преображенская С.В. Информационная идентичность и восприятие информации как новая цифровая повседневность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 3. С. 347–361. DOI:10.21638/spbu16.2023.304
12. Мещерякова Е.М. Возрастная динамика личностной и профессиональной идентичности во взаимосвязи с временной перспективой личности // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества» (г. Чебоксары, 13 июня 2024 г.). Чебоксары: Изд-во Среда, 2024. С. 105–112.
13. Серый А.В., Яницкий М.С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2015. № (43). С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.08.2024). DOI:10.54359/ps.v8i43.523
14. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Технологически расширенная личность: разработка и апробация шкалы самоуправления цифровой повседневностью // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2024. № 47(2). С. 175–200. DOI:10.11621/LPJ-24-20
15. Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 101–109.
16. Шнейдер Л.Б. Психология идентичности: учебник и практикум. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2020. 328 с.
17. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Изд-во Питер, 2024. 448 с.
18. Я-концепция личности как система идентичностей: структурно-содержательные характеристики и динамика в процессе обучения в вузе / Браун О.А., Серый А.В., Яницкий М.С., Аркузин М.Г., Аршинова Е.В. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2022. 96 с.
19. Яницкий М.С., Серый А.В. Ценностно-смысловые компоненты ресурсного потенциала личности // Личность: ресурсы и потенциал. 2024. Т. 21. № 1. С. 21–27.
20. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: an extension of theory and review of research // Developmental psychology. 1982. Vol. 18(3). P. 341–358.

References

1. Andreeva G.M. K voprosu o krizise identichnosti v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii [Elektronnyi resurs] [Towards the problem of identity crisis amid the social transformations]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn.* = *Psychological Studies*, 2011. Vol. 20, no. 6, pp. 1. DOI:10.54359/ps.v4i20.804 (In Russ.).

2. Belinskaya E.P. Izmenchivost' Ya: krizis identichnosti ili krizis znaniya o nei? [Elektronnyi resurs] [The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it?]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn. = Psychological Studies*, 2015. Vol. 40, no. 8, pp. 12. DOI:10.54359/ps.v8i40.551 (In Russ.).
3. Belinskaya E.P. Krizis identichnosti v usloviyakh radikal'nykh sotsial'nykh izmenenii [Identity crisis in the context of radical social changes]. In Ivanova N.L., Shtroo V.A., Lebedeva N.M. (eds.). *Identichnost' i organizatsiya v menyayushchemsya mire [Identity and organization in a changing world]*. Moscow: Publ. Vysshaya shkola ekonomiki, 2008, pp. 93–111. (In Russ.).
4. Bredun E.V., Shcheglova E.A. Psikhologicheskie osobennosti tempomira cheloveka kak prediktory protsessa resheniya kognitivnoi zadachi [Psychological features of the human tempoworld as predictors of solving a cognitive task]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2022. Vol. 24, no. 4, pp. 430–439. DOI:10.21603/2078-897S-2022-24-4-430-439 (In Russ.).
5. Bredun E.V., Shcheglova E.A., Smeshko E.V., Shmer T.A. Diagnosticheskie vozmozhnosti oprosnika «Temporal'nye modal'nosti zhizneosushchestvleniya» [Diagnostic capabilities of “Temporal Modality of Life Fulfilment” questionnaire]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2021, no. 82, pp. 174–190. (In Russ.).
6. Dmitrieva N.V., Kozyreva T.S., Perevozkin Yu.M. Krizisnaya identichnost' posttravmaticheskoi lichnosti [The crisis identity of a post-traumatic personality]. Novosibirsk: Publ. NGPU, 2014. 191 p. (In Russ.).
7. Dmitrieva N.V., Samoilik N.A. Krizis identichnosti: fenomenologiya perezhivaniya [Identity crisis: the phenomenology of experience]. Novosibirsk: Publ. NGPU, 2013. 233 p. (In Russ.).
8. Karabanova O.A., Tikhomandritskaya O.A., Molchanov S.V. Svyaz' bazovykh tsennostei lichnosti s kharakterom psikhologicheskoi adaptatsii k global'nym tsifrovym riskam [The connection between basic personal values and psychological adaptation to global digital risks]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2024. Vol. 29, no. 4, pp. 104–125. DOI:10.17759/pse.2024290409 (In Russ.).
9. Luk'yanov O.V. Problema autentifikatsii. Neobkhodimost' psikhologii podlinnosti [Authentication problem. The need for the psychology of authenticity]. In *Novye psikhologicheskie konteksty stanovleniya lichnosti v menyayushchemsya mire [New psychological contexts of personality formation in a changing world]*. Tomsk: Publ. TGU, 2017, pp. 96–114. (In Russ.).
10. Maier S.V., Seryi A.V., Yanitskii M.S. Smyslovye i temporal'nye kharakteristiki krizisa professional'noi identichnosti v srednem vozraste [Semantic and temporal characteristics of the crisis of professional identity in middle age]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii = Psychology in Education*, 2023. Vol. 5, no. 4, pp. 594–606. DOI:10.33910/2686-9527-2023-5-4-594-606 (In Russ.).
11. Martsinkovskaya T.D., Andreeva (Golubeva) N.A., Preobrazhenskaya S.V. Informatsionnaya identichnost' i vospriyatie informatsii kak novaya tsifrovaya povsednevnost' [Information identity and perception of information as a new digital everyday life]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 347–361. DOI:10.21638/spbu16.2023.304 (In Russ.).
12. Meshcheryakova E.M. Vozrastnaya dinamika lichnostnoi i professional'noi identichnosti vo vzaimosvyazi s vremennoi perspektivoy lichnosti [Age dynamics of personal and professional identity in interrelation with the time perspective of personality]. *Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Obrazovanie, innovatsii, issledovaniya kak resurs razvitiya soobshchestva» (g. Cheboksary, 13 iyunya 2024 g.) [Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference “Education, Innovations, Research as a Resource for Community Development”]*. Cheboksary: Publ. Sreda, 2024, pp. 105–112. (In Russ.).
13. Seryi A.V., Yanitskii M.S. Smyslovye aspekty perezhivaniya krizisa sotsial'noi identichnosti pri vynuzhdennoi smene zhiznnoi situatsii [Elektronnyi resurs] [Semantic aspects of the experience of the social identity's crisis in the forced change of life situation]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn. = Psychological Studies*, 2015. Vol. 43, no. 8, pp. 12. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 02.08.2024). DOI:10.54359/ps.v8i43.523 (In Russ.).

14. Soldatova G.U., Chigar'kova S.V., Ilyukhina S.N. Tekhnologicheskii rasshirennaya lichnost': razrabotka i aprobatsiya shkaly samoupravleniya tsifrovoy povsednevnost'yu [Digital Extended Personality: Development and Testing of a Digital Daily Life Self-Management Scale]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Lomonosov psychology journal*, 2024. Vol. 47, no. 2, pp. 175–200. DOI:10.11621/LPJ-24-20 (In Russ.).
15. Syrtsova A., Sokolova E.T., Mitina O.V. Adaptatsiya oprosnika vremennoi perspektivy lichnosti F. Zimbardo [Adaptation of Zimbardo time perspective inventory]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2008. Vol. 29, no. 3, pp. 101–109. (In Russ.).
16. Shneider L.B. Psikhologiya identichnosti: uchebnik i praktikum [Psychology of identity: a textbook and a practical course]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Publ. Yurait, 2020. 328 p. (In Russ.).
17. Erikson E. Detstvo i obshchestvo [Childhood and society]. Saint-Petersburg: Publ. Piter, 2024. 448 p. (In Russ.).
18. Braun O.A., et al. Ya-kontseptsiya lichnosti kak sistema identichnostei: strukturno-soderzhatel'nye kharakteristiki i dinamika v protsesse obucheniya v vuze [Self-concept of personality as a system of identities: structural and content characteristics and dynamics in the learning process at the university]. Kemerovo: Publ. KemGU, 2022. 96 p. (In Russ.).
19. Yanitskii M.S., Seryi A.V. Tsennostno-smyslovye komponenty resursnogo potentsiala lichnosti [Value-semantic components of a person's resource potential]. *Lichnost': resursy i potentsial = Personality: resources and potential*, 2024. Vol. 21, no. 1, pp. 21–27. (In Russ.).
20. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: an extension of theory and review of research. *Developmental psychology*, 1982. Vol. 18(3), pp. 341–358.

Информация об авторах

Мещерякова Елена Михайловна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и практической психологии, ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга» (ФГБОУ ВО КамГУ), г. Петропавловск-Камчатский, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7443-940X>, e-mail: colombina6@mail.ru

Серый Андрей Викторович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологических наук, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (ФГБОУ ВО КеМГУ), г. Кемерово, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>, e-mail: avgrey@yahoo.com

Яницкий Михаил Сергеевич, доктор психологических наук, директор Социально-психологического института, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (ФГБОУ ВО КеМГУ), г. Кемерово, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>, e-mail: direktorspi@kemsu.ru

Information about the authors

Elena M. Meshcheryakova, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Departments of Theoretical and Practical Psychology, Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7443-940X>, e-mail: colombina6@mail.ru

Andrey V. Seryy, Doctor of Psychology, Professor of the Departments of Psychological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>, e-mail: avgrey@yahoo.com

Mikhail S. Yanitskiy, Doctor of Psychology, Director of the Socio-Psychological Institute, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>, e-mail: direktorspi@kemsu.ru

Получена 04.10.2024

Принята в печать 14.12.2024

Received 04.10.2024

Accepted 14.12.2024

Роль социальной активности молодежи в выраженности идентичностей и их согласованности

Шамионов Р.М.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО СГУ),

г. Саратов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Бочарова Е.Е.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО СГУ),

г. Саратов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7814-1581>, e-mail: bocharova-e@mail.ru

Цель. Выявить роль приверженности к различным формам социальной активности в выраженности идентичностей студенческой молодежи и их согласованности.

Контекст и актуальность. Социальная активность является сферой социализации молодежи. Поэтому в процессе ее реализации формируются различные социально-психологические образования личности. Одними из важнейших выступают социальная и персональная идентичность, рассматриваемые в данном исследовании как эффекты социальной активности. Важнейшей задачей является изучение роли вовлеченности в различные формы активности в формировании социальной идентичности и устойчивости личностно-ролевой идентичности молодежи. Такое научное знание позволит установить потенциал социальной активности для формирования социальной и личностной идентичности молодежи.

Дизайн исследования. Изучались факторная структура социальной идентичности и связь между видами идентичности и формами социальной активности. Для установления видов идентичности использован факторный анализ, наличие и характер взаимосвязи зафиксированы посредством корреляционного и регрессионного анализов.

Участники. 442 жителя России (средний возраст – 21,8 года; 33,5% мужчин, 66,5% женщин).

Методы (инструменты). Анкета, включающая 18 вопросов-шкал, содержательно описывающих формы социальной активности (Р.М. Шамионов и др.); 17 категорий социальной идентичности, выделенных на основе предварительного пилотажа; методика устойчивости личностно-ролевой идентичности (Е.А. Петраш, В.Б. Никишина).

Результаты. Различные категории социальной идентичности образуют 4 укрупненные группы (вида) на основании факторного анализа: персональная, иррегулярная, политическая и гражданско-семейная идентичность. Сочетание разных форм социальной активности создает условия для проявлений отдельных видов социальной идентичности. Формы социальной активности объясняют от 21% до 36% вариаций социальной идентичности. Наиболее выраженная связь устойчивости личностно-ролевой идентичности обнаружена с гражданской идентичностью.

Основные выводы. Включение студентов в определенные формы социальной активности может способствовать формированию различных видов идентичности и достижению определенного их уровня. Также установлено, что согласованность личностно-ролевой идентичности

обусловлена положительно религиозной и семейно-бытовой активностью, а протестная, духовная и досуговая формы способствуют ее снижению.

Ключевые слова: социальная активность; виды социальной идентичности; личностно-ролевая идентичность.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 18-18-00298, <https://rscf.ru/project/18-18-00298/>.

Для цитаты: Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е. Роль социальной активности молодежи в выраженности идентичностей и их согласованности // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 94–108. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150407>

The Role of Youth Social Activity in the Expression of Identities and their Consistency

Rail M. Shamionov

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Elena E. Bocharova

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7814-1581>, e-mail: bocharova-e@mail.ru

Objective. *To identify the role of commitment to various forms of social activity in the expression of student youth identities and their consistency.*

Background. *Social activity is the sphere of socialization of young people. Therefore, in the process of its implementation, various socio-psychological formations of the individual are formed. One of the most important is social and personal identity, considered in this study as the effects of social activity. The most important task is to study the role of involvement in various forms of activity in the formation of social identity and the stability of the personal role identity of young people. Such scientific knowledge will allow to establish the potential of social activity in the formation of youth identity.*

Study design. *The factor structure of social identity and the relationship between types of identity and forms of social activity were studied. To establish the types of identity, factor analysis was used, the presence and nature of the relationship were recorded through correlation and regression analyses.*

Participants. *442 residents of Russia (average age 21,8; 33,5% men, 66,5% women).*

Measurements. *Questionnaire, including 18 scale questions, meaningfully describing the forms of social activity (R.M. Shamionov, etc.); 17 categories of social identity, identified on the basis of preliminary piloting; methodology of stability of personal-role identity (E.A. Petrash, V.B. Nishina).*

Results. *Various categories of social identity form 4 enlarged groups (types) based on factor analysis. Various forms of social activity of young people form 4 enlarged groups (types) based on factor analysis: identity – personal, Internet-user, political and civil-family identity. The effects of combinations of different forms of social activity is the formation of a particular type of social identity. Forms of social activity explain from 21% to 36% of variations in social identity. The most pronounced relationship between the stability of personal-role identity was found with civic identity.*

Conclusions. *The inclusion of students in certain forms of social activity can contribute to the formation of various types of identity and achieve a certain level of them. It is also established that the*

consistency of personal-role identity is positively conditioned by religious and family-household activity, and protest, spiritual and leisure forms contribute to its decrease.

Keywords: *social activity; types of social identity; personal role identity.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 18-18-00298, <https://rscf.ru/project/18-18-00298/>.

For citation: Shamionov R.M., Bocharova E.E. The Role of Youth Social Activity in the Expression of Identities and their Consistency. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 94–108. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150407> (In Russ.).

Введение

В условиях глобальных преобразований в области социально-экономической и политической жизни российского общества теоретическое осмысление проблемы соотношения социальной активности и социальной идентичности, ее эмпирическая разработка приобретают ключевое значение.

Прежде всего, это связано с признанием социальной активности в качестве существенного фактора становления и развития личности как субъекта социального самоопределения, содержание которого отражается в характеристиках идентичности. Социально-идентификационные процессы лежат в основе формирования более или менее устойчивых социальных интересов и выступают механизмами формирования гражданского общества [27]. Раскрытие объяснительного потенциала социальной активности молодежи в становлении и развитии социальной идентичности существенно расширяет представления об актуальных и потенциальных ресурсах солидаризации, консолидации, стабильного развития и национальной безопасности современного общества.

Осмысление многочисленных данных исследований, предпринятых нами [2; 11; 13; 14] и рядом других авторов [1; 3; 5; 7; 8; 9], приводит к пониманию социальной активности как частного случая инициативного воздействия субъектов на окру-

жающую среду, направленность которого связана с изменением и преобразованием социальных объектов, в результате чего происходят изменение самой личности и всей социальной ситуации, обретение человеком тех свойств субъекта и личности, которые предопределены его включением в деятельность различных групп, в социальную активность Других, где происходит усвоение норм, ценностей и установок, очерчивающих границы возможной активности, ее направления [10; 11].

В современных психологических исследованиях подчеркивается диалектический характер взаимодействия социальной активности и социальной идентичности. Актуализация социальной активности «опирается» на идентификационную матрицу субъекта [4; 16], в то же время эмпирическим референтом идентификационного выбора в пользу той или иной социальной общности является действие в системе целей и мотивов субъекта самоидентификации.

Доминирующее предположение в социальных науках состоит в том, что общие сходства являются основой для социальной идентификации и определяют содержание идентичности. Как отмечает Дж.К. Тернер (J.C. Turner) [28], определение себя в терминах той или иной идентичности предполагает усвоение содержания этой идентичности: это ценности, нормы и цели, направленные

на то, чтобы действовать в соответствии с групповыми мотивами и продвигать интересы группы в целом. По сути, речь идет о дедуктивной модели формирования идентичности — «сверху вниз» [27].

Идея индуктивного способа формирования социальной идентичности получила эмпирическую поддержку в контексте развития проблемы реализации социальных инициатив. Данные немногочисленных эмпирических исследований, посвященных изучению формирования идентичности по типу индуктивной модели («снизу вверх»), свидетельствуют о том, что ее формирование реализуется посредством «индивидуального вклада» членов группы деятельности в «Мы» идентичность [17; 18; 21; 22]. В ряде других работ [19; 20; 23; 24] показана роль образовательной активности в формировании социальной идентичности. Реализация инициативной деятельности в сфере STEM-образования (Science, Technology, Engineering, Mathematics) приводит к актуализации гражданской и национальной идентичности [20].

Фокус научных интересов ученых сосредоточен на поиске механизмов формирования «новой» идентичности у представителей студенческой молодежи, в числе которых особое значение приобретает ролевая идентификация [19; 23; 24]. Реализация образовательных инициатив посредством участия в проектной деятельности, тренинговых программах позволит осуществить плавный переход от студенческой идентичности к идентичности профессиональной.

Одним из важнейших показателей сформированности (и нормативности) идентичности является ее согласованность [6], проявляющаяся в соотношенности структурных компонентов идентичности в их взаимосвязях [8]. Данная соотношенность характеризует совпадение разных ипоста-

сей идентичности с точки зрения самоназвания, активности и признания внешних оценок. Соответственно, согласованность личностно-ролевой идентичности характеризует нормативное поведение субъекта.

Между тем следует отметить, что на сегодняшний день вопрос о роли социальной активности студентов в развитии и становлении социальной идентичности остается вне поля активного внимания как российских, так и зарубежных ученых. Поэтому важное значение для практики приобретает научное знание о роли социальной активности в формировании личностно-ролевой идентичности, которая отражает обретение не только представлений о себе как личности, обладающей различными характеристиками (как части Я-концепции), но и как носителя определенных социальных ролей, осваиваемых в процессе этой активности.

Цель данного исследования — изучить роль приверженности к различным формам социальной активности в выраженности идентичностей молодежи.

Вопросы исследования: 1) Какие формы социальной активности являются факторами выраженности различных видов идентичности молодежи? 2) С какими формами социальной активности согласуется устойчивость личностно-ролевой идентичности?

Метод

Участники исследования. В исследовании приняли участие 442 человека в возрасте от 16 лет до 31 года, средний возраст $M = 21,8$; $SD = 6,23$, мужчин 148 (33,5%), женщин — 296 (66,5%), проживающих: в селе — 10%, малом городе — 26%, большом городе — 59%, мегаполисе — 5%.

Задачи: 1) провести факторный анализ категорий идентичности и вывести новые переменные, соответствующие видам идентичности молодежи;

2) установить связь видов идентичности с согласованностью личностно-ролевой идентичности;

3) провести сравнительный анализ форм социальной активности как предикторов видов социальной идентичности.

Методики исследования. Для реализации цели исследования была применена анкета, включающая 12 вопросов-шкал, содержательно описывающих формы социальной активности (альтруистическая, досуговая, социально-политическая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная, субкультурная) (Р.М. Шамионов, И.В. Арендачук, Е.Е. Бочарова, М.В. Григорьева и др.) [11]. Для целей данного исследования перечень вопросов дополнен 6 вопросами-шкалами (спортивно-оздоровительная, культурно-массовая, семейно-бытовая, экологическая, интернет-поисковая, профессиональная). Респондентам предлагалось оценить свою активность по 5-балльной шкале Лайкерта (от min — 1 «практически никогда» до max — 5 «постоянно»). Проведенный психометрический анализ показал, что интегральная шкала активности показала приемлемую согласованность при удалении пункта, α -Кронбаха = 0,82–0,84.

Для изучения социальной идентичности был проведен пилотаж с участием 30 человек в возрасте 18–25 лет (средний возраст — 21,4 года), лиц мужского и женского пола, пропорционально которым были заданы открытые вопросы: «С какой группой вы себя отождествляете? К какой социальной группе вы можете себя отнести?», в результате выделены наиболее часто встречающиеся категории идентичности. В настоящем исследовании респондентам было предложено оценить, в какой степени они могут себя отнести к соответствующим характеристикам или

группам, используя для этого 7-балльную шкалу, где 1 — самая низкая выраженность, а 7 — самая высокая выраженность.

Согласованность личностно-ролевой идентичности выявлялась с помощью методики Е.А. Петраш [8]. В соответствии с методикой респонденту было предложено последовательно проранжировать в порядке убывания (1 — максимальная значимость, 15 — минимальная значимость) представленный список ролей с позиции «Я о себе», распределенный по 3 группам (например, гражданин, гражданский, проявлять гражданскую ответственность). Внутренняя согласованность шкалы приемлема для применения: α -Кронбаха = 0,88.

Респонденты также указывали возраст и пол, место проживания, образование.

Методы анализа данных. Для обработки первичных данных использован статистический программный комплекс IBM SPSS Statistics + PS IMAGO PRO.

Социально-демографические данные изучались с помощью описательной статистики (отраженной в средних значениях, стандартных отклонениях и процентах).

На следующем этапе мы провели факторный анализ и вывели новые переменные, характеризующие наиболее выраженные виды социальной идентичности молодежи.

Затем мы провели процедуру регрессионного анализа для установления эффектов социальной активности на разные виды социальной идентичности и ее устойчивости. Фиксировались коэффициент Бета, критерий Стьюдента, его значимость, приращение R^2 , показатели критерия Фишера и общий показатель R^2 .

Результаты

На первом этапе исследования нами проверена гипотеза о структуре социальной идентичности студенческой молодежи. Для этого проведен эксплораторный факторный анализ всех категорий с использо-

Таблица 1

Результаты факторного анализа категорий идентичности и корреляционного анализа новых переменных с согласованностью личностно-ролевой идентичности

Идентификационные категории	Факторы социальной идентичности			
	1	2	3	4
справедливые	0,726			
активные	0,703			
свободные	0,698			
молодежь	0,558			
тусовщики	0,520			
нормальные	0,505			
юзеры		0,686		
скучающие		0,659		
атеисты		0,623		
неформалы		0,501		
партийные активисты			0,739	
идейные			0,643	
либералы			0,608	
оппозиционеры			0,586	
граждане России				0,796
патриоты				0,775
члены семьи				0,702
Дисперсия, в %. Всего: 52,02	14,64	12,94	12,78	11,66
Альфа	0,70	0,61	0,67	0,67
Согласованность личностно-ролевой идентичности	0,04	−0,10*	−0,11*	0,17**

Примечание. Используются следующие обозначения значимости коэффициентов: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$. Фактор 1 – персональная идентичность, фактор 2 – иррегулярная (альтернативная) идентичность, фактор 3 – политическая идентичность, фактор 4 – гражданско-семейная идентичность.

ванием Varimax-вращения, которые были выделены на пилотажном исследовании.

В результате факторного анализа выделено 4 фактора показателей социальной идентичности студентов, охватывающих 52% общей дисперсии. Показатели меры адекватности (0,77) и критерия Бартлетта ($\chi^2 = 1615,141$, $p < 0,001$) свидетельствуют в пользу высокой адекватности. Содержательный анализ этих факторов позволяет выделить 4 вида идентичности. Первый фактор включа-

ет персональные характеристики и указание на социально-демографическую группу (молодежи), как их определяют респонденты. Его обобщение позволяет определить его как *персональная идентичность*. Второй фактор является наиболее сложным для интерпретации, поскольку включает категории, относящиеся к разным областям – наряду с юзерами (пользователями интернета) в него включены характеристики «скучающие», «атеисты» и «неформалы», опреде-

ляющие скорее позицию лиц, включенных в интернет-сообщества. Его можно определить как *иррегулярная (альтернативная) идентичность*. Третий фактор объединил категории, относящиеся к принадлежности молодых людей к разным политическим группам. Его можно определить как *политическая идентичность*. Наконец, четвертый фактор включил категории гражданства, патриотизма

и семейности. Его можно определить как *гражданско-семейная идентичность*.

Из результатов корреляционного анализа следует, что три обобщенных показателя из четырех связаны с согласованностью личностно-ролевой идентичности.

На следующем этапе нами проведен регрессионный анализ для проверки гипотезы 2 об эффектах реализуемых форм активности на вариации видов идентичности.

Таблица 2

Формы реализуемой социальной активности как предикторы видов идентичности

Формы социальной активности/ Виды идентичности	B	Стандартная ошибка	Бета	t	p	ΔR ²
Персональная идентичность						
Константа	-1,964	0,198		-9,916		
Культурно-массовая активность	0,163	0,04	0,2	4,121	0	0,12
Досуговая активность	0,217	0,047	0,215	4,649	0	0,06
Спортивно-оздоровительная активность	0,104	0,038	0,131	2,725	0,007	0,02
Интернет-сетевая активность	0,088	0,033	0,12	2,659	0,008	0,01
$R^2 = 0,21, F = 28,77, p < 0,001$						
Иррегулярная идентичность						
Константа	-0,213	0,21		-1,012	0	
Субкультурная активность	0,222	0,042	0,256	5,245	0	0,11
Религиозная активность	-0,172	0,04	-0,193	-4,241	0	0,06
Спортивно-оздоровительная активность	-0,151	0,038	-0,189	-3,993	0	0,03
Интернет-сетевая активность	0,102	0,033	0,14	3,104	0,002	0,02
Профессиональная активность	-0,114	0,035	-0,148	-3,212	0,001	0,02
Протестная активность	0,148	0,052	0,143	2,829	0,005	0,01
Досуговая активность	0,11	0,046	0,109	2,395	0,017	0,01
$R^2 = 0,26, F = 21,69, p < 0,001$						
Политическая идентичность						
Константа	-1,086	0,164		6,64	0	
Протестная активность	0,279	0,062	0,271	4,49	0	0,27
Социально-политическая активность	0,163	0,046	0,176	3,578	0	0,05
Радикально-протестная активность	0,169	0,06	0,16	2,8	0,005	0,01
Альтруистическая деятельность	0,091	0,038	0,107	2,392	0,017	0,01
Интернет-поисковая активность	-0,097	0,034	-0,112	-2,83	0,005	0,01
Духовная активность	0,071	0,033	0,091	2,154	0,032	0,02
$R^2 = 0,36, F = 40,46, p < 0,001$						

Формы социальной активности/ Виды идентичности	B	Стандарт- ная ошибка	Бета	t	p	ΔR ²
Гражданско-семейная идентичность						
Константа	-1,302	0,218		5,97		
Семейно-бытовая активность	0,308	0,039	0,335	7,821	0	0,16
Гражданская активность	0,22	0,041	0,25	5,393	0	0,08
Религиозная активность	0,17	0,041	0,191	4,097	0	0,02
Протестная активность	-0,165	0,045	-0,16	-3,707	0	0,02
Досуговая активность	-0,101	0,042	-0,1	-2,415	0,016	0,01
$R^2 = 0,29, F = 36,39, p < 0,001$						
Согласованность личностной идентичности						
Константа	26,465	1,639		16,15	0	
Протестная активность	-0,671	0,318	-0,104	-2,106	0,036	0,1
Религиозная активность	0,925	0,285	0,176	3,245	0,001	0,2
Духовная активность	-0,737	0,278	-0,15	-2,649	0,008	0,2
Семейно-бытовая активность	0,804	0,319	0,129	2,519	0,012	0,1
Досуговая активность	-0,69	0,331	-0,109	-2,086	0,038	0,1
$R^2 = 0,07, F = 6,31, p < 0,001$						

Как видно из табл. 2, персональная идентичность, как зависимая переменная, объясняется такими формами активности, как культурно-массовая, интернет-сетевая и спортивно-оздоровительная, в которых, очевидно, молодые люди получают подтверждение своим качествам, объединяющим их со многими другими.

Иррегулярная идентичность объясняется субкультурной, протестной, интернет-сетевой и досуговой активностью, снижают ее религиозная, спортивно-оздоровительная и профессионально-трудова активность.

Политическая идентичность объясняется включенностью в такие формы активности, как социально-политическая активность, протестная и радикально-протестная активность, альтруистическая и духовная формы активности. Антагонистом выступает интернет-поисковая активность.

Изменения гражданской идентичности объясняются совместным эффектом

ряда форм социальной активности – семейно-бытовой, религиозной и гражданской, а негативно на нее влияют протестная и досуговая формы.

Согласованность личностно-ролевой идентичности (по Е.А. Петраш) детерминирована реализацией семейно-бытовой и религиозной активностей, а протестная, духовная и досуговая формы активности сопряжены с менее значительной согласованностью идентичности.

Обсуждение результатов

В результате факторного анализа идентификационных категорий студентов установлено, что наиболее сильным фактором является фактор персональной идентичности, а наиболее слабым – фактор гражданско-семейной идентичности. Заметим также, что политическая идентичность является более сильным фактором, нежели гражданская. Персональная идентичность студентов в качестве наиболее выраженной включает категории, которые характеризуют

ют молодежь с точки зрения приверженности к определенным нормам поведения. Второй по значимости фактор охватывает категории, где активные пользователи интернета, скучающие, атеисты и неформалы объединены в единую систему, что может свидетельствовать об использовании интернета как способа ухода от скуки и нормативной обыденности. Примечательно здесь то, что идентификация активного пользователя Сети подкрепляется категориями, характеризующими личность определенным противопоставлением неписаным общественным правилам. Поэтому такая идентичность интерпретирована нами как иррегулярная. Третий фактор включает в себя все категории, связанные с политическими группами, вне зависимости от их ориентаций, что может свидетельствовать об их индифферентности с точки зрения направленности. Наконец, четвертый по выраженности фактор составляют категории гражданства, патриотизма и семьи, что свидетельствует об их равноценности и связанности. Заметим, что согласованность личностно-ролевой идентичности на уровне когнитивных, эмоционально-мотивационных и поведенческих структурных параметров личностной идентичности [6] связана сильнее с гражданско-семейной идентичностью и не связана с личностной, а с иррегулярной и политической идентичностью связана отрицательно. Эти данные свидетельствуют в пользу того, что выраженность последних двух видов идентичности связана с рассогласованностью личностно-ролевой идентичности по семантическому признаку, что может также говорить о недостаточной определенности идентичности [6] лиц с выраженными вторым и третьим видами.

Обратимся к результатам регрессионного анализа, в котором в качестве зависимой переменной была отобрана переменная идентичности, а в качестве не-

зависимых — степень участия/приверженности в различных формах активности. Из представленных результатов видно, что персональная идентичность студентов сопряжена с культурно-массовой, досуговой, спортивной и интернет-сетевой активностью. Очевидно, в этих формах участия, во взаимодействии с другими в организованных и неорганизованных формах студенты лучше осознают, какие они — справедливые, активные, свободные и т.д. Поскольку это самый сильный фактор, данные формы активности являются для них наиболее важными с точки зрения формирования их персональной идентичности. С другой стороны, отсутствие связи с согласованностью структуры личностно-ролевой идентичности может говорить об активном становлении этого вида идентичности.

Иррегулярная идентичность обусловлена положительно такими формами активности, которые вступают в противоречие с «традиционными» формами (субкультурная, протестная, интернет-сетевая, досуговая), и отрицательно — с формами, которые поддерживаются как нормативные в обществе (религиозная, спортивно-оздоровительная, профессиональная). Ранее отмечалось, что интернет-сетевая и досуговая активность связаны отрицательно с религиозной идентичностью [13].

Необходимо отметить, что предикторами политической идентичности являются формы активности, которые выступают антагонистами друг другу — с одной стороны, связанные приверженности к религиозной и альтруистической активности, а с другой — субкультурная и протестная формы активности. Ранее нами было установлено, что эти пары форм активности относятся к ее разным видам [13]. Однако следует также отметить и то, что политическая идентичность студентов оказывается гораздо шире по своему содержанию, нежели спец-

ифическая отнесенность к какой-то одной ее области (например, провластной или оппозиционной). Эти данные согласуются и с представлениями о политическом (властном) типе личности Э. Шпрангера, в соответствии с которыми это тот тип личности, который способен внушать свои ценностные установки, стремится преобладать над другими, а иные мотивации играют вспомогательную роль. Однако необходимо также упомянуть, что Э. Шпрангер считал, что различаются «активные и пассивные политические натуры»: одни стремятся к власти, другие не могут ориентироваться без руководства [15].

Гражданско-семейная идентичность студентов детерминирована формами активности, в которых молодые люди удовлетворяют свои потребности в принадлежности к семье и религиозным институтам, принимают участие в гражданских акциях. Очевидно, в процессе реализации такой активности и происходит фиксация группового Мы в соответствующих социальных общностях, базирующихся на традиционных ценностях и направленных на формирование гражданской позиции принадлежности стране. Это хорошо проявляется даже на уровне второго поколения мигрантов [26]. Между тем протестная, интернет-сетевая и культурно-массовая формы активности, напротив, такую идентичность подрывают. Очевидно, в рядах приверженцев таких форм активности принадлежность стране ассоциируется (связывается воедино) с официальной идеологией власти. Соответственно, неприятие каких-либо официальных действий, норм, запретов и позиции (согласованной с идеологией) становится и неприятием поддерживающего это большинства и самого гражданства.

Интересным здесь является отрицательная предикция приверженностью к

досуговой форме активности. Казалось бы, эта форма активности студентов призвана формировать позитивную гражданскую идентичность, но в реальности оказывается иначе. На наш взгляд, имеется определенная путаница в самом понимании студентами гражданства, в том, что значит «быть гражданином России». Возможно, это связано с некоторым дефицитом положительных эмоций, связанных с гражданством. Такое предположение опирается на представления о патриотизме, в основе которых находится чувство патриотизма, включающего принятие страны и причастность к позитивному в стране, а «достижения», убивающие, деструктурирующие, разрушающие своего и чужого, — не предмет патриотизма [12, с. 132–133].

Кроме того, принятие гражданства, идентичность связаны с позитивными представлениями не только о прошлом, но и о будущем в пределах страны [12, с. 67–68]. С другой стороны, корреляция этого вида идентичности с согласованностью личностно-ролевой идентичности говорит о ее наиболее высокой степени сформированности (по крайней мере у определенной части респондентов).

Роль социальной активности в выраженности согласованности личностно-ролевой идентичности не кажется значительной, тем не менее она подтверждает теоретические представления и эмпирические результаты исследований, в соответствии с которыми согласованность связана с нормативным поведением [6]. Из наших результатов выясняется неоднозначная позиция духовной активности как препятствующей согласованности личностно-ролевой идентичности, что требует дополнительных изысканий.

Заключение

Социальная активность студентов является сферой их социализации. В ней

завязываются взаимоотношения с другими, происходит усвоение новых норм, ценностей и установок, формирование социальной идентичности. В результате данного исследования нами предпринята попытка определить роль социальной активности в формировании определенных видов идентичности студентов.

Социальная идентичность студентов структурируется в соответствии с присваиваемыми характеристиками-категориями, имеющими преимущественное значение для их повседневной деятельности в среде других. В результате факторного анализа нами выделены 4 основных вида идентичности — персональная, иррегулярная, политическая и гражданско-семейная. С тремя видами идентичности связана согласованность личностно-ролевой идентичности, характеризующая степень ее сформированности: положительно — с гражданской идентичностью, отрицательно — с политической и иррегулярной.

Различные формы активности способствуют выраженности отдельных видов социальной идентичности и согласованности личностно-ролевой идентичности. Персональная идентичность детерминирована включенностью в культурно-массовую, досуговую, спортивно-оздоровительную и интернет-сетевую формы активности.

Иррегулярная идентичность обусловлена включенностью в субкультурную, протестную, интернет-сетевую и досуговую формы активности, которые образуют единую систему, а снижают ее религиозная, спортивно-оздоровительная и профессионально-трудовая активность.

Включение личности в социально-политическую, протестную и радикально-протестную, альтруистическую и духовную формы активности является фактором политической идентичности,

интернет-поисковая активность способствует ее снижению.

Гражданская идентичность, характеризующая достигнутый уровень личностно-ролевой идентичности, обусловлена совместной детерминацией семейно-бытовой, религиозной и гражданской активности, а негативно на нее влияют протестная и досуговая формы.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что включение студентов в определенные формы социальной активности/социального участия может способствовать формированию различных видов идентичности и достижению определенного их уровня, который впоследствии регулирует выбор деятельности и поступки молодежи. Однако для этого необходимо учитывать, что разные формы социальной активности (в том числе специально организуемые) имеют разный потенциал для формирования конкретных видов социальной идентичности.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на установление эффектов отдельных форм и видов (сочетанных форм) социальной активности на уровне социальной и профессиональной идентичности, экзистенциальной исполненности и социального самоопределения студентов. Это позволит установить, какие формы социальной активности наилучшим образом обеспечивают социальное самоопределение личности.

Ограничения исследования. Основные ограничения исследования связаны с узостью методического аппарата и сравнительно-корреляционным дизайном. Для установления каузальных связей необходимо сосредоточиться на отдельных группах студентов, задействованных в определенных формах активности. Например, известны исследования идентичности гражданских активистов и волонтеров, но их результаты трудно сопоставимы между собой.

Литература

1. *Арендачук И.В.* Субъектно-деятельностные детерминанты образовательно-развивающей активности учащейся молодежи // Образование и саморазвитие. 2020. Т. 15. № 2. С. 103–119. DOI:10.26907/esd15.2.09
2. *Бочарова Е.Е.* Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 4. С. 333–345. DOI:10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345
3. *Голубева Н.А.* Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия Психология. Педагогика. Образование. 2020. № 1. С. 130–150. DOI:10.28995/2073-6398-2020-1-130-150
4. *Григорьева М.В., Шаров А.А., Заграничный А.И.* Формы социальной активности как предикторы региональной идентичности у молодежи // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 1. С. 74–91. DOI:10.17759/sps.2023140105
5. *Дьяченко А.Н., Коваленко А.М., Тихоновская М.П., Грибанов Г.А.* Социальная активность и гражданская идентичность российской молодежи в условиях общества потребления // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 6. С. 188–200. DOI:10.23683/2227-8656.2019.6.1
6. *Карпов А.В., Никушина В.Б., Петраш Е.А.* Социальная идентичность: метасистемный подход // Курский научно-практический вестник Человек и его здоровье. 2017. № 2. С. 124–134.
7. *Панченко С.В.* Неформальная активность в современном обществе // Государственная служба. 2011. № 2. С. 103–105.
8. *Петраш Е.А., Никушина В.Б.* Методика исследования личностной идентичности: методология и технология стандартизации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 6(177). Вып. 21. С. 254–261.
9. *Поляков С.Д.* Орбиты и пространства. Психология и педагогика: идеи, образы, люди: в 2 т. Т. 1, 2022. 376 с.
10. *Попова С.Ю., Селезнева А.В.* Социальная активность молодежи: состояние проблемы и перспективы развития // Образование личности. 2018. № 2. С. 96–103.
11. Психология социальной активности молодежи / под ред. Р.М. Шамионова. М.: Издательство «Перо», 2020. 200 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44521792> (дата обращения: 18.02.2022).
12. *Фролова С.В.* Приверженность личности стране: социально-психологический анализ. Саратов: Издательский центр «Наука», 2019. 370 с.
13. *Шамионов Р.М.* Эмпирическая модель социальной активности молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. Вып. 2. С. 188–196. DOI:10.18500/1819-7671-2022-22-2-188-196
14. *Шамионов Р.М.* Роль гражданской идентичности, религиозности, пола и образования в приверженности молодежи к различным формам социальной активности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 1. С. 7–23. DOI:10.22363/2313-1683-2023-20-1-7-23
15. *Шпрангер Э.* Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности: тексты. М.: Издательство МГУ, 1982. С. 55–59.
16. *Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3-4. 24 с.
17. *Burke P.J., Stets J.E.* Identity Theory and Social Identity Theory // Social Psychology Quarterly. 2000. Vol. 63. No. 3. P. 224–237.
18. *Carr D.* Personal identity is social identity // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2021. No. 20. P. 341–351. DOI:10.1007/s11097-020-09702-1

19. Chen J.A., Xing Y.W., Chen W. Student entrepreneurs from the perspective of identity: A literature review and prospects // Foreign Economic & Management. 2019. Vol. 41. No. 9. P. 122–138. DOI:10.16538/j.cnki.fem.2019.0802.003
20. Chiu W.K.S., So W.M.W. STEM career aspiration: does students' social identity matter? // Asia Pacific Journal of Education. 2022. DOI:10.1080/02188791.2022.2108758
21. Jans L. Changing environmental behaviour from the bottom up: The formation of pro-environmental social identities // Journal of Environmental Psychology. 2021. Vol. 73. P. 101531. DOI:10.1016/j.jenvp.2020.101531
22. Jans L., Postmes T., Van der Zee K.I. Sharing differences: The inductive route to social identity formation // Journal of Experimental Social Psychology. 2012. Vol. 73. Iss. 5. P. 1145–1149. DOI:10.1016/j.jesp.2012.04.013
23. Mei W., Symaco L.P. Students' Entrepreneurial Identity Construction: Role and Social Identity Influences // SAGE Open. 2022, Vol. 12. Iss. 2. DOI:10.1177/21582440221089961
24. Nielsen S.L., Gartner W.B. Am I a student and/or entrepreneur? Multiply identities in student entrepreneurship // Education + Training. 2017. Vol. 59. Iss. 2. P. 135–154. DOI:10.1108/ET-09-2014-0122
25. Parsons T., Shils E.A. Towards the general theory of action. London, 1962. 282 p.
26. Shamionov R.M., Sultaniyazova N.J., Bolshakova A.S. Positive and Negative Affects and Cultural Attitudes among Representatives of the Host Population and Second-Generation Migrants in Russia and Kazakhstan // Social Sciences. 2022. Vol. 11(10): 473. DOI:10.3390/socsci11100473
27. Spears R. Group Identities: The Social Identity Perspective. In: Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds.). Handbook of Identity Theory and Research. Springer. New York, NY, 2011. P. 201–224. DOI:10.1007/978-1-4419-7988-9_9
28. Turner J.C. Social influence. Belmont, CA: Thomson Brooks/Cole, 1991. 206 p.

References

1. Arendachuk I.V. Sub'yektno-deyatel'nostnyye determinanty obrazovatel'no-razvivayushchey aktivnosti uchashcheyasya molodezhi [Subject and activity-related determinants of the student youth's educational and developmental activity]. *Obrazovaniye i samorazvitiye = Education and Self Development*, 2020. Vol. 15, no. 2, pp. 103–119. DOI:10.26907/esd15.2.09 (In Russ.).
2. Bocharova E.E. Regulyativnyye i mirovozzrencheskie faktory razlichnykh form sotsial'noi aktivnosti molodezhi [Regulatory and Worldview Factors of Various Forms of Social Activity of Young People]. *Izv. Sarat. un-ta. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2018. Vol. 7, iss. 4(28), pp. 333–345. DOI:10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345 (In Russ.).
3. Golubeva N.A. Osobennosti tsifrovoy identichnosti podrostkov i molodezhi v sovremennom tekhnologicheskom obshchestve [Digital identity features of teenagers and youth in modern technological society]. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie" [RSUH/RGGU Bulletin Series Psychology Pedagogics Education]*, 2020, no. 1, pp. 130–150. DOI:10.28995/2073-6398-2020-1-130-150 (In Russ.).
4. Grigoryeva M.V., Sharov A.A., Zagranichnyy A.I. Formy sotsial'noy aktivnosti kak prediktory regional'noy identichnosti u molodezhi [The Forms of Social Activity as Predictors of Regional Identity among Young People]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 1, pp. 74–91. DOI:10.17759/sps.2023140105 (In Russ.).
5. D'yachenko A.N., Kovalenko A.M., Tikhonovskova M.P., Gribanov G.A. Sotsial'naya aktivnost' i grazhdanskaya identichnost' rossiyskoy molodezhi v usloviyakh obshchestva potrebleniya [Social activity and civic identity of Russian youth in a consumer society]. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*, 2019. Vol. 8, no. 6, pp. 188–200. DOI:10.23683/2227-8656.2019.6.1 (In Russ.).

6. Karpov A.V., Nikishina V.B., Petrash E.A. Sotsial'naya identichnost': metasisstemnyi podkhod [Social identity: a metasytemic approach]. *Kurskii nauchno-prakticheskii vestnik Chelovek i ego zdorov'e* = *Kursk scientific and practical bulletin Man and his health*, 2017, no. 2, pp. 124–134. (In Russ.).
7. Panchenko S.V. Neformal'naya aktivnost' v sovremennom obshchestve [Informal activity in modern society]. *Gosudarstvennaya sluzhba* = *Public Administration*, 2011, no. 2, pp. 103–105.
8. Petrash E.A., Nikishina V.B. Metodika issledovaniya lichnostnoy identichnosti: metodologiya i tekhnologiya standartizatsii [Personal identity study: methodology and technology of standardization]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* = *Belgorod State University Scientific bulletin. Series: Humanities*, 2014, no. 6(177), iss. 21, pp. 254–261. (In Russ.).
9. Polyakov S.D. Orbits i prostranstva. Psikhologiya i pedagogika: idei, obrazy, lyudi [Orbits and spaces. Psychology and pedagogy: ideas, images, people]. In 2 vol. Vol. 1. 2022. 376 p. (In Russ.).
10. Popova S.Yu., Selezneva A.V. Sotsial'naya aktivnost' molodezhi: sostoyaniye problemy i perspektivy razvitiya [Social activity of youth: status problems and for prospects development]. *Obrazovanie Lichnosti* = *Personality Formation*, 2018, no. 2, pp. 96–103. (In Russ.).
11. Psikhologiya sotsial'noy aktivnosti molodezhi [Psychology of young people's social activity]. Ed. by R.M. Shamionov. Moscow: Publishing house "Pero", 2020, 200 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44521792> (Accessed 18.02.2021). (In Russ.).
12. Frolova S.V. Priverzhennost' lichnosti strane: sotsial'no-psikhologicheskii analiz [Commitment of the individual to the country: socio-psychological analysis]. Saratov: Publishing Center "Science", 2019. 370 p. (In Russ.).
13. Shamionov R.M. Empiricheskaya model' sotsial'noy aktivnosti molodezhi [Empirical model of youth social activity]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* = *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022. Vol. 22, iss. 2, pp. 188–196. (In Russ.). DOI:10.18500/1819-7671-2022-22-2-188-196
14. Shamionov R.M. Rol' grazhdanskoy identichnosti, religioznosti, pola i obrazovaniya v priverzhennosti molodezhi k razlichnym formam sotsial'noy aktivnosti [The role of civic identity, religiosity, gender and education in the commitment of young people to various forms of social activity]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* = *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2023. Vol. 20, no. 1, pp. 7–23. DOI:10.22363/2313-1683-2023-20-1-7-23
15. Spranger E. Osnovnyye ideal'nyye tipy individual'nosti [Basic ideal types of individuality]. *Psikhologiya lichnosti: teksty* = *Psychology of personality: texts*. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1982, pp. 55–59.
16. Yadov V.A. Sotsial'nyye i sotsial'no-psikhologicheskiye mekhanizmy formirovaniya sotsial'noy identichnosti lichnosti [Social and socio-psychological mechanisms of the formation of the social identity of the individual]. *Mir Rossii* = *World of Russia*, 1995, no. 3-4. 24 p. (In Russ.).
17. Burke P.J., Stets J.E. Identity Theory and Social Identity Theory. *Social Psychology Quarterly*, 2000. Vol. 63, no. 3, pp. 224–237.
18. Carr D. Personal identity is social identity. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 2021, no. 20, pp. 341–351. DOI:10.1007/s11097-020-09702-1
19. Chen J.A., Xing Y.W., Chen W. Student entrepreneurs from the perspective of identity: A literature review and prospects. *Foreign Economic & Management*, 2019. Vol. 41, no. 9, pp. 122–138. DOI:10.16538/j.cnki.fem.2019.0802.003
20. Chiu W.K.S., So W.M.W. STEM career aspiration: does students' social identity matter? *Asia Pacific Journal of Education*, 2022. DOI:10.1080/02188791.2022.2108758
21. Jans L. Changing environmental behaviour from the bottom up: The formation of pro-environmental social identities. *Journal of Environmental Psychology*, 2021. Vol. 73, pp. 101531. DOI:10.1016/j.jenvp.2020.101531

22. Jans L., Postmes T., Van der Zee K.I. Sharing differences: The inductive route to social identity formation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2012. Vol. 73, iss. 5, pp. 1145–1149. DOI:10.1016/j.jesp.2012.04.013
23. Mei W., Symaco L.P. Students' Entrepreneurial Identity Construction: Role and Social Identity Influences. *SAGE Open*, 2022. Vol.12, iss. 2. DOI:10.1177/21582440221089961
24. Nielsen S.L., Gartner W.B. Am I a student and/or entrepreneur? Multiply identities in student entrepreneurship. *Education + Training*, 2017. Vol. 59, iss. 2, pp. 135–154. DOI:10.1108/ET-09-2014-0122
25. Parsons T., Shils E.A. *Towards the general theory of action*. London, 1962. 282 p.
26. Shamionov R.M., Sultaniyazova N.J., Bolshakova A.S. Positive and Negative Affects and Cultural Attitudes among Representatives of the Host Population and Second-Generation Migrants in Russia and Kazakhstan. *Social Sciences*, 2022. Vol. 11(10): 473. DOI:10.3390/socsci11100473
27. Spears R. Group Identities: The Social Identity Perspective. In: Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds.). *Handbook of Identity Theory and Research*. Springer, New York, NY, 2011, pp. 201–224. DOI:10.1007/978-1-4419-7988-9_9
28. Turner J.C. *Social influence*. Belmont, CA: Thomson Brooks/Cole, 1991. 206 p.

Информация об авторах

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО СГУ), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Боcharова Елена Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО СГУ), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7814-1581>, e-mail: bocharova-e@mail.ru

Information about the authors

Rail M. Shamionov, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Elena E. Bocharova, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7814-1581>, e-mail: bocharova-e@mail.ru

Получена 11.05.2023

Принята в печать 14.12.2024

Received 11.05.2023

Accepted 14.12.2024

Толерантность к неопределенности у студентов-пользователей онлайн-платформ с разными статусами виртуальной идентичности

Клементьева М.В.

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (ФГОБУ ВО «Финиуниверситет»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8712-9282>, e-mail: marinaklementyva@yandex.ru

Цель. Оценка вклада компонентов и статуса виртуальной идентичности в вариативность показателей толерантности к неопределенности среди пользователей онлайн-платформ студенческого возраста.

Контекст и актуальность. Пользователи онлайн-платформ исследуют альтернативы идентичности и поддерживают самотождественность в условиях информационной неопределенности. Предыдущие исследования установили, что неадаптивные процессы развития идентичности в реальных средах компенсированы проблемным использованием онлайн-платформ и связаны с низким уровнем толерантности к неопределенности, однако о влиянии виртуальной идентичности на толерантность к неопределенности мало известно.

Дизайн исследования. В работе изучалась связь между показателями виртуальной идентичности и толерантности к неопределенности среди пользователей онлайн-платформ студенческого возраста. Наличие и характер взаимосвязи проверялись через корреляционный анализ (*r*-критерий Пирсона), регрессионный анализ (*F*-критерий Фишера) и моделирование структурными уравнениями (SEM).

Участники. 350 человек (35% мужчин, 65% женщин) от 18 до 25 лет ($M = 19,8$; $SD = 1,62$), являющихся активными пользователями онлайн-платформ.

Методы (инструменты). Русскоязычная методика оценки виртуальной идентичности (Статус ВИ) и адаптированная к русскоязычной выборке шкала MSTAT-I.

Результаты. Принятие виртуальной идентичности увеличивает толерантность к неопределенности — общий показатель, предпочтение неопределенности, отношение к новым, неоднозначным, сложным для понимания, неопределенным и внутренне противоречивым стимулам среды. Поиск виртуальной идентичности сопряжен с предпочтением неопределенности. Пользователи с диффузной виртуальной идентичностью демонстрировали тенденцию к восприятию неопределенных (новых и двусмысленных) ситуаций как источников угрозы. С возрастом углубляется понимание сложных ситуаций и снижается интерес к новым стимулам. Установлено, что возрастной градиент более выражен у мужчин, чем у женщин — в выборке мужчин показан прогноз значительного роста толерантности к неопределенности в возрастном диапазоне от 18 до 25 лет.

Основные выводы. Материалы настоящего исследования восполняют недостаток психологической литературы о связи более адаптивных явлений виртуальной идентичности с высоким уровнем толерантности к неопределенности и поддерживают предположение о прогнозируемой изменчивости толерантности к неопределенности в зависимости от статуса виртуальной идентичности, возраста и пола пользователей онлайн-платформ студенческого возраста.

Ключевые слова: виртуальная идентичность; толерантность к неопределенности; неопределенность; идентичность; виртуальная среда; онлайн-платформа.

Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Фининиверситета.

Для цитаты: Клементьева М.В. Толерантность к неопределенности у студентов-пользователей онлайн-платформ с разными статусами виртуальной идентичности // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 109–122. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150408>

The Tolerance of Ambiguity in the Virtual Identity Statuses among Student Users of Online Platforms

Marina V. Klementyeva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8712-9282>, e-mail: marinaklementyeva@yandex.ru

Objective. *Assessment the contribution of virtual identity statuses and identity components to variation in uncertainty tolerance of ambiguity among users of online platforms in age of students.*

Background. *The users of online platforms reconsider identity commitments and explore identity alternatives in conditions of information uncertainty and ambiguity. Previous studies have clearly established what non-adaptive processes of identity development in real environments compensating for by problematic use of online platforms and assessing with low levels of tolerance for uncertainty, but little is known about the impact of virtual identity on tolerance of ambiguity.*

Study design. *We how ambiguity tolerance relates to virtual identity using a survey method among students who are users of online platforms. The associations of virtual identity and tolerance of ambiguity were examined using Pearson's r-test, and linear regression (Fisher's F-test), and structural equation modeling (SEM).*

Participants. *The sample consisted of data obtained from 350 students (35% male; 65% female), aged 18 to 25 ($M = 19,8$; $SD = 1,62$), users of online platforms.*

Measurements. *The study measured the indicators of virtual identity (VISI) and tolerance of ambiguity (MSTAT-I) using methods adapted to the Russian research pool.*

Results. *Commitment of virtual identity increases tolerance of ambiguity – a general measure, uncertainty preference, of attitudes towards new, ambiguous, difficult to understand, uncertain and internally contradictory environmental stimuli. The Exploration of virtual identity is associated with a preference for uncertainty. We have found that age raised the levels of the understanding of complex information and reduces the levels of the interest in new stimuli decreases. The outcomes of this study revealed that age gradient was found to be more pronounced in males than females, such that users of the males demonstrated higher growth forecast of levels of a tolerance of ambiguity. Moreover, a virtual identity status influences tolerance for ambiguity, such that users with a diffuse virtual identity reported a tendency to perceive ambiguity (ambiguous and new) situations as sources of threat.*

Conclusions. *The current study sparse existing literature of psychology with new data of whether tolerance of ambiguity relates robustly to identity, and support predictions of variability in tolerance of ambiguity depending on the virtual identity status, age and gender among users of online platforms in age of students. The pre-adaptive mechanism that links components of identity search and acceptance in virtual environments use to tolerance of ambiguity, this mechanism may be further moderated by age and gender factors.*

Keywords: *virtual identity; tolerance of ambiguity; uncertainty; identity; virtual environment; on-line platform.*

Funding. *The reported study was funded by budgetary funds under the state assignment of the Financial University.*

For citation: Klementyeva M.V. The Tolerance of Ambiguity in the Virtual Identity Statuses among Student Users of Online Platforms. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 109–122. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150408> (In Russ.).

Введение

Наша повседневность полна неопределенных ситуаций, число которых растет в связи с развитием цифровых технологий и возникновением виртуальной среды — непрерывного потока искусственно созданной информации, которую человек воспринимает как естественную окружающую среду [10]. В виртуальной среде, где неопределенность является системообразующим свойством [15], а социальная информация избыточна и опережает факты, несет много «фейков» и противоречивых мнений [14], наиболее востребованным качеством пользователя, формирующего свою *виртуальную идентичность* [2], становится *толерантность к неопределенности* (далее — ТН). В виртуальной среде связь идентичности и ТН особенно важна с социально-психологической точки зрения, поскольку пользователи получают возможность экспериментировать с виртуальными самопрезентациями и саморасширением (self-expansion), оценивая угрозы идентичности [20], риски и возможности цифровых «Я» в условиях информационной непредсказуемости, сложности, противоречивости, недостоверности или неадекватности. Чрезвычайно важной эта связь представляется для обучающейся молодежи, когда самоисследование и становление идентичности становятся необходимыми условиями позитивного развития в цифровой среде [26]. Тем не менее мало известно о том, как ТН связана с поиском и принятием идентичности в условиях виртуальной среды.

Начиная с конца 1940-х годов, когда толерантность к неопределенности (tolerance of ambiguity) была впервые психологически концептуализи-

рована Э. Френкель-Брунsvик (E. Frenkel-Brunswik) как свойство личности, и вплоть до настоящего времени многие исследования сосредоточены на изучении прогностической полезности ТН для совладания с тревогой, преодоления аффективных расстройств и повышения психологического здоровья [16; 18]. Наиболее заметной темой в современных исследованиях является поиск психологических коррелятов и предикторов ТН [4; 22], к числу которых некоторые исследователи относят *идентичность*.

Одна из гипотез о механизмах связи между ТН и идентичностью, выдвинутая Э. Френкель-Брунsvик (E. Frenkel-Brunswik), получила признание в современной психологии [9; 16; 30], в реальных средах объясняя низкий уровень ТН несогласованностью различных аспектов идентичности, которые ассоциированы с несовместимыми паттернами ролевого поведения или амбивалентным отношением к себе. Известно, что амбивалентное отношение к своей идентичности ассоциировано с ТН, когда высокий уровень ТН является предиктором низкого уровня конфликта идентичности [19], кризиса идентичности [3], нарушения чувства связности идентичности [25], а позитивная групповая идентичность вносит вклад в преодоление неопределенности будущего и высокий уровень ТН [5]. Несмотря на многочисленные исследования ТН, лишь в незначительном количестве работ оценивается роль идентичности.

Аналогичным образом исследовательская проблематика представлена в области психологии идентичности, где ТН обсуждают на удивление мало. В рамках сближения возрастно-психологического

и социально-психологического контекстов идентичность связывают с осознанием временной преемственности и переживанием единства и уникальности собственного «Я», определяя самоотчетливость и общность социальным образцам группы, к которой человек себя причисляет [17] — в стремлении уменьшить неуверенность в себе человек продвигается от периода неопределенности к подтверждению тождественности «Я» [13]. Неопределенность (uncertainty) не является чертой личности, а представляет контекстуальную характеристику, где цельность и связность идентичности позволяют преодолеть неопределенность путем выбора способов самовыражения и самокатегоризации, адекватных конкретной среде [1; 12]. Согласованная множественная идентичность помогает человеку справляться с ситуациями неопределенности [7; 27].

Экспансия виртуальной среды — игровые и социальные онлайн-платформы, экосистема «метавселенной» — ставит вопрос о ресурсах совладания с неопределенностью, доступных носителям виртуальной идентичности (далее — ВИ) — расширения цифрового «Я», преодолевающего ограничения физической реальности и обнаруживающего функцию преадаптации [2; 6].

ВИ психологически операционализована в качестве «опосредованного технологией ментально обработанного Я, представленного или смоделированного на компьютерах, в компьютерных сетях, электронных играх и любых других виртуальных и цифровых медиасредах» (цит. по: [2, с. 81]). Функционально ВИ балансирует между переживанием уникальности Я и чувством принадлежности Я к виртуальному сообществу, в попытке обрести непрерывное, согласованное и интегрированное переживание само-

тождественности в виртуальной среде. Переосмысливая и интерпретируя неориксоновские идеи о механизмах развития идентичности [13; 17] в русле культурно-исторической психологии, автор [2] предлагает выделять в динамической модели ВИ два компонента (измерения):

1) *интенсивность поиска ВИ* как интеграцию двух разных направлений исследования альтернатив воплощения Я, релевантных идентичности, — исследовательский «поиск в ширину» (exploration in breadth), по Дж. Марсиа (J. Marcia) [17, с. 31–53], и «поиск в глубину» (exploration in depth), по В. Меус (W. Meeus), К. Льюкс (K. Luycx), Э. Крочетти (E. Crocetti) и др. [13; 17, с. 77–98];

2) *осмысленность принятия ВИ* как обобщение двух степеней приверженности принятым обязательствам воплощения Я, уверенности в выборе принятой идентичности, приписывание тождеству и непрерывности Я «того значения, которое придается значимым другим в непосредственном окружении» [8, с. 59] — «принятие обязательств» (commitment making), по Дж. Марсиа (J. Marcia) [17, с. 31–53], и «идентификация с обязательствами» (identification with commitment), по В. Меус (W. Meeus), К. Льюкс (K. Luycx), Э. Крочетти (E. Crocetti) и др. [13; 17, с. 77–98].

Соотношение двух измерений ВИ (интенсивность поиска и осмысленность принятия) определяет четыре статуса — диффузия, предрешенность, достижение и мораторий [2, с. 87].

Предыдущие исследования демонстрируют связь между ТН, неадаптивными процессами идентичности в неvirtуальных средах и чрезмерной вовлеченностью в интернет, социальные сети и онлайн-игры [23; 26]. Установлено, что низкий уровень ТН ассоциирован с рискованным и проблемным ис-

пользованием социальных сетей [29] и интернета [11], экстремизмом на онлайн-платформах [21], дегуманизацией идентичности [32], проблемным расширением «Я» в онлайн-средах [31], а слитность социальной и личной идентичности снижает неопределенность и неуверенность личности, повышая толерантность к неоднозначным стимулам [28]. Тем не менее есть исключения — некоторые исследования обнаруживают связь между интегрированным чувством идентичности и менее адаптивными жизненными явлениями (например, интернет-зависимостью [24], низкой ТН [3]).

Итак, несмотря на обширные исследования ТН и идентичности, на удивление мало эмпирических исследований, где обсуждается интересное соответствие этих явлений в виртуальной среде.

Кроме того, трудность обобщения и интеграции данных касательно связи ТН и идентичности в виртуальной среде обусловлена, на наш взгляд, преимущественной концептуализацией цифровых сред как контекстуального фактора идентичности (например, [26]), но недостаточным вниманием к концептуализации и операционализации ВИ как специфической формы идентичности.

Настоящим исследованием мы вносим свой вклад в обсуждение связей между явлениями ВИ и ТН, продолжая последовательную линию концептуализации и психологической операционализации ВИ, предложенную в работе [2], восполняя недостающую психологическую литературу эмпирическими исследованиями.

Метод

Схема проведения исследования. Респонденты заполняли методики для измерения ВИ и ТН. Опрос проведен в бланковой форме (2023-2024 гг.), методики предъявлялись заочно анонимно.

Гипотеза эмпирического исследования — компоненты и статус ВИ выступают предикторами ТН.

Цель эмпирического исследования — изучить компоненты и статусы ВИ, ассоциированные с ТН среди студентов-пользователей онлайн-платформ.

Выборка исследования (размер, репрезентативность, процедура формирования). Приняли участие 350 студентов (35% мужчин, 65% женщин) в возрасте 18-25 лет ($M = 19,8$; $SD = 1,8$). Все участники являются активными пользователями социальных онлайн-платформ и ролевых онлайн-игр (опыт использования социальных онлайн-платформ — от 8 лет; опыт гейминга с использованием игровых онлайн-платформ — от 8 лет). Выборка рандомизирована.

Методики исследования. Использованы адаптированные к российской выборке методики оценки виртуальной идентичности — «Статус ВИ» [2] и толерантности к неопределенности — MSTAT-I [4].

Обработка данных осуществлена с использованием корреляционного анализа (r -критерий), H -критерия Краскела-Уоллиса и U -критерия Манна-Уитни, множественной линейной регрессии (метод наименьших квадратов — МНК) и метода моделирования структурными уравнениями (метод максимального правдоподобия).

Результаты

Описательные статистики и данные сравнительного анализа переменных представлены в табл. 1, где видим более низкий уровень субшкал ТН у пользователей, демонстрирующих диффузный статус ВИ: они стремятся избежать незнакомой и неопределенной информации, поскольку испытывают трудности в выборе способов и средств самовыражения в виртуальной среде.

Средние значения, стандартные отклонения и статистика различий ТН при сравнении групп с разными статусами ВИ ($N = 350$)

Шкала	Переменная	Статусы ВИ				
		$M (SD)$				Статистика U -критерия Манна Уитни
		Dc (40%)	Pr (10%)	Mr (30%)	Df (20%)	
ТН (MSTAT-I)	Общий показатель ТН	81,9 (17,4)	77,5 (8,1)	83,1 (19,2)	74,8 (13,3)	$p = 0,05^*$ ($Df < Mr$)
	Отношение к новизне	13,1 (3,0)	11,7 (2,2)	13,3 (3,6)	11,6 (2,5)	$p = 0,05^*$ ($Df < Dc$)
	Отношение к сложным задачам	29,7 (7,2)	27,6 (4,5)	30,7 (6,7)	27,8 (5,7)	$p > 0,05$
	Отношение к неопределенным ситуациям	33,4 (8,1)	34,1 (4,2)	34,0 (9,2)	30,5 (6,0)	$p > 0,05$
	Предпочтение неопределенности	44,2 (9,7)	42,5 (5,6)	43,9 (10,2)	39,0 (9,4)	$p = 0,01^{**}$ ($Df < Dc$)
	Принятие/избегание неопределенности	37,6 (9,3)	35,0 (6,1)	39,1 (10,8)	35,8 (6,9)	$p > 0,05$

Примечания: ТН – толерантность к неопределенности, ВИ – виртуальная идентичность; Dc – достигнутая виртуальная идентичность; Pr – предрешенная виртуальная идентичность; Mr – мораторий виртуальной идентичности; Df – диффузная виртуальная идентичность; p – уровень статистической значимости U -критерия: * – $p = 0,05$; ** – $p = 0,01$; $M (SD)$ – среднее арифметическое значение (стандартное отклонение).

Дополнительный сравнительный анализ двух групп – мужчин и женщин – выявил более высокие показатели (U -критерий при $p = 0,01$) отношения к новизне и неопределенным ситуациям у мужчин по сравнению с женщинами. Других различий выявлено не было.

Корреляции показателей принятия ВИ и ТН, представленные в табл. 2, демонстрируют значимые связи – участники, ориентированные на осмысленное инициативное самовыражение в виртуальной среде, отдают предпочтение неоднозначным, сложным, незнакомым и противоречивым стимулам. Ожидаемой стала связь между предпочтением неопределенности и поиском ВИ на уровне тенденции – участники, не владеющие,

но ищущие способы самовыражения в виртуальной среде, склонны выбирать неопределенную информацию, допускающую разные интерпретации.

Были обнаружены значимые связи хронологического возраста с отношением к новизне ($r = -0,23$ при $p < 0,01$) и сложным задачам ($r = 0,13$ при $p < 0,05$).

В табл. 3 представлены только значимые результаты регрессионного анализа. Можно отметить наличие вкладов осмысленного принятия ВИ в вариативность показателей ТН. И хотя показатели регрессии (R -квадрат) невысоки, присутствуют эффекты влияния ВИ на отношение личности к неопределенным условиям среды.

Таблица 2

Корреляции между показателями ВИ и ТН ($N = 350$)

Показатели ТН (шкала MSTAT-I)	Значения коэффициента корреляции Пирсона	
	Поиск ВИ	Принятие ВИ
Общий показатель ТН	0,05	0,26**
Отношение к новизне	0,08	0,25**
Отношение к сложным задачам	-0,01	0,19**
Отношение к неопределенным ситуациям	0,06	0,24**
Предпочтение неопределенности	0,11*	0,28**
Принятие/избегание неопределенности	-0,01	0,19**

Примечания: ТН – толерантность к неопределенности, ВИ – виртуальная идентичность; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа показателей ВИ и ТН ($N = 350$)

Предикторы	Показатели модели		
	Статистика F -критерия	Статистика t -критерия	R -квадрат
Зависимая переменная – Общий показатель ТН			
Поиск ВИ	$F = 5,88^{**}$	$t = -0,11$	0,27
Принятие ВИ		$t = 3,30^{***}$	
Зависимая переменная – Отношение к неопределенным ситуациям			
Поиск ВИ	$F = 5,19^{**}$	$t = -0,11$	0,26
Принятие ВИ		$t = 3,07^{**}$	
Зависимая переменная – Отношение к сложным задачам			
Поиск ВИ	$F = 3,79^*$	$t = -0,07$	0,22
Принятие ВИ		$t = 2,74^{**}$	
Зависимая переменная – Отношение к новизне			
Поиск ВИ	$F = 5,39^{**}$	$t = 0,16$	0,26
Принятие ВИ		$t = 3,07^{**}$	
Зависимая переменная – Предпочтение неопределенности			
Поиск ВИ	$F = 3,02^*$	$t = -0,28$	0,28
Принятие ВИ		$t = 2,41^*$	
Зависимая переменная – Принятие/избегание неопределенности			
Поиск ВИ	$F = 18,15^{***}$	$t = 9,15^{***}$	0,18

Примечания: ТН – толерантность к неопределенности, ВИ – виртуальная идентичность; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Обнаружили отсутствие эффектов влияния ТН на ВИ (качество регрессионной модели: $F = 1,10$ при $p = 0,33$).

Результаты исследования обобщены в виде модели структурного уравне-

ния (путевой) (см. рисунок), которая демонстрирует высокую степень адекватности и пригодности эмпирическим данным ($n = 350$; $p = 0,047$; $\chi^2/df = 1,73$; $RMSEA = 0,07$; $CFI = 0,99$).

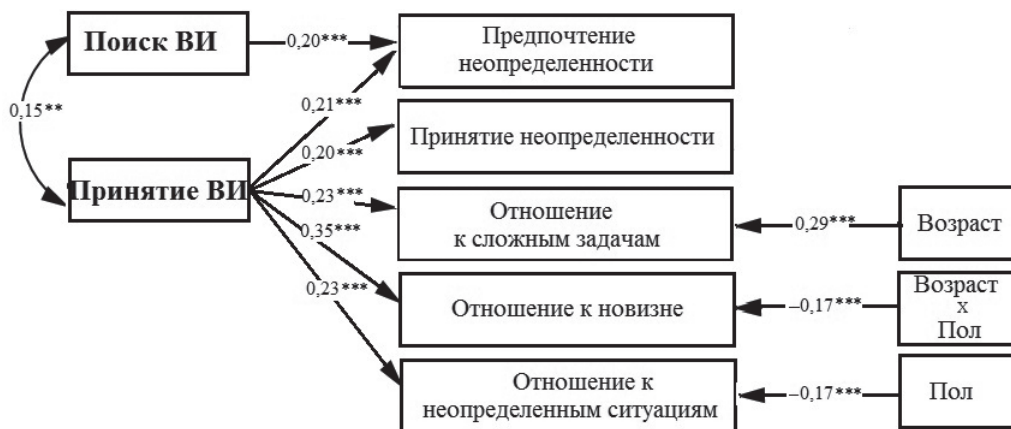

Рис. Модель структурного уравнения, отражающая характеристики толерантности к неопределенности (ТН) в связи с виртуальной идентичностью (ВИ), возрастом и полом. Коэффициенты регрессии и корреляции Пирсона стандартизованы и значимы: ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

На рисунке показаны взаимосвязи между показателями ТН и ВИ. Так, принятие ВИ определяет все анализируемые показатели ТН, а совместный эффект от взаимодействия компонентов поиска и принятия ВИ, который возникает в статусе достигнутой идентичности, способствует предпочтению неопределенности. Анализ значимого эффекта взаимодействия «возраст × пол» для отношения к новизне ($\beta = -0,17$; $p < 0,001$) показал, что возрастной градиент более выражен у мужчин (показатель корреляции параметра с возрастом $r = 0,20$; $p < 0,001$), чем у женщин (показатель корреляции параметра с возрастом $r = 0,15$; $p < 0,01$).

Обсуждение результатов

В работе сделана попытка расширить рамки предшествующих исследований психологии идентичности и ТН, предлагая взгляд на компоненты и статусы ВИ как предикторы ТН молодых пользователей онлайн-платформ.

Выдвинутая гипотеза подтверждена. Показано, что пользователи студенческо-

го возраста, демонстрирующие диффузную ВИ, испытывая трудности в осмысленном инициативном самовыражении в виртуальной среде, менее толерантны к неопределенности, по сравнению с пользователями, ориентированными на поиск и/или подтверждение ВИ (достигнутая, предрешенная, мораторий). Иными словами, поиск и принятие ВИ сопряжены с преодолением неопределенности путем выбора из множества альтернатив выражения «Я» в виртуальной среде. Этот момент особенно важен, поскольку проясняет психологический механизм экспериментирования с идентичностью в виртуальной среде – воплощая многообразие неоднозначных и противоречивых «Я», пользователи онлайн-платформ более полно переживают свое присутствие в среде и самопредставление в случае принятия виртуальной идентичности. Наши данные согласуются с выводами исследователей о согласованной и цельной идентичности как медиаторе позитивного развития молодежи в виртуальной среде [6; 31], а также поддерживают тезис о по-

ложительной связи между адаптивными процессами идентификации и высоким уровнем ТН [9; 12; 25; 28; 30].

Кроме того, поддерживая понимание ТН как личностной диспозиции [4; 16], есть основания предполагать относительную устойчивость ее проявлений в различных средах — реальной и виртуальной. Интерпретируя полученные данные, можем предположить, что возникающий в виртуальной среде компонент Я (ВИ) в молодом возрасте оказывает влияние на свойства личности (например, ТН) в непосредственной реальности. Аналогичный вывод представлен в работе наших коллег [6].

Полученные результаты противоречат выводам некоторых исследователей о трудностях идентификации у молодых женщин с высоким уровнем ТН [3]. Полагаем, широта исследования идентичности возможна лишь в условиях инициативного поиска и осмысленного «примеривания» к своему «Я», что согласуется с авторитетными выводами [13; 26]. Из материалов настоящей работы следует, что, обладая достигнутой идентичностью, и мужчины, и женщины интерпретируют *неопределенные ситуации как возможности для развития*, а не как угрозы, формируют позитивное отношение к неопределенным стимулам как интересным, отдавая предпочтение неоднозначным, сложным для понимания, неопределенным, незнакомым и внутренне противоречивым стимулам среды. К аналогичным выводам пришли и коллеги [5; 16; 25; 28]. Тенденция воспринимать неопределенные ситуации как источник угрозы, характерная для низкого уровня ТН, возникает тогда, когда отсутствует мотивирующее стремление к осознанию идентичности — пользователь не ведет поиск ВИ (блокирует континуум исследовательского поведе-

ния в виртуальной среде) и не принимает ВИ (отрицает свою приверженность системе ценностно-смысловых ориентаций в виртуальном контексте), то есть пребывает в статусе диффузной ВИ. В целом обнаруженные эффекты влияния идентичности на отношение к неопределенным ситуациям согласуются с выводами других авторов [20; 21].

Возрастной градиент ТН в связи с ВИ, вероятно, сопряжен с процессами преадаптации и культурного социогенеза личности, сопровождающимися нарастанием когнитивной сложности и гибкости в интерпретации и обобщении неопределенных ситуаций. Возрастно-половые различия ТН в связи с ВИ, представленные в настоящей работе, согласуются с выводами предшествующих исследований [4; 23], подчеркивая интерес мужчин к новым и неопределенным ситуациям, что, по-видимому, обусловлено большей склонностью мужчин, по сравнению с женщинами, к новациям и рискованному поведению [22], а также сопряжено с большей вовлеченностью молодых мужчин в виртуальные среды [2].

Ограничение связано с выборкой и исследовательским планом. Продемонстрированы вклады компонентов ВИ в изменчивость показателей ТН, выявлены различия в ТН среди активных пользователей (студентов) онлайн-платформ с разными статусами ВИ. Но некоторые вопросы остались нераскрытыми. Во-первых, нельзя делать выводы об изменениях связи во времени. Во-вторых, работа касалась не всех форм (стилей) идентичности. В-третьих, особенности выборки не дают возможности широких обобщений. Сказанное требует дальнейшего эмпирического исследования связей идентичности и ТН в разных социальных группах и сферах, что составляет перспективу исследования.

Заключение

Несмотря на ограничения, настоящее исследование демонстрирует данные о позитивном влиянии ВИ на ТН молодых пользователей онлайн-платформ. В совокупности представленные материалы подтверждают преадаптивный механизм ВИ — в стремлении уменьшить неуверенность в себе пользователи студенческого возраста продвигаются в поиске и принятии ВИ, формируя отношение к

неоднозначным, когнитивно сложным, незнакомым и внутренне противоречивым ситуациям как возможностям и ресурсам позитивного саморазвития. Стоит отметить, что динамическая связь ВИ и ТН более выражена у мужчин, чем у женщин, и возрастает в молодости в связи высокой вовлеченностью в виртуальную среду при решении задач личного, профессионального, социального развития, образования.

Литература

1. *Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.* Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: потенциал социально-психологического знания [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223. DOI:10.17759/psylaw.2022120215
2. *Клементьева М.В.* Статусы виртуальной идентичности: понятие и методика оценки («Статус ВИ») // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 21. № 1. С. 79–100. DOI:10.17323/1813-8918-2024-1-79-100
3. *Кузьмин М.Ю., Миронова Е.И., Киселева А.А., Филипова Е.А., Осипенко О.А.* Кризис идентичности и ее связь с толерантностью к неопределенности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 6. С. 70–75. DOI:10.37882/2500-3682.2021.06.09
4. *Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Луковицкая Е.Г.* Диагностика толерантности к неопределенности: Шкалы Д. Маклейна. М.: Смысл, 2016. 60 с.
5. *Нестик Т.А.* Отношение личности к коллективному прошлому и оценка вероятности сценариев будущего России // Вестник Университета Российской академии образования. 2018. № 5. С. 14–22.
6. *Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н.* Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 4. С. 27–37. DOI:10.17759/chr.2022180403
7. *Хайт М.А.* Кросскультурное исследование взаимосвязи сложности социальной идентичности и отношения к неопределенности в России и Италии // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 2. С. 87–99.
8. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
9. *Ясин М.И., Рябиченко Т.А.* Когнитивные предикторы гибридной и альтернативной идентификации в поликультурной среде: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 3. С. 79–91. DOI:10.17759/jmfp.2021100308
10. *Blascovich J., Loomis J., Beall A.C., Swinth K.R., Hoyt C.L., Bailenson J.N.* Immersive Virtual Environment Technology as a Methodological Tool for Social Psychology // Psychological Inquiry. 2002. Vol. 13. № 2. P. 103–124. DOI:10.1207/S15327965PLI130201
11. *Chashmi S.J.E., Hasani J., Kuss D.J. et al.* Tolerance for ambiguity, reappraisal, and suppression mediate the relationship between problematic internet use and procrastination // Current Psychology. 2023. Vol. 42. P. 27088–27109. DOI:10.1007/s12144-022-03745-0
12. *Choi E.U., Hogg M.A.* Self-uncertainty and group identification: A meta-analysis // Group Processes & Intergroup Relations. 2020. Vol. 23. № 4. P. 483–501. DOI:10.1177/1368430219846990

13. *Crocetti E., Albarello F., Meeus W., Rubini M.* Identities: A developmental social-psychological perspective // European review of social psychology. 2022. Vol. 34. № 1. P. 161–201. DOI:10.1080/10463283.2022.2104987
14. *Ferguson A.M., Turner G., Orben A.* Social uncertainty in the digital world // Trends in Cognitive Sciences, 2024. Vol. 28. № 4. P. 286–289. DOI:10.1016/j.tics.2024.02.005
15. *Flores-Cortes M., Guerra-Armas J., Pineda-Galan C., La Touche R., Luque-Suarez A.* Sensorimotor Uncertainty of Immersive Virtual Reality Environments for People in Pain: Scoping Review // Brain sciences. 2023. Vol. 13. № 10. P. 1461. DOI:10.3390/brainsci13101461
16. *Furnham A., Marks J.* Tolerance of Ambiguity: A Review of the Recent Literature // Psychology. 2013. Vol. 4. № 9. P. 717–728. DOI:10.4236/psych.2013.49102
17. Handbook of identity theory and research. Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. (Eds.). NY: Springer Science, 2011. 998 p. DOI:10.1007/978-1-4419-7988-9
18. *Hillen M.A., Gutheil C.M., Strout T.D., Smets E.M.A., Han P.K.J.* Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications for healthcare // Social Science & Medicine. 2017. Vol. 180. P. 62–75. DOI:10.1016/j.socscimed.2017.03.024
19. *Leong C.H., Ward C.* Identity conflict in sojourners // International Journal of Intercultural Relations. 2000. Vol. 24. № 6. P. 763–776. DOI:10.1016/S0147-1767(00)00030-4
20. *Macharia M., Serrano C., Sabherwal R.* Uncovering identity threat and response processes involving digital media (ITARP-DM) // Computers in Human Behavior. 2024. Vol. 158. P. 108247. DOI:10.1016/j.chb.2024.108247
21. *Mikhaeil C.A., Baskerville R.L.* Explaining online conspiracy theory radicalization: A second-order affordance for identity-driven escalation // Information Systems Journal. 2024. Vol. 34. № 3. P. 711–735. DOI:10.1111/isj.12427
22. *Nagel K.M., Grant D.M., Hahn B.J., Deros D.E., Walker E.A.* Psychometric properties of two independent measures evaluating uncertainty and ambiguity // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2023. Vol. 45. № 4. P. 964–977. DOI:10.1007/s10862-023-10075-3
23. *Noon E.J., Schuck L.A., Guşu S.M., Şahin B., Vujović B., Aydın Z.* To compare, or not to compare? Age moderates the relationship between social comparisons on instagram and identity processes during adolescence and emerging adulthood // Journal of Adolescence. 2021. Vol. 93. P. 134–145. DOI:10.1016/j.adolescence.2021.10.008
24. *Pogorelov D.N., Rylskaya E.A.* The Development and Psychometric Characteristics of the “Virtual Identity of Social Media Users” Test // Psychology in Russia: State of the Art. 2022. Vol. 15. № 4. P. 101–126. DOI:10.11621/pir.2022.0407
25. *Schmidt P., Fuchs T.* The unbearable dispersal of being: Narrativity and personal identity in borderline personality disorder // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2021. Vol. 20. № 2. P. 321–340. DOI:10.1007/s11097-020-09712-z
26. *Soh S., Talaifar S., Harari G.* Identity development in the digital context // Social and Personality Psychology Compass. 2024. Vol. 18. № 2. Art. e12940. DOI:10.1111/spc3.12940
27. *Soronen A., Koivunen A.* Platformed intimacies: Professional belonging on social media // European Journal of Cultural Studies. 2022. Vol. 25. № 5. P. 1344–1360. DOI:10.1177/13675494221079854
28. *Swann W.B.Jr., Buhrmester M.D.* Identity fusion // Current Directions in Psychological Science. 2015. Vol. 24. № 1. P. 52–57. DOI:10.1177/0963721414551363
29. *Wu Y., An Z., Lin Y., Zhang J., Jing B., Peng K.* Social media use, uncertainty, and negative affect in times of pandemic crisis // Digital Health. 2023. Vol. 9. DOI:10.1177/20552076231181227 URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/20552076231181227#> (дата обращения: 10.08.2024).
30. *Ziemes J., Abs H.* Strong identities and endorsement of human rights: Conflictive or complementary? // South African Journal of Higher Education. 2017. Vol. 31. № 6. P. 151–166. DOI:10.20853/31-6-1636

31. Yang S., Kim H., Song M., Lee S., Jang L. The Double-Edged Influence of Self-Expansion in the Metaverse: A Two-Wave Panel Assessment of Identity Perception, Self-Esteem, and Life Satisfaction // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2024. Vol. 27. № 1. P. 37–46. DOI:10.1089/cyber.2022.0400
32. Yin L., Feng J., Hou W., Wang P., Yin Y. Smartphone's on, humanness's off: Phubbing breeds dehumanization via subjectivity uncertainty // *Computers in Human Behavior*. 2024. Vol. 160. Art. 108378. DOI:10.1016/j.chb.2024.108378

References

1. Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B. Otsenka riska radikalizatsii v podrostkovomolodezhnoi srede: potentsial sotsial'no-psikhologicheskogo znaniya [Elektronnyi resurs] [Radicalisation among Young People: In Search of Risk Assessment Model]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223. DOI:10.17759/psylaw.2022120215 (In Russ.).
2. Klementyeva M. Statusy virtual'noi identichnosti: ponyatie i metodika otsenki («Status VI») [The Virtual Identity Status: The Concept and Inventory (VISI)]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshей shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2024. Vol. 21, no. 1, pp. 79–100. DOI:10.17323/1813-8918-2024-1-79-100 (In Russ.).
3. Kuzmin M., Mironova E.I., Kiseleva A.A., Filinova E.A., Osipenok O.A. Krizis identichnosti i ee svyaz' s tolerantsnost'yu k neopredelennosti [Identity crisis and its relation to the tolerance to ambiguity]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Cognition*, 2021, no. 6, pp. 70–75. DOI:10.37882/2500-3682.2021.06.09 (In Russ.).
4. Leontiev D.A., Osin E.N., Lukovitskaya E.G. Diagnostika tolerantnosti k neopredelennosti: Shkaly D. Makleina [Diagnostics of tolerance to uncertainty: D. McLane's scales]. Moscow: Smisl Publ., 2016. 60 p. (In Russ.).
5. Nestik T.A. Otnoshenie lichnosti k kollektivnomu proshlomu i otsenka veroyatnosti stszenariy budushchego Rossii [Attitude of the individual to the collective past and assessment of the probability of scenarios of Russia's future]. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya = Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 2018, no. 5, pp. 14–22. (In Russ.).
6. Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Ilyukhina S.N. Ya-real'noe i Ya-virtual'noe: identifikatsionnye matritsy podrostkov i vzroslykh [Real-Self and Virtual-Self: Identity Matrices of Adolescents and Adults]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 4, pp. 27–37. DOI:10.17759/chp.2022180403
7. Khayt M.A. Krosskul'turnoe issledovanie vzaimosvyazi slozhnosti sotsial'noi identichnosti i otnosheniya k neopredelennosti v Rossii i Italii [Crosscultural Research on Correlation between Social Identity Complexity and Attitude to Ambiguity in Russia and Italy]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2014. Vol. 5, no. 2, pp. 87–99. (In Russ.).
8. Erikson E.H. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and crisis]. In Tolstykh A.V. (ed.). Moscow: Progress Publ., 1996. 344 p. (In Russ.).
9. Yasin M.I., Ryabichenko T.A. Kognitivnye prediktory gibridnoi i al'ternativnoi identifikatsii v polikul'turnoi srede: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Elektronnyi resurs] [Cognitive predictors of hybrid and alternative identification in multicultural environment: review of foreign studies]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021. Vol. 10, no. 3, pp. 79–91. DOI:10.17759/jmfp.2021100308 (In Russ.).
10. Blascovich J., Loomis J., Beall A.C., Swinth K.R., Hoyt C.L., Bailenson J.N. Immersive Virtual Environment Technology as a Methodological Tool for Social Psychology. *Psychological Inquiry*, 2002. Vol. 13, no. 2, pp. 103–124. DOI:10.1207/S15327965PLI130201
11. Chashmi S.J.E., Hasani J., Kuss D.J. et al. Tolerance for ambiguity, reappraisal, and suppression mediate the relationship between problematic internet use and procrastination. *Current Psychology*, 2023. Vol. 42, pp. 27088–27109. DOI:10.1007/s12144-022-03745-0

12. Choi E.U., Hogg M.A. Self-uncertainty and group identification: A meta-analysis. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2020. Vol. 23, no. 4, pp. 483–501. DOI:10.1177/1368430219846990
13. Crocetti E., Albarello F., Meeus W., Rubini M. Identities: A developmental social-psychological perspective. *European review of social psychology*, 2022. Vol. 34, no. 1, pp. 161–201. DOI:10.1080/10463283.2022.2104987
14. Ferguson A.M., Turner G., Orben A. Social uncertainty in the digital world. *Trends in Cognitive Sciences*, 2024. Vol. 28, no. 4, pp. 286–289. DOI:10.1016/j.tics.2024.02.005
15. Flores-Cortes M., Guerra-Armas J., Pineda-Galan C., La Touche R., Luque-Suarez A. Sensorimotor Uncertainty of Immersive Virtual Reality Environments for People in Pain: Scoping Review. *Brain sciences*, 2023. Vol. 13, no. 10, pp. 1461. DOI:10.3390/brainsci13101461
16. Furnham A., Marks J. Tolerance of Ambiguity: A Review of the Recent Literature. *Psychology*, 2013. Vol. 4, no. 9, pp. 717–728. DOI:10.4236/psych.2013.49102
17. Handbook of identity theory and research. Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. (Eds.). NY: Springer Science, 2011. 998 p. DOI:10.1007/978-1-4419-7988-9
18. Hillen M.A., Gutheil C.M., Strout T.D., Smets E.M.A., Han P.K.J. Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications for healthcare. *Social Science & Medicine*, 2017. Vol. 180, pp. 62–75. DOI:10.1016/j.socscimed.2017.03.024
19. Leong C.H., Ward C. Identity conflict in sojourners. *International Journal of Intercultural Relations*, 2000. Vol. 24, no. 6, pp. 763–776. DOI:10.1016/S0147-1767(00)00030-4
20. Macharia M., Serrano C., Sabherwal R. Uncovering identity threat and response processes involving digital media (ITARP-DM). *Computers in Human Behavior*, 2024. Vol. 158, pp. 108247. DOI:10.1016/j.chb.2024.108247
21. Mikhaeil C.A., Baskerville R.L. Explaining online conspiracy theory radicalization: A second-order affordance for identity-driven escalation. *Information Systems Journal*, 2024. Vol. 34, no. 3, pp. 711–735. DOI:10.1111/isj.12427
22. Nagel K.M., Grant D.M., Hahn B.J., Deros D.E., Walker E.A. Psychometric properties of two independent measures evaluating uncertainty and ambiguity. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2023. Vol. 45, no. 4, pp. 964–977. DOI:10.1007/s10862-023-10075-3
23. Noon E.J., Schuck L.A., Guṭu S.M., Şahin B., Vujović B., Aydın Z. To compare, or not to compare? Age moderates the relationship between social comparisons on instagram and identity processes during adolescence and emerging adulthood. *Journal of Adolescence*, 2021. Vol. 9, pp. 134–145. DOI:10.1016/j.adolescence.2021.10.008
24. Pogorelov D.N., Rylskaya E.A. The Development and Psychometric Characteristics of the “Virtual Identity of Social Media Users” Test. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2022. Vol. 15, no. 4, pp. 101–126. DOI:10.11621/pir.2022.0407
25. Schmidt P., Fuchs T. The unbearable dispersal of being: Narrativity and personal identity in borderline personality disorder. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 2021. Vol. 20, no. 2, pp. 321–340. DOI:10.1007/s11097-020-09712-z
26. Soh S., Talaifar S., Harari G. Identity development in the digital context. *Social and Personality Psychology Compass*, 2024. Vol. 18, no. 2, Art. e12940. DOI:10.1111/spc3.12940
27. Soronen A., Koivunen A. Platformed intimacies: Professional belonging on social media. *European Journal of Cultural Studies*, 2022. Vol. 25, no. 5, pp. 1344–1360. DOI:10.1177/13675494221079854
28. Swann W.B.Jr., Buhrmester M.D. Identity fusion. *Current Directions in Psychological Science*, 2015. Vol. 24, no. 1, pp. 52–57. DOI:10.1177/0963721414551363
29. Wu Y., An Z., Lin Y., Zhang J., Jing B., Peng K. Social media use, uncertainty, and negative affect in times of pandemic crisis. *Digital Health*, 2023. Vol. 9. DOI:10.1177/20552076231181227 URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/20552076231181227#> (Accessed 10.08.2024).

30. Ziemes J., Abs H. Strong identities and endorsement of human rights: Conflictive or complementary? *South African Journal of Higher Education*, 2017. Vol. 31, no. 6, pp. 151–166. DOI:10.20853/31-6-1636
31. Yang S., Kim H., Song M., Lee S., Jang L. The Double-Edged Influence of Self-Expansion in the Metaverse: A Two-Wave Panel Assessment of Identity Perception, Self-Esteem, and Life Satisfaction. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2024. Vol. 27, no. 1, pp. 37–46. DOI:10.1089/cyber.2022.0400
32. Yin L., Feng J., Hou W., Wang P., Yin Y. Smartphone's on, humanness's off: Phubbing breeds dehumanization via subjectivity uncertainty. *Computers in Human Behavior*, 2024. Vol. 160, Art. 108378. DOI:10.1016/j.chb.2024.108378

Информация об авторах

Клементьева Марина Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (ФГОБУ ВО «Финуниверситет»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8712-9282>, e-mail: marinaklementyva@yandex.ru

Information about the authors

Marina V. Klementyeva, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8712-9282>, e-mail: marinaklementyva@yandex.ru

Получена 09.09.2024

Received 09.09.2024

Принята в печать 14.12.2024

Accepted 14.12.2024

Связь российской идентичности и политической поляризации: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма

Гулевич О.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Косимова С.С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0175-4834>, e-mail: skosimova@hse.ru

Цель. Анализ связи надежной национальной идентификации и национального нарциссизма с политической поляризацией (различием в оценке людей с разными политическими взглядами).

Контекст и актуальность. Предыдущие исследования показали, что люди с сильной надежной национальной идентификацией больше поддерживают своих сограждан, чем люди со слабой. В то же время люди с сильным национальным нарциссизмом более негативно относятся к согражданам, которые, по их мнению, представляют угрозу для страны, чем люди со слабым. Это позволяет предположить, что надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм по-разному связаны с политической поляризацией.

Дизайн исследования. Участники кросс-секционного исследования заполняли методики для измерения надежной национальной идентификации, национального нарциссизма и политической поляризации. Для оценки взаимосвязей был использован линейный регрессионный анализ.

Участники. Респонденты рекрутировались на онлайн-платформах Yandex Toloka (выборка 1) и Анкетолог (выборка 2). Выборка включала 693 человека, которые указали, что они являются гражданами России ($N_1 = 473$, $N_2 = 220$). Первый замер был проведен в 2023, а второй — в 2024 году.

Методы (инструменты). Для измерения политической поляризации были использованы авторские методики. Критерием политической поляризации служило мнение людей о положении дел в стране. Участники определяли, насколько согражданам, считающим, что дела в стране идут в правильном vs. неправильном направлении, свойственны определенные черты; выражали эмоциональное отношение к ним; оценивали свою готовность общаться и сотрудничать с ними при решении общих проблем, а также допустимость ограничения их прав и возможностей. Для измерения национальной идентичности были использованы модифицированные шкалы для измерения социальной идентификации и коллективного нарциссизма.

Результаты. Исследование показало, что надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм связаны с более позитивным отношением к людям, которые одобряют направление движения страны, чем к людям, которые не одобряют его. Однако надежная национальная идентификация была сильнее, чем национальный нарциссизм, связана с позитивным

отношением к согражданам, одобряющим статус-кво. Национальный нарциссизм был сильнее, чем надежная национальная идентификация, связан с негативным отношением к людям, которые не одобряют статус-кво. При этом различие между двумя формами национальной идентичности было сильнее выражено в отношении к «неодобряющим», чем к «одобряющим», а также на уровне поведения, чем на уровне эмоций.

Основные выводы. Российская идентичность увеличивает политическую поляризацию между людьми, которые поддерживают и не поддерживают то, что происходит в стране. Однако надежная национальная идентификация объединяет россиян за счет доброжелательного отношения к согражданам, одобряющим положение дел в стране. В то же время национальный нарциссизм разобщает россиян за счет отвержения людей, не одобряющих статус-кво.

Ключевые слова: национальная идентичность; надежная национальная идентификация; национальный нарциссизм; политическая поляризация.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

Для цитаты: Гулевич О.А., Косимова С.С. Связь российской идентичности и политической поляризации: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 123–139. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150409>

The Relationship between Russian Identity and Political Polarization: The Role of Secure National Identification and National Narcissism

Olga A. Gulevich

*National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru*

Sabina S. Kosimova

*National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0175-4834>, e-mail: skosimova@hse.ru*

Objective. To analyse the relationship between secure national identification and national narcissism with political polarization (intergroup differentiation between people with different political views).

Background. Previous research has shown that individuals with a strong secure national identification are more supportive of their fellow citizens than those with a weaker national identity. At the same time, individuals with high levels of national narcissism exhibit more negative attitudes toward co-citizens whom they perceive as threats to the country, compared to those with lower levels of national narcissism. This suggests that secure national identification and national narcissism are associated differently with political polarization.

Study design. Respondents completed questionnaires to measure secure national identification, national narcissism, and political polarization. The presence and nature of the relationships were verified through linear regression analysis.

Participants. In the study, 693 Russian citizens participated ($N_1 = 473$, $N_2 = 220$). Respondents participated in an online survey conducted in Yandex Toloka platform (sample 1) and Anketolog (sample 2). The study involved two measurements: the first was conducted in 2023, and the second in 2024.

Measurements. To measure political polarization, proprietary methodology was used. The criterion for political polarization was whether participants believed the country was moving in the right

or wrong direction. Participants appraised the extent to which fellow citizens with these views exhibit certain traits; expressed emotions towards them; evaluated their willingness to interact and collaborate on common issues and considered the acceptability of restricting their rights and opportunities. To assess national identity, modified social identity and collective narcissism scales were used.

Results. The current study showed that secure national identification and national narcissism are associated with more positive attitudes towards people who approve of the country's direction, compared to those who do not. However, secure national identification is more strongly associated with positive attitudes towards fellow citizens who support status-quo compared to national narcissism. Conversely, national narcissism was more strongly related to negative attitudes towards those who oppose the status quo than secure national identification.

Conclusions. Russian identity increases polarization between individuals who support vs. those who do not support the current state of affairs in the country. However, secure national identification fosters unity among Russians by encouraging a positive attitude toward citizens who support the country's current state of affairs. Conversely, national narcissism creates division by rejecting those who are critical of the status quo.

Keywords: national identity; secure national identification; national narcissism; political polarization.

Funding. HSE University Basic Research Program, 2024.

For citation: Gulevich O.A., Kosimova S.S. The Relationship between Russian Identity and Political Polarization: The Role of Secure National Identification and National Narcissism. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 123–139. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150409> (In Russ.).

Введение

Серьезной проблемой, с которой рано или поздно сталкиваются все страны, являются межгрупповые конфликты. В основе таких конфликтов лежит социальная категоризация — классификация человеком себя и окружающих по групповому признаку [44]. Разделение людей на «своих» (ингруппу) и «чужих» (аутгруппу) порождает межгрупповую дифференциацию — различное отношение к ингруппе и аутгруппе. Классический вариант этого феномена включает ингрупповой фаворитизм (предпочтение ингруппы) и аутгрупповую дискриминацию (отвержение аутгруппы).

Один из критериев социальной категоризации — это политические взгляды. На протяжении последних десяти лет исследователи активно изучают факторы, последствия и способы умень-

шения политической поляризации, то есть межгрупповой дифференциации между людьми с разными политическими взглядами. Цель данного исследования — проанализировать связь разных форм национальной идентичности с политической поляризацией в российском контексте.

Политическая поляризация как форма межгрупповой дифференциации. Межгрупповая дифференциация проявляется по-разному. Люди приписывают членам ингруппы более позитивные характеристики, чем членам аутгруппы, легче воспринимают информацию, говорящую в пользу ингруппы, и интерпретируют действия членов ингруппы в более позитивном ключе (*когнитивный компонент*). Кроме того, они испытывают по отношению к членам ингруппы более позитивные эмоции, чем к членам аутгруппы (*эмоциональный ком-*

понент), а также чаще кооперируются и помогают, но реже конкурируют и вредят членам своего, чем другого сообщества (*поведенческий компонент*).

Один из вариантов межгрупповой дифференциации получил название политической поляризации¹. Исследователи выделяют две формы политической поляризации: позиционную и аффективную. Под позиционной политической поляризацией понимается смещение людей к более крайним позициям на политическом спектре. Например, некоторые исследования, проведенные в Европе и Северной Америке, показали, что со временем люди, которые считали себя либералами, стали позиционировать себя как более либеральных, а люди, считающие себя консерваторами, — как более консервативных [5; 29].

Под аффективной политической поляризацией понимается различие в оценке политических сторонников и политических оппонентов, то есть межгрупповая дифференциация по политическим взглядам. «Аффективная» в данном случае означает не «эмоциональная», а «не-позиционная», поэтому аффективная поляризация измеряется не только через эмоции, но также через приписывание черт или готовность к общению. Далее мы будем использовать термин «политическая поляризация», имея в виду межгрупповую дифференциацию по политическим взглядам. Исследования позволили выявить разные формы политической поляризации.

Во-первых, люди чаще обращают внимание, дают более позитивную оценку и чаще распространяют сообщения, которые соответствуют их политиче-

ским взглядам или исходят от политических единомышленников, чем сообщения, обладающие противоположными особенностями [15; 17; 33; 38–42; 51]. Кроме того, они чаще приписывают политическим единомышленникам свои собственные [13] или более позитивные характеристики [31], чем политическим оппонентам; дают более социально желательные объяснения действиям интрагруппового политика по сравнению с аутгрупповым [25; 37] и больше оправдывают его действия [12; 49].

Во-вторых, люди испытывают более позитивные/менее негативные эмоции к политическим единомышленникам, чем к политическим оппонентам [29; 30], а также больше сочувствуют интрагрупповому политику, чем аутгрупповому [44]. В-третьих, они больше общаются, больше сотрудничают и больше помогают политическим единомышленникам, чем политическим оппонентам по вопросам, не имеющим отношения к политике: в личной жизни, при выполнении сложного задания, получении стипендии или приеме на работу [29]. Кроме того, они больше готовы поддержать «своего» кандидата на выборах и вступить в конфронтацию с политическими оппонентами [8; 50].

Поскольку большинство исследований политической поляризации было проведено в США и нескольких европейских странах, под политической поляризацией в них понималось различие в отношении к людям, которые считали себя сторонниками либеральных vs. консервативных взглядов и/или поддерживали соответствующую партию. Это происходило, поскольку в этих странах термины «либеральный» и «консерва-

¹ Термины «межгрупповая дифференциация» и «политическая поляризация» возникли и до сих пор используются в разных дисциплинах: первый термин чаще используют психологи, а второй — специалисты в области политической науки. Это объясняет содержательные пересечения между этими терминами.

тивный» обозначают представления об устройстве общества, которые одинаково понимаются разными людьми и представлены в программах конкурирующих партий (см. [1; 2]).

Однако существуют политические контексты, в которых людям трудно разделить окружающих по взглядам на устройство общества или голосованию за определенную партию. Например, это происходит в странах, где политические партии не имеют устойчивой, хорошо известной избирателям программы и не являются активными участниками повседневной жизни. В этом случае люди могут использовать для политической поляризации другие критерии, например, «за действующую власть» vs «против действующей власти».

Социальная идентичность как фактор политической поляризации.

Социальная идентичность — это восприятие человеком себя как члена социальной группы. Люди могут идентифицироваться с группами по разным основаниям [16]. В большинстве исследований политической поляризации рассматривается политическая идентичность — восприятие человеком себя как носителя определенных политических взглядов и/или сторонника определенной политической партии. Они показали, что политическая идентификация предсказывает отношение к политическим единомышленникам и оппонентам.

Чем сильнее люди идентифицировались со сторонниками каких-либо политических взглядов или политической партией, тем чаще они приписывали свои

черты и ценности политическим единомышленникам, а противоположные особенности — политическим оппонентам [13], тем больше они поддерживали сторонников своей политической партии [8], тем больше были готовы голосовать за ее кандидата на выборах [50]. Кроме того, тем более негативные эмоции к политическим оппонентам они выражали, тем большую угрозу от них ощущали и тем больше были готовы вступать с ними в конфронтацию [8].

Однако, на наш взгляд, фактором политической поляризации могут стать другие формы идентичности, в том числе национальная (гражданская) идентичность² — восприятие человеком себя как жителя/гражданина какой-либо страны. Некоторые исследователи проводят различие между конструктивными и неконструктивными формами национальной идентичности. В основе конструктивных форм лежит хорошее отношение к своей стране, а в основе неконструктивных форм — абсолютная поддержка своей страны и вера в ее превосходство над другими государствами.

Одна из самых распространенных классификаций включает надежную национальную идентификацию (secure national identification, конструктивная форма) и национальный нарциссизм (national narcissism, неконструктивная форма). Человек с надежной национальной идентификацией испытывает удовлетворение от того, что является гражданином страны, и ощущает психологическую связь с другими гражданами. Человек с национальным нарциссизмом

² В исследованиях, которые публикуются в международных психологических журналах, восприятие человеком себя как жителя или гражданина какой-либо страны обычно называется национальной идентичностью/идентификацией (national identity/identification). Однако в русском языке слово «национальность» нередко используется как синоним «этнической принадлежности». Поэтому в русскоязычных работах чаще используется термин «гражданская идентичность/идентификация».

ожидает, что другие государства признают величие его страны, и испытывает негативные эмоции, когда не получает ожидаемого [10; 14; 19; 22].

Проведенные исследования показали, что надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм по-разному связаны с реакциями людей на происходящее в стране. Чем выше у человека уровень надежной национальной идентификации, тем лучше он относится к политической и экономической системе своей страны [35; 47], тем больше готов совершать действия, улучшающие положение сограждан [43; 46], и тем меньше поддерживает враждебные действия против них [7]. (По другим данным надежная идентификация не связана с поддержкой таких действий [23].)

В то же время чем выше у человека уровень национального нарциссизма, тем негативнее он относится к согражданам, которые, по его мнению, угрожают имиджу государства, тем более жесткие действия по отношению к ним одобряет [7; 23]; тем больше он поддерживает политику, направленную на сохранение имиджа своей страны, независимо от потенциальной опасности, которую эта политика может представлять для отдельных граждан (например, использование отечественных, но непроверенных вакцин) [26].

Кроме того, надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм по-разному связаны с реакциями на потенциально «враждебные» этнические, религиозные и национальные аутгруппы. Надежная национальная идентификация вызывает более позитивные эмоции, меньшую социальную дистанцию и более доброжелательное поведение по отношению к этническим меньшинствам, мигрантам и жителям других стран. Национальный нарциссизм порождает более негативные эмоции, большую социаль-

ную дистанцию и более враждебные действия в отношении этих аутгрупп [11; 18; 20; 21; 24; 27; 36; 48].

Однако некоторые исследования показали, что национальный нарциссизм сильнее связан с отношением к государственной политике, чем надежная национальная идентификация. Например, только национальный нарциссизм увеличивает поддержку дискриминации мигрантов [6] и «жесткой» политики в отношении «враждебных» стран [9], включая бойкоты иностранных товаров и военные вторжения [19]. Кроме того, только национальный нарциссизм уменьшает поддержку международного сотрудничества [26] и прощение других государств за обиды, нанесенные в прошлом [19; 28].

Текущее исследование. Предыдущие исследования показали, что надежная национальная идентификация связана с позитивным отношением к согражданам, а национальный нарциссизм — с негативным отношением к людям, которые «угрожают» стране. Однако исследователи уделяли большее внимание отношению к «угрожающим», чем к «безопасным» акторам. Кроме того, во многих случаях они рассматривали либо надежную национальную идентификацию, либо национальный нарциссизм. Наконец, они редко изучали отношение к политическим оппонентам. Эти ограничения были учтены в нашем исследовании.

Основная сложность заключалась в поиске критерия для политической поляризации. В публичном дискурсе современной России отсутствует дискуссия о возможных путях развития страны. Кроме того, в программах и действиях российских политических партий трудно найти элементы, отражающие различия между ними. Основными критериями классификации политических взглядов явля-

ются «поддержка власти vs. оппозиции» и «одобрение vs. неодобрение положения дел в стране». В данном исследовании мы использовали второй критерий.

Формулируя **гипотезы**, мы исходили из того, что как надежная национальная идентификация, так и национальный нарциссизм отражают позитивное отношение к своей стране. Поэтому мы предположили, что надежная национальная идентификация (гипотеза 1а) и национальный нарциссизм (гипотеза 1б) будут позитивно связаны с предпочтением людей, которые одобряют статус-кво, по сравнению с людьми, которые не одобряют статус-кво (политическая поляризация). Однако эти связи будут строиться на разных основаниях.

Согласно предыдущим исследованиям, надежная национальная идентификация связана с позитивным отношением к любым согражданам, а национальный нарциссизм связан с негативным отношением к тем, кто критикует страну. Поэтому мы предположили, что надежная национальная идентификация будет сильнее, чем национальный нарциссизм, связана с позитивным отношением к людям, одобряющим статус-кво (гипотеза 2а). Национальный нарциссизм будет сильнее, чем надежная национальная идентификация, связан с негативным отношением к людям, которые не одобряют статус-кво (гипотеза 2б).

Для проверки этих гипотез мы провели два замера — в июле 2023 и мае 2024 годов. В обоих замерах мы измеряли надежную национальную идентификацию и национальный нарциссизм, а также отношение к людям, которые одобряют и не одобряют статус-кво. В первом замере мы просили респондентов оценить свое эмоциональное отношение к представителям этих групп, готовность объединяться с ними для решения общих

проблем и отношение к законодательным ограничениям их действий. Во втором замере мы добавили приписывание черт и социальную дистанцию с ними.

Метод

Выборка исследования. В исследовании приняли участие российские респонденты. В первом замере респонденты рекрутировались через онлайн-платформу Yandex Toloka, а во втором — через онлайн-платформу Анкетолог. В первом замере приняли участие 473 человека; 232 человека назвали себя мужчинами, а 241 человек — женщинами; возраст участников варьировался от 18 до 83 лет ($M = 39,00$, $SD = 13,02$). Во втором замере приняли участие 220 человек; 113 человек назвали себя мужчинами, а 107 — женщинами; возраст участников варьировался от 18 до 82 лет ($M = 38,64$, $SD = 13,94$).

В первом замере зарегистрированные пользователи получали онлайн-ссылку на опросник, размещенный на внешнем сервисе 1ka.si; во втором замере — на платформе Анкетолог. В обоих случаях мы не собирали личные данные (например, ФИО, адрес и т.д.). Перед заполнением методики участники давали информированное согласие на участие в исследовании. В конце респонденты, которые заполнили весь опросник и правильно ответили на вопросы для проверки внимания (например, «Выберите ответ “совершенно согласен”»), получали небольшое вознаграждение.

Методики исследования. Опросник включал методики для измерения надежной национальной идентификации, национального нарциссизма, собственной политической позиции, политической поляризации и социально-демографических особенностей.

Надежная национальная идентификация. Мы использовали четыре утверждения. Мы использовали четыре утверждения

дения из опросника для измерения социальной идентификации [32; 34]: «Для меня важно, что я россиянин (россиянка)», «Я горжусь тем, что являюсь россиянином (россиянкой)», «Тот факт, что я россиянин (россиянка) — это важная часть моего представления о себе», «Я счастлив от того, что я россиянин (россиянка)». Для ответа использовалась 7-балльная (первый замер) или 5-балльная (второй замер) шкала от 1 — «совершенно не согласен(а)» до 7/5 — «совершенно согласен(а)» ($\alpha_{\text{итт1}} = 0,97$, $\alpha_{\text{итт2}} = 0,93$).

Национальный нарциссизм. Мы использовали русскоязычную версию шкалы коллективного нарциссизма [4]. Она включала восемь утверждений (без одного — обратного — пункта, который, согласно нашим предыдущим исследованиям, ухудшал показатели модели). Для ответа использовалась 7-балльная (первый замер) или 5-балльная (второй замер) шкала от 1 — «совершенно не согласен(а)» до 7/5 — «совершенно согласен(а)» ($\alpha_{\text{ит1}} = 0,93$, $\alpha_{\text{ит2}} = 0,91$).

Собственная политическая позиция. Респонденты видели биполярную шкалу, на полюсах которой находилось два утверждения: «Дела в России идут в неправильном направлении» и «Дела в России идут в правильном направлении». Участники первого замера должны были оценить, с каким утверждением они согласны больше, а с каким — меньше. В первом замере для ответа была использована 7-балльная шкала от 1 — «совершенно согласен с первым утверждением» до 7 — «совершенно согласен со вторым утверждением», где 4 обозначала «не уверен(а)»; во втором замере — 6-балльная шкала без нейтрального варианта ответа.

В обоих случаях этот параметр использовался не для проверки гипотез, а для описания выборки. Оказалось, что в первой выборке 48% участников одо-

брали направление, в котором движется Россия; 22% были не уверены в ответе; 30% не одобряли направление движения страны. Во второй выборке 71% участников поддерживали, а 29% не поддерживали направление движения. Различие в результатах, скорее всего, было связано с респондентами, зарегистрированными на разных платформах, и с отсутствием нейтрального ответа во втором замере. Однако в обоих случаях для большей части выборки люди, которые одобряли статус-кво, были ингруппой, а те, кто не одобрял, — аутгруппой.

Политическая поляризация. Респонденты оценивали свое отношение к «людям, которые считают, что дела в России идут в правильном направлении» (одобряют статус-кво) и «людям, которые считают, что дела в России идут в неправильном направлении» (не одобряют статус-кво). Сначала участники выражали отношение к «поддерживающим», а потом — к «не поддерживающим». Вопросы позволяли измерить когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты политической поляризации.

Для измерения когнитивного компонента использовались пять биполярных шкал: «умный vs. неумный», «открытый к новым идеям vs. ограниченный», «добрый vs. злой», «честный vs. нечестный», «бескорыстный vs. эгоистичный». Респонденты оценивали, насколько эти характеристики свойственны людям, одобряющим и не одобряющим статус-кво, по 5-балльной шкале. В одних шкалах слева находился позитивный полюс, а в других — негативный. При обработке оценки «разворачивались» таким образом, что больший балл отражал более позитивные особенности ($\alpha_{\text{одобряющие2}} = 0,87$, $\alpha_{\text{неодобряющие2}} = 0,88$).

Для измерения аффективного компонента респонденты отвечали на вопросы:

«Как бы вы оценили свое отношение к людям, которые считают, что дела в России идут в правильном направлении?» и «Как бы вы оценили свое отношение к людям, которые считают, что дела в России идут в неправильном направлении?». Для ответа была использована 7-балльная шкала от 1 — «отношение очень холодное, отрицательное» до 7 — «отношение очень теплое, положительное».

Для измерения *поведенческого компонента* использовались три методики. Во-первых, респонденты оценивали социальную дистанцию с людьми, которые одобряют и не одобряют статус-кво: «Представьте, что перед вами человек, который считает, что страна идет в правильном/неправильном направлении. Пожалуйста, оцените, как бы вы чувствовали себя при общении с ним, если бы он был... членом вашей семьи; вашим другом; вашим коллегой; вашим соседом» (четыре пункта). Для ответа использовалась 5-балльная шкала от 1 — «очень некомфортно» до 5 — «очень комфортно»; больший балл свидетельствовал о меньшей социальной дистанции ($\alpha_{\text{одобряющие}2} = 0,92$, $\alpha_{\text{неодобряющие}2} = 0,93$).

Во-вторых, участники отмечали степень, в которой они готовы обсуждать и совместно решать проблемы, возникающие в их собственной жизни и в жизни России, с людьми, которые одобряют и не одобряют статус-кво (четыре пункта). Респонденты оценивали свою готовность по 7-балльной (первый замер) или 5-балльной (второй замер) шкале от 1 — «совершенно не готов(а)» до 7/5 — «полностью готов(а)» ($\alpha_{\text{одобряющие}1-2} = 0,95-0,87$, $\alpha_{\text{неодобряющие}1-2} = 0,94-0,90$).

В-третьих, респонденты выражали отношение к ограничениям, направлен-

ным против людей, которые одобряют и не одобряют статус-кво. Они отмечали допустимость трех запретов (баллотироваться на выборах³, заниматься преподавательской деятельностью и работать в органах государственной власти) и двух наказаний (штрафовать за публичное выражение мнения и приговаривать к тюремному заключению за публичное выражение мнения). Респонденты оценивали степень допустимости по 7-балльной (первый замер) или 5-балльной (второй замер) шкале от 1 — «совершенно недопустимо» до 7/5 — «совершенно допустимо» ($\alpha_{\text{одобряющие}1-2} = 0,92-0,89$, $\alpha_{\text{неодобряющие}1-2} = 0,90-0,94$).

Для проверки гипотез использовались показатели отношения к людям, которые одобряли и не одобряли статус-кво (гипотеза 2), а также общие индексы поляризации по разным основаниям (гипотеза 1). Для вычисления общих индексов по каждой из пяти методик была рассчитана разность ответов, данных респондентом при оценке людей, которые одобряют существующий статус-кво, и людей, которые его не одобряют.

Социально-демографические особенности измерялись с помощью четырех вопросов. Мы просили респондентов указать свой пол (1 — мужчины, 2 — женщины); возраст (количество лет); образование от 1 (начальное) до 6 (первый замер)/5 (второй замер) (высшее); доход от 1 (не хватает денег даже на еду) до 6 (первый замер)/5 (второй замер) (можем позволить себе все, в том числе покупку квартиры или дачи).

Результаты

Первичные результаты представлены в репозитории [3]. Обработка прово-

³ Этот пункт использовался только во втором замере.

дилась в статистическом пакете Jamovi. В ходе анализа принимались во внимание коэффициенты, значимые на уровне $p \leq 0,01$. Описательная статистика и корреляции для первой и второй выборки представлены в репозитории в табл. 1 и 2 [3]. Результаты показали, что в обоих замерах выраженность обеих форм национальной идентичности превышала среднее значение по шкале ($t_{ни1-2} = 22,21^{***} - 20,43^{***}$, $t_{ни1-2} = 9,65^{***} - 11,00^{***}$). Однако надежная национальная идентификация была выражена сильнее, чем национальный нарциссизм ($t_{1-2} = 11,51^{***} - 17,24^{***}$).

Кроме того, в обеих выборках четыре показателя отношения к согражданам, которые одобряли статус-кво, были выше среднего по шкале ($t_{черты2} = 8,17^{***}$, $t_{эмоции1-2} = 5,71^{***} - 5,80^{***}$, $t_{дистанция2} = 11,75^{***}$, $t_{кооперация1-2} = 6,20^{***} - 7,18^{***}$), а один показатель — ниже среднего ($t_{ограничения1-2} = -30,96^{***} - -15,58^{***}$). В то же время отношение к согражданам, которые не одобряли статус-кво, зависело от выборки. В первой выборке один показатель превышал среднее значение по шкале ($t_{кооперация1} = 1,69^{***}$), а один показатель уступал ему ($t_{ограничения} = -55,77^{***}$). Во второй выборке все показатели были ниже среднего по шкале ($t_{черты2} = -2,70^{**}$, $t_{эмоции2} = -4,40^{***}$, $t_{дистанция2} = -2,88^{**}$, $t_{кооперация} = -3,21^{**}$, $t_{ограничения} = -22,90^{***}$).

Таким образом, в обеих выборках отношение к людям, которые одобряли статус-кво, было лучше, чем отношение к тем, кто его не одобрял ($t_{черты2} = 6,17^{***}$, $t_{эмоции1-2} = 1,65^{**} - 5,94^{***}$, $t_{кооперация1-2} = 1,65^{***} - 7,01^{***}$, $t_{соиддистанция2} = 8,94^{***}$, $t_{ограничения1-2} = -7,17^{***} - -4,09^{***}$). Причем во второй выборке это различие было больше, чем в первой. На наш взгляд, это можно объяснить наличием во второй выборке большего количества сторонников статус-кво по

сравнению с первой. Однако в обеих выборках респонденты, скорее, не одобряли запреты и наказания как для сторонников статус-кво, так и для его противников.

Для проверки гипотез был использован **линейный регрессионный анализ**. Полные данные регрессионного анализа представлены в репозитории [3]. Предикторами были надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм; контрольными переменными — социально-демографические особенности; зависимыми переменными — отношение к людям, которые одобряют и не одобряют статус-кво, а также политическая поляризация (разница в отношении к этим группам).

Результаты показали, что надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм были связаны с более сильной политической поляризацией. Они предсказывали атрибуцию более позитивных черт ($\beta_{ни} = 0,272^{***}$, $\beta_{ни} = 0,327^{***}$), более позитивное эмоциональное отношение ($\beta_{ни1-2} = 0,411^{***} - 0,279^{***}$, $\beta_{ни1-2} = 0,376^{***} - 0,336^{***}$), а также большую готовность к общению ($\beta_{ни} = 0,257^{***}$, $\beta_{ни} = 0,201^{**}$) и кооперации с людьми, которые одобряют статус-кво, чем с людьми, которые его не одобряют ($\beta_{ни1-2} = 0,336^{***} - 0,228^{***}$, $\beta_{ни1-2} = 0,402^{***} - 0,410^{***}$). Кроме того, обе формы предсказывали более негативное отношение к ограничениям, направленным против «одобряющих» по сравнению с «неодобряющими» ($\beta_{ни1-2} = -0,183^{***} - -0,247^{***}$, $\beta_{ни1-2} = -0,259^{***} - -0,250^{**}$). Эти результаты подтвердили гипотезы 1а и 1б.

Однако разные формы национальной идентичности были по-разному связаны с отношением к людям, которые одобряли и не одобряли статус-кво. Надежная национальная идентификация была сильнее связана с позитивным отношением к «одобряющим», чем национальный нарциссизм. Это различие ярко

проявлялось в социальной дистанции ($\beta_{\text{ни}} = -0,474^{***}$, $\beta_{\text{ни}} = -0,164$) и отношении к ограничениям ($\beta_{\text{ни } 1-2} = -0,157^{**} - -0,321^{***}$, $\beta_{\text{ни } 1-2} = 0,167 - 0,119$); меньше — в атрибуции черт ($\beta_{\text{ни}} = 0,315^{***}$, $\beta_{\text{ни}} = 0,239^{**}$). Однако мы не обнаружили различий в эмоциональном отношении ($\beta_{\text{ни } 1-2} = 0,393^{***} - 0,315^{***}$, $\beta_{\text{ни } 1-2} = 0,262^{***} - 0,239^{***}$) и готовности к кооперации ($\beta_{\text{ни } 1-2} = 0,400^{***} - 0,286^{***}$, $\beta_{\text{ни } 1-2} = 0,227^{***} - 0,276^{***}$).

В то же время национальный нарциссизм был сильнее связан с негативным отношением к людям, которые не одобряли статус-кво, чем надежная национальная идентификация. Это различие проявлялось по всем показателям: сильнее по атрибуции черт ($\beta_{\text{ни}} = -0,167$, $\beta_{\text{ни}} = -0,338^{***}$), эмоциональному отношению ($\beta_{\text{ни}} = -0,212$, $\beta_{\text{ни}} = -0,362^{***}$), готовности к кооперации ($\beta_{\text{ни } 1-2} = -0,068 - -0,061$, $\beta_{\text{ни } 1-2} = -0,345^{***} - -0,312^{***}$) и отношению к ограничениям ($\beta_{\text{ни } 1-2} = 0,072 - 0,064$, $\beta_{\text{ни } 1-2} = 0,437^{***} - 0,438^{***}$); меньше — по социальной дистанции ($\beta_{\text{ни}} = 0,201^{**}$, $\beta_{\text{ни}} = 0,393^{**}$). Исключение составляло только эмоциональное отношение к «неодобряющим» в первом замере ($\beta_{\text{ни}} = -0,328^{***}$, $\beta_{\text{ни}} = -0,407^{***}$). В целом эти результаты частично подтвердили гипотезы 2а и 2б.

Обсуждение результатов

В этом исследовании мы проанализировали связь между национальной идентичностью и политической поляризацией. Мы предположили, что обе формы национальной идентичности будут связаны с более позитивным отношением к согражданам, одобряющим текущее положение дел, чем к неодобряющим. Однако надежная национальная идентификация будет сильнее связана с позитивным отношением к «одобряющим», а

национальный нарциссизм — с негативным отношением к «неодобряющим». Результаты исследования подтвердили наши предположения.

Во-первых, обе формы национальной идентичности были позитивно связаны с разным отношением к согражданам с разными политическими взглядами. Люди с сильной надежной национальной идентификацией и национальным нарциссизмом приписывали «одобряющим статус-кво» более позитивные черты, выражали более позитивные эмоции к ним, были больше готовы взаимодействовать с ними и считали менее допустимым ограничивать их права. Таким образом, обе формы национальной идентичности вызывали классическую межгрупповую дифференциацию.

Во-вторых, надежная национальная идентификация была сильнее связана с отношением к согражданам, которые одобряли статус-кво. В частности, люди с высокими показателями по этому параметру приписывали «одобряющим» более позитивные черты, ощущали больший комфорт в общении с ними и меньше поддерживали направленные против них ограничения, чем люди с низкими показателями. В то же время связь национального нарциссизма с отношением к «одобряющим» по этим параметрам была либо статистически незначимой, либо статистически значимой, но более слабой.

Эти результаты соответствуют данным предыдущих исследований, показавшим, что надежная национальная идентификация предсказывает позитивное отношение к согражданам и готовность действовать на их благо. Например, люди с высокими показателями по этому параметру чаще соблюдали меры предосторожности, которые уменьшали вероятность заражения окружающих серьезным

заболеванием [46]. Кроме того, они чаще участвовали в нормативных (мирных) политических акциях для того, чтобы улучшить положение жителей страны, но реже участвовали в ненормативных [43].

В-третьих, национальный нарциссизм был сильнее связан с отношением к согражданам, которые не одобряли статус-кво. Люди с высокими показателями по этому параметру приписывали «неодобряющим» менее позитивные черты, испытывали к ним более негативные эмоции, ощущали меньший комфорт в общении, были меньше готовы к кооперации с ними и больше поддерживали направленные против них ограничения, чем люди с низкими показателями. Связь надежной национальной идентификации с отношением к «неодобряющим» была либо статистически незначимой, либо статистически значимой, но более слабой.

Эти результаты также соответствуют данным предыдущих исследований, которые показали, что в международных отношениях национальный нарциссизм лучше предсказывал отношение к «угрожающим» людям и группам, чем к «неугрожающим» [20]. Кроме того, он предсказывал пассивное и активное сопротивление аутгруппам, которые воспринимались как угроза для страны [19; 26]. Наше исследование продемонстрировало, что этот эффект возникает не только в отношениях между странами, но и в отношениях между людьми с разными взглядами на положение дел в стране.

В-четвертых, различие между двумя формами национальной идентичности было выражено в отношении к тем, кто критикует статус-кво (по всем параметрам), чем к тем, кто его одобряет (по трем из пяти параметров). Эти результаты также соответствуют данным предыдущих исследований, которые показали, что надежная национальная идентифи-

кация не связана с отношением к согражданам, которые угрожают имиджу государства [23]. Возможно, таким образом люди с высокой национальной идентификацией пытаются найти баланс между поддержкой сторонников и объединением граждан страны в целом.

В-пятых, разница между надежной национальной идентификацией и национальным нарциссизмом ярче проявлялась на уровне поведения (особенно в социальной дистанции и ограничениях), чем на уровне эмоций. Возможно, это связано с социальными нормами, которые одобряют дружелюбное и мирное взаимодействие с согражданами, но сильнее регламентируют действия, чем мысли и эмоции. Таким образом, наши результаты говорят о том, что люди с высокой надежной идентификацией чаще соблюдают эти нормы, чем люди с высоким национальным нарциссизмом.

Выводы

В этом исследовании мы провели комплексный анализ связи между разными формами национальной идентичности и отношением к людям с разными политическими взглядами. В частности, мы измеряли отношение к людям, которые одобряли («отсутствие угрозы») и не одобряли («наличие угрозы») статус-кво. Кроме того, мы анализировали различия между воздействием надежной национальной идентификации и национального нарциссизма. И наконец, мы рассмотрели пять разных показателей отношения к людям с разными политическими взглядами.

Исследование позволило сделать несколько выводов:

1. Российская идентичность увеличивает политическую поляризацию между людьми, которые поддерживают и не поддерживают то, что происходит в стране.

2. Надежная национальная идентификация объединяет россиян за счет доброжелательного отношения к согражданам, одобряющим положение дел в стране.

3. Национальный нарциссизм разобщает россиян за счет отвержения людей, не одобряющих статус-кво, то есть угрожающих позитивному представлению в стране.

4. Различие между двумя формами национальной идентичности сильнее выражено в отношении к тем, кто критикует статус-кво, чем к тем, кто его одобряет.

5. Разница между надежной национальной идентификацией и национальным нарциссизмом ярче проявляется на уровне поведения, чем на уровне эмоций.

Однако наше исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, мы рассматривали только общий параметр политической поляризации — отношение к положению дел в стране, то есть к действиям представителей власти вообще. Однако мы не учитывали поляризацию на основании отношения к отдельным проблемам (например, законам, регламентирующим поведение в сексуальной и семейной сфере, участии страны в военных действиях и т.д.).

Во-вторых, в обоих исследованиях большинство респондентов выражали относительно высокий уровень надежной национальной идентификации и национального нарциссизма. Кроме того, большинство респондентов, особенно во втором замере, полагали, что «дела в стране идут в правильном направлении». С одной стороны, неравномерное распределение соответствует данным социологических опросов. С другой стороны, это могло отразиться на результатах.

В-третьих, наше исследование было кросс-секционным. С одной стороны, это соответствует имплицитному представлению о надежной национальной

идентификации и национальном нарциссизме как относительно стабильных переменных, которые не варьируются в эксперименте. С другой стороны, наши выводы о воздействии разных форм национальной идентичности во многом основаны на теоретическом представлении о взаимосвязи между переменными.

Таким образом, в будущих исследованиях можно, во-первых, рассмотреть роль разных форм национальной идентичности в политической поляризации по разным основаниям. В качестве таких оснований может рассматриваться отношение к инициативам представителей власти или уже принятым законам, которые затрагивают интересы большого количества жителей страны. Это позволит оценить универсальность обнаруженной нами закономерности.

Во-вторых, помимо надежной национальной идентификации и национального нарциссизма существуют другие конструктивные (конструктивный патриотизм, национальная привязанность) и неконструктивные (слепой патриотизм, национальное прославление, национализм) формы национальной идентичности. Поэтому в будущих исследованиях имеет смысл проанализировать, сохраняется ли обнаруженный нами эффект после контроля других форм отношения к своей стране.

В-третьих, мы не рассматривали вопрос о механизмах разного воздействия надежной национальной идентичности и национального нарциссизма. Из предыдущих исследований известно, что люди с высокими показателями по этому параметру более чувствительны к угрозам. Однако можно предположить, что существуют и другие механизмы, например, восприятие социальных норм или отношение к ним. Подобные механизмы можно рассмотреть в будущих исследованиях.

Литература/References

1. Гулевич О.А. Психологический анализ политических ориентаций. Часть I. Определение, методы измерения и проблемы изучения // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 18–24. DOI:10.31857/S020595920011076-9

Gulevich O. Psikhologicheskiiy analiz politicheskikh oriyentatsiy. Chast I. Opredeleniye metody izmereniya i problemy izucheniya [Psychological analysis of political orientations. Part I. Definition, methods and problems of study]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2020. Vol. 41, no. 5, pp. 18–24. DOI:10.31857/S020595920011076-9 (In Russ.).

2. Гулевич О.А. Психологический анализ политических ориентаций. Часть 2: Предикторы и последствия политических взглядов // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 46–55. DOI:10.31857/S020595920012575-8

Gulevich O. Psikhologicheskiiy analiz politicheskikh oriyentatsiy. Chast II. Prediktory i posledstviya politicheskikh vzglyadov [Psychological analysis of political orientations. Part II. The Predictors and Consequences of Political Views]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2021. Vol. 42, no. 1, pp. 46–55. DOI:10.31857/S020595920012575-8 (In Russ.).

3. Гулевич О.А., Косимова С.С. Связь российской идентичности и политической поляризации: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма [Датасет]. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. DOI:10.48612/MSUPE/1f94-pe99-vv3v

Gulevich O.A., Kosimova S.S. Svyaz' rossijskoj identichnosti i politicheskoy polarizacii: rol' nadezhnoj nacional'noj identifikacii i nacional'nogo narcissizma [The relationship between Russian identity and political polarization: The role of secure national identification and national narcissism] [Dataset]. RusPsyData: Psychological Research Data & Tools Repository. DOI:10.48612/MSUPE/1f94-pe99-vv3v

4. Романова М.О., Иванов А.А., Богатырева Н.И., Терскова М.А., Быков А.О., Анкушев В.В. Адаптация шкалы коллективного нарциссизма на российской выборке // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 201–220. DOI:10.17759/sps.2022130312

Romanova M.O., Ivanov A.A., Bogatyreva N.I., Terskova M.A., Bykov A.O., Ankushev V.V. Adaptatsiya shkaly kollektivnogo nartsissizma na rossiyskoy vyborke [Adaptation of the scale of collective narcissism in the Russian sample]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 201–220. DOI:10.17759/sps.2022130312 (In Russ.).

5. Abramowitz A.I., Saunders K.L. Is polarization a myth? *The Journal of Politics*, 2008. Vol. 70, no. 2, pp. 542–555. DOI:10.1017/S0022381608080493

6. Bertin P., Marinthe G., Biddlestone M., Delouvée S. Investigating the identification-prejudice link through the lens of national narcissism: The role of defensive group beliefs. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2022. Vol. 98, Article 104252. DOI:10.1016/j.jesp.2021.104252

7. Biddlestone M., Cichocka A., Główczewski M., Cislak A. Their own worst enemy? Collective narcissists are willing to conspire against their in group. *British Journal of Psychology*, 2022. Vol. 113, no. 4, pp. 894–916. DOI:10.1111/bjopp.12569

8. Brown J.K., Hohman Z.P. Extreme party animals: Effects of political identification and ideological extremity. *Journal of Applied Social Psychology*, 2022. Vol. 52, pp. 351–362. DOI:10.1111/jasp.12863

9. Cai H., Gries P. National narcissism: Internal dimensions and international correlates. *PsyCh Journal*, 2013. Vol. 2, no. 2, pp. 122–132. DOI:10.1002/pchj.26

10. Cichocka A. Understanding defensive and secure in-group positivity: The role of collective narcissism. *European Review of Social Psychology*, 2016. Vol. 27, no. 1, pp. 283–317. DOI:10.1080/10463283.2016.1252530

11. Cichocka A., Golec de Zavala A., Marchlewska M., Bilewicz M., Jaworska M., Olechowski M. Personal control decreases narcissistic but increases non-narcissistic in-group positivity. *Journal of Personality*, 2018. Vol. 86, no. 3, pp. 465–480. DOI:10.1111/jopy.12328

12. De Keersmaecker J., Roets A. Is there an ideological asymmetry in the moral approval of spreading misinformation by politicians? *Personality and Individual Differences*, 2019. Vol. 143, pp. 165–169. DOI:10.1016/j.paid.2019.02.003
13. Denning K.R., Hodges S.D. When polarization triggers out-group “counter-projection” across the political divide. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2022. Vol. 48, no. 4, pp. 638–656.
14. Eker I., Cichocka A., Cislak A. Collective narcissism: How being narcissistic about your groups shapes politics, group processes, and intergroup relations. *The Cambridge Handbook of Political Psychology* / Ed. by D. Osborne, C. Sibley. Cambridge: Cambridge University Press, 2022, pp. 214–227. DOI:10.1017/9781108779104.015
15. Ekstrom P.D., Lai C.K. The selective communication of political information. *Social Psychological and Personality Science*, 2021. Vol. 12, no. 5, pp. 789–800. DOI:10.1177/1948550620942365
16. Ellemers N., Haslam S.A. Social Identity Theory. *Handbook of theories of social psychology* / Ed. by P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins. *Sage Publications Ltd.*, 2012. Vol. 2, pp. 379–398. DOI:10.4135/9781446249222.n46
17. Frimer J.A., Skitka L.J., Motyl M. Liberals and conservatives are similarly motivated to avoid exposure to one another’s opinions. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2017. Vol. 72, pp. 1–12. DOI:10.1016/j.jesp.2017.04.003
18. Golec de Zavala A., Cichocka A., Bilewicz M. The paradox of in-group love: Differentiating collective narcissism advances understanding of the relationship between in-group and out-group attitudes. *Journal of Personality*, 2013. Vol. 81, no. 1, pp. 16–28. DOI:10.1111/j.1467-6494.2012.00779.x
19. Golec de Zavala A., Cichocka A., Eidelson R., Jayawickreme N. Collective narcissism and its social consequences. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. Vol. 97, no. 6, pp. 1074–1096. DOI:10.1037/a0016904
20. Golec de Zavala A., Cichocka A., Iskra-Golec I. Collective narcissism moderates the effect of in-group image threat on intergroup hostility. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2013. Vol. 104, no. 6, pp. 1019–1039. DOI:10.1037/a0032215
21. Golec de Zavala A.G., Federico C.M., Sedikides C., Guerra R., Lantos D., Mroziński B., Cypria ska M., Baran T. Low self-esteem predicts out-group derogation via collective narcissism, but this relationship is obscured by in-group satisfaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2020. Vol. 119, no. 3, pp. 741–764. DOI:10.1037/pspp0000260
22. Golec de Zavala A., Lantos D. Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly. *Current Directions in Psychological Science*, 2020. Vol. 29, no. 3, pp. 273–278. DOI:10.1177/0963721420917703
23. Golec de Zavala A., Peker M., Guerra R., Baran T. Collective narcissism predicts hypersensitivity to in-group insult and direct and indirect retaliatory intergroup hostility. *European Journal of Personality*, 2016. Vol. 30, no. 6, pp. 532–551. DOI:10.1002/per.2067
24. Górska P., Stefaniak A., Marchlewska M., Matera J., Kocyba P., ukianow M., Malinowska K., Lipowska K. Refugees unwelcome: Narcissistic and secure national commitment differentially predict collective action against immigrants and refugees. *International Journal of Intercultural Relations*, 2022. Vol. 86, pp. 258–271. DOI:10.1016/j.ijintrel.2021.11.009
25. Goya-Tocchetto D., Kay A.C., Vuletic H., Vonasch A., Payne K. The partisan trade-off bias: When political polarization meets policy trade-offs. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2022. Vol. 98, Article 104231. DOI:10.1016/j.jesp.2021.104231
26. Gronfeldt B., Cislak A., Sternisko A., Eker I., Cichocka A. A small price to pay: National narcissism predicts readiness to sacrifice in-group members to defend the in-group’s image. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2023. Vol. 49, no. 4, pp. 612–626. DOI:10.1177/01461672221074790
27. Guerra R., Bierwaczzonek K., Ferreira M., Golec de Zavala A., Abakoumkin G., Wildschut T., Sedikides C. An intergroup approach to collective narcissism: Intergroup threats and hostility

- in four European Union countries. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2022. Vol. 25, no. 2, pp. 415–433. DOI:10.1177/1368430220972178
28. Hamer K., Penczek M., Bilewicz M. Between universalistic and defensive forms of group attachment: The indirect effects of national identification on intergroup forgiveness. *Personality and Individual Differences*, 2018. Vol. 131, pp. 15–20. DOI:10.1016/j.paid.2018.03.052
29. Iyengar S. Fear and loathing in American politics. A review of affective polarisation. The Cambridge Handbook of Political Psychology / ed. by D. Osborne, C. Sibley. Cambridge: Cambridge University Press, 2022, pp. 399–413. DOI:10.1017/9781108779104.028
30. Iyengar S., Krupenkin M. The strengthening of partisan affect. *Political Psychology*, 2018. Vol. 39, pp. 201–218. DOI:10.1111/pops.12487
31. Iyengar S., Sood G., Lelkes Y. Affect, not ideology. A social identity perspective on polarization. *Public Opinion Quarterly*, 2012. Vol. 76, no. 3, pp. 405–431. DOI:10.1093/poq/nfs038
32. Leach C.W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M.L.W., Pennekamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008. Vol. 95, no. 1, pp. 144–165. DOI:10.1037/0022-3514.95.1.144
33. Lee T.K., Kim Y., Coe K. When social media become hostile media: An experimental examination of news sharing, partisanship, and follower count. *Mass Communication and Society*, 2018. Vol. 21, pp. 450–472. DOI:10.1080/15205436.2018.1429635
34. Lovakov A.V., Agadullina E.R., Osin E.N. A hierarchical (Multicomponent) model of in-group identification: Examining in Russian samples. *The Spanish Journal of Psychology*, 2015. Vol. 18, Article E32. DOI:10.1017/sjp.2015.37
35. Luca C., Kevin O.C., Chiara B. Do superordinate identification and temporal/social comparisons independently predict citizens' system trust? Evidence From a 40-Nation Survey. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12. DOI:10.3389/fpsyg.2021.745168
36. Marchlewska M., Cichocka A., Jaworska M., Golec de Zavalá A., Bilewicz M. Superficial ingroup love? Collective narcissism predicts ingroup image defense, outgroup prejudice, and lower ingroup loyalty. *The British Journal of Social Psychology*, 2020. Vol. 59, no. 4, pp. 857–875. DOI:10.1111/bjso.12367
37. Morais C., Abrams D., de Moura G.R. Ethics versus success? The acceptance of unethical leadership in the 2016 us presidential elections. *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 10. DOI:10.3389/fpsyg.2019.03089
38. Mukerjee S., Yang T. Choosing to avoid? A conjoint experimental study to understand selective exposure and avoidance on social media. *Political Communication*, 2021. Vol. 38, no. 3, pp. 222–240. DOI:10.1080/10584609.2020.1763531
39. Munro G.D., Zirpoli J., Schuman A., Taulbee J. Third-party labels bias evaluations of political platforms and candidates. *Basic and Applied Social Psychology*, 2013. Vol. 3, no. 3, pp. 151–163. DOI:10.1080/01973533.2013.764299
40. Schmuck D., Tribastone M., Matthes J., Marquart F., Bergel E.M. Avoiding the other side? An eye-tracking study of selective exposure and selective avoidance effects in response to political advertising. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*, 2020. Vol. 32, no. 3, pp. 158–164. DOI:10.1027/1864-1105/a000265
41. Schott M., Wolf J. Election poster persuasion: Attitude formation in the void. *Social Psychology*, 2018. Vol. 49, pp. 3–15. DOI:10.1027/1864-9335/a000323
42. Seibt B., Schubert T.W., Zickfeld J.H., Fiske A.P. Touching the base: Heart-warming ads from the 2016 U.S. election moved viewers to partisan tears. *Cognition and Emotion*, 2019. Vol. 33, no. 2, pp. 197–212. DOI:10.1080/02699931.2018.1441128
43. Stathi S., Vezzali L., Waldzus S., Hantzi A. The mobilizing and protective role of national identification in normative and non normative collective action. *Journal of Applied Social Psychology*, 2019. Vol. 49, no. 9, pp. 596–608. DOI:10.1111/jasp.12619

44. Stevens S.M., Jago C.P., Jasko K., Heyman G.D. Trustworthiness and ideological similarity (but not ideology) promote empathy. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2021. Vol. 47, no. 10, pp. 1452–1465. DOI:10.1177/0146167220972245
45. Turner J.C., Reynolds K.J. Self-categorization theory. Handbook of theories of social psychology. / ed. by P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins. Sage Publications Ltd., 2012. Vol. 2, pp. 399–417. DOI:10.4135/9781446249222.n46
46. Van Bavel J.J., Cichocka A., Capraro V. et al. National identity predicts public health support during a global pandemic. *Nature Communication*, 2022. Vol. 13, no. 1, Article 517. DOI:10.1038/s41467-021-27668-9
47. Vargas-Salfate S., Paez D., Liu J.H., Pratto F., Gil de Z iga H. A comparison of social dominance theory and system justification: The role of social status in 19 nations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2018. Vol. 44, no. 7, pp. 1060–1076. DOI:10.1177/0146167218757455
48. Verkuyten M., Kollar R., Gale J., Yogeewaran K. Right-wing political orientation, national identification and the acceptance of immigrants and minorities. *Personality and Individual Differences*, 2022. Vol. 184, Article 111217. DOI:10.1016/j.paid.2021.111217
49. Walter A.S., Redlawsk D.P. Voters' partisan responses to politicians' immoral behavior. *Political Psychology*, 2019. Vol. 40, no. 5, pp. 1075–1097. DOI:10.1111/pops.12582
50. Wan C., Tam K.-P., Chiu C.-Y. Inter-subjective cultural representations predicting behaviour: The case of political culture and voting. *Asian Journal of Social Psychology*, 2010. Vol. 13, no. 4, pp. 260–273. DOI:10.1111/j.1467-839X.2010.01318.x
51. Zell E., Stockus C.A., Bernstein M.J. It's their fault: Partisan attribution bias and its association with voting intentions. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2022. Vol. 25, no. 4, pp. 1139–1156. DOI:10.1177/1368430221990084

Информация об авторах

Гулевич Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией политико-психологических исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Косимова Сабина Санжаровна, стажер-исследователь лаборатории политико-психологических исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0175-4834>, e-mail: skosimova@hse.ru

Information about the authors

Olga A. Gulevich, Doctor of Sciences, Professor, Head of Politics & Psychology Research Laboratory, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Sabina S. Kosimova, Research Assistant, Politics & Psychology Research Laboratory, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0175-4834>, e-mail: skosimova@hse.ru

Получена 10.08.2024

Принята в печать 14.12.2024

Received 10.08.2024

Accepted 14.12.2024

Building National Identity from Within: The Role of Self-Competence in Strengthening National Identity

Baydhowi Baydhowi

Bina Nusantara University, Jakarta, Indonesia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8934-0540>, e-mail: bay.dhowi@binus.ac.id

Melly Preston

Bina Nusantara University, Jakarta, Indonesia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8708-5267>, e-mail: melly.preston@binus.ac.id

Wahyu Syahputra

Bina Nusantara University, Jakarta, Indonesia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0380-1244>, e-mail: wahyu.syahputra@binus.ac.id

Anggita Dian Cahyani

Bina Nusantara University, Jakarta, Indonesia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2631-584X>, e-mail: acahyani@binus.edu

Daniel Rabitha

The National Research and Innovation Agency, Jakarta, Indonesia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3233-6871>, e-mail: dani016@brin.go.id

Objective. *This study examines how an individual's self-competence is related to their national identity. Additionally, the study investigates how the self-concept of own competence mediates in that relationship.*

Background. *People with a high internal locus of control frequently think that hard work and wise choices can produce favorable results. Self-competence can be favorably impacted by decision-making skills and self-assurance in one's ability to make personal decisions. People see themselves as special individuals with the capacity to achieve goals and overcome challenges in a variety of spheres of life. Having a positive self-image of one's own competence can have a significant effect on a person's life, including their feeling of national identity. Self-perception of one's own skill and aptitude can enable people to make positive contributions to the prosperity and advancement of their country. The self-concept of one's own competence serves as a bridge between locus of control and national identity. People who believe they are competent and capable are more inclined to participate in national identity-building activities.*

Study Design. *The research adopts a quantitative approach using Structural Equation Modeling (SEM) to test a theoretical mediation model. The study investigates whether self-concept of competence mediates the relationship between internal locus of control and national identity.*

Participants. *The study sample consists of 504 university students (176 men and 328 women), aged between 18 to 25 years, recruited from 20 public and private universities in Jakarta, Indonesia.*

Measurements. *Internal locus of control and self-concept of competence were assessed using the general control beliefs scale, while national identity was measured with the National Identity Scale. Data were analyzed using SEM to assess the proposed relationships between these variables.*

Results. *The results revealed a significant relationship between internal locus of control and national identity, with self-concept of competence acting as a partial mediator. The findings indicate that individuals with higher internal locus of control tend to perceive themselves as competent and are more*

likely to strongly identify with their nation. Model fit indices demonstrated good fit (Chi-square = 0,077, CFI = 1,00, RMSEA = 0,024, SRMR = 0,026).

Conclusions. *The study highlights the importance of internal locus of control and self-concept of competence in the development of national identity. Interventions aiming to foster national cohesion and engagement can benefit from focusing on enhancing individuals' self-perception of competence and empowering them to take active roles in their communities. These findings provide practical implications for psychological and educational strategies to strengthen national identity formation.*

Keywords: *national identity; perception of one's competence: role of self-concept; internal locus of control; structural equation modeling.*

For citation: Baydhowi B., Preston M., Syahputra W., Cahyani A.D., Rabitha D. Building National Identity from Within: The Role of Self-Competence in Strengthening National Identity. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 140–153. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150410>

Личностные факторы формирования и укрепления национальной идентичности: роль восприятия собственной компетентности

Байдхови Б.

Университет Бина Нусантара, г. Джакарта, Индонезия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8934-0540>, **e-mail:** bay.dhowi@binus.ac.id

Престон М.

Университет Бина Нусантара, г. Джакарта, Индонезия

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8708-5267>, **e-mail:** melly.preston@binus.ac.id

Сяхпутра В.

Университет Бина Нусантара, г. Джакарта, Индонезия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0380-1244>, **e-mail:** wahyu.syahputra@binus.ac.id

Кахиани А.Д.

Университет Бина Нусантара, г. Джакарта, Индонезия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2631-584X>, **e-mail:** acahyani@binus.edu

Рабита Д.

Национальное агентство по исследованиям и инновациям, г. Джакарта, Индонезия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3233-6871>, **e-mail:** dani016@brin.go.id

Цель. Выявление взаимосвязи национальной идентичности и представлений человека о своей компетентности как части Я-концепции.

Контекст и актуальность. Люди с высоким интернальным локусом контроля часто считают, что упорный труд и осознанный выбор могут привести к благоприятным результатам. На представление человека о себе как компетентного субъекта могут благоприятно влиять навыки принятия решений и уверенность в своей способности быть компетентным в этом. Позитивное представление о собственной компетентности может оказать значительное влияние на жизнь человека, в том числе на его чувство национальной идентичности, что, в свою очередь, может позволить людям внести позитивный вклад в процветание и развитие своей страны. Самооценка собственной компетентности, будучи частью Я-концепции, служит опосредующим звеном между локусом контроля и национальной идентичностью. Люди, которые считают себя компетентными и способными, более склонны участвовать в мероприятиях по формированию национальной идентичности.

Дизайн исследования. Для проверки теоретической модели опосредования применялся количественный подход с применением модели структурных уравнений (SEM). Исследовательский вопрос: опосредует ли Я-концепция компетентности взаимосвязь между интернальным локусом контроля и национальной идентичностью.

Участники. 504 студента университета (176 мужчин и 328 женщин) в возрасте от 18 до 25 лет из 20 государственных и частных университетов Джакарты, Индонезия.

Методы (инструменты). Локус контроля и самооценка компетентности оценивались с помощью шкалы общих убеждений контроля, а национальная идентичность — с помощью шкалы национальной идентичности. Данные были проанализированы с помощью SEM для оценки предпологаемых взаимосвязей между этими переменными.

Результаты. Выявлена значимая взаимосвязь между интернальным локусом контроля и национальной идентичностью, при этом самооценка компетентности респондентов выступает в качестве частичного медиатора. Результаты показали, что люди с более высоким интернальным локусом контроля склонны воспринимать себя как компетентных и с большей вероятностью будут идентифицировать себя со своей нацией. Индексы соответствия модели продемонстрировали хорошее соответствие ($\chi^2 = 0,077$, CFI = 1,00, RMSEA = 0,024, SRMR = 0,026).

Выводы. Данное исследование подчеркивает важность интернального локуса контроля и самооценки компетентности в развитии национальной идентичности. Мероприятия, направленные на укрепление национальной сплоченности и вовлеченности, могут быть эффективны, если они будут сосредоточены на повышении оценки людьми своей компетентности и расширении их возможностей для принятия активных ролей в своих сообществах. Эти результаты имеют практическое значение для психологических и образовательных стратегий, направленных на формирование и укрепление национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная идентичность; восприятие своей компетентности; роль Я-концепции; интернальный локус контроля; моделирование структурных уравнений.

Для цитаты: Байдхови Б., Престон М., Сяхпупра В., Кахиани А.Д., Рабита Д. Личностные факторы формирования и укрепления национальной идентичности: роль восприятия собственной компетентности // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 140–153. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150410>

Introduction

The increasing globalization and interconnection of the world highlight the importance of forming and consolidating national identities for individuals and societies. National identity is a complex interaction between social, cultural, and historical factors and plays an important role in shaping a person's sense of self [26], *sense of belonging* [40] and participation in society [16]. National identity gives an individual a sense of belonging and connection to a larger social group, the nation [43]. This creates a sense of national identity, strengthening unity and common goals among individuals.

National identity can be shaped by various factors, such as an individual's belief in control over the outcome of events in their life [21]. In regards to nationality, believing in one's potential to contribute to the development of the country can increase their sense of belonging and identification with their nation [25]. The way we identify ourselves as belonging to a particular nation is often influenced by our perception of our own competence. This perception reflects our general expectations about how we might act in different situations or circumstances [8].

Individuals who possess a high internal locus of control tend to believe that their

effort and correct decision-making can lead to positive outcomes [33]. Confidence in making personal choices and effective decision-making can positively impact self-competence [11]. People view themselves as unique individuals who have the ability to accomplish objectives and surmount obstacles in various areas of life. Possessing a favorable self-perception of one's own proficiency can have a far-reaching impact on a person's life, including their sense of belonging to their nation [32]. Self-perception of competence and capability can empower individuals to contribute to the progress and welfare of their nation [10].

The relationship between locus of control and national identity is connected through the self-concept of one's own competence. When individuals perceive themselves as competent and capable, they are more likely to engage in activities that strengthen their national identity [35; 41]. This article aims to investigate the relationship between internal locus of control, self-concept of own competence, and national identity. Specifically, it will explore how an individual's belief in control over social phenomena can affect their perception of their own competence and their identification with their community. The authors will examine the theoretical foundations that support these constructs and their potential interconnections, using empirical evidence and theoretical frameworks to provide a comprehensive explanation of the mechanisms involved. Additionally, the article will touch on the importance of community engagement in fostering a positive self-concept.

An understanding of the relationship between internal locus of control, self-concept of own competence, and national identity holds significance not only for developing theoretical understanding but also for practical applications in various fields,

including psychology, sociology, education, and policymaking. As societies continue to evolve in an increasingly interconnected world, studying the dynamics that contribute to the formation of national identities can provide valuable insights into how individuals navigate their roles as citizens of the world and members of different states.

National Identity

National identity is an integral part of personal identity within the context of a large social group known as a nation. In simple terms, national identity refers to a feeling of belonging to one's country. It can be seen as a shared sense of collective identity, encompassing self-image and understanding of the nation as a whole [27]. National identity is closely tied to social identity and cannot be separated from it [20]. National identity is closely tied to social identity and cannot be separated from it.

The concept of national identity emerged alongside the development of modern nationalism, a political and social movement rooted in an ideology that originated during the French Revolution. Today's nation-state is a direct result of the politics of modern nationalism [24]. Every modern nation-state consists of two essential components. The first component is the nation-state system, which refers to the political organization and structure of the country. The second component is the national identity of the people living within the country's borders. Culture is an important factor that influences personal, ethnic, and national identity. It represents the social characteristics of human beings [17]. National identity is the recognition of citizens belonging to a particular nation, resulting from their sense of connection to the nation's traditions, history, culture, moral values, beliefs, national sovereignty, and other defining characteristics. This sense of

national identity emerges when individuals or groups feel that they are part of the political community of a nation.

National identity can be traced back to childhood [6]. There are multiple studies from different countries that support the idea that individuals start developing a sense of national identity at the age of 5, which becomes stronger as they grow older, specifically within the age range of 11 years old. Another study conducted across several countries found that the agreement on national identity starts at the age of 5 and continues to increase with awareness of the attributes of national identity until around 11 years old [4]. During adolescence, individuals often search for their identity and strive to connect with their social environment [6]. The phase culminates in adulthood where individuals form a solid understanding of national identity through experiences and learning [5].

The discussion about national identity is connected to citizenship and ethnicity as a means of defining national identity. Although these two concepts are related, they have distinct characteristics that set them apart. While some argue that national identity is based on the similarities in the history of the region or homeland, the legend of the homeland, and the historical and cultural aspects in which they grew up, national identity is not solely based on ethnic similarities [39]. National identity can also be based on group membership that has similar residences and tolerance for members of other ethnic groups living in the same country. This involves individual decisions [39]. This study indicates that national identity is not only based on similarities between individuals within a nation-state system, but also linked to the decisions made by those individuals. Individuals who recognize their identity as part of a nation will play a crucial role in shaping that national identity, as well as the decisions and actions taken after.

In a social psychology perspective, national identity is a person's attachment to a nation, which is understood as a sincere sense of belonging to the nation [14]. By following this formulation, national identity can be understood as a subjective feeling or internalization of a sense of belonging to a nation [19]. According to the concept of national identity, the pattern of acceptance, internalization and self-identification of a nation by individuals will be described [8]. This opinion is in accordance with the theoretical elaboration carried out by Orkalo & Kamenov (2003) referring to a psychological approach rooted in Tajfel and Turner's theory [38] which interprets national identity as a sense of membership in a group as a place to convey a sense of belonging and attachment. National identity is characterized into several aspects, including: (1) National pride, which includes a sense of belonging to the nation and a feeling of the high value of all elements related to the nation; (2) Exclusive national belonging, which is characterized by emphasizing a sense of unity and togetherness to distinguish it from people from other nations; (3) National devotion which includes loyalty to the nation that transcends personal interests [5].

Internal Locus of Control

Locus of control refers to individuals' beliefs regarding their ability to control their lives or whether external factors dictate their circumstances [34]. Individuals with an internal locus of control assume responsibility for their actions and feel empowered to impact the results of their actions. Studies indicate that internal locus of control is closely related and significantly contributes to two other constructs, namely self-efficacy (one's ability to achieve a particular success or goal) and competence (the capacity or ability of an individual to effectively perform tasks, solve problems, and achieve

goals within a specific domain or context) [3; 12; 30]. All three concepts are rooted in the belief that individuals have control over situations, outcomes, and their own behavior [42]. When individuals perceive themselves as active agents in achieving a goal, their motivation to improve their quality and competence increases. Therefore, individuals with an internal locus of control tend to be more self-confident, take initiative, and take responsibility for their decisions. When confronted with challenges, they exhibit a proactive approach, exerting effort to address issues and surmount obstacles.

In the context of national identity, individuals with internal locus of control may feel more confident in identifying themselves as part of a specific nation or culture. They are less swayed by external opinions and instead focus on their personal experiences and the values they believe represent their national identity [37]. Moreover, national identity is significantly shaped by the cultural and environmental factors individuals grow up in. Those with an internal locus of control actively manage the influence of culture and environment on their identity. They have the capacity to explore various cultural aspects and make informed choices about how these aspects contribute to their national identity. This may involve selecting values, traditions, or languages they perceive as integral to their desired national identity [9]. Meanwhile Krampen [22], added that a positive assessment of an event related to oneself in the social environment will create trust in oneself. And conversely, a negative assessment will lead to the belief that the event will occur if he personally does not make efforts to prevent it.

Individuals with an internal locus of control may also feel a sense of responsibility towards their community or nation. They believe they have the power to influence the direction and development of

national identity. This motivates them to actively participate in activities that support or strengthen the values, traditions, and historical narratives of national identity. They see themselves as significant contributors to preserving and enhancing the national identity they take pride in [33]. They may advocate for social justice, political reforms, and cultural preservation, seeing themselves as active agents in shaping the course of their country's history. This proactive attitude and sense of responsibility can foster a deeper and more meaningful connection to national identity, as individuals perceive themselves as integral parts of the broader social fabric of their nation.

Self-Concept of Own Competence

The perception of one's own abilities in a given situation constitutes the self-concept of competence [8]. This ability encourages individuals to use creativity in finding solutions to the problem [28]. In the context of national life, individuals within a nation faced with national problems assess their abilities and the resulting outcomes [23]. Individuals will participate in politics as a way to show concern for their nation, when they have a high self-concept of their own competence [21].

The concept of one's own competence materializes as an overall expectation of the likelihood of various actions that can be taken in response to a situation or life [28]. When citizens are faced with a national question, they consider their abilities in relation to the desired outcomes [23].

In academic studies, there is a correlation between an individual's perception of their own competencies and their sense of national identity. People who have a high self-concept of their own abilities are more likely to make positive contributions to their country, but their actions will be tailored to their ability to strengthen their

national identity. Therefore, they will carefully consider their capabilities and the anticipated outcomes, ensuring that their actions are aligned with their abilities to protect and advance their nation.

Method

Participants. The study included 504 college students, out of which 176 were men and 328 were women. The age of participants ranged from 18 to 25 years, with an average age of 22 years ($SD = 2,3$). The participants were recruited from 20 public and private universities in DKI Jakarta, representing both state and independent campuses.

Measures. The variables internal locus of control and self-control of their own competence is measured using the general control belief scale developed by the author by referring to the theory of the action theoretical model of personality (AMP) developed by Krampen [22]. This theory was also developed from the theory of locus of control developed by Rotter [33]. In the general control belief scale, internal locus of control is measured with a five-item that assesses their confidence in their ability to influence outcomes through personal actions. The response options for these five statements range from 1 (Highly Compatible) to 5 (Highly Conforming). In addition, participants' self-concept of their own competence can be measured using a six-item instrument that evaluates their perceptions of their skills, abilities, and effectiveness in different areas of life. The response options for this instrument range from 1 (Highly incongruous) to 5 (Highly Conforming). The National Identity Scale is used to measure the national identity of the participants [5]. The survey contains 18 questions that measure participants' sense of belonging and identification with their community. Responses range from 1 (highly incongruous) to 5 (highly conforming).

Procedure. The research study was conducted for a duration of one year. The participants were recruited through social media announcements and were required to provide informed consent before taking part in the study. They were asked to fill out a series of online questionnaires that focused on their internal locus of control, self-concept of own competence, and national identity. The questionnaire was designed to measure various aspects of their personality and was administered online.

Data Analysis. Data were analyzed using structural equation models (SEM) to investigate hypothesized mediation models. SEM allows simultaneous examination of various relationships between variables and assessment of direct and indirect impacts. The theoretical model was tested using Lisrel 8.7.

This analysis starts by defining a mediation model where internal locus of control is the predictor variable, self-concept of own competence is the mediator, and national identity is the outcome variable. Then, the estimation model is tested to determine whether the proposed theoretical model is consistent with the data gathered. Maximum likelihood estimation is used for this method. The model's fit is assessed using several indices, including the Chi-square statistic ($> 0,05$) [2], *Comparative Fit Index* (CFI) ($> 0,9$) [44], *Root Mean Square Error of Approximation* (RMSEA) ($< 0,06$) [29], and *Standardized Root Mean Square Residual* (SRMR) ($< 0,08$) [18; 31]. This process concludes with interpreting the direct and indirect effects of independent variables on outcome variables, mediated by mediator variables.

Result

According to Baron and Kenny [39], mediation analysis involves two stages. The first stage tests the relationship between the independent variables and the outcome. The second stage tests the relationship between

the independent variables and variable outcomes through mediators. Figure 1 below shows the analysis model for the first stage.

From the analysis results that the model match is tested using several indices. *Chi-square statistic* = 0,077 (> 0,05), CFI = 1 (> 0,9), RMSEA= 0,024 (< 0,06), and SRMR = 0,026 (< 0,05). The available data has been analyzed using various indices, and based on the results, it has been determined that the model is fit for the given data.

It is known from Table 1 that the internality plays a significant role in national identity due to its high t-value. (5,87) >

1,96. By exploring the role of mediators, we can better understand how internality relates to national identity.

Based on the analysis results, the model match was tested using several indices., *Chi-square statistic* = 0,077 (> 0,05), CFI = 1 (> 0,9), RMSEA = 0,24 (< 0,06), and SRMR = 0,026 (< 0,05). The available data has been analyzed and based on the indices; it has been determined that the model is fit.

From table 2 above, it can be seen that all indicators measure all latent variables. In addition, the structural relationship between internal locus of control with na-

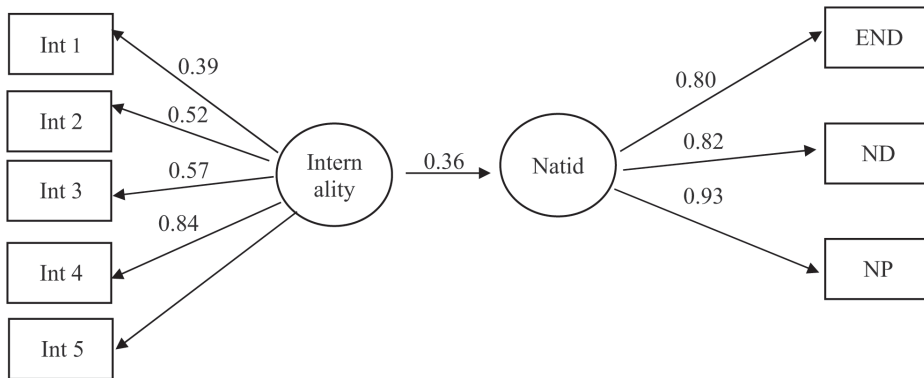

Fig. 1. Path diagram model of *Structural Equation Modelling* (SEM): Int is item of internal locus of control, NP is national pride, Internality is internal locus of control, END is exclusive national belonging, Natid is national identity and ND is national devotion

Table 1

Indices of measurement models for each variable

No	Indicator/relation	Construct	SLF	SE	t-value
1	Int 1	Internality	-	-	-
2	Int 2	Internality	0,52	0,13	10,23
3	Int 3	Internality	0,57	0,15	9,68
4	Int 4	Internality	0,84	0,42	5,11
5	Int 5	Internality	0,99	0,48	5,31
6	NP	Natid	-	-	-
7	END	Natid	0,82	0,02	56,41
8	ND	Natid	0,93	0,11	10,60
9	Internality → Natid	-	0,36	0,13	5,87

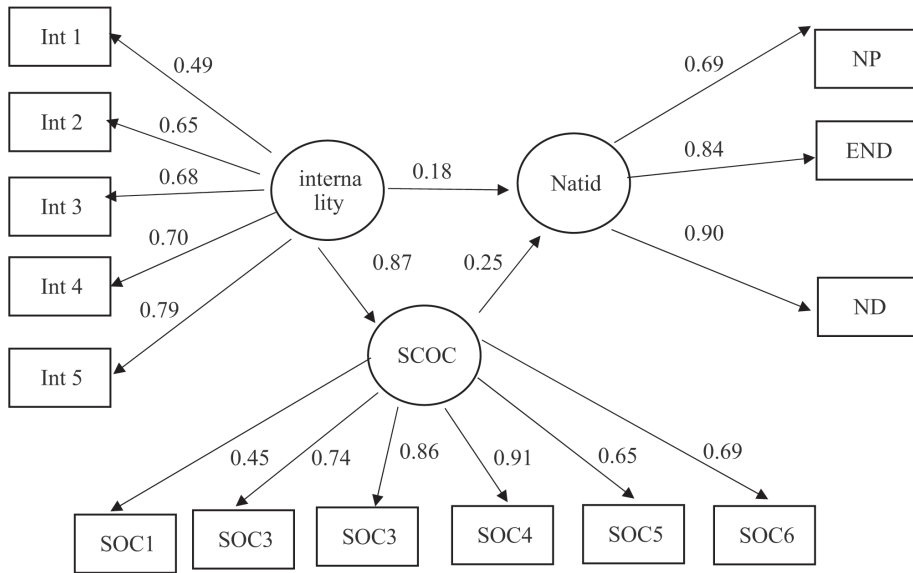

Fig. 2. Path diagram model of Structural Equation Modelling (SEM): SCOC is self-concept of own competence, SOC is Item of self-concept of own competence

Table 2

Indices of Measurement Models for Each Variable

No	Indicator relation	Construct	SLF	SE	t-value
1	Int 1	Internality	-	-	-
2	Int 2	Internality	0,52	0,13	11,55
3	Int 3	Internality	0,57	0,15	9,68
4	Int 4	Internality	0,84	0,42	5,11
5	Int 5	Internality	0,99	0,48	5,31
6	NP	Natid	-	-	-
7	END	Natid	0,82	0,02	56,41
8	ND	Natid	0,93	0,11	10,60
9	SOC1	SCOC	-	-	-
10	SOC2	SCOC	0,74	0,16	10,27
11	SOC3	SCOC	0,86	0,18	10,38
12	SOC4	SCOC	0,91	0,19	10,44
13	SOC5	SCOC	0,65	0,16	9,17
14	SOC6	SCOC	0,69	0,16	9,55
15	Internality → Natid	-	0,18	0,18	1,41
16	Internality → SCOC	-	0,87	0,11	7,49
17	SCOC → Natid	-	0,25	0,19	2,06
18	Internality → SCOC → Natid	-	0,22	0,15	2,07

tional identity and self-competence is significant and the relationship between self-competence and national identity is also significant. On the other hand, the structural relationship between internal locus of control and national identity mediated by self-competence is also significant. Given that the influence of internal locus of control on national identity remains significant after involving mediator variables, the role of self-competence is partial mediation.

Discussion

The findings of the study provide valuable insights into the complex interactions between internal locus of control, national identity, and the mediating role of self-concept of own competence. The analysis supports the hypothesized model, which reveals a significant relationship between internal locus of control and national identity, further mediated by the self-concept of own competence. These results align with the existing literature on psychological factors that contribute to the formation and strengthening of national identities.

The study found a correlation between an individual's internal locus of control and their national identity. This suggests that people who believe in their ability to impact outcomes through their behavior are more likely to feel a sense of nationalism towards their country. These findings are consistent with the Locus of Control theory, which emphasizes the behavioral and motivational consequences of internal orientation [1].

According to mediation analysis, the way individuals perceive their own competence is crucial in explaining how internal locus of control strengthens national identity. In simpler terms, people who believe they are competent in different areas have a better chance of contributing to the advancement of their country. This aligns with the self-determination theory which

highlights the importance of competence as a psychological need that motivates and engages individuals [7; 15].

The individual's self-concept of their own competence plays a mediating role in explaining the relationship between their internal locus of control and national identity. This is consistent with self-concept theory, which suggests that an individual's beliefs about their abilities and effectiveness significantly impact their attitudes, behaviors, and affiliation with their nation [36].

The findings of this study have significant implications for both theoretical and practical aspects. Theoretically, these findings contribute towards a better understanding of the intricate mechanisms involved in the development of national identity. By identifying the self-concept of personal competence as a mediating factor, the study sheds light on previously unexplored psychological constructs that interact to influence an individual's identification with their nation.

The results of this study have practical implications for interventions aimed at improving national cohesion, cultural preservation, and community involvement. By acknowledging the role of internal locus of control and self-concept of own competence in fostering a sense of national identity, interventions can be designed to increase individual confidence in their ability to make a positive contribution to their nation. This can be supported by developing a mindset, providing opportunities for skill development, and emphasizing the value of individual contributions to the collective.

It is important to note that this study has some limitations, including variations in how the variables studied are interconnected across different cultures. Therefore, in the next study, it would be necessary to examine how these variables relate to each

other in diverse cultural contexts. To gain a more comprehensive understanding, a mixed-method approach should be used.

Conclusions

This study helps us to better understand how internal locus of control, self-concept,

self-competence, and national identity work together in different ways. By revealing the role that self-concept plays in mediating self-competence, this research provides a more complete understanding of the psychological processes that influence a person's sense of belonging and national identity.

References

1. Ahlin E.M., Lobo Antunes M.J. Locus of Control Orientation: Parents, Peers, and Place. *Journal of Youth and Adolescence*, 2015. Vol. 44, no. 9, pp. 1803–1818. DOI:10.1007/s10964-015-0253-9
2. Alavi M. [et al.]. Chi-square for model fit in confirmatory factor analysis. *Journal of Advanced Nursing*, 2020. Vol. 76, no. 9, pp. 2209–2211. DOI:10.1111/jan.14399
3. Ashagi M.M., Beheshtifar M. The Relationship between Locus of Control (Internal-External) and Self-Efficacy Beliefs of Yazd University of Medical Sciences. *International Journal of Engineering and Applied Sciences (IJEAS)*, 2015. Vol. 2, no. 8, pp. 72–76.
4. Barret M. The development of national identity in childhood and adolescence. Conference papers from the Department of Psychology, 2000. URL: https://www.researchgate.net/publication/30930030_The_development_of_national_identity_in_childhood_and_adolescence (Accessed 15.02.2024).
5. Baydhowi B. [et al.]. Developing National Identity Scale: As Indonesian Case. *The Open Psychology Journal*, 2022. Vol. 15, no. 1, pp. 1–9. DOI:10.2174/18743501-v15-e2202031
6. Baydhowi B. [et al.]. Perception of threat and national identity: Investigation of the mediating role of collective self esteem. *Heliyon*, 2023. Vol. 9, no. 6, pp. e17207. DOI:10.1016/j.heliyon.2023.e17207
7. Biel M., Haley K.L. Motivation in Aphasia Treatment: Self-Determination Theory Applied to the FOURC Model. *American Journal of Speech-Language Pathology*, 2023. Vol. 32, no. 3, pp. 1016–1036. DOI:10.1044/2022_AJSLP-22-00251
8. Blank T. Determinants of National Identity in East and West Germany: An Empirical Comparison of Theories on the Significance of Authoritarianism, Anomie, and General Self-Esteem. *Political Psychology*, 2003. Vol. 24, no. 2, pp. 259–288. DOI:10.1111/0162-895X.00328
9. Brown H., Jones J.A. Rethinking Panethnicity and the Race-immigration Divide: An Ethnoracialization Model of Group Formation. *Sociology of Race and Ethnicity*, 2015. Vol. 1, no. 1, pp. 181–191. DOI:10.1177/2332649214558304
10. Bush I.R. An Examination of Five Essential Competencies for Empowerment Practice. *Journal of Baccalaureate Social Work*, 2004. Vol. 9, no. 2, pp. 47–62. DOI:10.18084/1084-7219.9.2.47
11. Cascio M.I., Botta V.C., Anzaldi V.E. The role of self efficacy and internal locus of control in online learning. *Journal of E-Learning and Knowledge Society*, 2013. Vol. 9, no. 3. DOI:10.20368/1971-8829/789
12. Claire L. Thompson, Adrian T.H. Kuah, Regina Foong E.S.N. The development of emotional intelligence, self-efficacy, and locus of control in Master of Business Administration students. *Human Resource Development Quarterly*, 2019. Vol. 31, no. 1, pp. 113–131. DOI:10.1002/hrdq.21375
13. Čorkalo D., Kamenov Ž. National identity and social distance: Does in-group loyalty lead to outgroup hostility? *Review of Psychology*, 2003. Vol. 10, no. 2, pp. 85–94. URL: <https://hrcak.srce.hr/2972> (Accessed 15.02.2024)
14. Davidov E. Nationalism and constructive patriotism: A longitudinal test of comparability in 22 countries with the ISSP. *International Journal of Public Opinion Research*, 2011. Vol. 23, no. 1, pp. 88–103. DOI:10.1093/ijpor/edq031

15. Deci E.L., Ryan R.M. Self-Determination Theory. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences: Second Edition*, 2015, pp. 486–491. DOI:10.1016/B978-0-08-097086-8.26036-4
16. Druckman D. Negotiation, Identity and Justice. London: Routledge, 2023. 438 p. DOI:10.4324/9781003293361
17. Han Z. Country Identity, Nationality Identity and Culture Identity. *Journal of Beijing Normal University (Social Science)*, 2010, no. 1, pp. 106–113.
18. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*, 1999. Vol. 6, no. 1, pp. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
19. Huddy L., Khatib N. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement. *American Journal of Political Science*, 2007. Vol. 51, no. 1, pp. 63–77. DOI:10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x
20. Korostelina K.V. Mapping national identity narratives in Ukraine. *Nationalities Papers*, 2013. Vol. 41, no. 2, pp. 293–315. DOI:10.1080/00905992.2012.747498
21. Krampen G. Political Participation in an Action-Theory Model of Personality. *Political Psychology*, 1991. Vol. 12, no. 1, pp. 1–25. DOI:10.2307/3791343
22. Krampen G. Political participation in Action-Theory of Model Personality: Theory and Empirical Evidence. *International Society of Political Psychology*, 1991. Vol. 12, no. 1, pp. 1–25. DOI:10.2307/3791343
23. Krampen G. Competence and control orientations as predictors of test anxiety in students: Longitudinal results. *Anxiety Research*, 1988. Vol. 1, no. 3, pp. 185–197. DOI:10.1080/08917778808248718
24. Liu Q., Turner D. Identity and national identity. *Educational Philosophy and Theory*, 2018. Vol. 53, no. 12, pp. 1080–1088. DOI:10.1080/00131857.2018.1434076
25. Lun V.M.C., Bond M.H. Achieving Subjective Well-Being Around the World: The Moderating Influence of Gender, Age and National Goals for Socializing Children. *Journal of Happiness Studies*, 2016. Vol. 17, no. 2, pp. 587–608. DOI:10.1007/s10902-015-9614-z
26. Markus H.R., Kitayama S. Culture and the Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation. *Psychological Review*, 1991. Vol. 98, no. 2, pp. 224–253. DOI:10.1037/0033-295X.98.2.224
27. Marschelke J. National Identity BT – Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy. In M. Sellers, S. Kirste (eds.). Dordrecht: Springer Netherlands, 2020, pp. 1–8. DOI:10.1007/978-94-007-6730-0
28. Martini M., Krampen G., Panconesi E. Body-Related Attitudes, Behavior, And Locus of Control in Dermatological Patients. *Ricerche di Psicologia*, 1991, no. 3, pp. 105–119.
29. McNeish D., An J., Hancock G.R. The Thorny Relation Between Measurement Quality and Fit Index Cutoffs in Latent Variable Models. *Journal of Personality Assessment*, 2017. Vol. 100, no. 1, pp. 43–52. DOI:10.1080/00223891.2017.1281286
30. Naditch M.P., DeMaio T. Locus of control and competence. *Journal of personality*, 1975. Vol. 43, no. 4, pp. 541–559. DOI:10.1111/j.1467-6494.1975.tb00721.x
31. Pavlov G., Maydeu-Olivares A., Shi D. Using the Standardized Root Mean Squared Residual (SRMR) to Assess Exact Fit in Structural Equation Models. *Educational and Psychological Measurement*, 2021. Vol. 81, no. 1, pp. 110–130. DOI:10.1177/0013164420926231
32. Prahara S.A., Rachma N.M. Political Efficacy and Political Participation in The Islamic Student Association Cadres. *Psikis: jurnal psikologi Islami*, 2023. Vol. 9, no. 1, pp. 170–178. DOI:10.19109/psikis.v9i1.16514
33. Rotter J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*, 1966. Vol. 80, no. 1, pp. 1–28. DOI:10.1037/h0092976
34. Rotter J.B. Generalized Expectancies for Internal Versus External Control of Reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*, 1966. Vol. 21, no. 3, pp. 365–374. DOI:10.1037/h0092976

35. Sarmini, Warsono, Rizaq A.D.B.E. Primary school principal perspective to strengthen Indonesian national identity. In I. Maureen et al. (eds.). *Innovation on Education and Social Science*. London, UK: Routledge, 2022, pp. 96–104.
36. Schäfer C. How Individual Beliefs Impact Individual Performance. *Human Resource Management Research*, 2013. Vol. 3, no. 3, pp. 71–81. DOI:10.5923/j.hrmr.20130303.02
37. Smith A.D. National Identity. Reno: University of Nevada Press, 1991. 226 p.
38. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In J.T. Jost, J. Sidanius (Eds.). *Political psychology: Key readings*. New York: Psychology Press, 2004, pp. 276–293. DOI:10.4324/9780203505984-16
39. Tkachenko O. Reinventing Ukraine: Ukrainian National and Supra-National Identity in Contemporary Polish Opinion-Making Press. *Colloquia Humanistica*, 2016. Vol. 5, no. 5, pp. 141–163. DOI:10.11649/ch.2016.010
40. Triandafyllidou A. National identity and the «other». *Ethnic and Racial Studies*, 1998. Vol. 21, no. 4, pp. 593–612. DOI:10.1080/014198798329784
41. Tutuarim F., Nindatu A., Sialana F. Civic Virtue in the Teaching and Learning of Islands' Customary Law Through the Project Citizen Model to Strengthen National Identity. *Proceedings of the 2nd Annual Civic Education Conference (ACEC 2019)*. Atlantis Press, 2020, pp. 127–131. DOI:10.2991/assehr.k.200320.025
42. Wallston K. Control Beliefs: Health Perspectives. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2001, pp. 2724–2726. DOI:10.1016/B0-08-043076-7/03799-2
43. Windari T. National identity attachment and its variable. *The Journal of International Women's Studies*, 2021. Vol. 22, no. 3, pp. 81–95. URL: <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol22/iss3/9> (Accessed 15.02.2024)
44. Xia Y., Yang Y. RMSEA, CFI, and TLI in structural equation modeling with ordered categorical data: The story they tell depends on the estimation methods. *Behavior Research Methods*, 2019. Vol. 51, no. 1, pp. 409–428. DOI:10.3758/s13428-018-1055-2

Information about the authors

Baydhowi Baydhowi, Doctor of Psychology, Leading Research Associate, Faculty Member, Specialist Content Coordinator, Department of Psychology, Faculty Humanity, Bina Nusantara University, Jakarta, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8934-0540>, e-mail: bay.dhowi@binus.ac.id

Melly Preston, Master in Psychology, Research Associate, Faculty Member, Specialist Content Coordinator, Department of Psychology, Faculty Humanity, Bina Nusantara University, Jakarta, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8708-5267>, e-mail: melly.preston@binus.ac.id

Wahyu Syahputra, Master in Psychology, Research Associate, Faculty Member, Department of Psychology, Faculty Humanity, Bina Nusantara University, Jakarta, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0380-1244>, e-mail: wahyu.syahputra@binus.ac.id

Anggita Dian Cahyani, Doctor of Psychology, Leading Research Associate, Faculty Member, Deputy of Department of Psychology, Faculty Humanity, Bina Nusantara University, Jakarta, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2631-584X>, e-mail: acahyani@binus.edu

Daniel Rabitha, Research Associate, The National Research and Innovation Agency, Jakarta, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3233-6871>, e-mail: dani016@brin.go.id

Информация об авторах

Байдхови Байдхови, доктор психологии, ведущий научный сотрудник, кафедра психологии, гуманитарный факультет, Университет Бина Нусантара, г. Джакарта, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8934-0540>, e-mail: bay.dhowi@binus.ac.id

Престон Мелли, магистр психологии, научный сотрудник, кафедра психологии, гуманитарный факультет, Университет Бина Нусантара, г. Джакарта, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8708-5267>, e-mail: melly.preston@binus.ac.id

Сяхпутра Вахью, магистр психологии, научный сотрудник, кафедра психологии, гуманитарный факультет, Университет Бина Нусантара, г. Джакарта, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0380-1244>, e-mail: wahyu.syahputra@binus.ac.id

Кахиани Анггита Диан, доктор психологии, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой психологии, гуманитарный факультет, Университет Бина Нусантара, г. Джакарта, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2631-584X>, e-mail: acahyani@binus.edu

Рабита Даниэль, научный сотрудник, Национальное агентство по исследованиям и инновациям, г. Джакарта, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3233-6871>, e-mail: dani016@brin.go.id

Получена 27.02.2024

Received 27.02.2024

Принята в печать 14.12.2024

Accepted 14.12.2024

Социальные верования и основания морального выбора как предикторы гражданской идентичности подростков

Микляева А.В.

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com**

Самойлов О.М.

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1509-7225>, e-mail: osamoilov1@gmail.com**

Цель. Анализ социальных верований и оснований морального выбора как предикторов гражданской идентичности подростков.

Контекст и актуальность. Несмотря на выраженный интерес исследователей к закономерностям формирования гражданской идентичности в подростковом возрасте, на данном этапе нет однозначных данных о влиянии социальных верований и оснований морального выбора на гражданскую идентичность российских подростков.

Дизайн исследования. Для описания социальных верований, оснований морального выбора и гражданской идентичности респондентов проводился сравнительный и корреляционный анализ. С помощью моделирования структурными уравнениями были выделены предикторы гражданской идентичности подростков (с учетом их возраста и пола).

Участники. Выборку составили 424 респондента 14–18 лет, в том числе 189 мальчиков и 235 девочек. Участники исследования являются учащимися школ, колледжей и высших учебных заведений Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Методы (инструменты). В исследовании были использованы методики: «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга в адаптации А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой, шкала «Вера в справедливый мир» К. Далберта в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер и Н.Б. Астаниной, «Основания морального выбора» Дж. Грэма и Дж. Хайдта в адаптации О.В. Сычева и др., «Валентность гражданской идентичности» Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко.

Результаты. Согласно полученной модели ($\chi^2 = 110, df = 43, p < 0,01, CFI = 0,88, RMSEA = 0,06$) положительными предикторами гражданской идентичности у подростков являются основание морального выбора «лояльность», социальные аксиомы «награда за усилия» и «контроль над судьбой»; отрицательный вклад вносят показатели основания морального выбора «справедливость» и «уважение», причем влияние последнего ослабевает по мере взросления подростков. Специфическими предикторами гражданской идентичности девочек-подростков являются индивидуальные основания морального выбора («забота» и «справедливость»), а также социальные аксиомы «социальная сложность» и «награда за усилия»; для мальчиков-подростков специфическими предикторами гражданской идентичности оказались социальная аксиома «социальный цинизм», а также «лояльность» как сплачивающее моральное основание.

Основные выводы. Структура предикторов гражданской идентичности, представленных социальными аксиомами и основаниями морального выбора, частично различается для

подростков мужского и женского пола, а также незначительно изменяется по мере взросления подростков.

Ключевые слова: гражданская идентичность; подростки; предикторы гражданской идентичности; социальные аксиомы; основания морального выбора; вера в справедливый мир.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00482, <https://rscf.ru/project/23-28-00482/>.

Для цитаты: Микляева А.В., Самойлов О.М. Социальные верования и основания морального выбора как предикторы гражданской идентичности подростков // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 154–171. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150411>

Social Beliefs and Foundations for Moral Choice as Predictors of Civic Identity in Adolescence

Anastasia V. Miklyayeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyayeva@gmail.com

Oleg M. Samoilov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1509-7225>, e-mail: osamoilov1@gmail.com

Objective. *The analysis of social beliefs and the foundations for moral choice as predictors of the civic identity of adolescents.*

Background. *Despite the expressed interest of researchers in the patterns of formation of civic identity in adolescence, at this stage there is no unambiguous data on the influence of social beliefs and foundations for moral choice on the civic identity of Russian adolescents.*

Study design. *A comparative and correlation analysis was carried out to describe the characteristics of the respondents' social beliefs, foundations for moral choice and civic identity. Using the structural equation modeling method, predictors of the civic identity of adolescents of different genders were identified (taking into account their age and gender).*

Participants. *The sample consisted of 424 respondents aged 14–18 years, including 189 boys and 235 girls. The study participants are students of schools, colleges and higher educational institutions in Saint Petersburg and the Leningrad region.*

Measurements. *The following methods were used in the study: “Social axioms” by M. Bond and K. Leung in the adaptation by A.N. Tatarko and N.M. Lebedeva, the scale “Faith in a just world” by K. Dalbert in the adaptation by S.K. Nartova-Bochaver and N.B. Astanina, the method “Moral foundations” by J. Graham and J. Haidt, adapted by O.V. Sychev et al., “The Valence of Civic Identity” by N.M. Lebedeva and A.N. Tatarko.*

Results. *According to the obtained model ($\chi^2 = 110$, $df = 43$, $p < 0,01$, $CFI = 0,88$, $RMSEA = 0,06$), positive predictors of civic identity in adolescents are the basis of moral choice “Loyalty”, social axioms “Reward for efforts” and “Control over fate”; indicators of the foundation for moral choice make a negative contribution “Justice” and “Respect”, and the influence of the latter weakens as teenagers grow up. Specific predictors of the civic identity of adolescent girls are the individual foundation for moral choice (“Care” and “Justice”), as well as the social axioms “Social complexity” and “Reward for efforts”; for adolescent boys, the specific predictors of civic identity turned out to be the social axiom “Social cynicism”, as well as “Loyalty” as a rallying factor a moral foundation.*

Conclusions. *The structure of predictors of civic identity, represented by social axioms and the foundations of moral choice, partially differs for male and female adolescents, and also changes slightly as adolescents grow up.*

Keywords: *civic identity; adolescents; predictors of civic identity; social axioms; belief in a just world; moral foundations.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-00482, <https://rscf.ru/project/23-28-00482/>.

For citation: Miklyaeva A.V., Samoilov O.M. Social Beliefs and Foundations for Moral Choice as Predictors of Civic Identity in Adolescence. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 154–171. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150411> (In Russ.).

Введение

На фоне многоуровневых изменений в социальной, политической и экономической жизни российских граждан все более актуальным становится вопрос о формировании гражданской идентичности. В последние десятилетия исследования феномена гражданской идентичности (ГИ) получили широкое распространение как в отечественной [9; 18; 20], так и в зарубежной [33; 38; 42] литературе. ГИ в широком смысле может быть определена как компонент социальной идентичности личности, представляющий собой результат осознания принадлежности к совокупности граждан своей страны [6]. В современной литературе активно обсуждается содержание ГИ в ее соотношении с другими компонентами социальной идентичности личности (национальным, политическим, правовым и т.д.) [3], при этом в качестве идентификационной основы может рассматриваться как осознание принадлежности к определенному государству [1; 34], так и осмысление себя в качестве гражданина определенного общества на основе универсальных гражданских ценностей [21], что в совокупности предполагает интеграцию понимания человеком своей роли как члена сообщества с его личными и групповыми идентич-

ностями и ценностями, а также с дисциплинарными знаниями и навыками, необходимыми для выполнения гражданских ролей, поддерживая мотивацию к гражданскому участию [30]. В структуре ГИ выделяются два компонента: сила, представляющая собой выраженность чувства принадлежности к общности граждан своей страны, и валентность, которая характеризуется как эмоциональная окрашенность этого чувства [18].

В литературе имеются сведения о том, что на формирование гражданской идентичности оказывают влияние различные социальные верования и основания морального выбора. Так, было выявлено, что уверенность в справедливости мира по отношению к человеку, выступающая в качестве одного из компонентов веры в справедливый мир [39], коррелирует с позитивностью гражданской идентичности [9]. Чем больше человек верит в справедливость мира, тем позитивнее отношение к общности сограждан. Схожие результаты были получены исследователями в Турции [23] и в США [32], где были обнаружены взаимосвязи ощущения единства и принадлежности к своему народу с социальной справедливостью и справедливостью социальных институтов.

В литературе описаны данные о взаимосвязи гражданской идентичности и

социальных аксиом, которые представляют собой общие знания о мире, предопределяющие поведение людей в широком диапазоне социальных ситуаций [27; 40]. С силой и валентностью гражданской идентичности связана социальная аксиома «религиозность» [17]. Однако в данном исследовании была обнаружена отрицательная связь ГИ с межличностным и институциональным доверием, что противоречит данным, которые мы описывали выше. Автор отмечает, что доверие положительно коррелирует с социальным цинизмом и социальной сложностью в структуре социальных аксиом, и описывает такую особенность как «социокультурный парадокс». В другом исследовании выявлено, что на гражданскую идентичность, характеризующуюся автором как возможность влиять на будущее и настоящее России, оказывает отрицательное влияние социальный цинизм, а положительное — награда за усилия [10].

В рассмотрении предикторов гражданской идентичности интерес у исследователей в последние годы возникает к основаниям морального выбора — критериям нравственной оценки поступков и событий с опорой на моральную интуицию и сопряженное с ней «автоматическое» эмоциональное реагирование, имеющее культурно-универсальный характер в силу эволюционных предпосылок возникновения [31]. Сплачивающие моральные основания, к которым традиционно относят лояльность, уважение и чистоту, положительно взаимосвязаны с гражданской идентичностью [14], построением позитивного образа своей страны [13]. В масштабном метааналитическом исследовании ($N = 192870$) было обнаружено, что активную политическую позицию, входящую в характеристику гражданской идентичности [33], положительно поддерживают сплыва-

ющие моральные основания, в то время как индивидуальные (забота и справедливость) — слабо и отрицательно [35]. Позднее была предпринята попытка воспроизведения результатов данного исследования, где были получены схожие результаты, но с меньшим эффектом, а также установлено, что регион проживания не является значимым медиатором связи политической идентичности и моральных оснований [26]. Валентность гражданской идентичности представляет собой ее эмоциональный компонент, при описании которого часто определяют данный феномен через чувство гордости и стыда за свою страну [41]. Согласно исследованиям, при доминировании в моральном профиле личности лояльности и уважения для граждан характерно испытывать гордость за свою страну, отождествлять себя с народом и ориентироваться на социальную иерархию [15]. В то же время высокие значения свободы и равенства, а также низкая выраженность лояльности подкрепляют чувство стыда за свою страну. Авторы отмечают, что наибольшую выраженность чувства стыда или гордости, независимо от поллярности, демонстрируют женщины. Такие данные позволяют сделать вывод о том, что валентность гражданской идентичности положительно связана со сплачивающими моральными основаниями, отрицательно — с индивидуальными.

Особую значимость проблема формирования гражданской идентичности имеет в подростковом возрасте, поскольку на этот период приходится наиболее интенсивные этапы социального становления личности. Как известно, для подростков характерна иная структура социальных верований и оснований морального выбора, чем для взрослых людей. Вера во всеобщую справедливость у подростков отрицательно связана с возрастом,

в то время как вера в персональную справедливость, напротив, с возрастом становится выше [29]. Как показывают зарубежные исследования, в структуре социальных аксиом для подростков характерны более высокие показатели социальной и более низкие показатели религиозности, чем для старшего поколения [43]. На российской выборке выявлено, что молодежи также присущи социальная сложность и награда за усилия [7]. Структура моральных оснований подростков частично схожа со взрослыми людьми [22; 25]. Специфику гражданской идентичности подростков определяет неполная сформированность когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов [12; 44]. Становится очевидно, что необходимо дифференцированно рассматривать взаимосвязи гражданской идентичности, социальных верований и оснований морального выбора подростков и взрослых, и результаты, полученные в исследованиях с привлечением взрослых людей, требуют дальнейшей проверки на подростковой выборке.

Отметим, что существуют данные о взаимосвязи пола подростков с гражданской идентичностью. Так, девочки в позднем подростковом возрасте демонстрируют более высокий уровень гражданской идентичности, чем мальчики [3]. Независимо от возраста к совершеннолетию повышается выраженность моральных ориентиров, осмысленный подход к анализу получаемой информации. Кроме того, у женщин показатели валентности гражданской идентичности выше, чем у мужчин [15]. Обнаружены различия и в гражданской активности как проявлении гражданской идентичности [37]. Так, девочки демонстрируют большую включенность в волонтерскую деятельность, а мальчики — в политическую активность

[28]. Однако некоторые исследования показывают, что между подростками разных полов нет различий в показателях гражданской идентичности [2]. Таким образом, в литературе складываются противоречивые данные о том, является ли становление гражданской идентичности в подростковом возрасте гендерно опосредованным.

Выявленный дефицит исследований, посвященных вкладу социальных верований и оснований морального выбора в формирование гражданской идентичности подростков, а также обнаруженные противоречия в представленных в литературе данных определили цель нашего исследования: анализ социальных верований и оснований морального выбора как предикторов гражданской идентичности подростков. В исследовании проверялись следующие гипотезы: 1) предикторами гражданской идентичности подростков являются вера в справедливый мир, сплачивающие основания морального выбора и социальные аксиомы «религиозность» и «награда за усилия»; 2) вклад указанных переменных в показатели гражданской идентичности подростков опосредован их возрастом и полом.

Метод

Процедура проведения исследования. Сбор эмпирических данных проводился анонимно. Респондентам были предложены к заполнению в бумажном формате методики для выявления социальных верований, оснований морального выбора и гражданской идентичности. Участие в исследовании являлось добровольным. Программа и протокол исследования были одобрены Этическим комитетом РГПУ им. А.И. Герцена (протокол ЭК № 24 от 27.11.2023). Данные доступны для вторичного анализа [11].

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 424 респондента в возрасте от 14 до 18 лет ($M = 16,34$), из них 189 мальчиков и 235 девочек. При проведении статистического анализа результатов использовалась следующая кодировка групп по полу: 1 — мальчики, 2 — девочки. Участники исследования являются учащимися школ, колледжей и высших учебных заведений Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Методики исследования. В исследовании использовались сокращенный вариант методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга в адаптации А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой [19]; шкала «Вера в справедливый мир» К. Далберта в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер и Н.Б. Астаниной [8]; методика «Основания морального выбора» Дж. Грэма и Дж. Хайдта в адаптации О.В. Сычева и др. [16]. Исследование характеристик гражданской идентичности участников исследования проводилось с помощью методики «Валентность гражданской идентичности» Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко [4].

Статистическая обработка проводилась с помощью программ Statistica 12.0 и SPSS Ver.23 AMOS (Analysis of Moment Structures). В ходе статистического анализа были применены: U-критерий Манна—Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, метод моделирования структурными уравнениями (asymptotically distribution-free метод).

Результаты

Анализ общих результатов по выборке позволяет отметить средний уровень показателей ГИ. При этом в структуре компонентов ГИ валентность имеет большую выраженность, чем сила. В контексте социальных аксиом

для респондентов, независимо от пола, в наибольшей степени характерны убеждения «награда за усилия» и «социальная сложность», при этом наименьшую выраженность имеет «контроль над судьбой». Показатели веры в справедливость мира по отношению к себе в нашей выборке оказались выше, чем вера во всеобщую справедливость. Справедливость и забота оказались наиболее значимыми показателями среди оснований морального выбора, уважение — наименее значимым (табл. 1).

Сравнительный анализ ГИ у девочек и мальчиков позволил выявить отсутствие значимых различий в показателях силы, валентности и суммарного балла ГИ в зависимости от пола респондентов. При этом средние значения валентности ГИ, характеризующей эмоциональную окрашенность принадлежности к своей стране, выше, чем показатели силы ГИ, в обеих группах. В качестве основных социальных аксиом для респондентов, независимо от пола, выступают награда за усилия ($3,91 \pm 0,74$) и социальная сложность ($3,81 \pm 0,64$), менее всего в целом по выборке выражен контроль над судьбой ($2,79 \pm 0,63$). Наиболее характерным основанием морального выбора для респондентов, независимо от пола, является справедливость ($3,51 \pm 0,96$).

Значимые различия удалось выявить в структуре социальных верований и оснований морального выбора подростков в зависимости от их пола. Так, у девочек выше показатели социальных аксиом «награда за усилия» ($p = 0,00$), «социальная сложность» ($p = 0,00$), «забота» ($p = 0,00$) и «справедливость» ($p = 0,00$), а у их сверстников мужского пола выше выраженность веры во всеобщую справедливость ($p = 0,00$), а также социальных аксиом «лояльность» ($p = 0,01$) и

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа показателей гражданской идентичности (ГИ), социальных верований и оснований морального выбора у мальчиков и девочек

Показатели		В целом по выборке (N = 424)		Девочки (N = 235)		Мальчики (N = 189)		U-критерий Манна–Уитни		
		M	SD	M	SD	M	SD	U	Z	p
Гражданская идентичность	Сила	6,54	2,08	6,42	2,16	6,70	1,96	20673,50	-1,22	0,22
	Валентность	7,05	1,92	6,93	1,92	7,19	1,92	20259,00	-1,55	0,12
	Суммарный показатель ГИ	13,59	3,66	13,35	3,80	13,89	3,45	20296,00	-1,52	0,13
Социальные верования и основания морального выбора	Социальный цинизм	3,05	0,66	2,97	0,66	3,15	0,64	18470,50	-2,98	0,00
	Награда за усилия	3,91	0,74	4,07	0,66	3,72	0,79	16196,00	4,79	0,00
	Социальная сложность	3,81	0,64	3,94	0,59	3,65	0,66	16094,00	4,87	0,00
	Религиозность	3,03	0,82	3,07	0,78	2,98	0,87	21588,50	0,49	0,62
	Контроль над судьбой	2,79	0,63	2,76	0,63	2,82	0,63	20656,00	-1,24	0,22
	Вера в то, что мир справедлив ко мне	27,14	6,81	26,99	6,67	27,32	6,98	21152,00	-0,84	0,40
	Вера во всеобщую справедливость	21,22	6,06	20,72	5,61	21,85	6,54	19000,50	-2,56	0,01
	Суммарный показатель ВСМ	48,36	10,99	47,71	10,23	49,17	11,85	20117,50	-1,67	0,10
	Забота	3,27	1,00	3,47	0,89	3,02	1,08	16672,50	4,41	0,00
	Справедливость	3,51	0,96	3,66	0,87	3,31	1,03	17526,00	3,73	0,00
	Лояльность	3,07	0,98	2,95	0,96	3,21	0,98	18939,00	-2,61	0,01
	Уважение	2,46	1,08	2,37	1,10	2,58	1,05	19873,00	-1,86	0,06
Чистота	2,78	1,07	2,78	1,04	2,79	1,10	21926,00	-0,22	0,82	

Примечание: ВСМ – вера в справедливый мир; M – среднее значение, SD – стандартное отклонение, U – значение критерия Манна – Уитни, Z – стандартизированное значение критерия Манна – Уитни, p – уровень значимости; полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия показателей, полученных в подгруппах мальчиков и девочек.

«социальный цинизм» ($p = 0,00$). На основе морального выбора «уважение» ($p = 0,06$), в то время как девочкам в большей степени присуще при совер-

шении морального выбора основываться на заботе ($3,27 \pm 1,00$) и в меньшей степени — на лояльности ($3,21 \pm 0,98$).

С помощью корреляционного анализа была обнаружена положительная взаимосвязь суммарного показателя ГИ ($r_s = 0,12$ при $p \leq 0,001$), силы ГИ ($r_s = 0,16$ при $p \leq 0,001$) и возраста, при этом взаимосвязи возраста с валентностью ГИ обнаружено не было.

В табл. 2 представлена структура корреляционных связей гражданской идентичности с показателями социальных верований и оснований морального

выбора. ГИ (суммарный показатель), независимо от пола респондентов, положительно взаимосвязана с такими социальными аксиомами, как награда за усилия, социальная сложность, религиозность и контроль над судьбой, всеми основаниями морального выбора и компонентами веры в справедливый мир.

В подгруппах мальчиков и девочек наблюдается схожая структура корреляционных связей как для общего показателя ГИ, так и для ее компонентов. При этом для мальчиков обнаружены положительные корреляционные связи социальных

Таблица 2

Взаимосвязи показателей гражданской идентичности, социальных верований и оснований морального выбора в выборках мальчиков и девочек (r_s Спирмена)

Показатели	В целом по выборке ($N = 424$)			Девочки ($N = 235$)			Мальчики ($N = 189$)		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
1. Сила ГИ	1,00	0,66***	0,91***	1,00	0,71***	0,93***	1,00	0,57***	0,89***
2. Валентность ГИ	0,66***	1,00	0,90***	0,71***	1,00	0,91***	0,57***	1,00	0,87***
3. Суммарный показатель ГИ	0,91***	0,90***	1,00	0,93***	0,91***	1,00	0,89***	0,87***	1,00
4. Социальный цинизм	0,02	0,10***	0,06	-0,06	0,05	-0,01	0,11	0,15***	0,14
5. Награда за усилия	0,24***	0,28***	0,29***	0,25***	0,28***	0,28***	0,29***	0,35***	0,36***
6. Социальная сложность	0,12***	0,10***	0,12***	0,10	0,11	0,11	0,18***	0,16***	0,19***
7. Религиозность	0,30***	0,34***	0,36***	0,33***	0,39***	0,38***	0,26***	0,28***	0,32***
8. Контроль над судьбой	0,14***	0,22***	0,20***	0,09	0,19***	0,14***	0,19***	0,27***	0,26***
9. Вера в то, что мир справедлив ко мне	0,18***	0,23***	0,23***	0,19***	0,21***	0,21***	0,15***	0,24***	0,24***
10. Вера во всеобщую справедливость	0,25***	0,33***	0,32***	0,30***	0,28***	0,31***	0,18***	0,38***	0,32***
11. ВСМ общий балл	0,24***	0,32***	0,31***	0,29***	0,29***	0,31***	0,18***	0,34***	0,30***
12. Забота	0,17***	0,15***	0,18***	0,24***	0,15***	0,21***	0,12	0,20***	0,19***
13. Справедливость	0,17***	0,14***	0,18***	0,28***	0,19***	0,25***	0,08	0,13	0,13
14. Лояльность	0,37***	0,50***	0,47***	0,49***	0,61***	0,59***	0,21***	0,36***	0,33***
15. Уважение	0,26***	0,43***	0,37***	0,31***	0,49***	0,42***	0,17***	0,34***	0,30***
16. Чистота	0,22***	0,35***	0,31***	0,33***	0,40***	0,39***	0,09	0,30***	0,22***

Примечание: ГИ — гражданская идентичность, 1 — сила ГИ; 2 — валентность ГИ; 3 — суммарный показатель ГИ; ВСМ — вера в справедливый мир; * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$.

аксиом с показателями гражданской идентичности, а именно — социальной сложности со всеми показателями ГИ, контроля над судьбой — с силой ГИ, а также социального цинизма — с валентностью ГИ. В отличие от мальчиков для девочек характерны достоверные взаимосвязи справедливости как основания морального выбора со всеми показателями ГИ, и таких оснований морального выбора, как забота и чистота, с силой ГИ.

Для анализа вклада социальных верований и оснований морального выбора в показатели ГИ был использован метод моделирования структурными уравнениями. В результате была построена модель, имеющая следующие показатели соответствия данным: $\chi^2 = 110$, $df = 43$, $p < 0,01$, $CFI = 0,88$, $RMSEA = 0,06$ (см. рисунок).

Прямыми положительными предикторами ГИ являются социальные аксиомы «контроль над судьбой» и «награда

за усилия», а также основания морального выбора «лояльность» и «справедливость» (последняя — с отрицательным знаком). При этом вклад показателей лояльности и награды за усилия модулируется полом: вклад награды за усилия более выражен в подгруппе девочек, лояльности — в подгруппе мальчиков. Помимо этого, пол модулирует вклад в ГИ заботы, социальной сложности и социального цинизма: первые две переменные более «влиятельны» в подгруппе девочек, последняя — в подгруппе мальчиков. Возраст опосредует отрицательный вклад в ГИ уважения, который усиливается по мере взросления.

Обсуждение результатов

Проведенное эмпирическое исследование было направлено на анализ социальных верований и оснований морального выбора в качестве пре-

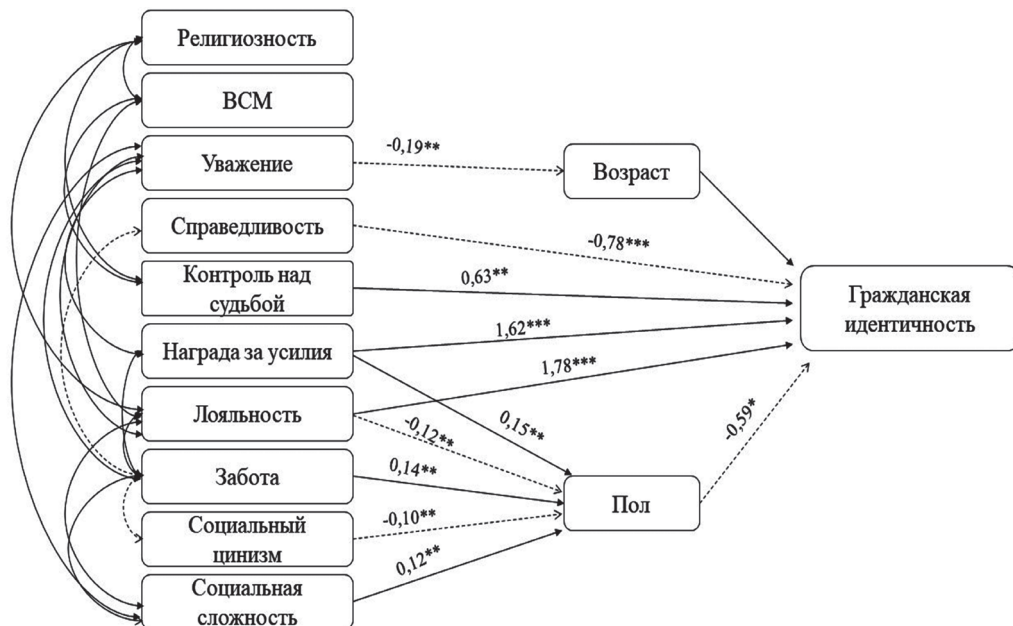

Рис. Предикторы гражданской идентичности у подростков:

* — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$, ВСМ — вера в справедливый мир

дикторов гражданской идентичности подростков.

Результаты исследования показали, что независимо от возраста и пола респондентов положительными предикторами ГИ выступают социальные аксиомы «контроль над судьбой» (убеждения относительно возможности влиять на собственную жизнь) и «награда за усилия» (убеждения относительно потенциальной преодолемости трудностей и проблем), а также основание морального выбора «лояльность» (выражающееся в преданности группе на фоне нетерпимости к изменникам), а отрицательным — основание морального выбора «справедливость» (определяющее оценки происходящего в контексте соблюдения/ущемления прав отдельных людей). Такие результаты подтверждают существующие в литературе данные о том, что ГИ положительно поддерживают сплывающие моральные основания (лояльность), а индивидуальные (справедливость), напротив, являются ее отрицательными предикторами [14; 26; 35]. Однако в нашем исследовании также было обнаружено отрицательное влияние сплывающего морального основания «уважение» (выражающееся в соблюдении порядка и иерархии в отношениях между людьми) на ГИ, которое опосредовано возрастом респондентов: чем старше подростки, тем сильнее отрицательное влияние уважения на гражданскую идентичность. Учитывая, что эти данные противоречат представленной выше гипотезе, сформулированной с опорой на исследования, проведенные с привлечением взрослых респондентов, можно интерпретировать их как проявление особенностей взросления, когда подростки демонстрируют протестное поведение и нежелание подчиняться авторитетам, что, вероятно, характеризует

особенности вклада оснований морального выбора в показатели ГИ, характерные именно для этого возрастного этапа.

Вера в справедливый мир не является прямым предиктором гражданской идентичности, однако обнаружено, что данный показатель вносит вклад в ГИ в совокупности с социальными аксиомами «контроль над судьбой» (убежденность в отношении возможностей человека контролировать события своей жизни) и «религиозность» (убежденность в позитивной функции религиозной веры для взаимоотношений людей), а также сплывающим моральным основанием «лояльность». «Религиозность» и «лояльность» предполагают следование внутригрупповым ценностям, ориентирам и установкам, а также поведение, нормативное для данной социальной группы, частью которого в том числе является и гражданская активность. Поэтому вера в справедливость мира в данном случае ориентирована на внутригрупповое доверие и доверие социальным институтам, которые, вероятно, и детерминируют гражданскую активность как социально приемлемое поведение для данной группы. Социальная аксиома «контроль над судьбой» позволяет поддерживать ощущение контроля над принимаемыми решениями, что согласуется с данными о том, что вера в предопределенность судьбы негативно связана с оценкой возможности влиять на будущее своей страны [10] и позволяет предположить значимость для становления ГИ реализации различных форм гражданской активности, которые, хотя и различаются для подростков и взрослых, могут укреплять убежденность в контроле над происходящим. Это предположение, однако, нуждается в дополнительной эмпирической проверке.

Второе предположение, проверяемое в ходе нашего исследования, касалось опосредованности взаимосвязей между

ГИ, социальными верованиями и основаниями морального выбора возрастом и полом подростков. В ходе анализа не было выявлено значимых различий в показателях ГИ у мальчиков и девочек, однако были обнаружены различия в ее детерминации. У мальчиков выявлены более высокие значения веры во всеобщую справедливость и социальной аксиомы «социальный цинизм» (убежденность в бесполезности социальных институтов и бессмысленности различных форм гражданской активности), что можно рассматривать как противоречие, потому что социальный цинизм включает в себя ощущение враждебности окружающих и недоверие социальным институтам. Еще одним результатом стало то, что у девочек более выражены индивидуальные моральные основания (забота и справедливость), а у мальчиков, напротив, — сплывающие моральные основания (лояльность). В целом это соотносится с теоретическими положениями о том, что в качестве моральных оснований для женщин более характерна автономия, ориентация на благополучие и отстаивание прав личности, в то время как для мужчин наибольшую важность имеет преданность группе [16; 36]. При этом вклад лояльности как основания морального выбора в формирование ГИ более выражен в группе мальчиков, а заботы (выражающейся в поддержании благополучия человека) — в группе девочек. Как мы писали выше, было обнаружено, что лояльность достоверно выше у респондентов мужского пола. Полученные результаты противоречат литературным данным об отсутствии различий в лояльности у подростков разных полов при осуществлении морального выбора [24], но соотносятся с результатами, полученными на взрослой выборке [36]. Можно предположить, что

высокий уровень лояльности мальчиков связан с тем, что респонденты в нашем исследовании в большей степени представляют старший подростковый возраст. Социальные аксиомы «социальный цинизм», «награда за усилия» и «социальная сложность» (убежденность в изменчивости причин социального поведения и, соответственно, критериев его оценки) тоже дифференцированно прогнозируют ГИ в зависимости от пола: так, в структуре предикторов ГИ для девочек важную роль играют показатели социальной сложности и награды за усилия, а для мальчиков — социального цинизма. Полученные данные частично повторяют существующие в литературе данные о том, что ГИ положительно поддерживают социальные аксиомы «награда за усилия», «социальная сложность» и «социальный цинизм» (последний — с отрицательным знаком) [10; 17].

Итак, по результатам исследования можно сделать вывод, что вклад социальных верований и оснований морального выбора в ГИ подростков опосредован полом. У девочек в качестве предикторов ГИ выступают индивидуальные моральные основания, такие как справедливость и забота, социальные аксиомы «награда за усилия» и «социальная сложность», у мальчиков, напротив, сплывающие основания морального выбора, а именно — «лояльность» и социальная аксиома «социальный цинизм»; противоречивость предикторов ГИ подростков-мальчиков позволяет предположить у них более противоречивый характер становления ГИ в сравнении с девочками.

В завершение отметим, что существенным ограничением нашего исследования является использование интроспективных методов анализа ГИ, социальных верований и моральных оснований, а также отсутствие данных

о реальном поведении подростков, которое характеризовало бы их гражданскую активность, являющуюся формой материализации ГИ. Кроме того, в нашем исследовании не были проанализированы различия между подгруппами подростков, различающихся по возрасту (при том, что возрастной диапазон был довольно широк, разброс респондентов по возрасту составил пять лет). Представляются перспективными исследования, в которых будет учитываться характер гражданской активности подростков, при оценке которой субъективные самоотчеты респондентов будут дополняться результатами экспертных опросов, наблюдения и квазиэкспериментальных исследовательских процедур.

Заключение

По результатам исследования сделаны следующие выводы:

1) положительными предикторами гражданской идентичности у подростков, независимо от их пола и возраста, являются основание морального выбора «лояльность», социальные аксиомы «награда за усилия» и «контроль над судьбой»;

2) отрицательный вклад в формирование ГИ вносит показатель основания морального выбора «справедливость», влияние которого, однако, ослабевает по мере взросления подростков;

3) зафиксирована дифференцированная структура предикторов ГИ у подростков разного пола: для девочек предикторами ГИ являются индивидуальные основания морального выбора («забота» и «справедливость»), социальные аксиомы «социальная сложность» и «награда за усилия»; у мальчиков ГИ прогнозируют социальная аксиома «социальный цинизм», а также «лояльность» как сплачивающее моральное основание.

Проведенное эмпирическое исследование расширяет имеющиеся данные о структуре предикторов гражданской идентичности у подростков. Представленные в статье результаты могут быть использованы при разработке программ психологического сопровождения становления гражданской идентичности подростков, в которых необходимо учитывать содержание социальных верований и оснований морального выбора, усиливающих гражданскую идентичность подростков или, напротив, ослабляющих ее.

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Как будем жить дальше? Социальные эффекты образовательной политики // Лидеры образования. 2007. № 6. С. 4–10.
2. *Беловол Е.В., Мелков С.В., Сахарова Т.Н.* Особенности гражданской идентичности российских подростков (на примере отдыхающих в международном детском центре «Артек») // Интеграция образования. 2022. Том 26. № 2(107). С. 363–385. DOI:10.15507/1991-9468.107.026.202202.363-385
3. *Дробижева Л.М.* Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2006. С. 10–29.
4. *Кочетова Ю.А., Емельянова Е.А.* Психологические характеристики проявления гражданской позиции в ранней и поздней юности [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2019. Том 11. № 4. С. 147–156. DOI:10.17759/psyedu.2019110412
5. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Функциональная роль гражданской идентичности в структуре социального капитала // Идентичность и организация в меняющемся мире: сборник науч. ст. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 13–40.

6. Микляева А.В., Румянцева П.В. Соотношение центральных и периферических компонентов в структуре социальной идентичности личности // Психологический журнал. 2011. Том 32. № 5. С. 36–45.
7. Муращенкова Н.В. Социальные аксиомы и страх перед COVID-19: мультигрупповой анализ связи у студенческой молодежи трех стран // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 89–108. DOI:10.17759/sps.2022130207
8. Нартова-Бочавер С.К., Подлитняк М.Б., Хохлова А.Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. Том 2. № 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2013_n3/64003 (дата обращения: 10.06.2024).
9. Неврюев А.Н., Гулевич О.А., Некрасова Е.А. Вера в справедливый мир, гражданская идентичность и социальная установка по отношению к войне (на примере гражданской войны в Сирии) // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 17–26. DOI:10.31857/S020595920000066-8
10. Нестик Т.А. Отношение личности к прошлому, настоящему и будущему России: результаты эмпирического исследования // Социальная и экономическая психология. 2018. С. 190–212.
11. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023625037 Российская Федерация. Конструктивный патриотизм в структуре социальных установок подростков с различными траекториями взросления: № 2023624951: заявл. 18.12.2023: опубл. 26.12.2023 / А.В. Микляева, О.М. Самойлов, М.С. Лыткин, С.В. Васильева; заявитель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена».
12. Соловьева Е.Е., Попова С.И. Особенности формирования гражданской идентичности в процессе развития личности школьника // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2020. № 58. С. 20–34. DOI:10.15382/sturIV202058.20-34
13. Сычев О.А., Белоусов К.И. Связь этики автономии и этики сообщества с представлениями россиян о Родине // Сибирский психологический журнал. 2021. № 80. С. 107–127. DOI:10.17223/17267080/80/6
14. Сычев О.А. и др. Миграционные намерения россиян: связь с идентичностью и моральными основаниями // Психологический журнал. 2021. Том 42. № 3. С. 52–63. DOI:10.31857/S020595920015193-8
15. Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Том 19. № 3. С. 528–549. DOI:10.22363/2313-1683-2022-19-3-528-549
16. Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Том 15. № 3. С. 88–115. DOI:10.21702/grj.2018.3.5
17. Татарко А.Н. Взаимосвязь культурно-психологических факторов и социального капитала // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Том 5. № 1. С. 105–113.
18. Татарко А.Н. Роль гражданской идентичности в структуре социального капитала // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 2. С. 62–69.
19. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 1. С. 96–110. DOI:10.17759/chr.2020160110
20. Шамионов Р.М. Роль гражданской идентичности, религиозности, пола и образования в приверженности молодежи к различным формам социальной активности // Вестник

- Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Том 20. № 1. С. 7–23. DOI:10.22363/2313-1683-2023-20-1-7-23
21. *Bellamy R.* Citizenship: A very short introduction. Oxford, UK: Oxford University Press, 2008. 133 p.
 22. *Boehnke K.* Are Parents Decisive? The Intergenerational Transmission of Social Axioms Under Conditions of Rapid Social Change // Psychological aspects of social axioms: Understanding global belief systems. 2009. P. 109–127. DOI:10.1007/978-0-387-09810-4
 23. *Börü N., Yılmaz S.* Determining the level of patriotism attitudes of the education faculty students // Journal of Social and Humanities Sciences Research. 2020. Vol. 7. № 56. P. 2119–2125. DOI:10.26450/jshsr.1961
 24. *Bretl B.L., Goering M.* Age- and sex-based differences in the moral intuitions of American early adolescents // Evolutionary human sciences. 2022. Vol. 4(e33). DOI:10.1017/ehs.2022.34
 25. *Bretl B.L., Hansen D.M.* An exploration of the structure of moral intuitions in early adolescence // Cognitive Development. 2022. Vol. 64(101248). DOI:10.1016/j.cogdev.2022.101248
 26. *Castilla-Estévez D.* Moral foundations and political identity outside the us (preprint). 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/377761906_MORAL_FOUNDATIONS_AND_POLITICAL_IDENTITY_OUTSIDE_THE_US_preprint
 27. *Chen S.X., Ng J.C.K., Wu W.C.H.* Social axiom and group identity explain participation in a societal event in Hong Kong // Humanit Soc Sci Commun. 2022. Vol. 9(67). DOI:10.1057/s41599-022-01069-9
 28. *Crocetti E., Jahromi P., Meeus W.* Identity and civic engagement in adolescence // Journal of adolescence. 2011. Vol. 35. P. 521–532. DOI:10.1016/j.adolescence.2011.08.003
 29. *Dalbert C.* The world is more just for me than generally: About the Personal Belief in a Just World Scale's validity // Social Justice Research. 1999. P. 79–98.
 30. *Du J., Choi J.N., Hashem F.* Interaction between one's own and others procedural justice perceptions and citizenship behaviors in organizational teams: The moderating role of group identification // Group dynamics: theory, research, and practice. 2012. № 16. P. 289–302.
 31. *Graham J. et al.* Mapping the moral domain // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 101(2). P. 366–385. DOI:10.1037/a0021847
 32. *Iceland J., Silver E., Goff K.* For whom is patriotism blind? Examining the roles of moral intuitions and system justification // Social Science Research. 2023. Vol. 112. P. 102811. DOI:10.1016/j.ssresearch.2022.102811
 33. *Haduong P. et al.* Who am I and what do I care about? Supporting civic identity development in civic education // Education, Citizenship and Social Justice. 2024. Vol. 19(2). P. 185–201.
 34. *Hart D., Richardson C., Wilkenfeld B.* Civic identity // Handbook of Identity Theory and Research. New York: Springer, 2011. P. 771–787.
 35. *Kivikangas J.M. et al.* Moral foundations and political orientation: systematic review and meta-analysis // Psychological Bulletin. 2021. Vol. 147. № 1. P. 55–94. DOI:10.1037/bul0000308
 36. *Koleva S.P. et al.* Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes // Journal of Research in Personality. 2012. Vol. 46(2). P. 184–194. DOI:10.1016/j.jrp.2012.01.006
 37. *Le T.U., Johnson S.K., Lerner J.V.* The apple doesn't fall far from the tree: Longitudinal associations among American adolescents' civic engagement and family and school characteristics // Applied Developmental Science. 2023. P. 1–21. DOI:10.1080/10888691.2023.2195183
 38. *Lep Ž., Zupančič M.* Civic Identity in Emerging Adulthood: Validation of the Civic Identity Status Scale // European Journal of Psychological Assessment. 2022. Vol. 39. DOI:10.1027/1015-5759/a000696
 39. *Lerner M.J., Miller D.T.* Just world research and the attribution process: Looking back and forward // Psychological Bulletin. 1978. Vol. 85. P. 1030–1051. DOI:10.1037/0033-2909.85.5.1030

40. Leung K., Bond M.H. Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2004. Vol. 36. P. 119–197.
41. MacMullen I. Doing without Love: Civic Motivation, Affection, and Identification // *The Journal of Politics*. 2013. Vol. 76. P. 73–85. DOI:10.1017/S0022381613001060
42. Martin L.J., Jonas A., Millsaps B. The Lens of Civic Identity: A Developmental Model for Undergraduate Education // *Michigan Journal of Community Service Learning*. 2023. Vol. 29(2). DOI:10.3998/mjcls.5133
43. Oceja L. Processes of Transmission and Change of Social Axioms and their Behavioral Influence in Spanish Culture // *Psychological aspects of social axioms: Understanding global belief systems*. New York: Springer, 2009. P. 129–141. DOI:10.1007/978-0-387-09810-4
44. Smith V.D. et al. Sorting through citizenship: A case study on using cognitive scaffolding to unpack adolescent civic identity formation // *The Journal of Social Studies Research*. 2022. Vol. 46(3). P. 223–235. DOI:10.1016/j.jssr.2021.09.002

References

1. Asmolov A.G. Kak budem zhit' dal'she? Social'nye efekty obrazovatel'noi politiki [How are we going to live on? Social effects of educational policy]. *Lidery obrazovaniya = Education leaders*, 2007, no. 6, pp. 4–10. (In Russ.).
2. Belovol E.V., Melkov S.V., Sakharova T.N. Osobennosti grazhdanskoi identichnosti rossiiskikh podrostkov (na primere otdykhayushchikh v mezhdunarodnom detskom tsentre «Artek») [Specificity of russian teenager's civic identity (case of campers at the Artek international children's centre)]. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*, 2022. Vol. 26, no. 2(107), pp. 363–385. DOI:10.15507/1991-9468.107.026.202202.363-385 (In Russ.).
3. Drobizheva L.M. Gosudarstvennaya i etnicheskaya identichnost': vybor i podvizhnost' [State and ethnic identity: choice and change]. *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoi Rossii [Citizen, ethnic and religious identities in modern Russia]*. Moscow: Publ. Institut sotsiologii RAN, 2006, pp. 10–29. (In Russ.).
4. Kochetova Yu.A., Emelianova E.A. Psikhologicheskie kharakteristiki proyavleniya grazhdanskoi pozitsii v rannei i pozdnei yunosti [Psychological Characteristics of the Manifestation of Civil Position in Early and Late Youth] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological—Educational Studies*, 2019. Vol. 11, no. 4, pp. 147–156. DOI:10.17759/psyedu.2019110412 (In Russ.).
5. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Funktsional'naya rol' grazhdanskoi identichnosti v strukture sotsial'nogo kapitala. Identichnost' i organizatsiya v menyayushchemsya mire: sbornik nauch. st. Moscow: Izdatel'skii dom GU-VShE, 2009, pp. 13–40. (In Russ.).
6. Miklyaeva A.V., Rumyantseva P.V. Sootnoshenie tsentral'nykh i perifericheskikh komponentov v strukture sotsial'noi identichnosti lichnosti [Balance of central and peripheral components in the structure of person's social identity]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2011. Vol. 32, no. 5, pp. 36–45. (In Russ.).
7. Murashchenkova N.V. Sotsial'nye aksiomy i strakh pered COVID-19: mul'tigruppovoi analiz svyazi u studencheskoi molodezhi trekh stran [Social Axioms and Fear of COVID-19: a Multigroup Analysis of the Relationship among Student Youth of the three Countries]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 89–108. DOI:10.17759/sps.2022130207 (In Russ.).
8. Nartova-Bochaver S.K., Podlipnyak M.B., Khokhlova A.Yu. Vera v spravedlivyi mir i psikhologicheskoe blagopoluchie u glukhikh i slyshashchikh podrostkov i vzroslykh [Belief in a Just World and Psychological Well-Being in Deaf and Hearing Adolescents and Adults] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical and Special Psychology*, 2013. Vol. 2, no. 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64003.shtml> (In Russ.).

9. Nevryuev A.N., Gulevich O.A., Nekrasova E.A. Vera v spravedlivyi mir, grazhdanskaya identichnost' i sotsial'naya ustanovka po otnosheniyu k voine [Belief in a just world, national identity, and military attitudes: the case of Syria war]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psikhologicheskii zhurnal*, 2018. Vol. 39, no. 4, pp. 17–26. DOI:10.31857/S020595920000066-8 (In Russ.).
10. Nestik T.A. Otnoshenie lichnosti k proshlomu, nastoyashchemu i budushchemu Rossii: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya [Attitudes toward past, present and future of Russia: an empirical study]. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Social and economic psychology*, 2018, pp. 190–212. (In Russ.).
11. Svidetel'stvo o gosudarstvennoi registratsii bazy dannykh № 2023625037 Rossiiskaya Federatsiya. Konstruktivnyi patriotizm v strukture sotsial'nykh ustanovok podrostkov s razlichnymi traektoriyami vzrosleniya: № 2023624951: zayavl. 18.12.2023: opubl. 26.12.2023 / A.V. Miklyayeva, O.M. Samoilov, M.S. Lytkin, S.V. Vasil'eva; zayavitel' federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena» (In Russ.).
12. Solov'eva E.E., Popova S.I. Osobennosti formirovaniya grazhdanskoi identichnosti v protsesse razvitiya lichnosti shkol'nika [Specific features of forming civil identity in personal development of school students]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya = St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*, 2020. Vol. 58, pp. 20–34. DOI:10.15382/sturIV202058.20-34 (In Russ.).
13. Sychev O.A., Belousov K.I. Svyaz' etiki avtonomii i etiki soobshchestva s predstavleniyami rossiyan o Rodine [Association of the Individualizing and Binding Moral Foundations with Conceptions of Motherland in Russia]. *Sibirskii Psikhologicheskii Zhurnal = Siberian journal of psychology*, 2021, no. 80, pp. 107–127. DOI:10.17223/17267080/80/6 (In Russ.).
14. Sychev O.A. et al. Migratsionnye namereniya rossiyan: svyaz' s identichnost'yu i moral'nymi osnovaniyami [Attitudes toward migration in russian: associations to social identity and moral foundations]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2021. Vol. 42, no. 3, pp. 52–63. DOI:10.31857/S020595920015193-8 (In Russ.).
15. Sychev O.A., Nestik T.A. Moral'nye osnovaniya styda i gordosti za svoyu stranu [Moral foundations for the feelings of shame and pride regarding the native country]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2022. Vol. 19, no. 3, pp. 528–549. DOI:10.22363/2313-1683-2022-19-3-528-549 (In Russ.).
16. Sychev O.A., Protasova I.N., Belousov K.I. Diagnostika moral'nykh osnovanii: aprobatsiya russkoyazychnoi versii oprosnika MFQ [Diagnosing Moral Foundations: Testing of the Russian Version of the Moral Foundations Questionnaire]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 88–115. DOI:10.21702/rpj.2018.3.5 (In Russ.).
17. Tatarko A.N. Vzaimosvyaz' kul'turno-psikhologicheskikh faktorov i sotsial'nogo kapitala. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Bulletin of Leningrad state university A.S. Pushkin*, 2012. Vol. 5, no. 1, pp. 105–113. (In Russ.).
18. Tatarko A.N. Rol' grazhdanskoi identichnosti v strukture sotsial'nogo kapitala [The role of civic identity in the structure of social capital]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the State University of Education. Series: Psychology*, 2012. Vol. 2, pp. 62–69. (In Russ.).
19. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Razrabotka i aprobatsiya sokrashchennoi versii metodiki «Sotsial'nye aksiomy» M. Bonda i K. Leunga [Developing and Testing a Short Version of the Social Axioms Questionnaire by M. Bond and K. Leung]. *Kul'turno–istoricheskaya psikhologiya = Cultural–historical psychology*, 2020. Vol. 16, no. 1, pp. 96–110. DOI:10.17759/chp.2020160110 (In Russ.).

20. Shamionov R.M. Rol' grazhdanskoi identichnosti, religioznosti, pola i obrazovaniya v priverzhennosti molodezhi k razlichnym formam sotsial'noi aktivnosti [The role of civic identity, religiosity, sex, and education in young people's commitment to various forms of social activity]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2023. Vol. 20, no. 1, pp. 7–23. DOI:10.22363/2313-1683-2023-20-1-7-23 (In Russ.).
21. Bellamy R. *Citizenship: A very short introduction*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2008. 133 p.
22. Boehnke K. Are Parents Decisive? The Intergenerational Transmission of Social Axioms Under Conditions of Rapid Social Change. *Psychological aspects of social axioms: Understanding global belief systems*, 2009, pp. 109–127. DOI:10.1007/978-0-387-09810-4
23. Börü N., Yılmaz S. Determining the level of patriotism attitudes of the education faculty students. *Journal of Social and Humanities Sciences Research*, 2020. Vol. 7, no. 56, pp. 2119–2125. DOI:10.26450/jshsr.1961
24. Bretl B.L., Goering M. Age- and sex-based differences in the moral intuitions of American early adolescents. *Evolutionary human sciences*, 2022. Vol. 4, article e33. DOI:10.1017/ehs.2022.34
25. Bretl B.L., Hansen D.M. An exploration of the structure of moral intuitions in early adolescence. *Cognitive Development*, 2022. Vol. 64, article 101248. DOI:10.1016/j.cogdev.2022.101248
26. Castilla-Estévez D. Moral foundations and political identity outside the us (preprint). 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/377761906_MORAL_FOUNDATIONS_AND_POLITICAL_IDENTITY_OUTSIDE_THE_US_preprint
27. Chen S.X., Ng J.C.K., Wu W.C.H. Social axiom and group identity explain participation in a societal event in Hong Kong. *Humanit Soc Sci Commun*, 2022. Vol. 9(67). DOI:10.1057/s41599-022-01069-9
28. Crocetti E., Jahromi P., Meeus W. Identity and civic engagement in adolescence. *Journal of adolescence*, 2011. Vol. 35, pp. 521–532. DOI:10.1016/j.adolescence.2011.08.003
29. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the Personal Belief in a Just World Scale's validity. *Social Justice Research*, 1999, pp. 79–98.
30. Du J., Choi J.N., Hashem F. Interaction between one's own and others procedural justice perceptions and citizenship behaviors in organizational teams: The moderating role of group identification. *Group dynamics: theory, research, and practice*, 2012, no. 16, pp. 289–302.
31. Graham J. et al. Mapping the moral domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011. Vol. 101, no. 2, pp. 366–385. DOI:10.1037/a0021847
32. Iceland J., Silver E., Goff K. For whom is patriotism blind? Examining the roles of moral intuitions and system justification. *Social Science Research*, 2023. Vol. 112, p. 102811. DOI:10.1016/j.ssresearch.2022.102811
33. Haduong P. et al. Who am I and what do I care about? Supporting civic identity development in civic education. *Education, Citizenship and Social Justice*, 2024. Vol. 19, no. 2, pp. 185–201.
34. Hart D., Richardson C., Wilkenfeld B. Civic identity. *Handbook of Identity Theory and Research*. New York: Springer, 2011, pp. 771–787.
35. Kivikangas J.M. et al. Moral foundations and political orientation: systematic review and meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 2021. Vol. 147, no. 1, pp. 55–94. DOI:10.1037/bul0000308
36. Koleva S.P. et al. Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes. *Journal of Research in Personality*, 2012. Vol. 46, no. 2, pp. 184–194. DOI:10.1016/j.jrp.2012.01.006
37. Le T.U., Johnson S.K., Lerner J.V. The apple doesn't fall far from the tree: Longitudinal associations among American adolescents' civic engagement and family and school characteristics. *Applied Developmental Science*, 2023, pp. 1–21. DOI:10.1080/10888691.2023.2195183
38. Lep Ž., Zupančič M. Civic Identity in Emerging Adulthood: Validation of the Civic Identity Status Scale. *European Journal of Psychological Assessment*, 2022. Vol. 39. DOI:10.1027/1015-5759/a000696

39. Lerner M.J., Miller D.T. Just world research and the attribution process: Looking back and forward. *Psychological Bulletin*, 1978. Vol. 85, pp. 1030–1051. DOI:10.1037/0033-2909.85.5.1030
40. Leung K., Bond M.H. Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2004. Vol. 36, pp. 119–197.
41. MacMullen I. Doing without Love: Civic Motivation, Affection, and Identification. *The Journal of Politics*, 2013. Vol. 76, pp. 73–85. DOI:10.1017/S0022381613001060
42. Martin L.J., Jonas A., Millsaps B. The Lens of Civic Identity: A Developmental Model for Undergraduate Education. *Michigan Journal of Community Service Learning*, 2023. Vol. 29, no. 2. DOI:10.3998/mjcs.5133
43. Oceja L. Processes of Transmission and Change of Social Axioms and their Behavioral Influence in Spanish Culture. *Psychological aspects of social axioms: Understanding global belief systems*. New York: Springer, 2009, pp. 129–141. DOI:10.1007/978-0-387-09810-4
44. Smith V.D. et al. Sorting through citizenship: A case study on using cognitive scaffolding to unpack adolescent civic identity formation. *The Journal of Social Studies Research*, 2022. Vol. 46, no. 3, pp. 223–235. DOI:10.1016/j.jssr.2021.09.002

Информация об авторах

Микляева Анастасия Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии человека, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Самойлов Олег Михайлович, лаборант-исследователь, научно-исследовательская лаборатория «Когнитивные исследования в образовании», ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1509-7225>, e-mail: osamoilov1@gmail.com

Information about the authors

Anastasia V. Miklyaeva, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Oleg M. Samoilov, Research Assistant, Research Laboratory “Cognitive Research in Education”, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1509-7225>, e-mail: osamoilov1@gmail.com

Получена 16.07.2024

Received 16.07.2024

Принята в печать 14.12.2024

Accepted 14.12.2024

Специфика религиозной идентичности армянской молодежи в России и в Армении

Берберян А.С.

ГОУ ВПО «Российско-Армянский (Славянский) университет» (ГОУ ВПО РАУ),
г. Ереван, Республика Армения
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0321-0161>, e-mail: aspsy@inbox.ru

Берберян Э.С.

Профессиональная общественная организация «Союз психологов Армении»,
г. Ереван, Республика Армения
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3889-5933>, e-mail: hermpsy@mail.ru

Тучина О.Р.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»
(ФГБОУ ВО КубГТУ), ФГБОУ ВО «Кубанский Государственный университет»
(ФГБОУ ВО КубГУ), г. Краснодар, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5525-7645>, e-mail: tuchena@yandex.ru

Цель исследования — выявить роль ценностей во взаимосвязи религиозной идентичности и психологического благополучия армянских респондентов Армении и Краснодарского края России.

Контекст и актуальность. В настоящее время религиозная идентичность, в частности в Армении, является важным маркером этнической идентичности, консолидирующим фактором для армянства как социальной общности и процессом формирования гражданского самосознания личности. Так как церковь для армянства играет важную роль в истории и жизни армянского народа, то она является символом национальной идентичности и связующим звеном между диаспорой и титульным этносом Армении.

Дизайн исследования. В работе изучалась взаимосвязь религиозной идентичности армян России и Армении с другими социальными идентичностями, взаимосвязь социальных идентичностей и психологического благополучия, а также связь с ценностями. Данные характеристики были проверены с использованием одномерного дисперсионного анализа (ANOVA), регрессионно-го анализа (иерархическая регрессия) и модерационного анализа.

Участники. Общая численность выборки составила 245 респондентов. Респонденты из России: 113 человек (44% мужчин, 56% женщин) в возрасте от 18 до 30 лет ($M = 20,3$; $SD = 2,5$). Респонденты из Армении: 132 человека (13,6% мужчин, 86,4% женщин) в возрасте от 18 до 41 года ($M = 19,94$; $SD = 1,86$).

Методы (инструменты). Русскоязычные версии шкал из проекта под названием «Взаимные межкультурные отношения в плюралистических обществах» (MIRIPS) и опросника Ш. Шварца PVQ-R. Шкала психологического благополучия К. Рифф. Анкета для регистрации социально-демографических характеристик.

Результаты. Армяне Армении и Кубани значимо различаются между собой по этнической, гражданской, религиозной, локальной идентичностям и психологическому благополучию. Религиозная идентичность в обеих группах была связана с этнической, гражданской, локальной идентичностями. Установлено влияние ценностей на уровень религиозной идентичности, а также эффект ценностей в связи между религиозной идентичностью и психологическим благополучием.

Основные выводы. Выявлено наличие взаимосвязи между религиозной идентичностью и другими социальными идентичностями; ценностные ориентации влияют на религиозную идентичность.

Ключевые слова: религиозная идентичность; ценностные ориентации; психологическое благополучие; молодежь Армении; молодежь России.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Комитета высшего образования и науки МОНК РА (научный проект № 10-2/24SSAH-5A039).

Для цитаты: Берберян А.С., Берберян Э.С., Тучина О.Р. Специфика религиозной идентичности армянской молодежи в России и в Армении // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 172–188. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150412>

The Specifics of Religious Identity of Armenian Youth in Russia and Armenia

Asya S. Berberyan

Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0321-0161>, e-mail: aspsy@inbox.ru

Hermine S. Berberyan

“Union of Psychologists of Armenia” professional public organization, Yerevan, Armenia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3889-5933>, e-mail: hermpsy@mail.ru

Oksana R. Tuchina

Kuban State Technological University, Kuban State University, Krasnodar, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5525-7645>, e-mail: tuchena@yandex.ru

Objective. *The aim of the study is to identify the role of values in the relationship between religious identity and psychological well-being of Armenian respondents in Armenia and the Krasnodar Territory of Russia.*

Background. *At present, religious identity, especially in Armenia, is an important marker of ethnic identity, a consolidating factor for Armenians as a social community and a process of forming the civil self-consciousness of an individual. Since the church plays an important role in the history and life of the Armenian people, for Armenians it is a symbol of national identity and a link between the Armenian diaspora and the title ethnos.*

Study design. *The study examined the relationship between religious identity of Armenians in Russia and Armenia and other social identities, the link between social identities and psychological well-being, their relationship with values. These characteristics were tested using univariate analysis of variance (ANOVA), regression analysis (hierarchical regression), and moderation analysis.*

Participants. *The total sample consisted of 245 participants. Russian sample: 113 people (44% men, 56% women) aged 18–30 years ($M = 20,3$; $SD = 2,5$). Armenian sample: 132 people (13,6% men, 86,4% women) aged 18–41 years ($M = 19,94$; $SD = 1,86$).*

Measurements. *Russian-language versions of scales from the international project “Mutual Intercultural Relations in Pluralistic Societies” (MIRIPS) and the questionnaire by S. Schwartz PVQ-R. Psychological Well-Being Scale by C. Ryff. Author’s questionnaire for socio-demographic characteristics.*

Results. *Armenians of Armenia and Kuban differ significantly in ethnic, civil, religious and local identities and psychological well-being. Religious identity in both groups was associated with ethnic, civil and local identities. The influence of values on the level of religious identity, as well as the effect of values in the relationship between religious identity and psychological well-being, was established.*

Conclusions. *There is a relationship between religious identity and other social identities; value orientations influence religious identity.*

Keywords: *religious identity; value orientations; psychological well-being; youth of Armenia; youth of Russia.*

Funding. The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project № 10-2/24SSAH-5A039).

For citation: Berberyan A.S., Berberyan H.S., Tuchina O.R. The Specifics of Religious Identity of Armenian Youth in Russia and Armenia. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 172–188. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150412> (In Russ.).

Введение

Молодость — достаточно сложный период в развитии личности, который характеризуется ролевой и статусной амбивалентностью чувств, неопределенностью и нестабильностью «Я-концепции», как период незавершенности в формировании «Я-идентичности», социальных норм и ценностей [23]. Молодежь — самая мобильная, динамичная составляющая социума, обладающая огромным инновационным потенциалом, однако она является и наиболее социально неподготовленной, следовательно, уязвимой его частью [1; 11; 12].

Процесс формирования современной армянской молодежи проходит в условиях новых социальных отношений и системы ценностных ориентаций. Армянская история, армянская культура, язык, религия, национальные традиции и, в целом, культурное наследие образуют основу этнической идентичности армян [3; 4]. При этом отличительной особенностью этнического самосознания армянской молодежи является амбивалентность: сохранение национальной идентичности «сосуществует» с интеграцией в идентичность этноса, который включает представителей диаспоры других стран [22; 24; 27].

Приверженность национальной культуре, язык и религия, поддержание и

развитие национальных институтов выступают маркерами национальной идентичности и способствуют ее сохранению [18; 37]. Данные тенденции характеризуют представителей титульного этноса и мигрантов первого и второго поколений, которые интегрируются в социальные и общественные институты в титульном этносе: семье, работе, клубах интересов, через установление неформальных отношений с представителями титульного этноса [3; 9; 13].

Понятие религиозной идентичности в современном научном дискурсе весьма неоднозначно [38]. Религиозная идентичность выполняет функцию сохранения традиций и использования религиозной символики [17], помогает человеку осознать себя, свое место в жизни, найти ответы на вопросы экзистенциального характера [5; 14], позволяет личности осознать свою принадлежность к определенной социальной группе, этносу, стране [29], способствует сохранению и передаче норм, традиций, которые важны для процесса идентификации [10; 39].

Религиозная идентичность имеет значимые различия с другими видами социальной идентичности. Религиозная идентичность человека — это религиозный выбор, выстраивание отношений человека с Богом. Человек с религиозной идентичностью не просто принимает ре-

лигию, считая себя верующим, и не только реализует социальную роль верующего, а переосмысливает личную духовную трансформацию [17].

Основная религия армян — христианство. Армянская апостольская церковь, одна из древнейших церквей в мире, была основана еще в IV веке. Апостол Тадевос был неофициальным основателем армянской апостольской церкви, и с тех пор христианство стало неотъемлемой частью армянской национальной идентичности. Апостольское христианство было принято в Армении в 301 году и с тех пор стало основной религией армянского народа. Христианство сыграло значительную роль в формировании религиозной и культурной идентичности армян. Армянская апостольская церковь олицетворяет священную приверженность армян к вере и представляет не только религиозный, но и национальный символ [29; 31]. Помимо апостольской церкви, в Армении есть и другие религии, такие как ислам и протестантизм. Мусульмане составляют около 2% населения страны. Протестантизм является относительно недавним явлением в Армении.

Несмотря на разнообразие религиозных групп, апостольское христианство по-прежнему остается основным и наиболее распространенным религиозным течением среди армянского народа. Оно оказывает сильное влияние на культурную, социальную и политическую жизнь страны. Религия занимает важное место в жизни армян и оказывает существенное влияние на их традиции, обычаи и отношения внутри семьи. Церковь играет важную роль в жизни армянского народа, она является символом национальной идентичности и связующим звеном между армянской диаспорой по всему миру [28].

В последнее время этническая проблематика является одной из наиболее актуальных в глобальном мире, поскольку унификация культур на технологическом уровне способствует обратному процессу на психологическом уровне: происходит активация этнического и религиозного самосознания. Соответственно, возникает необходимость в научных исследованиях, учитывающих особенности конкретной социальной общности и степень интегрированности ее членов [35; 36].

В настоящее время религиозная идентичность ряда этносов, в частности армянского, является важным маркером этнической идентичности, консолидирующим фактором для армянства как социальной общности и способом формирования гражданского самосознания личности. В условиях глобального кризиса утверждение позитивной социокультурной идентичности оказывается опорой, на которой строится объединение здоровых сил общества [25; 30]. Актуальность исследования особенностей социальной идентичности армянской молодежи, осмысления содержательной стороны этих видов идентичности, в частности религиозной идентичности, обусловлено необходимостью выявить основные тенденции развития армянского этноса: обогащение или развитие, разрушение или созидание, гражданственность, интеграция в этническую общность или удаление, обособление от этнического мира [16; 32]. Так как церковь играет важную роль в истории и жизни армянского народа, она является символом национальной идентичности и связующим звеном между армянской диаспорой и титульным этносом Армении.

Цель исследования — выявить роль ценностей во взаимосвязи религиозной

идентичности и психологического благополучия армянских респондентов Армении и Краснодарского края России.

Гипотезы исследования:

1. Показатели идентичности и психологического благополучия отличаются у армянских респондентов Армении и России.

2. Существует взаимосвязь между религиозной идентичностью армян России и Армении и другими социальными идентичностями.

3. Уровень религиозной идентичности зависит от ценностей армян России и Армении.

4. Существует взаимосвязь между религиозной идентичностью и психологическим благополучием.

Метод

Выборка исследования. Общая численность выборки составила 245 человек. Респонденты из России: 113 человек (44% мужчин, 56% женщин) в возрасте от 18 до 30 лет ($M = 20,3$; $SD = 2,5$). Респонденты из Армении: 132 человека (13,6% мужчин, 86,4% женщин) в возрасте от 18 до 41 года ($M = 19,94$; $SD = 1,86$).

Методики исследования. Для измерения религиозной, этнической, гражданской и локальной идентичности, ценностей и психологического благополучия нами были использованы следующие методики:

1. С целью измерения религиозной, этнической, гражданской и локальной идентичности мы использовали шкалы опросника международного проекта под названием «Взаимные межкультурные отношения в плюралистических обществах» (MIRIPS), адаптированные на российской выборке [20]. Ответы по шкалам были представлены в форме пятибалльной шкалы, где 1 — абсолютно не согласен, а 5 — аб-

солютно согласен. Показатель надежности (коэффициент α -Кронбаха) был использован для оценки надежности и согласованности шкал.

2. Для измерения ценностей была использована русскоязычная версия опросника Ш. Шварца PVQ-R с последующей процедурой центрирования [34]. Опросник состоит из 57 утверждений. Каждое из утверждений респондентам было необходимо оценить по шестибальной шкале, в зависимости от степени сходства описанного человека с ним самим.

3. Для измерения психологического благополучия была использована шкала психологического благополучия К. Рифф (сокращенная версия) [33].

4. Анкета для регистрации социально-демографических характеристик.

Математико-статистическая обработка данных. Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 26. Для измерения различий использовался одномерный дисперсионный анализ (ANOVA), для исследования влияния ценностей и идентичностей — регрессионный анализ (иерархическая регрессия), модерационный анализ (использовался дополнительный модуль PROCESS, Модель 1).

Результаты

Анализ различий между идентичностью и благополучием у армян Армении и России

Для проверки гипотезы 1 о наличии различий между армянской и российской выборками по различным типам идентичности и психологическому благополучию были подсчитаны значения по данным шкалам. Далее значения двух групп были сопоставлены и статистически сравнены с использованием F -критерия Фишера. Результаты показали, что армяне Армении и Кубани

значимо различаются между собой по всем исследуемым переменным (этническая, гражданская, религиозная, локальная идентичности и психологическое благополучие). Результаты по каждой из переменных представлены в табл. 1 вместе со средними значениями по каждой из групп: респондентов Армении и России.

Взаимосвязь религиозной идентичности с другими социальными идентичностями

Для проверки гипотезы 2 о наличии связи между религиозной идентичностью армян России и Армении и другими социальными идентичностями был проведен корреляционный анализ. Для каждой из групп (армянской и российской выборки) был подсчитан коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты исследования взаимосвязи между религиозной идентичностью армян России и Армении и другими социальными идентичностями показали, что религиозная идентичность в обеих исследуемых группах связана с этнической, гражданской, локальной идентичностями. У респондентов из России была выявлена умеренная положительная

корреляция между религиозной идентичностью и этнической идентичностью, а также слабая положительная корреляция между религиозной идентичностью и следующими типами идентичности: а) гражданской идентичностью, б) локальной идентичностью. У респондентов из Армении была выявлена высокая положительная корреляция между религиозной идентичностью и этнической идентичностью, а также умеренная положительная корреляция между религиозной идентичностью, гражданской и локальной идентичностями.

Детальные результаты исследования взаимосвязей между религиозной идентичностью и другими идентичностями представлены в табл. 2 на российской выборке и табл. 3 — армянской выборке.

Связь между ценностными ориентациями и религиозной идентичностью

Для проверки гипотезы 3 о связи между ценностями и религиозной идентичностью армян России и Армении был проведен регрессионный анализ. Для каждой из групп (армянской и российской выборки) был проанализирован набор ценностных ориентаций.

Таблица 1
Результаты исследования различий между армянами Армении и России по показателям идентичности и благополучия

Переменные	Респонденты Армении		Респонденты России		F	p
	M	SD	M	SD		
Этническая идентичность	3,84	0,96	4,49	0,70	36,189	0,000***
Гражданская идентичность	3,45	1,09	4,11	0,79	28,702	0,000***
Религиозная идентичность	3,42	1,22	4,14	0,84	27,502	0,000***
Локальная идентичность	3,52	1,15	4,10	0,86	19,487	0,000***
Психологическое благополучие	4,22	0,51	4,39	0,55	6,583	0,011*

Примечание: M — среднее значение; SD — стандартное отклонение; F — F-критерий Фишера; p — уровень значимости, где * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$.

Таблица 2

**Взаимосвязи между религиозной идентичностью
и другими социальными идентичностями на российской выборке**

Переменные	Этническая идентичность	Гражданская идентичность	Религиозная идентичность	Локальная идентичность
Этническая идентичность	1	$r = -0,037$ $p = 0,699$	$r = 0,407^{**}$ $p = 0,000$	$r = 0,099$ $p = 0,299$
Гражданская идентичность		1	$r = 0,319^{**}$ $p = 0,001$	$r = 0,550^{**}$ $p = 0,000$
Религиозная идентичность			1	$r = 0,337^{**}$ $p = 0,000$
Локальная идентичность				1

Примечание: p – уровень значимости, где * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$; r – коэффициент корреляции Пирсона.

Таблица 3

**Взаимосвязи между религиозной идентичностью
и другими социальными идентичностями на армянской выборке**

Переменные	Этническая идентичность	Гражданская идентичность	Религиозная идентичность	Локальная идентичность
Этническая идентичность	1	$r = 0,757^{**}$ $p = 0,000$	$r = 0,600^{**}$ $p = 0,000$	$r = 0,630^{**}$ $p = 0,000$
Гражданская идентичность		1	$r = 0,560^{**}$ $p = 0,000$	$r = 0,662^{**}$ $p = 0,000$
Религиозная идентичность			1	$r = 0,535^{**}$ $p = 0,000$
Локальная идентичность				1

Примечание: p – уровень значимости, где * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$; r – коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты регрессионного анализа выявили общие для армян России и Армении ценностные основания религиозной идентичности: ценности Традиция и Благожелательность – Чувство долга (у респондентов Армении на уровне тенденции).

У респондентов из Армении следующие ценности связаны с уровнем религиозной идентичности: Традиция и Конформизм – Межличностный. Интересно, что направления связи для

данных ценностей отличаются, так, чем выше показатели ценностей Традиция, тем выше уровень религиозной идентичности. Для ценностей Конформизм – Межличностный связь обратная: чем ниже показатели данных ценностей, тем выше уровень религиозной идентичности. У респондентов из России присутствует влияние следующих ценностей на уровень идентичности: Благожелательность – Чувство долга, Универсализм – Забота о других, Самостоятельность

мысли, Репутация, Традиция и Конформизм — Правила. Направление связи у большинства данных ценностей на религиозную идентичность положительное: Благожелательность — Чувство долга, Универсализм — Забота о других, Репутация, Традиция и Конформизм — Правила, что означает рост значения религиозной идентичности при росте значений данных ценностей.

Детальные результаты исследования связи между ценностными ориентациями и значением религиозной идентичности представлены в табл. 4 на российской и армянской выборках.

Взаимосвязь религиозной идентичности и психологического благополучия

Для проверки гипотезы 4 о взаимосвязи между религиозной идентичностью и психологическим благополучием армян России и Армении был проведен

регрессионный анализ. Данный анализ показал, что в исследуемых группах не обнаружено прямой связи между уровнем религиозной идентичности и психологическим благополучием, однако был выявлен модерационный эффект ценностей во взаимосвязи религиозной идентичности и психологического благополучия армянских респондентов Армении и Краснодарского края России.

У респондентов Армении при высоком уровне выраженности ценностей Репутация ($p = 0,013$, показатели модели $R = 0,16$, $F = 3,87$, $p = 0,000$) и Универсализм — Забота о других ($p = 0,03$, показатели модели $R = 0,17$, $F = 8,9$, $p = 0,02$) религиозная идентичность оказывает положительный эффект на психологическое благополучие (табл. 5).

У респондентов России наблюдается иная картина модерационных эффектов ценностей. Религиозная идентичность оказывает положительный эффект на пси-

Таблица 4
Связь между ценностными ориентациями и выраженностью религиозной идентичности российских и армянских респондентов

Группы респондентов	Ценности	Стандартизованные коэффициенты		
		β	t	p
Респонденты Армении	$(R^2 = 0,288, F = 17,27, p \leq 0,000)$			
	Благожелательность — Чувство долга	0,155	1,721	0,088
	Традиция	0,486	6,051	0,000***
	Конформизм — Межличностный	-0,364	-4,145	0,000***
Респонденты России	$(R^2 = 0,451, F = 14,14, p \leq 0,000)$			
	Благожелательность — Чувство долга	0,387	3,068	0,003**
	Универсализм — забота о других	0,377	2,966	0,004**
	Самостоятельность мысли	-0,215	-2,135	0,035*
	Репутация	0,258	2,495	0,014*
	Безопасность персональная	-0,181	-1,730	0,087
	Традиция	0,499	5,155	0,000***
Конформизм — Правила	0,334	2,905	0,004**	

Примечание: p — уровень значимости, где * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$; r — коэффициент корреляции Пирсона.

хологическое благополучие при низком уровне выраженности следующих ценностей: Власть-доминирование ($p = 0,012$, показатели модели $R = 0,11$, $F = 4,5$, $p = 0,004$), Власть-ресурсы ($p = 0,018$, показатели модели $R = 0,08$, $F = 4,5$, $p = 0,004$), Стимуляция ($p = 0,014$, пока-

затели модели $R = 0,08$, $F = 3,35$, $p = 0,02$), Достижение ($p = 0,03$, показатели модели $R = 0,08$, $F = 3,2$, $p = 0,023$) (табл. 6).

Обсуждение результатов

По результатам исследования различий между армянской и российской вы-

Таблица 5

Связь между религиозной идентичностью и психологическим благополучием в зависимости от уровня выраженности ценностей респондентов Армении

Ценности	β	SE	t	p
Репутация				
4,0	0,041	0,051	0,802	0,424
5,0	0,107	0,034	3,131	0,002
6,0	0,174	-,0483	3,613	0,000
Универсализм – Забота о других	β	SE	t	p
4,0	0,049	0,045	1,075	0,284
5,0	0,118	0,033	3,524	0,000
6,0	0,188	0,044	4,283	0,000

Таблица 6

Связь между религиозной идентичностью и психологическим благополучием в зависимости от уровня выраженности ценностей респондентов России

Ценности	β	SE	t	p
Власть-доминирование				
2,3	0,253	0,083	3,041	0,002
3,3	0,128	0,059	2,156	0,033
4,6	-0,037	0,080	-0,467	0,641
Власть-ресурсы	β	SE	t	p
2,4	0,275	0,093	2,955	0,003
4,0	0,069	0,061	1,125	0,262
5,0	-0,060	0,091	-0,660	0,510
Стимуляция	β	SE	t	p
3,3	0,214	0,077	2,760	0,006
4,0	0,110	0,061	1,794	0,075
5,3	-0,098	0,099	-0,996	0,321
Достижение	β	SE	t	p
3,7	0,191	0,087	2,194	0,030
4,6	0,056	0,061	0,913	0,363
5,6	-0,091	0,094	-0,968	0,334

борками по различным типам идентичности и психологическому благополучию было выявлено, что армяне Армении и Кубани значимо различаются между собой по этнической, гражданской, религиозной, локальной идентичностям и психологическому благополучию.

Данные результаты находятся в соответствии с результатами предыдущих исследований. Как показывает ряд исследований, представители этнической общности в диаспоре острее чувствуют свою этническую принадлежность, «инаковость» по отношению к представителям этнического большинства [2; 3; 4]. Если в титульном этносе армянская этническая идентичность связана с культурой, языком, историей и национальными традициями, то в армянской диаспоре в России идентичность связана не только с национальными корнями, но также с принадлежностью к группе этнического меньшинства, необходимостью адаптации к новой социокультурной среде и социальной мобильностью [28]. Армянская диаспора Кубани формируется вокруг храмов Армянской Апостольской церкви, которая является не только собственно религиозной организацией, но и влиятельным социальным, образовательным и культурным центром. Соответственно, для российских армян характерен более высокий уровень религиозной идентичности.

По результатам исследования взаимосвязи между религиозной идентичностью армян России и Армении и другими социальными идентичностями было выявлено, что религиозная идентичность в обеих группах была связана с этнической, гражданской, локальной идентичностями. Армянская молодежь проявляет яркую этническую идентичность, однако высокий интерес к другим языкам и культурам указывает на то, что гражданская идентичность не противопоставляется

этнической, а создает новую систему самоидентификации граждан. В этой системе этническая принадлежность не теряет своего значения и отождествляется с гражданской идентичностью [15].

Интересно отметить, что молодежь в армянской диаспоре в России может столкнуться с трудностями в сохранении своей этнической идентичности и связи с культурой своих предков. Это может быть вызвано, например, трудностями в изучении родного языка и доступности культурных ресурсов. Тем не менее можно утверждать, что этническая принадлежность продолжает оставаться важным фактором для формирования идентичности молодежи. Однако в современных условиях глобализации и миграции армянская молодежь сталкивается с новыми вызовами, которые могут повлиять на ее понимание идентичности. Армянская диаспора стремится к сохранению экстравертных и коллективистских черт своей этнической нормативности, которые направлены на поддержку и защиту своих представителей [6; 8].

По результатам исследования связи между ценностями и религиозной идентичностью армян России и Армении было выявлено, что у армян России и Армении присутствуют общие ценностные основания религиозной идентичности: ценности Традиция и Благожелательность — Чувство долга. Более того, у респондентов из Армении следующие ценности влияют на уровень религиозной идентичности: Традиция и Конформизм — Межличностный. У респондентов из России присутствует связь между следующими ценностями и уровнем идентичности: Благожелательность — Чувство долга, Универсализм — Забота о других, Самостоятельность мысли, Репутация, Традиция и Конформизм — Правила.

По результатам исследования взаимосвязи между религиозной идентичностью и психологическим благополучием армян России и Армении было выявлено, что в исследуемых группах не обнаружено прямой связи между уровнем религиозной идентичности и психологическим благополучием, однако был выявлен модерационный эффект ценностей во взаимосвязи религиозной идентичности и психологического благополучия армянских респондентов Армении и Краснодарского края России.

Для армян, проживающих за пределами своей родины, важнейшим способом самоопределения является взаимосвязанная самоинтерпретация, которая зависит от того, насколько их поведение соответствует ценностям и нормам этнической группы. Стремление понимать этнокультурную идентичность у них выражается в рамках данного соответствия с учетом своей индивидуальности. Понимание этнокультурной идентичности выступает также результатом социокультурной ситуации, в которой находится индивид и этнос [20; 21].

Одним из важных элементов этнокультурного идеала является патриотизм, который воспринимается как этнический и государственный патриотизм. Кроме того, уважение к старшим является значимым аспектом этнокультурной идентичности армянской диаспоры, оно способствует сохранению связи с культурой и традициями своего народа [19]. Как показали результаты наших предыдущих исследований, молодежь из Армении высоко ценит субъектность, включающую в себя ответственность, самостоятельность, решительность, ум и сдержанность как ключевые элементы этнокультурного идеала. Данные черты проявляются в отношении к другим людям, в том числе гостеприимство, позитивное отношение, верность

дружбе, общительность, отсутствие грубости, вороватости и наглости. Важным фактором проявления субъектности является трудовая деятельность, которая включает работоспособность, добросовестность и отсутствие стремления к лени и легким путям. Важное место в этнокультурном идеале занимает также патриотизм. Наряду с патриотизмом, сакральные ценности и религиозность также играют важную роль в армянской культуре. Ценность общения с другими людьми является важной характеристикой армянской культуры, в особенности в контексте гостеприимства, верности дружбе, уважения к старшим, щедрости и отсутствия агрессивности и воровства. Данные ценности служат для выражения интерсубъективных экзистенциальных качеств и имеют межличностное приложение [3; 5].

Как было выявлено в наших предыдущих исследованиях, особенность самопонимания этнокультурной идентичности в титульном этносе заключается в неразрывности понятий гражданской и этнической принадлежности к своей культуре, истории и народу. Множественность идентичностей становится обычным делом в случае, когда люди вынуждены жить в диаспоре. Данный процесс влияет на процесс самопонимания этнокультурной идентичности. Особенностью самопонимания является осознание ответственности перед общинами и понимание этнической сплоченности как личностной ценности. Процесс самопонимания этнокультурной идентичности в условиях диаспоры представляет собой поиск бытийных ценностей в этнокультурном пространстве как исторической родины, так и страны проживания [3]. Люди стремятся синтезировать эти ценности в личностном смысле, чтобы наладить гармоничную связь между своим прошлым и настоящим, между культурой, которую

они приносят с собой, и культурой страны, в которой они живут. Они осознают свою ответственность перед общиной, искренне стремятся сохранить и продвигать свою этнокультурную идентичность, что позволяет им чувствовать себя связанными с этнокультурной группой и находить свое место в обществе [2; 3; 29].

Выводы

1. Результаты проведенного исследования показали, что у армянской молодежи Краснодарского края России значимо выше, чем у молодежи Армении, уровень этнической, гражданской, религиозной, локальной идентичности, а также психологического благополучия. Религиозная идентичность в исследуемых группах напрямую связана с этнической, гражданской и локальной идентичностями.

2. Общими ценностными основаниями религиозной идентичности армянской молодежи Армении и Кубани являются Традиция и Чувство долга. На религиозную идентичность респондентов Армении влияет ценность Конформизм — Межличностный, а респондентов

России — Универсализм — Забота о других, «Самостоятельность мысли», Репутация, Конформизм — Правила.

3. Прямой связи между религиозной идентичностью и психологическим благополучием в исследуемых группах не выявлено, но обнаружен модерационный эффект ценностей в их взаимосвязи. У респондентов Армении позитивную модераторскую роль играют ценности Репутация и Универсализм — Забота о других. Для респондентов Кубани характерен «межличностный конформизм», отрицательный умеренный эффект наблюдается по ценностям: Универсализм — Толерантность, Самостоятельность действий, Стимуляция, Достижение, Власть-ресурсы, Доминирование, метаценностям Открытость изменениям и Самоутверждение.

4. Дальнейшие перспективы исследования связаны с изучением особенностей структуры религиозной идентичности армянской молодежи и влияния религиозной идентичности на представление о будущем и жизненных перспективах в титульном армянском этносе и сопряженной диаспоре разных регионов России.

Литература

1. Арутюнян С.Ф. Проблема идентичности в психологии // Вестник Ереванского университета. Сер. Философия, Психология. 2010. № 130.4. С. 68–82.
2. Берберян А.С., Берберян Э.С., Тучина О.Р. Соотношение гражданской и этнической идентичности у армянской молодежи с разной длительностью проживания в Армении // Психологический журнал. 2019. Том 40. № 6. С. 44–54. DOI:10.31857/S020595920007315-2
3. Берберян А.С., Тучина О.Р. Исследование самопонимания этнокультурной идентичности в титульном этносе и сопряженной диаспоре // Российский психологический журнал. 2016. Том 13. № 3. С. 178–189.
4. Варданян М.А. Психологические особенности этнического самосознания армянской молодежи в условиях титульного этноса и сопряженной диаспоры: дисс. ... канд. психол. наук. М.: РГБ, 2005. 230 с.
5. Витяев С.М. Религиозная идентичность как ценность личности // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2023. Т. 13. № 4(44). С. 131–138.
6. Джангозян С. Некоторые аспекты проявления этнической идентичности в диаспоре // Вестник Ереванского университета. 2014. Том 1. № 142. Международные отношения, Политология. С. 64–73.

7. Кардия К. Европейская религиозная и культурная идентичность. Вопрос о распятии. М.: Центр книги Рудомино, 2011. С. 160.
8. Константинов В.В., Вершинина М.В. Взаимосвязь этнической идентичности мигрантов-армян и условий их проживания в принимающем сообществе // Психологический журнал. 2014. Том 35. № 1. С. 71–79.
9. Константинов В.В., Осин Р.В. Социальная и этническая идентичность подростков-мигрантов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023. Т. 8. № 2(30). С. 36–56. DOI:10.38098/iran.sep_2023_30_2_03
10. Косиченко А.Г. Глобализация и религия // Век глобализации. 2013. № 1. С. 47–58. DOI:10.30884/vglob/2020.03.09
11. Крысько В.Г. Этническая психология: учебник для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. 359 с.
12. Лебедева Н.М. Этнопсихология: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 491 с.
13. Омельченко Д.А., Максимова С.Г. Этничность и религиозность: взаимосвязи и различия в условиях полиэтничного региона российского приграничья // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2023. Т. 1. № 12. С. 205–214.
14. Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. Религиозная идентичность в смысловой саморегуляции молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 2. С. 127–143. DOI:10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10
15. Старченко Р.А., Карапетян Р.С., Остапенко Л.В., Субботина И.А. Социально-демографические и этнокультурные ориентации молодежи Армении и России // Вестник общественных наук. 2018. № 2. С. 170–181.
16. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.
17. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство. Религия. Церковь в России и за рубежом. 2012. Том 2. № 30. С. 21–51.
18. Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк: Донбасс, 1999. 123 с.
19. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. Том 1. № 8. С. 47–62.
20. Ценности, идентичности и межкультурные отношения в России: кросс-региональный анализ / Под ред. В.Н. Галяпиной, Н.М. Лебедевой. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2022. 212 с.
21. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. ст. / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое изд-во, 2006. 200 с.
22. Bakalian A. Armenian identity in the United States among second generation cohorts // Arméniens et Grecs en Diasporic: Approches Comparatives. Colloque Européen et International, Ecole Française d'Athènes. 2001. P. 4–7.
23. Berberyan A. Impact of Internet Dependence on the Life Meaning System of Personality // E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 258. P. 07061. DOI:10.1051/e3sconf/202125807061
24. Berberyan A.S., Berberyan H.S. Psychological characteristics of the value orientation system of Armenians in title ethnos and Russian diaspora // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2019. Vol. 7. № 2. P. 11–17. DOI:10.5937/IJCRSEE1902011A
25. Castells M. The power of identity. John Wiley & Sons, 2011. 592 p.
26. Chernobrov D., Wilmers L. Diaspora identity and a new generation: Armenian diaspora youth on the genocide and the Karabakh war // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48. No. 5. P. 915–930. DOI:10.1017/nps.2019.74
27. Der-Karabetian A., Tag sean A. Armenian ethnic identity in context: Empirical and psychosocial perspective. Haigazian University Press, 2018. 269 p.

28. Galyapina V.N., Tuchina O.R., Apollonov I.A. Mutual acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar territory // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2023. Vol. 20. № 2. P. 197–210. DOI:10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210
29. Kendirjian K. The Role of the Armenian Apostolic Church in the Lebanese-Armenian Identity Formation. Diss. Lebanese American University, 2022. 63 p. DOI:10.26756/th.2022.519
30. Martsinkovskaya T., Kiseleva E., Markovskaya O., Gavrichenko O. Sociocultural Identity In A Situation Of Crisis Transitivity // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 94. P. 474–480. DOI:10.15405/epsbs.2020.11.02.58
31. Nersessian V.N. Armenian Christianity. The Blackwell Companion to Eastern Christianity, 2007. P. 23–46.
32. Phinney J.S., Ong A.D. Conceptualization and measurement of ethnic identity: Current status and future directions // Journal of counseling Psychology. 2007. Vol. 54. No. 3. P. 271–281. DOI:10.1037/0022-0167.54.3.271
33. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological wellbeing // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. P. 1069–1081.
34. Schwartz S.H., Cieciuch J. Measuring the refined theory of individual values in 49 cultural groups: psychometrics of the revised portrait value questionnaire // Assessment. 2022. Vol. 29. No. 5. P. 1005–1019. DOI:10.1177/1073191121998760
35. Tatarko A., Berry J.W. Acculturation strategies and psychological adaptation of two generations of the same ethnic minority group in different sociopolitical contexts // International Journal of Intercultural Relations. 2024. Vol. 100. T. 101970.
36. Umaña-Taylor A.J. Ethnic identity. Handbook of identity theory and research, 2011. P. 791–809.
37. Ward C., Szabó Á. Acculturation, cultural identity and well-being // Nat Rev Psychol. 2023. No. 2. P. 267–282. DOI:10.1038/s44159-023-00171-2
38. Werbner P. Religious identity. The Sage handbook of identities, 2010. P. 233–257.
39. Yust K.M. Cultivating Christians: North American family cultures and religious identity formation. Children's Spirituality and Traditions. Routledge, 2024. P. 22–35.

References

1. Arutyunyan S.F. Problema identichnosti v psikhologii [The problem of identity in psychology]. *Vestnik Yerevanskogo universiteta. Ser. Filosofiya, Psikhologiya = Bulletin of Yerevan University. Series: Philosophy, Psychology*, 2010, no. 130.4, pp. 68–82. (In Russ.).
2. Berberyan A.S., Berberyan E.S., Tuchina O.R. Sootnoshenie grazhdanskoi i etnicheskoi identichnosti u armyanskoi molodezhi s raznoi dlitel'nost'yu prozhivaniya v Armenii [The relationship between civic and ethnic identity among Armenian youth with different duration of residence in Armenia]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2019. Vol. 40, no. 6, pp. 44–54. DOI:10.31857/S020595920007315-2 (In Russ.).
3. Berberyan A.S., Tuchina O.R. Issledovanie samoponimaniya etnokul'turnoi identichnosti v titul'nom etnose i sopryazhennoi diaspore [Study of self-understanding of ethnocultural identity in the titular ethnic group and associated diaspora]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2016, no. 3, pp. 178–189. (In Russ.).
4. Vardanyan M.A. Psikhologicheskie osobennosti etnicheskogo samosoznaniya armyanskoi molodezhi v usloviyakh titul'nogo etnosa i sopryazhennoi diaspory. Diss. kand. psikhol. nauk. [Psychological Features of Ethnic Self-Awareness of Armenian Youth in the Context of the Titular Ethnic Group and Associated Diaspora. PhD. (Psychology)]. Moscow, 2005. 230 p. (In Russ.).
5. Vityaev S.M. Religioznaya identichnost' kak tsennost' lichnosti [Religious identity as a personal value]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. Vstuplenie. Put' v nauku = Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. Introduction. Path to science*, 2023, no. 4(44), pp. 131–138. (In Russ.).

6. Dzhangozyan S. Nekotorye aspekty proyavleniya etnicheskoi identichnosti v diaspore [Some Aspects of Manifestation of Ethnic Identity in the Diaspora]. *Vestnik Yerevanskogo universiteta = Bulletin of Yerevan University*, 2014, no. 142, pp. 64–73. (In Russ.).
7. Kardia K. Evropejskaya religioznaya i kul'turnaya identichnost'. Vopros o raspyatii. [European religious and cultural identity. The question of the crucifixion]. Moscow: Rudomino Book Center, 2011. 160 p. (In Russ.).
8. Konstantinov V.V., Vershinina M.V. Vzaimosvyaz' etnicheskoi identichnosti migrantov-armyan i uslovii ikh prozhivaniya v primayushchem soobshchestve [The Relationship between the Ethnic Identity of Armenian Migrants and Their Living Conditions in the Host Community]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2014, no. 1, pp. 71–79. (In Russ.).
9. Konstantinov V.V., Osin R.V. Sotsial'naya i etnicheskaya identichnost' podrostkov-migrantov [Social and Ethnic Identity of Migrant Adolescents]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, 2023, no. 2(30), pp. 36–56. DOI:10.38098/ipran.sep_2023_30_2_03 (In Russ.).
10. Kosichenko A.G. Globalizatsiya i religiya [Globalization and religion]. *Vek globalizatsii [The Age of Globalization]*, 2013, no. 1, pp. 47–58. DOI:10.30884/vglob/2020.03.09 (In Russ.).
11. Krys'ko V.G. Etnicheskaya psikhologiya: uchebnik dlya vuzov [Ethnic Psychology]. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 359 p. (In Russ.).
12. Lebedeva N.M. Etnopsikhologiya: uchebnik i praktikum dlya vuzov [Ethnopsychology]. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 491 p. (In Russ.).
13. Omelchenko D.A., Maksimova S.G. Etnichnost' i religioznost': vzaimosvyazi i razlichiya v usloviyakh polietnichnogo regiona rossiiskogo prigranich'ya [Ethnicity and religiosity: relationships and differences in the conditions of a multiethnic region of the Russian borderland]. *Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve = Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space*, 2023, no. 12, pp. 205–214. (In Russ.).
14. Seliverstova N.A., Zubok Yu.A. Religioznaya identichnost' v smyslovoi samoregulyatsii molodezhi [Religious identity in the semantic self-regulation of youth]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie = Scientific result. Sociology and management*, 2023, no. 2, pp. 127–143. DOI:10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10 (In Russ.).
15. Starchenko R.A., Karapetyan R.S., Ostapenko L.V., Subbotina I.A. Sotsial'no-demograficheskie i etnokul'turnye orientatsii molodezhi Armenii i Rossii [Socio-demographic and ethnocultural orientations of the youth of Armenia and Russia]. *Vestnik obshchestvennykh nauk = Bulletin of Social Sciences*, 2018, no. 2, pp. 170–181. (In Russ.).
16. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya [Ethnopsychology]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, "Academic Project", 1999. 320 p. (In Russ.).
17. Terner B. Religiya v postsekulyarnom obshchestve [Religion in a Post-Secular Society]. *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov' v Rossii i za rubezhom = State. Religion. The Church in Russia and Abroad*, 2012, no. 30, pp. 21–51. (In Russ.).
18. Khabermas Yu. V poiskakh natsional'noi identichnosti. Filosofskie i politicheskie stat'i [In Search of National Identity. Philosophical and Political Articles]. Donetsk: Donbass, 1999. 123 p. (In Russ.).
19. Khobsbaum E. Izobretenie traditsii [The Invention of Traditions]. *Vestnik Evrazii = Bulletin of Eurasia*, 2000, no. 8, pp. 47–62. (In Russ.).
20. Tsennosti, identichnosti i mezhkul'turnye otnosheniya v Rossii: kross-regional'nyi analiz [Values, identities and intercultural relations in Russia: cross-regional analysis]. In V.N. Galyapina, N.M. Lebedeva (eds.). Krasnodar: Publishing house of KubSTU, 2022. 212 p. (In Russ.).
21. Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii: sb. st. [Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences: collection of articles]. In F. Barth (eds.); translated from English by I. Pilshchikov. Moscow: New Publishing House, 2006. 200 p. (In Russ.).

22. Bakalian A. Armenian identity in the United States among second generation cohorts. *Arméniens et Grecs en Diasporic: Approches Comparatives. Colloque Européen et International, Ecole Française d'Athènes*, 2001, pp. 4–7.
23. Berberyan A. Impact of Internet Dependence on the Life Meaning System of Personality. *E3S Web of Conferences*, 2021. Vol. 258, p. 07061. DOI:10.1051/e3sconf/202125807061
24. Berberyan A.S., Berberyan H.S. Psychological characteristics of the value orientation system of Armenians in title ethnos and Russian diaspora. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 2019. Vol. 7, no. 2, pp. 11–17. DOI:10.5937/IJCRSEE1902011A
25. Castells M. The power of identity. John Wiley & Sons, 2011. 592 p.
26. Chernobrov D., Wilmers L. Diaspora identity and a new generation: Armenian diaspora youth on the genocide and the Karabakh war. *Nationalities Papers*, 2020. Vol. 48, no. 5, pp. 915–930. DOI:10.1017/nps.2019.74
27. Der-Karabetian A., Tag sean A. Armenian ethnic identity in context: Empirical and psychosocial perspective. Haigazian University Press, 2018. 269 p.
28. Galyapina V.N., Tuchina O.R., Apollonov I.A. Mutual acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar territory. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2023. Vol. 20, no. 2, pp. 197–210. DOI:10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210
29. Kendirjian K. The Role of the Armenian Apostolic Church in the Lebanese-Armenian Identity Formation. Diss. Lebanese American University, 2022. 63 p. DOI:10.26756/th.2022.519
30. Martsinkovskaya T., Kiseleva E., Markovskaya O., Gavrichenko O. Sociocultural Identity In A Situation Of Crisis Transitivity. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 2020. Vol. 94, pp. 474–480. DOI:10.15405/epsbs.2020.11.02.58
31. Nersessian V.N. Armenian Christianity. *The Blackwell Companion to Eastern Christianity*, 2007, pp. 23–46.
32. Phinney J.S., Ong A.D. Conceptualization and measurement of ethnic identity: Current status and future directions. *Journal of counseling Psychology*, 2007. Vol. 54, no. 3, pp. 271–281. DOI:10.1037/0022-0167.54.3.271
33. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological wellbeing. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989. Vol. 57, pp. 1069–1081.
34. Schwartz S.H., Cieciuch J. Measuring the refined theory of individual values in 49 cultural groups: psychometrics of the revised portrait value questionnaire. *Assessment*, 2022. Vol. 29, no. 5, pp. 1005–1019. DOI:10.1177/1073191121998760
35. Tatarko A., Berry J.W. Acculturation strategies and psychological adaptation of two generations of the same ethnic minority group in different sociopolitical contexts. *International Journal of Intercultural Relations*, 2024. Vol. 100, p. 101970.
36. Umaña-Taylor A.J. Ethnic identity. *Handbook of identity theory and research*, 2011, pp. 791–809.
37. Ward C., Szabó Á. Acculturation, cultural identity and well-being. *Nature Reviews Psychology*, 2023. Vol. 2, pp. 267–282. DOI:10.1038/s44159-023-00171-2
38. Werbner P. Religious identity. *The Sage handbook of identities*, 2010, pp. 233–257.
39. Yust K.M. *Cultivating Christians: North American family cultures and religious identity formation*. Children's Spirituality and Traditions. Routledge, 2024, pp. 22–35.

Информация об авторах

Берберян Ася Суменовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии, ГОУ ВПО «Российско-Армянский (Славянский) университет» (ГОУ ВПО РАУ), г. Ереван, Республика Армения, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0321-0161>, e-mail: aspsy@inbox.ru

Берберян Эрмине Самвеловна, PhD (когнитивные нейронауки), психолог профессиональной общественной организации «Союз психологов Армении», г. Ереван, Республика Армения ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3889-5933>, e-mail: hermpsy@mail.ru

Тучина Оксана Роальдовна, доктор психологических наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» (ФГБОУ ВО КубГТУ); профессор кафедры психологии личности и общей психологии «Кубанский Государственный университет» (ФГБОУ ВО КубГУ), г. Краснодар, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5525-7645>, e-mail: tuchena@yandex.ru

Information about the authors

Asya S. Berberyan, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Psychology Department, Armenian-Russian University, Yerevan, Armenia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0321-0161>, e-mail: aspsy@inbox.ru

Hermine S. Berberyan, PhD in Cognitive Neuroscience, Psychologist, “Union of Psychologists of Armenia” professional public organization, Yerevan, Armenia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3889-5933>, e-mail: hermpsy@mail.ru

Oksana R. Tuchina, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Philosophy, Kuban State Technological University; Professor of the Department of Personality Psychology and General Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5525-7645>, e-mail: tuchena@yandex.ru

Получена 07.10.2024

Принята в печать 19.12.2024

Received 07.10.2024

Accepted 19.12.2024

Взаимосвязь мотивов конструирования этнической идентичности и индивидуальных ценностей у русских старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов России

Муращенкова Н.В.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Гриценко В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Кулеш Е.В.

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ТОГУ»), г. Хабаровск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resursentr@mail.ru

Цель. Проверка гипотезы о региональной специфике взаимосвязи мотивов конструирования этнической идентичности и индивидуальных ценностей у русских старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов России.

Контекст и актуальность. В условиях перманентной неопределенности и нетипичных кризисов актуальным становится изучение ресурсного потенциала различных видов социальной идентичности и влияющих на этот потенциал факторов у молодежи как особо уязвимой социальной группы.

Дизайн исследования. В работе представлен сравнительный количественный анализ результатов опроса, проведенного в мае 2023 г.

Участники. В выборку исследования вошли 319 русских школьников-граждан России от 15 до 18 лет из Смоленска ($N = 185$, $M = 16,3$, $SD = 0,48$, 59,5% девушек) и Хабаровска ($N = 134$, $M = 16,8$, $SD = 0,72$, 67,9% девушек).

Методы (инструменты). В исследовании использовались Шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности Н.М. Лебедевой, «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца, авторские утверждения для оценки мотивов конструирования этнической идентичности.

Результаты. Большинство респондентов отчетливо ощущают себя представителями русского этноса, но не рассматривают этническую идентичность как значимый ресурс удовлетворения важных потребностей. Доминирующей ценностной основой мотивов построения этнической идентичности для смолян выступает ценность Традиция, а для хабаровчан — ценности Достижение и Универсализм — Забота о природе.

Основные выводы. Существует региональная специфика механизмов формирования и ценностных оснований конструирования русской идентичности у молодых представителей этнического большинства в условиях моноэтнической среды.

Ключевые слова: социальная идентичность; этническая идентичность; мотивы конструирования этнической идентичности; ценности; русские старшеклассники; кросс-региональный анализ.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-01283, <https://rscf.ru/project/23-28-01283/>.

Для цитаты: Мурашченкова Н.В., Гриценко В.В., Кулеш Е.В. Взаимосвязь мотивов конструирования этнической идентичности и индивидуальных ценностей у русских старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов России // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 189–206. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150413>

Relationship between Motives of Constructing Ethnic Identity and Individual Values among Russian High Schoolers from the Central and Far Eastern Regions of Russia

Nadezhda V. Murashchenkova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Valentina V. Gritsenko

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Elena V. Kulesh

Pacific State University, Khabarovsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resursentr@mail.ru

Objective. *The aim of the study is to verification the hypothesis about the regional specificity of the relationship between the motives of constructing ethnic identity and individual values among Russian high schoolers from the central and far eastern regions of Russia.*

Background. *Youth are a particularly vulnerable group in situations of permanent uncertainty and atypical crises. It is therefore important to explore the resource potential of different types of social identity and its factors among young people.*

Study design. *We have conducted a comparative quantitative analysis of the results of the survey of the ethnic majority from the two mono-ethnic Russian regions (in May 2023).*

Participants. *Russian high schoolers ages 15 to 18 from Smolensk (185 Russians, $M = 16,3$, $SD = 0,48$, 59,5% of girls) and Khabarovsk (134 Russians, $M = 16,8$, $SD = 0,72$, 67,9% of girls) participated in the study.*

Measurements. *We used the Scale of Rapid Assessment of Ethnic Identity by N.M. Lebedeva, “Portrait Values Questionnaire” by S.H. Schwarz and author’s items formulated to assess motives of constructing ethnic identity.*

Results. *Most respondents clearly feel themselves to be members of the Russian ethnic group, but do not see ethnic identity as a significant resource for meeting important needs. The dominant value basis of ethnic identity motives for Russian high schoolers from Smolensk is the Tradition value, and for Russian high schoolers from Khabarovsk – the Achievement value and the Universalism-Nature value.*

Conclusions. *There is a regional specificity of formation and value bases of construction of the Russian ethnic identity among young members of the ethnic majority in conditions in mono-ethnic environment.*

Keywords: *social identity; ethnic identity; motives of constructing ethnic identity; values; Russian high schoolers; cross-regional analysis.*

Funding. *The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-01283, <https://rscf.ru/project/23-28-01283/>.*

For citation: Murashcenkova N.V., Gritsenko V.V., Kulesh E.V. Relationship between Motives of Constructing Ethnic Identity and Individual Values among Russian High Schoolers from the Central and Far Eastern Regions of Russia. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 189–206. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150413> (In Russ.).

Введение

В текущих условиях экономического и геополитического кризисов люди (особенно молодежь) остро нуждаются во внутренних психологических опорах и ресурсах совладания. Одна из таких опор — идентичность и ее различные типы [3; 18], в том числе и этническая идентичность как один из видов социальной идентичности [18]. Т.Г. Стефаненко отмечала: «Этнос все еще остается для человека надежной, а в ситуации кризисов — аварийной группой поддержки» [18, с. 4]. Однако зададимся вопросом: *выступает ли этническая идентичность ресурсом для современной русской молодежи и если да, то в чем это проявляется и от чего зависит?*

Сензитивным возрастом для формирования идентичности является ранняя юность — период социального становления личности [23]. Согласно теории А. Тэшфела и Дж. Тернера [32] социальная идентичность выступает частью Я-концепции человека, формируется в процессе категоризации и социального сравнения с использованием системы координат «свой-чужие» и связана с осознанием своего членства в социальной группе в сочетании с ценностным и эмоциональным значением, приписываемым этому членству [31]. При этом позитивное представление о социальной группе, удовлетворенность членством в ней, желание принадлежать ей дают индивиду ощущение психологической безопасности и стабильности [32]. Изучение социальной идентичности молодого цифрового поколения России [15], имеющего выраженные психологические

отличия от своих предшественников [8], актуально и необходимо.

В последние годы социологи фиксируют ценностный сдвиг в российском обществе, что объясняется в том числе и вхождением в состав респондентов новых поколений россиян [9]. У современных российских подростков обнаруживается смещение баланса соотношения социального Я и личного Я в пользу последнего, что может являться не только возрастной, но и поколенческой особенностью [16]. Ценности и ценностная социализация играют значимую роль в процессе становления идентичности в юношеском возрасте [21]. При этом молодежь способна выступать коллективным субъектом, формирующим посредством ювентизации систему ценностей будущего общества [1; 24]. Как отмечают социологи, условия, в которых происходит взросление поколения, определяют характер этого поколения [10]. Изучение особенностей социальной идентичности и ценностей современной российской молодежи — актуальная задача, связанная с отслеживанием значимых для общества изменений и прогнозированием особенностей социально-психологического портрета российского общества в будущем.

Цель исследования — определение выраженности и характера связи мотивов конструирования этнической идентичности и индивидуальных ценностей у русских старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов России.

Этническая идентичность представляет собой неотъемлемую часть Я-концепции [18]. Результатом становления этнической идентичности высту-

пают чувство принадлежности к этнической общности [5]. Доказано, что люди, проживающие в моноэтнической среде, проявляют меньший интерес к собственной этничности, а в полиэтнической среде этническая идентичность чаще находится в фокусе внимания личности [20]. Большинство исследований этнической идентичности проведено на выборках русских этнических меньшинств [6; 14 и мн. др.], в то время как научных работ, раскрывающих потенциал этнической идентичности для представителей русского этнического большинства, явно недостаточно [7; 17]. Необходимость восполнения дефицита подобных научных исследований связана с тем, что этническая идентичность, как и любой другой вид идентичности, способна выступать ресурсом, удовлетворяющим значимые потребности индивида [3; 18]. Но чтобы понять, *что* дает (и *дает ли?*) этническая идентичность человеку, необходимо обратиться к изучению *мотивов* ее конструирования.

Анализ мотивов построения идентичности проводится в рамках *теории мотивированного конструирования идентичности* [34], согласно которой люди присоединяются к группам, стремятся идентифицировать себя с ними и выстраивать соответствующие идентичности для реализации одного из шести мотивов: *самоуважения, самобытности, эффективности, непрерывности, принадлежности и смысла* [34]. Люди обычно рассматривают как желательные для себя те виды идентичности, которые удовлетворяют эти мотивы [34].

Мотивы конструирования идентичности, или мотивы идентичности — это мотивы, предрасполагающие людей к тому, чтобы *видеть* себя определенным образом [34]. В. Виньолес подчеркивает, что люди чаще всего не осознают мотивы конструи-

рования своей идентичности и не задумываются о них [34], что требует обращения особого внимания на дизайн и методику их исследования. Мотивы построения идентичности могут четче проявляться и осознаваться в ситуации угрозы идентичности, риска ее утраты [27; 34]. Поэтому мысленное моделирование, использование приема воображаемой ситуации утраты идентичности может способствовать лучшей оценке мотивов идентичности, чем прямые закрытые вопросы относительно того, что дает человеку та или иная идентичность [28].

В психологии постулируется приоритет ценностей в направленности личности [4], что позволяет выдвинуть предположение о связи ценностей и мотивов конструирования этнической идентичности. В своей работе мы опираемся на уточненную теорию базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца [22]. В психологии представлен ряд научных работ, пересекающихся с нашим исследованием: З.Х. Лепшковой установлено, что ценности «Сохранения» лежат в основе позитивной этнической идентичности у русских, находящихся в статусе этнического большинства [7]; в работе А. Барди с коллегами представлена эмпирическая проверка гипотезы о модерационной роли ценностей во взаимосвязи мотивов идентичности и ее внешних проявлений [25]; в другом зарубежном исследовании показано, что утверждение значимых для человека ценностей может укреплять мотивы идентичности [26]. Однако нам не удалось обнаружить научные публикации, описывающие *ценностные основания мотивов конструирования этнической идентичности*. Полагаем, что подобная работа проводится впервые.

Мы обращаемся к изучению русских старшеклассников из Смоленска и Хабаровска — городов моноэтнических россий-

ских регионов с высокой долей русского населения (более 90%) [11]. Выбор городов обусловлен вероятными различиями в ценностных приоритетах у жителей. Одна из осей ценностных различий может быть связана с географическим положением городов и ориентацией на так называемые «западные» (близость Смоленска к странам Европы) или «восточные» (близость Хабаровска к Китаю и Японии) ценности. Значимым фактором ценностных различий может выступать также близость Смоленска и удаленность Хабаровска от столицы. Согласно теории межгенерационной перемены ценностей Р. Инглхарта, различия могут быть обусловлены и спецификой социально-экономического положения возрастных когорт в период становления их системы ценностей [29]. Согласно рейтингу российских регионов по качеству жизни в 2022 г. Хабаровский край выступал более благоприятным регионом, чем Смоленская область, и занимал 30-е место, в то время как Смоленская область — 50-е [12]. То есть ценности старшеклассников двух регионов могут определяться не только географическим расположением, но и социально-экономическими условиями жизни регионов. Как отмечают социологи, Россия в целом принадлежит к группе европейских стран с низким межиндивидуальным ценностным консенсусом по значительному числу базовых ценностей [13]. Однако довольно сложно спрогнозировать, в чем именно будут заключаться различия индивидуальных ценностей у старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов страны, но предположить их наличие позволяют данные исследований, подтверждающих межрегиональную неоднородность ценностных предпочтений российской молодежи [2; 24].

Таким образом, наша работа предполагает проверку гипотезы о существо-

вании региональных различий в связях между индивидуальными ценностями и мотивами конструирования этнической идентичности у русских старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов страны.

Метод

Выборка и процедура исследования. Выборку из центрального региона составили 185 старшеклассников школ города Смоленска от 15 до 18 лет ($M = 16,3$, $SD = 0,48$, 59,5% девушек). Большинство респондентов (87,6%) проживают в Смоленске с рождения, 7,0% переехали из Смоленской области, 5,4% — из другого города Российской Федерации. Выборку из дальневосточного региона составили 134 старшеклассника школ города Хабаровска от 15 до 18 лет ($M = 16,8$, $SD = 0,72$, 67,9% девушек). Большинство респондентов (78,4%) проживают в Хабаровске с рождения, 15,7% переехали из Хабаровского края, 5,9% — из другого города Российской Федерации. Все респонденты — граждане России, идентифицирующие себя как русские по этнической принадлежности.

Данные собраны в мае 2023 г. Опрос в обеих выборках проводился очно при личном присутствии сборщиков данных: старшеклассники подписывали информированное согласие, с помощью мобильных устройств переходили по ссылке и заполняли онлайн-анкету, размещенную на платформе anketolog.ru. Вознаграждение за участие в опросе не предполагалось.

Инструментарий и методики исследования. В онлайн-анкету были включены методики и вопросы/утверждения, позволяющие оценить основные и контрольные переменные (пол, возраст, материальное положение).

Выраженность этнической идентичности оценивалась у респондентов с

помощью Шкалы экспресс-оценки выраженности этнической идентичности Н.М. Лебедевой [19, с. 15]. Респонденты отвечали на вопрос «В какой степени Вы ощущаете себя представителем своего народа?» (10-балльная шкала ответов от 1 — «очень слабо» до 10 — «очень сильно»).

Мотивы конструирования этнической идентичности определялись с помощью авторской методики «Оценка мотивов конструирования этнической идентичности при моделировании ситуации ее утраты», разработанной в соответствии с интегративной теорией мотивов идентичности [28; 34]. Старшеклассникам предлагалось представить ситуацию, в которой по независящим от них причинам они перестали бы быть представителями своего народа. Далее респонденты в соответствии с 6-балльной шкалой от 1 — «абсолютно не согласен» до 6 — «абсолютно согласен» оценивали 6 возможных последствий утраты этнической идентичности (окончания предложения «Если бы я перестал быть представителем своего народа, то вместе с этим я...»): почувствовал бы себя неудачником (мотив самоуважения), навряд ли смог бы быть способным, компетентным и добиться успеха (мотив эффективности), ощутил бы неприятный разрыв между своим прошлым, настоящим и будущим (мотив непрерывности), потерял бы свою уникальность, непохожесть на других (мотив самобытности), ощутил бы утрату чувства принадлежности и связанности с другими людьми (мотив принадлежности), потерял бы смысл жизни (мотив смысла).

Для выявления *индивидуальных ценностей* использовался обновленный «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца (PVQ-RR), адаптированный на российской выборке, включающий 57 утверждений и позволяющий оценить 19 ценностей [22; 30].

Обработка данных осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 23. Применялся анализ дескриптивных статистик и анализ различий для сравнения выраженности этнической идентичности (U-критерий Манна-Уитни), мотивов этнической идентичности и индивидуальных ценностей (*t*-критерий Стьюдента) в двух выборках. Для определения структуры мотивов конструирования этнической идентичности у старшеклассников из Смоленска и Хабаровска использовался эксплораторный факторный анализ (ЭФА) — метод главных компонент с последующим Варимакс вращением. Корреляционный анализ (*r*-Спирмена) использовался для оценки взаимосвязей между выраженностью этнической идентичности и выделенными в результате ЭФА факторами-мотивами этнической идентичности у респондентов из Смоленска и Хабаровска. Иерархический регрессионный анализ применялся для оценки связи индивидуальных ценностей (предикторов) и социально-демографических параметров (контрольные переменные) с мотивами построения этнической идентичности (зависимые переменные) у старшеклассников из двух городов.

Результаты

На рисунке представлено распределение показателей выраженности этнической идентичности у русских старшеклассников из Смоленска и Хабаровска. Статистически значимых различий в самооощении себя представителями русского народа у двух групп школьников не обнаружено. Немалая часть старшеклассников (35% смолян и 46% хабаровчан) ощущают себя русскими очень сильно. Вариант «очень слабо» при ответе на вопрос «В какой степени Вы ощущаете себя представителем своего народа?» не выбрал ни один респондент.

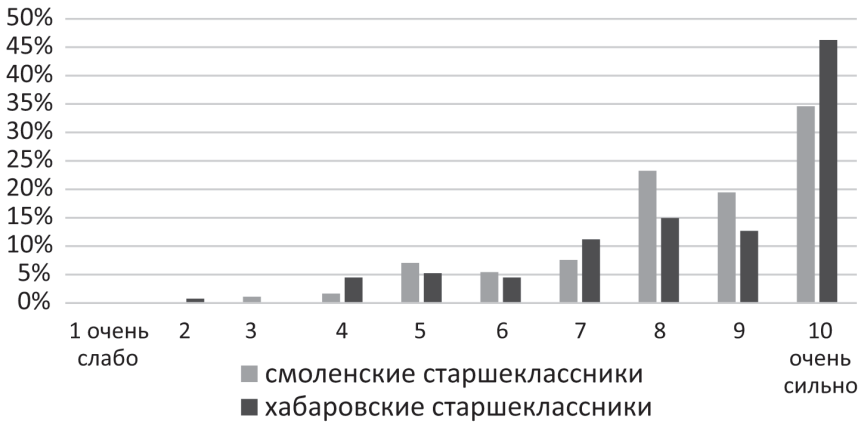

Рис. Распределение показателей выраженности этнической идентичности у русских старшекласников (%) из Смоленска (N = 185) и Хабаровска (N = 134) (ответы на вопрос «В какой степени Вы ощущаете себя представителем своего народа?»)

В табл. 1 представлены средние значения, стандартные отклонения и статистически значимые различия в выраженно-

сти основных переменных исследования у старшекласников из Смоленска и Хабаровска.

Таблица 1

Описательные статистики основных переменных исследования в выборках смоленских (N = 185) и хабаровских (N = 134) старшекласников

Переменные	Среднее	Стандартное отклонение
Мотивы конструирования этнической идентичности (min = 1, max = 6)		
Непрерывность	3,63 / 3,40	1,66 / 1,76
Принадлежность	3,29 / 3,10	1,63 / 1,77
Самобытность	2,70 / 2,54	1,64 / 1,70
Самоуважение	2,45 / 2,65	1,48 / 1,82
Эффективность	2,29 / 2,22	1,39 / 1,62
Смысл	1,95 / 1,98	1,46 / 1,45
Индивидуальные ценности (по Ш. Шварцу) (min = 1, max = 6)		
Благожелательность – Забота*	5,28 / 5,07	0,80 / 0,87
Благожелательность – Чувство долга	5,25 / 5,17	0,76 / 0,73
Самостоятельность – Поступки	5,18 / 5,12	0,66 / 0,70
Самостоятельность – Мысли*	5,16 / 4,98	0,61 / 0,80
Гедонизм	5,06 / 4,96	0,82 / 0,94
Достижение	4,92 / 4,78	0,86 / 1,06
Универсализм – Забота о других*	4,84 / 4,60	0,89 / 0,84
Безопасность – Личная	4,83 / 4,69	0,88 / 0,86
Репутация	4,77 / 4,75	1,04 / 1,08

Переменные	Среднее	Стандартное отклонение
Безопасность – Общественная	4,73 / 4,75	1,03 / 0,92
Универсализм – Толерантность*	4,45 / 4,16	1,04 / 0,96
Стимуляция	4,28 / 4,11	0,83 / 1,11
Конформизм – Правила	4,16 / 4,05	1,18 / 1,14
Конформизм – Межличностный	4,16 / 4,12	0,95 / 1,05
Универсализм – Забота о природе**	3,97 / 3,58	1,26 / 1,26
Власть – Ресурсы	3,79 / 3,63	1,26 / 1,26
Скромность	3,72 / 3,58	1,00 / 1,06
Традиция***	3,63 / 3,11	1,37 / 1,36
Власть – Доминирование	3,42 / 3,36	1,24 / 1,33

Примечания: в таблице через слэш представлены значения для смоленской и хабаровской выборок; *, **, *** – значимость обнаруженных различий в выраженности переменных (t-критерий Стьюдента) у смолян и хабаровчан: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Выявлены статистические значимые различия в выраженности индивидуальных ценностей у старшеклассников из Смоленска и Хабаровска (табл. 1): смоляне в большей степени, чем хабаровчане, ориентированы на ценности Благожелательность – Забота ($p < 0,05$), Самостоятельность – Мысли ($p < 0,05$), Универсализм – Забота о других ($p < 0,05$), Универсализм – Толерантность ($p < 0,05$), Универсализм – Забота о природе ($p < 0,01$) и Традиция ($p < 0,001$). Тем не менее иерархический профиль индивидуальных ценностей (согласно средним значениям) у смоленских и хабаровских старшеклассников практически идентичен. Доминирующие позиции занимают такие ценности, как Благожелательность (Забота и Чувство долга), Самостоятельность (Поступки и Мысли) и Гедонизм. Ценности Стимуляция, Конформизм (Правила и Межличностный), Универсализм – Забота о природе, Власть (Ресурсы и Доминирование), Скромность и Традиция наименее выражены у старшеклассников в обеих выборках.

Статистически значимых различий в выраженности мотивов этнической

идентичности в двух выборках не обнаружено. Респонденты из Смоленска и Хабаровска в данном случае также продемонстрировали единую иерархическую структуру. Доминирующими мотивами конструирования этнической идентичности для них выступают мотивы непрерывности и принадлежности. Однако показатели средних значений по данным мотивам ниже 4-х баллов (при максимально возможном значении в 6 баллов), что свидетельствует о невысокой роли этнической идентичности в удовлетворении соответствующих потребностей у большинства респондентов. Мотивы уникальности, самоуважения, эффективности и смысла в еще большей степени нивелированы у старшеклассников в отношении собственной этнической идентичности как значимого источника/ресурса их удовлетворения: средние значения по данным переменным колеблются в пределах от 2,7 до 1,95 и от 2,54 до 1,98 в выборках смолян и хабаровчан соответственно (табл. 1).

Для выявления обобщенной структуры мотивов построения этнической идентичности в двух выборках мы про-

вели эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент с Варимакс вращением). Обоснованность применения факторного анализа подтверждена приемлемыми показателями критериев Кайзера-Мейера-Олкина и сферичности Бартлетта, полученных на выборках смоленских и хабаровских старшеклассников (табл. 2). Согласно критерию «каменистой осыпи» выделено 3 фактора (3 группы мотивов этнической идентичности) с совокупными долями объясненной дисперсии 85,89% и 87,01% в смоленской и хабаровской выборках соответственно. Факторные нагрузки представлены в табл. 2.

Содержательное наполнение выделенных факторов идентично у смоленских и хабаровских старшеклассников. Первый фактор включает такие мотивы, как самоуважение, эффективность и смысл, и может быть условно назван «индивидуальные опоры». Второй фактор объединил в себе мотивы непрерыв-

ности и принадлежности и может быть назван «социальная включенность». Третий фактор образован одним мотивом (самобытность) и может быть назван «ощущение уникальности».

В результате корреляционного анализа у смоленских и хабаровских старшеклассников обнаружены статистически значимые положительные связи между выраженностью этнической идентичности и факторами-мотивами этнической идентичности «индивидуальные опоры» ($r = 0,244, p < 0,01; r = 0,315, p < 0,01$) и «социальная включенность» ($r = 0,279, p < 0,01; r = 0,276, p < 0,01$). Не выявлено статистически значимой связи между выраженностью этнической идентичности с третьим фактором-мотивом «ощущение уникальности» у школьников двух групп.

В табл. 3 отражены результаты множественного регрессионного анализа, который позволил определить особенности связей между индивидуальными ценно-

Таблица 2

Результаты эксплораторного факторного анализа мотивов конструирования этнической идентичности у смоленских и хабаровских старшеклассников (метод главных компонент с вращением Варимакс с нормализацией Кайзера)

Мотивы конструирования этнической идентичности	Смоленские старшеклассники ($KMO = 0,89$, критерий Бартлетта $\chi^2 = 692,99$ значим на уровне $p < 0,001$)			Хабаровские старшеклассники ($KMO = 0,87$, критерий Бартлетта $\chi^2 = 534,34$ значим на уровне $p < 0,001$)		
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Непрерывность		0,89			0,88	
Принадлежность		0,78			0,80	
Самобытность			0,84			0,82
Самоуважение	0,81			0,87		
Эффективность	0,71			0,82		
Смысл	0,81			0,64		
Доля дисперсии, объясняемая фактором, %	69,16	10,32	6,41	69,62	11,05	6,34

Примечание: в таблице представлены максимальные факторные нагрузки для каждой из переменных после Варимакс вращении.

стями и мотивами этнической идентичности у групп школьников.

Результаты исследования показывают, что в группах смоленских и хабаровских школьников ценности, вносящие вклад в развитие мотивов конструирования этнической идентичности, разли-

чаются (табл. 3). Ощущать связанность своего прошлого, настоящего и будущего (*мотив непрерывности*) этническая идентичность помогает тем смоленским старшеклассникам, которые ценят безопасность и стабильность в обществе и стремятся к сохранению культур-

Таблица 3

Иерархический регрессионный анализ связи мотивов конструирования этнической идентичности смоленских (N = 185) и хабаровских (N = 134) старшеклассников с их индивидуальными ценностями при контроле социально-демографических параметров

Предикторы (ценности и социально-демографические параметры)	Зависимые переменные (мотивы конструирования этнической идентичности)					
	Непрерывность	Принадлежность	Самобытность	Самоуважение	Эффективность	Смысл
Благожелательность — Забота						— / -0,24*
Гедонизм					0,20* / —	
Достижение	— / 0,53***	— / 0,44***	— / 0,19**	— / 0,26*		
Универсализм — Забота о других			-0,24* / —			
Безопасность — Личная				— / -0,23*	— / -0,22*	— / -0,21*
Безопасность — Общественная	0,23* / 0,25*			0,23* / 0,29*		— / 0,35**
Универсализм — Забота о природе			— / 0,15**	— / 0,30**	— / 0,33**	— / 0,41***
Традиция	0,32*** / —	0,30*** / —	0,41*** / —	0,32*** / —	0,35*** / 0,24*	0,36*** / —
Возраст						
Пол (1-м, 2-ж)		— / -0,19*				— / -0,27**
Материальное положение				— / 0,20*		
R ²	0,16 / 0,29	0,18 / 0,30	0,23 / 0,27	0,15 / 0,34	0,15 / 0,26	0,17 / 0,23
F	2,6*** / 3,5***	2,8*** / 3,6***	3,5*** / 3,4***	2,5*** / 4,1***	2,5*** / 3,1***	2,7*** / 2,8***

Примечания: в таблице представлены показатели моделей второго шага иерархической регрессии; указаны лишь те ценности, которые продемонстрировали статистически значимые связи с мотивами этнической идентичности; представлены стандартизированные коэффициенты регрессии (β); * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$; R² (скорректированный) — доля объясненной дисперсии зависимой переменной; изменения R² значимы на уровне $p < 0,001$ во всех моделях; F — статистика Фишера.

ных традиций и норм. Для хабаровских школьников, чья русская этническая идентичность способствует ощущению связанности их жизненного пути (*мотив непрерывности*), также значима общественная безопасность, но в сочетании со стремлением к достижению успеха. Реализовать *мотив принадлежности* русская этническая идентичность позволяет юношам-хабаровчанам, ориентированным на достижения, а также смолянам (и девушкам, и юношам), ориентированным на поддержание традиций. В смоленской выборке удовлетворить *мотив самобытности* русская этническая идентичность помогает тем школьникам, для которых значимо сохранение культурных традиций, но не актуально стремление к равенству, справедливости и защите всех людей в целом. В хабаровской выборке русская этническая идентичность помогает поддерживать ощущение уникальности и непохожести на других (*мотив самобытности*) тем школьникам, которые стремятся к достижениям и ориентированы на сохранение природной среды. Позитивно воспринимать и оценивать себя (*мотив самоуважения*) идентификация с русским этносом помогает смоленским старшеклассникам, ориентированным на поддержание культурных традиций и общественной безопасности, и хабаровским старшеклассникам, стремящимся к успеху, ориентированным на заботу о природе, поддержание безопасности в обществе в целом, но нивелирующим значимость личной безопасности. Для смоленских старшеклассников, чья русская этническая идентичность помогает чувствовать себя компетентными и способными влиять на внешний мир (*мотив эффективности*), характерна ориентация на поддержание культурных традиций и норм в сочетании со стремлением к удовольствию и развлечениям. У

хабаровских старшеклассников данный мотив этнической идентичности (*эффективность*) связан с ориентацией на заботу о природе, с сохранением культурных традиций и с нивелированием значимости собственной безопасности. Ощущение осмысленности жизни (*мотив смысла*) русская этническая идентичность в наибольшей степени дает тем смоленским старшеклассникам (и юношам, и девушкам), которые ценят культурные традиции и нормы, а также хабаровским школьникам мужского пола, ориентированным на заботу о природе и общественной безопасности, но нивелирующим значимость личной безопасности и проявлений заботы о близких людях.

Обсуждение результатов

В результате работы подтверждена гипотеза о существовании различий в ценностных основаниях мотивов конструирования этнической идентичности у старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов страны. Отмечен ряд особенностей формирования русской этнической идентичности у молодых представителей этнического большинства, определена роль индивидуальных ценностей в этом процессе. Подавляющее большинство респондентов отчетливо ощущают себя представителями русского этноса. Значимых различий в выраженности этнической идентичности и мотивов ее построения у смолян и хабаровчан не обнаружено. Тем не менее полученные данные свидетельствуют о том, что этническая идентичность не выступает для старшеклассников значимым ресурсом удовлетворения важных потребностей: значения показателей мотивов этнической идентичности смоленских и хабаровских старшеклассников не велики. Но наибольший вклад в конструирование русской этнической идентичности школь-

ников Смоленска и Хабаровска вносят мотивы *непрерывности* и *принадлежности*, что в целом соотносится с содержанием этнической идентичности [17]. То есть для большинства опрошенных *этническая идентичность выступает ресурсом, позволяющим сохранять ощущение связанности своего прошлого, настоящего и будущего, а также быть включенными и принятыми в своем социальном контексте, чувствовать связь с другими людьми*. В меньшей степени конструирование русской этнической идентичности у школьников из Смоленска и Хабаровска обусловлено мотивами *самобытности, самоуважения, эффективности и смысла*.

Мотивы построения этнической идентичности старшекласников двух регионов группируются в единую структуру, состоящую из трех факторов, названных нами «индивидуальные опоры», «социальная включенность» и «ощущение уникальности». Примечателен тот факт, что фактор «ощущение уникальности» (образованный мотивом самобытности), в отличие от двух других факторов, не имеет статистически значимых корреляционных связей с выраженностью этнической идентичности ни у смолян, ни у хабаровчан. То есть у молодых респондентов, чья идентификация с русским этносом обусловлена желанием ощущать собственную уникальность и непохожесть на других, выраженность этнической идентичности разная (не всегда высокая). На наш взгляд, это может объясняться специфичностью самого мотива *самобытности* и по сути его *включенностью в процесс групповой категоризации* в целом: идентифицируя себя с какой-либо группой (в нашем случае — с русским этносом), человек изначально предполагает ее непохожесть и отличительность от другой/других групп (других этносов), утверждая тем самым собственную само-

бытность и отличительность в процессе категоризации как данность. Однако справедливость этого объяснения требует дополнительной эмпирической проверки.

Полученные данные относительно выраженности ценностей у старшекласников из Смоленска и Хабаровска пересекаются с результатами исследования М.С. Яницкого и коллег, опубликованными в 2019 г., согласно которым доминирующим ядром ценностей у молодежи из центрального и дальневосточного регионов России выступают ценности Достижение, Гедонизм и Самостоятельность, а наименьший приоритет отдается ценностям Власть и Традиция [24]. Однако, по нашим данным, лидирующую позицию в системе ценностей у русских старшекласников из Смоленска и Хабаровска (при выраженной значимости ценностей Самостоятельность, Гедонизм и Достижение) занимают ценности Благожелательность — Забота и Благожелательность — Чувство долга, что может являться в том числе следствием происходящих в стране изменений. Анализ различий продемонстрировал наибольшую выраженность ряда ценностей у школьников из Смоленска в сравнении с хабаровчанами, в частности — в отношении наименее популярной по выборке в целом ценности Традиция. Примечательно, что данное различие нашло отражение и в ценностных основаниях мотивов конструирования русской этнической идентичности у старшекласников двух групп: для смолян ценность Традиция выступает предиктором, имеющим положительные статистически значимые связи со всеми мотивами построения этнической идентичности. В выборке же хабаровских старшекласников предикторами с наибольшим количеством статистически значимых связей с зависимыми переменными являются ценности Достижение и Универсализм —

Забота о природе. Включенность природоохранной ценности в мотивационное конструирование русской этнической идентичности может являться отражением представлений об уникальной природе края. И вероятнее всего причина различий в ценностных основаниях мотивов этнической идентичности у смолян и хабаровчан кроется в том числе и в особенностях их представлений о русской этнической идентичности. Анализ и понимание того, что думают старшеклассники об этнониме «русский», что вкладывают в это понятие, что для них значит быть русским и в чем это, на их взгляд, проявляется, позволит расширить представления о механизмах формирования русской этнической идентичности у молодых представителей этнического большинства и роли ценностей в этом процессе.

Заключение

Полученные в исследовании результаты продемонстрировали наличие различий в ценностных основаниях мотивов построения этнической идентичности у старшеклассников из Смоленска и Хабаровска. Доминирующей ценностной основой мотивов построения этнической идентичности для смолян выступает ценность Традиция, а для хабаровчан — ценности Достижение и Универсализм — Забота о природе. Данные различия подтверждают региональную специфику механизмов формирования и развития русской идентичности у этнического большинства российской молодежи в моноэтнической среде, что важно учитывать при работе с молодежью по укреплению ее позитивной этнической идентичности.

Проведенное исследование (вероятно) — первая работа в отечественной психологии, в которой представлен анализ ценностных оснований мотивов конструирования этнической идентичности рус-

ской молодежи. Мы надеемся, что данная работа внесет вклад в понимание механизмов развития этнической идентичности, ее ресурсного потенциала у представителей этнического большинства, роли ценностей в этом процессе и будет способствовать росту соответствующих научных исследований. Значимыми направлениями дальнейших исследований могут стать анализ мотивов построения этнической идентичности у представителей этнических меньшинств и изучение мотивов формирования других типов социальной идентичности с использованием качественных методов у молодых людей из разных регионов страны для понимания того, какие виды социальной идентичности в наибольшей степени влияют на их психологическое благополучие и от каких факторов это зависит.

Несмотря на достоинства и перспективы проведенного исследования, оно имеет ряд ограничений, которые необходимо обозначить. Сопоставлены данные по двум моноэтническим регионам, и мы не можем утверждать, что выявленные особенности будут характерны для полиэтничных регионов страны. Данные получены на основании самоотчетов, что не исключает влияния фактора социальной желательности на результаты. Изучались только представители этнического большинства, и мы не можем утверждать, что обнаруженные особенности являются их специфическими проявлениями и не будут характерны для этнических меньшинств (здесь требуются дополнительные сравнительные исследования). Тем не менее, несмотря на обозначенные ограничения, проведенная работа имеет как теоретическое, так и прикладное значение, связанное с приращением знания в области социальной психологии и возможностью использования полученных результатов в практической работе с молодежью.

Литература

1. Аналитический отчет «Итоги мониторинга ценностных ориентаций современной молодежи 2022». Институт воспитания РАО [Электронный ресурс]. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/reader/2601> (дата обращения: 22.06.2023).
2. Андреева А.Д., Лисичкина А.Г., Бримова Л.А. Временная и жизненная перспектива как мотивационный центр самоопределения в ранней юности: сравнительно-историческое исследование // Теоретическая и экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 1. С. 6–15.
3. Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 6–15. DOI:10.21638/11701/srbu16.2018.101
4. Брызгалин Е.А. Ключевые положения о личностных ценностях и смыслах (по материалам отечественных и зарубежных научных источников) // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 2(15). С. 46–66. DOI:10.24412/2073-0861-2022-2-46-66
5. Бублик М.М. Психосемантическое пространство этнической идентичности молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2014. 28 с.
6. Лебедева Н.М. Этническая идентичность и благополучие русских на постсоветском пространстве: роль диаспоры // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 4. С. 16–24. DOI:10.17759/chrp.2021170402
7. Лепшокова З.Х. Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты: роль ценностей и статуса этнической группы // Национальный психологический журнал. 2021. № 2(42). С. 61–75. DOI:10.11621/prj.2021.0206
8. Люди будущего: ценности и ориентиры современной российской молодежи [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/expertise/ljudi-budushchego-cennosti-i-orientiry-sovremennoirossiiskoi-molodezhi> (дата обращения: 10.07.2023).
9. Магун В.С., Руднев М.Г. За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии // В кн.: Рогов К. (общ. ред.). Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 325–353.
10. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI:10.7868/S0132162518030029
11. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 766 с.
12. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2022 [Электронный ресурс] // РИА Новости. 13.02.2023. URL: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html (дата обращения: 22.06.2023).
13. Руднев М., Магун В. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // Вестник общественного мнения. 2011. № 4(110). С. 81–96.
14. Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М., Плотка И.Д. Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 54–64. DOI:10.17759/chrp.2019150206
15. Солдатова Г.У., Расказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
16. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 4. С. 27–37. DOI:10.17759/chrp.2022180403
17. Степанова Г.С. Особенности этнической идентичности русских: проблемы и перспективы исследования // Социальная психология и общество. 2012. Т. 3. № 4. С. 41–52.
18. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2009. № 2. С. 3–17.

19. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 163 с.
20. Чеботарёва Е.Ю. Этническая идентичность молодежи в полиэтнической среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. № 1. С. 22–28.
21. Шатене К. Психология ценностей. Х.: Гуманитарный Центр, 2021.
22. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
23. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 352 с.
24. Яницкий М.С. и др. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67. DOI:10.17223/17267080/72/3
25. Bardi A., et al. Values and Identity Process Theory: Theoretical integration and empirical interactions / In: Jaspal R., Breakwell G. (Eds.) // Identity Process Theory: Identity, Social Action and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 175–200. DOI:10.1017/SBO9781139136983.013
26. Batory-Ginda A.M. Strengthening Identity by Affirming One's Most Important Values // Journal of Constructivist Psychology. 2022. Vol. 35. № 3. P. 1079–1094. DOI:10.1080/10720537.2021.1929598
27. Crapolicchio E., et al. Identity Threats and Individual, Relational, and Social Resources among Refugees in Italy // Social Sciences. 2023. Vol. 12. № 3. P. 149. DOI:10.3390/socsci12030149
28. Easterbrook M., Vignoles V.L. Different groups, different motives: Identity motives underlying changes in identification with novel groups // Personality & Social Psychology Bulletin. 2012. Vol. 37. P. 1066–1080.
29. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 344 p.
30. Schwartz S.H. et. al. Refining the Theory of Basic Individual Values // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103. № 4. P. 663–688. DOI:10.1037/a0029393
31. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge University Press, 2010. 546 p.
32. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior / In: Worchel S., Austin W.G. (eds.) // Psychology of intergroup relations. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
33. Vignoles V.L., Manzi C. Identity motives. In: Michalos A.C. (ed.). Encyclopedia of Quality of Life Research. Dordrecht: Springer, 2014. P. 3061–3064.
34. Vignoles V.L. Identity Motives / In: Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds.) // Handbook of Identity Theory and Research. Springer. New York, NY, 2011. DOI:10.1007/978-1-4419-7988-9_18

References

1. Analiticheskii otchet «Itogi monitoringa tsennostnykh orientatsii sovremennoi molodezhi 2022». Institut vospitaniya RAO [Elektronnyi resurs] [Analytical report “Results of monitoring the value orientations of today’s youth in 2022”]. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/reader/2601> (Accessed 20.06.2023). (In Russ.).
2. Andreeva A.D., Lisichkina A.G., Brimova L.A. Vremennaya i zhiznennaya perspektiva kak motivatsionnyi tsentr samoopredeleniya v rannei yunosti: sravnitel’no-istoricheskoe issledovanie [A time and life perspective as a motivational center of self-determination in early adolescence: a comparative historical study] *Teoreticheskaya i eksperimental’naya psikhologiya = Theoretical experimental psychology*, 2021. Vol. 14, no. 1, pp. 6–15. (In Russ.).
3. Belinskaya E.P. Sovremennye issledovaniya identichnosti: ot strukturnoi opredelennosti k protsessual’nosti i nezavershennosti [Modern identity studies: from structural certainty to procedural incompleteness]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika =*

Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education, 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 6–15. DOI:10.21638/11701/spbu16.2018.101 (In Russ.).

4. Bryzgalin E.A. Klyuchevye polozheniya o lichnostnykh tsennostyakh i smyslakh (po materialam otechestvennykh i zarubezhnykh nauchnykh istochnikov) [Fundamentals about personal values and meanings (based on materials from Russian and foreign scientific sources)]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya = Theoretical experimental psychology*, 2022, no. 2(15), pp. 46–66. DOI:10.24412/2073-0861-2022-2-46-66 (In Russ.).

5. Bublik M.M. Psikhosemanticheskoe prostranstvo etnicheskoi identichnosti molodezhi: avtoref. diss. kand. psikholog. nauk. [Psychosemantic space of ethnic identity of youth. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Saint Petersburg, 2014. 28 p. (In Russ.).

6. Lebedeva N.M. Etnicheskaya identichnost' i blagopoluchie russkikh na postsovetском prostranstve: rol' diasporы [Ethnic identity and psychological well-being of russians in post-soviet space: the role of diaspora]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 16–24. DOI:10.17759/chp.2021170402 (In Russ.).

7. Lepshokova Z.Kh. Inklyuzivnye i eksklyuzivnye identichnosti i kontakty: rol' tsennostei i statusa etnicheskoi gruppy [Inclusive and exclusive identities and contacts: the role of values and status of ethnic group]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2021, no. 2(42), pp. 61–75. DOI:10.11621/npj.2021.0206 (In Russ.).

8. Lyudi budushchego: tsennosti i orientiry sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Elektronnyy resurs] [People of the future: values and guidelines of modern Russian youth]. URL: <https://wciom.ru/expertise/ljudi-budushchego-cennosti-i-orientiry-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi> (Accessed 10.07.2023). (In Russ.).

9. Magun V.S., Rudnev M.G. Za predelami «cheloveka sovetskogo»: rossiiane v evropeiskoi tsennostnoi tipologii [Beyond the “Soviet Man”: Russians in the European Value Typology]. In Rogov K. (ed.). Demontazh kommunizma. Tridsat' let spustya [Dismantling Communism. Thirty years later]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021, pp. 325–353. (In Russ.).

10. Radaev V.V. Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokolenii: empiricheskii analiz [Millennials compared to previous generations: an empirical analysis]. *Sotsiologicheskije issledovaniya = Sociological research*, 2018, no. 3, pp. 15–33. DOI:10.7868/S0132162518030029 (In Russ.).

11. Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub'ektov Rossiiskoi Federatsii. 2021: Stat. sb. [Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation. 2021: Statistical compendium] Rosstat [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2021. 766 p. (In Russ.).

12. Reiting rossiiskikh regionov po kachestvu zhizni – 2022 [Rating of Russian regions by quality of life – 2022] RIA Novosti. 13.02.2023 [Russian news agency “Novosti”. 13.02.2023]. URL: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html (Accessed 20.06.2023). (In Russ.).

13. Rudnev M., Magun V. Tsennostnyi konsensus i faktory tsennostnoi differentsiatsii naseleniya Rossii i drugikh evropeiskikh stran [Consensus and Determinants of Value Differentiation in Russia and Other European Countries]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya = Bulletin of Public Opinion*, 2011, no. 4(110), p. 81–96. (In Russ.).

14. Ryabichenko T.A., Lebedeva N.M., Plotka I.D. Mnozhestvennye identichnosti, akkul'turatsiya i adaptatsiya russkikh v Latvii i Gruzii [Multiple identities, acculturation and adaptation of Russians in Latvia and Georgia]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 54–64. DOI:10.17759/chp.2019150206 (In Russ.).

15. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Tsifrovoye pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost' [Digital generation of Russia: competence and security]. Moscow: Smysl, 2017. 375 p. (In Russ.).

16. Soldatova G.U., Chigar'kova S.V., Ilyukhina S.N. Ya-real'noe i Ya-virtual'noe: identifikatsionnye matritsy podrostkov i vzroslykh [Real-Self and Virtual-Self: Identity Matrices of Adolescents and Adults]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2022. Vol. 18, no. 4, pp. 27–37. DOI:10.17759/chp.2022180403 (In Russ.).

17. Stepanova G.S. Osobennosti etnicheskoi identichnosti russkikh: problemy i perspektivy issledovaniya [Features of Ethnic Identity of Russians: Research Issues and Perspectives]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2012. Vol. 3, no. 4, pp. 41–52. (In Russ.).
18. Stefanenko T.G. Etnicheskaya identichnost': ot etnologii k sotsial'noi psikhologii [Ethnic identity: from ethnology to social psychology.]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2009, no. 2, pp. 3–17. (In Russ.).
19. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Metody etnicheskoi i krosskul'turnoi psikhologii [Methods of ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow: NIU VShE, 2011. 163 p. (In Russ.).
20. Chebotareva E.Yu. Etnicheskaya identichnost' molodezhi v polietnicheskoi srede [Ethnic identity of young people in polyethnic environment]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2012, no. 1, pp. 22–28. (In Russ.).
21. Shatene K. Psikhologiya tsennosti [Psychology of values]. Kharkiv: Gumanitarnyi Tsentr, 2021. (In Russ.).
22. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennosti: primeneniye v Rossii [Refined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 43–70. (In Russ.).
23. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow: Flinta: MPSI: Progress, 2006. 352 p. (In Russ.).
24. Yanitskii M.S. [i dr.] Sistema tsennostnykh orientatsii «pokoleniya Z»: sotsial'nye, kul'turnye i demograficheskie determinant [The Value Orientations System of Generation Z: Social, Cultural and Demographic Determinants]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, 2019, no. 72, pp. 46–67. DOI:10.17223/17267080/72/3 (In Russ.).
25. Bardi A., et.al. Values and Identity Process Theory: Theoretical integration and empirical interactions. In: Jaspal R., Breakwell G. (Eds.). *Identity Process Theory: Identity, Social Action and Social Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, pp. 175–200. DOI:10.1017/CBO9781139136983.013
26. Batory-Ginda A.M. Strengthening Identity by Affirming One's Most Important Values. *Journal of Constructivist Psychology*, 2022. Vol. 35, no. 3, pp. 1079–1094. DOI:10.1080/10720537.2021.1929598
27. Crapolicchio E., et.al. Identity Threats and Individual, Relational, and Social Resources among Refugees in Italy. *Social Sciences*, 2023. Vol. 12, no. 3, pp. 149. DOI:10.3390/socsci12030149
28. Easterbrook M., Vignoles V.L. Different groups, different motives: Identity motives underlying changes in identification with novel groups. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 2012. Vol. 38, pp. 1066–1080.
29. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 344 p.
30. Schwartz S.H. et.al. Refining the Theory of Basic Individual Values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012. Vol. 103, no. 4, pp. 663–688. DOI:10.1037/a0029393
31. Tajfel H. *Social identity and intergroup relations*. Cambridge University Press, 2010. 546 p.
32. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior. In: Worchel S., Austin W.G. (eds.). *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson-Hall, 1986, pp. 7–24.
33. Vignoles V.L., Manzi C. Identity motives. In: Michalos A.C. (ed.). *Encyclopedia of Quality of Life Research*. Dordrecht: Springer, 2014, pp. 3061–3064.
34. Vignoles V.L. Identity Motives. In: Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds.). *Handbook of Identity Theory and Research*. Springer, New York, NY, 2011, pp. 403–432. DOI:10.1007/978-1-4419-7988-9_18

Информация об авторах

Мурашcenкова Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Кулеш Елена Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ТОГУ»), г. Хабаровск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resurssentr@mail.ru

Information about the authors

Nadezhda V. Murashcenkova, PhD in Psychology, Associate Professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Valentina V. Gritsenko, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Elena V. Kulesh, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resurssentr@mail.ru

Получена 23.07.2023

Принята в печать 19.12.2024

Received 23.07.2023

Accepted 19.12.2024

Роль просоциальной идентичности и предубеждений в готовности помочь пострадавшим от домашнего насилия

Ананьева О.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: ooananyeva@hse.ru

Прусова И.С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Цель. Оценка роли просоциальной идентичности, амбивалентных предубеждений, самоэффективности и гнева в намерениях участвовать в коллективной активности по помощи женщинам и мужчинам, пострадавшим от домашнего насилия.

Контекст и актуальность. С момента декриминализации побоев внутри семьи в России в 2017 году исследователи отмечают различные стратегии депроблематизации домашнего насилия в российских СМИ, а результаты социологических опросов отмечают низкую готовность россиян помочь пострадавшим. Исследование предикторов готовности участвовать в коллективной активности по помощи пострадавшим от домашнего насилия позволит уточнить психологические механизмы и барьеры к реализации просоциального потенциала россиян, а также же разработать рекомендации для проведения социальных кампаний по помощи пострадавшим.

Дизайн исследования. Теоретической рамкой исследования послужила модель социальной идентичности коллективной активности в модификации Агостини и ван Зомерена. В работе исследовались связи между просоциальной идентичностью (идентификацией с помогающими организациями), амбивалентными установками по отношению к женщинам и мужчинам, самоэффективностью по изменению ситуации, переживанием гнева и намерениями участвовать в коллективной активности по помощи женщинам и мужчинам, пострадавшим от домашнего насилия. Прямые и непрямые связи проверялись при помощи моделирования структурными уравнениями методом частичных наименьших квадратов.

Участники. Российская выборка: N_1 (готовность помочь женщинам) = 323 (54,8% женщин) от 18 до 78 лет ($M = 36,63$; $SD = 12,15$), N_2 (готовность помочь мужчинам) = 267 (53,2% женщин) от 18 до 64 лет ($M = 35,46$; $SD = 10,32$).

Методы (инструменты). Русскоязычные версии методик ингрупповой идентификации К. Лича, амбивалентного сексизма и амбивалентности по отношению к мужчинам П. Глик и С. Фиск, вопросы для измерения самоэффективности по изменению ситуации, переживаемого гнева, а также намерений к участию в коллективной активности по помощи, адаптированные из Европейского Социального Исследования.

Результаты. Просоциальная идентичность вносит значимый положительный вклад в намерение помочь пострадавшим от домашнего насилия (далее — ДН) женщинам и мужчинам как напрямую, так и опосредованно через самоэффективность (для обеих целевых групп) и переживание гнева (только для группы пострадавших мужчин). Враждебный сексизм и доброжелательные установки (по отношению к женщинам и мужчинам) напрямую подрывают готовность участвовать в отдельных формах помощи.

Основные выводы. *Существуют значимые взаимосвязи между просоциальной идентичностью, самоофективностью, гневом, амбивалентными предубеждениями и готовностью помочь пострадавшим от домашнего насилия.*

Ключевые слова: *идентичность; домашнее насилие; коллективная активность; помогающее поведение; амбивалентный сексизм; амбивалентность по отношению к мужчинам.*

Финансирование. *Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).*

Для цитаты: *Ананьева О.А., Прусова И.С. Роль просоциальной идентичности и предубеждений в готовности помочь пострадавшим от домашнего насилия // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 207–225. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150414>*

The Role of Prosocial (Politicized) Identity and Prejudice in Collective Action Intentions to Help Women and Men Suffered from Domestic Violence

Olga A. Ananyeva

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: [oananyeva@hse.ru](mailto: oananyeva@hse.ru)

Irina S. Prusova

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: [iprusova@hse.ru](mailto: iprusova@hse.ru)

Objective. *Analysis of the relationships between prosocial identity, ambivalent prejudice, self-efficacy, and anger in intentions to participate in collective action to help women and men suffered from domestic violence.*

Background. *Since the decriminalisation of domestic violence in Russia in 2017, researchers have noted various strategies to de-problematize domestic violence in Russian media and public opinion polls indicate the low willingness of Russians to help domestic violence survivors. A study of predictors of willingness to participate in collective action to help domestic violence survivors will help to clarify psychological mechanisms and barriers to the realisation of the prosocial potential of Russians, as well as develop recommendations for social campaigns aimed at helping violence survivors.*

Study design. *Theoretical framework of the current study was Dual Chamber Model of Collective Action (modification of Social Identity Model of Collective Action). The study examined the relationship between prosocial (politicized) identity (i.e. identification with helping groups), ambivalent prejudice towards women and men, self-efficacy to change a situation, anger and the intentions to participate in various forms of collective action to help women and men suffered from domestic violence. Direct and indirect associations were tested using partial least squares structural equation modelling (PLS-SEM).*

Participants. *Two Russian samples. N_1 (intentions to help women) = 323 (54,8% females, 45,2% males) from 18 to 78 years old ($M = 36,63$; $SD = 12,15$), N_2 (intentions to help men) = 267 (53,2% females, 46,8% males) from 18 to 64 years old ($M = 35,46$; $SD = 10,32$).*

Measurements. *Adapted to Russian scales of the in-group identification developed by C. Leach, the ambivalent sexism and ambivalence towards men inventories by P. Glick and S. Fiske, questions measuring self-efficacy to change situation, anger, and intentions to participate in various forms of collective action to help women and men suffered from domestic violence, adapted from European Social Survey.*

Results. *Prosocial identity makes a significant positive contribution to the intentions to help women and men suffered from DV, both directly and indirectly through self-efficacy (to help both women and men suffered from DV) and anger (to help men suffered from DV). Hostile sexism and benevolent attitudes (both towards women and men) directly undermine the willingness to engage in certain forms of prosocial collective action.*

Conclusions. *There are significant associations between prosocial identity, self-efficacy, anger towards the situation of survivors, ambivalent prejudice and willingness to participate in various forms of collective action to help women and men suffered from domestic violence.*

Keywords: *identity; domestic violence; helping behaviour; ambivalent sexism; ambivalence towards men; intimate partner violence.*

Funding. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

For citation: Ananyeva O.A., Prusova I.S. The Role of Prosocial (Politicized) Identity and Prejudice in Collective Action Intentions to Help Women and Men Suffered from Domestic Violence. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 207–225. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150414> (In Russ.).

Введение

С момента декриминализации побоев в 2017 г. в российском дискурсе ведутся активные обсуждения проблемы домашнего насилия (ДН). Анализ судебных приговоров выявил, что за 2011–2019 гг. 12209 из 18547 (65,8%) убитых в России женщин погибли от рук членов семьи, а в 2021 г. доля погибших от ДН выросла до 71,7% [3]. Исследователи отмечают различные стратегии депроблематизации ДН в российских СМИ, которые могут оказывать влияние на отношение россиян к ДН [6]. Срезы общественного мнения демонстрируют, что россияне, с одной стороны, верят, что ДН — серьезная социальная проблема, с другой стороны, расходятся во мнениях о необходимости законодательной защиты от ДН [11]. Опросы также свидетельствуют о низкой готовности людей помогать пострадавшим от ДН по сравнению с представителями других групп населения [10]. Низкая просоциальная активность по помощи пострадавшим от ДН может быть связана с социальными установками по отношению к ДН и пострадав-

шим [21], а также с предубеждениями по отношению к различным социальным группам [15].

На протяжении десятилетий психологи изучают роль отдельных факторов, стимулирующих и препятствующих участию в коллективной активности [13; 24; 37; 38]. Под коллективной активностью понимаются действия, направленные на изменение положения определенных социальных групп, подвергшихся несправедливому обращению, включающие протестную активность, демонстрации и социальные движения, подпись петиций, совершение пожертвований и другие формы социальной мобилизации [33; 38]. Особое внимание привлекла модель социальной идентичности коллективной активности (Social Identity Model of Collective Action, SIMCA), разработанная Ван Зомереном и коллегами и валидизированная в разных странах [38].

Согласно SIMCA готовность участвовать в коллективной активности определяется социальной идентичностью, оценкой несправедливости и

эффективности по изменению ситуации [38]. Причем социальная идентичность как оценка субъективной важности принадлежности к определенной группе вносит наиболее существенный вклад в готовность к коллективной активности как напрямую, так и опосредованно через восприятие несправедливости и самоэффективность. В ранних исследованиях изучалась коллективная активность представителей низкостатусных групп для улучшения положения своей группы [24; 37]. В последнее время фокус сместился на исследования коллективной активности представителей высокостатусных групп по помощи социально уязвимым группам населения [34]. Для представителей высокостатусных групп готовность помогать социально уязвимым группам может быть обусловлена необходимостью снижения негативных переживаний при столкновении с информацией о неблагоприятном положении последних, реализацией ценностей (например, эгалитарных), поддержанием положительных представлений о своей группе [13; 38]. В случае коллективной активности представителей высокостатусных групп по помощи низкостатусным группам уместно изучение просоциальной (politicized) идентичности, или идентификации с помогающими организациями или социальными движениями. Метааналитические работы выявили, что эффект просоциальной идентичности значимо выше по сравнению с идентификацией с конкретными социальными группами, которым оказывается помощь [38].

Участие в коллективной активности также обусловлено оценкой несправедливости занимаемого группой положения, что может проявляться

в переживании гнева (аффективный компонент) и субъективной оценке несправедливости (когнитивный компонент) [38]. Результаты исследований показывают, что оценка нелегитимности статуса или несправедливости положения группы приводит к участию в коллективной активности [24] через переживание гнева, выступающего драйвером социальной мобилизации [30; 36]. Самоэффективность как оценка возможности достижения желаемых результатов и непосредственно социальных изменений выступает еще одним предиктором коллективной активности [38; 39]. Психологический механизм вклада самоэффективности в готовность участвовать в коллективной активности обусловлен восстановлением чувства воспринимаемого контроля [17].

Ранние модификации модели SIMCA фокусировались на факторах, способствующих участию в коллективной активности, и не учитывали препятствующие ей факторы. В ряде работ исследователи выделяют психологические предикторы, выступающие в качестве барьеров к участию в коллективной активности, а именно — оправдание системы и предубеждения [5; 16; 18; 29; 32]. В частности, Эллемерс и Баррето обнаружили, что выражение современных форм сексизма вызывает меньшую реакцию на несправедливость (гнев) и подрывает готовность к коллективной активности [18]. При этом Бекер и Райт выявили более сложные связи между враждебным и доброжелательным сексизмом и готовностью к коллективной активности, опосредованные оправданием гендерной системы [16]. Готовность к участию в коллективной активности была ниже среди женщин, которым

предъявлялась стимульная информация о доброжелательном сексизме, и выше — среди женщин, которым предоставлялась информация о враждебном сексизме [16]. Другие исследования обнаружили, что предубеждения по отношению к аутгруппам предсказывают коллективную активность, направленную *против* данных групп [32].

В контексте изучения роли сексизма в формировании отношения к ДН и готовности помогать пострадавшим исследования показывают, что как враждебные, так и доброжелательные установки связаны с оправданием насилия [12], перекладыванием вины [15] и меньшей готовностью помогать пострадавшим [14; 28]. Для людей с выраженными доброжелательными установками важную роль играет соответствие пострадавших традиционным гендерным ролям [15; 25]. Если последние воспринимаются в качестве агентов, отклоняющихся от традиционных гендерных норм, они могут сталкиваться с антипатией и отказом в помощи со стороны людей с выраженными предубеждениями [15; 25].

Согласно традиционному распределению гендерных ролей мужчины должны выступать в качестве защитников женщин [1]. Столкновение с информацией о насилии (как в отношении женщин, так и мужчин) может представлять угрозу традиционным представлениям о гендерных нормах и вызывать тревогу, для совладания с которой люди могут прибегать к различным стратегиям рационализации или оправдания насилия [4], которые, в свою очередь, могут влиять на готовность оказывать помощь пострадавшим [21; 28].

В метаанализе предикторов коллективной активности Агостини и ван Зомерен предложили модификацию модели

SIMCA — двухкамерную модель коллективной активности (Dual Chamber Model of Collective Action), в которую добавлена моральная мотивация [13]. В рамках этой модели оправдание системы и предубеждения концептуализируются в качестве моральных оснований и вносят отрицательный вклад в готовность к коллективной активности.

На основе результатов представленных исследований возникает вопрос о прямых и непрямых эффектах просоциальной идентичности, враждебных и доброжелательных установок по отношению к женщинам и мужчинам на намерения участвовать в разных формах коллективной активности по помощи пострадавшим от ДН, опосредованных через переживание гнева и оценку самоэффективности.

Цель настоящего исследования — изучить вклад просоциальной идентичности и амбивалентных предубеждений в коллективную активность по помощи пострадавшим от ДН, опосредованный через самоэффективность и гнев. В исследовании была эмпирически протестирована модель, которая включала коллективную активность в качестве зависимой переменной, просоциальную идентичность, доброжелательное и враждебное отношение к женщинам и мужчинам в качестве предикторов, гнев и самоэффективность в качестве медиаторов, пол, доход, образование и субъективный социально-экономический статус в качестве контрольных переменных (рис. 1). Включение контрольных переменных обусловлено результатами исследований, показывающих, что люди разного социального статуса (образование, доход, пол) демонстрируют различия в отношении к ДН и готовности к участию в коллективной активности [15; 27; 33].

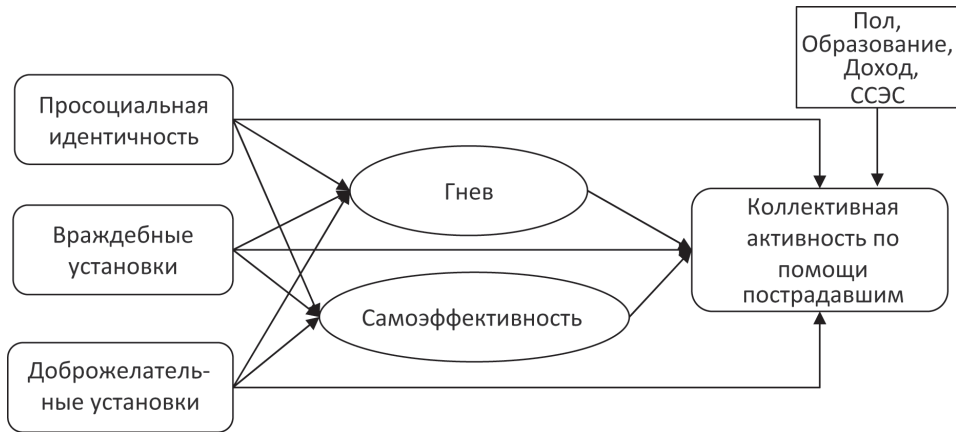

Рис. 1. Модель исследования

Примечание. ССЭС – субъективный социально-экономический статус.

Метод

Процедура исследования. Респонденты участвовали в 2 независимых онлайн-опросах. Рекрутинг производился на сервисе Яндекс.Толока за небольшое денежное вознаграждение. Респонденты были проинструктированы о процедуре и цели исследования, давали информированное согласие на участие, заполняли методики для измерения ингрупповой идентификации с группами, занимающимися помощью пострадавшим от ДН, амбивалентных установок по отношению к женщинам или мужчинам, отвечали на вопросы, направленные на оценку самооффективности по изменению положения группы женщин или мужчин, пострадавших от ДН, гнева по отношению к положению целевой группы, а также на измерение готовности участвовать в различных формах коллективной активности по помощи пострадавшим.

Выборка. В исследовании, посвященном изучению готовности помогать пострадавшим от ДН женщинам, приняли участие 323 (55% женщин) россиянина от 18 до 78 лет ($M = 36,63$; $SD = 12,15$). В исследовании, посвященном изучению го-

товности помогать пострадавшим от ДН мужчинам, – 267 (53% женщин) россиян от 18 до 64 лет ($M = 35,46$; $SD = 10,32$).

Методики исследования:

1. Просоциальная идентичность измерялась с помощью адаптированной методики оценки ингрупповой идентификации К. Лича и др. [2; 26]. Методика включает 9 утверждений (α Кронбаха = 0,90 в Исследовании 1 и 0,92 в Исследовании 2), например, «Принадлежность к группе, которая помогает женщинам/мужчинам, пострадавшим от домашнего насилия, делает меня счастливым». Респонденты отмечали степень согласия по 5-балльной шкале (1 – абсолютно не согласен, 5 – абсолютно согласен).

2. Амбивалентный сексизм измерялся при помощи адаптированной методики П. Глика и С. Фиск [1; 19]. Шкала враждебного сексизма включает 6 утверждений ($\alpha = 0,85$), шкала доброжелательного сексизма – 6 утверждений ($\alpha = 0,88$). Респонденты отмечали степень согласия по 6-балльной шкале (0 – совершенно не согласен, 5 – совершенно согласен).

3. Амбивалентные установки по отношению к мужчинам измерялись при помощи адаптированной методики П. Глика и С. Фиск [7; 20]. Шкалы враждебного отношения ($\alpha = 0,75$) и доброжелательного отношения ($\alpha = 0,85$) к мужчинам включают 6 утверждений каждая. Респонденты отмечали степень согласия по 6-балльной шкале (0 — совершенно не согласен, 5 — совершенно согласен).

4. Самоэффективность по изменению ситуации измерялась при помощи вопроса «В какой степени Вы можете повлиять на улучшение положения женщин/мужчин, пострадавших от домашнего насилия?» [39]. Респондентов просили ответить по 5-балльной шкале (1 — совсем нет, 5 — очень сильно).

5. Гнев по отношению к ситуации измерялся при помощи вопроса «Подумайте о положении женщин/мужчин, пострадавших от домашнего насилия в обществе. В какой степени Вы испытываете гнев, когда думаете об этом?» [36]. Респондентов просили ответить по 5-балльной шкале (1 — совсем нет, 5 — очень сильно).

6. Намерение участвовать в коллективной активности по помощи пострадавшим от ДН измерялось при помощи серии вопросов: «Насколько Вы готовы: 1) Перечислять пожертвования в организации, которые занимаются помощью [...]; 2) Подписывать коллективные петиции [...]; 3) Обсуждать с членами семьи и друзьями вопросы, связанные с помощью [...]; 4) Участвовать в общественных движениях, направленных на помощь [...]». Респонденты отмечали степень готовности по

7-балльной шкале (1 — абсолютно не готов, 7 — абсолютно готов).

7. Социально-демографические характеристики включали вопросы о поле (1 = женщина, 2 = мужчина), образовании (1 — начальное, 7 — два и более высших образования), доходе (1 — «менее 15000 руб.», 14 — «более 200000 руб.»), субъективном социально-экономическом статусе респондентов, например «Где бы Вы поместили себя на лестнице, где на самом верху находятся наиболее успешные люди, в самом низу находятся люди в худшем положении, чтобы проиллюстрировать свое положение по сравнению с другими людьми в России?» (1 — в самом низу, 11 — на самом верху) [40].

Результаты

В таблице представлены описательные статистики и корреляции между переменными. Результаты корреляционного анализа (метод Спирмена¹) показали, что намерения к участию во всех формах коллективной активности по помощи пострадавшим от ДН положительно связаны друг с другом, с просоциальной идентичностью, самоэффективностью и переживанием гнева.

Готовность участвовать в коллективной активности по помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия

Модель вклада просоциальной идентичности, враждебного и доброжелательного сексизма, самоэффективности и гнева в намерения к участию в разных формах коллективной активности по помощи пострадавшим женщинам тестировалась при помощи моделирования

¹ Так как пол в данном исследовании является бинарной переменной и измеряется при помощи номинальной шкалы, для оценки связей между полом и другими переменными использованы бисериальные коэффициенты корреляции.

Таблица

Описательные статистики и корреляции (исследования N₁ = 323, N₂ = 267)

	М (SD)	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.	М (SD)
1. Просоци- альная иден- тичность	2,29 (0,89)		-0,07	0,15**	0,15**	0,50***	0,55***	0,42***	0,50***	0,43***	-0,02	-0,15**	0,02	0,07	2,82 (0,86)
2. Враждеб- ность	3,89 (0,85)	-0,21***		0,35***	-0,11	-0,02	-0,12*	-0,18**	-0,09	-0,16**	0,20***	-0,14*	0,01	-0,01	4,01 (1,35)
3. Доброже- лательность	3,71 (1,05)	-0,09	0,48***		-0,11	0,02	-0,02	-0,10	-0,05	-0,11*	0,04	-0,11*	-0,07	0,09	4,43 (1,55)
4. Гнев	2,10 (1,15)	0,26***	0,00	0,01		0,13*	0,22***	0,18***	0,18***	0,15**	-0,02	0,05	0,04	-0,05	2,59 (1,34)
5. Самоэф- фективность	1,76 (0,95)	0,44***	-0,09	-0,03	0,32***		0,50***	0,37***	0,47***	0,34***	0,05	-0,11*	0,16**	0,14*	2,11 (0,98)
6. Пожертво- вания	2,04 (1,45)	0,55***	-0,16*	-0,10	0,33***	0,63***		0,56**	0,65***	0,52***	-0,00	-0,13*	0,11	0,10	2,75 (1,75)
7. Петitions	2,45 (1,68)	0,52***	-0,10	-0,19**	0,32***	0,52***	0,73***		0,57***	0,61***	-0,15**	-0,15**	0,09	0,09	3,41 (1,99)
8. Социаль- ные движения	2,09 (1,53)	0,54***	-0,14*	-0,10	0,33***	0,67***	0,75***	0,71***		0,60***	-0,01	-0,18**	0,18**	0,11*	2,53 (1,67)
9. Обсуж- дение	2,58 (1,78)	0,55***	-0,18**	-0,15*	0,35***	0,50***	0,67***	0,75***	0,71***		-0,12*	-0,16**	0,07	0,07	3,49 (1,95)
10. Пол		-0,02	-0,11	0,24***	0,06	0,02	-0,03	-0,14*	-0,03	-0,11		-0,12*	0,15**	0,01	
11. Образо- вание	4,14 (1,29)	-0,05	0,00	-0,03	-0,02	-0,12	-0,09	-0,05	-0,02	-0,02	-0,14*		0,21***	0,08	4,17 (1,18)
12. Доход	4,09 (2,44)	-0,02	0,05	0,03	0,01	0,15*	0,07	0,11	0,11	0,03	-0,03	0,18**		0,44**	4,08 (2,56)
13. ССЭС	5,36 (1,82)	0,05	0,16**	0,14*	0,08	0,09	0,11	0,11	0,10	0,08	-0,10	0,18**	0,48**		5,19 (1,79)

Примечание. Результаты исследования 1 (помощь пострадавшим женщинам) представлены над диагональю, исследования 2 (помощь пострадавшим мужчинам) — под диагональю. Пол (1 = женщина, 2 = мужчина), ССЭС — субъективный социально-экономический статус; * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$.

структурными уравнениями методом частичных наименьших квадратов (PLS-SEM)² в программе SmartPLS 4 [31]. Модель показала удовлетворительное соответствие данным ($SRMR_{estimated} = 0,069$; $SRMR_{saturated} = 0,061$; $R^2 = 0,40$ для пожертвований, 0,29 для петиций, 0,27 для обсуждения проблемы, 0,33 для социальных движений) [23]. Результаты модели представлены на рис. 2.

Просоциальная идентичность и самооффективность вносят значимый положительный вклад в готовность к участию во всех формах коллективной активности по помощи пострадавшим женщинам (пожертвования, петиции, обсуждение проблемы, социальные движения). Гнев вносит положительный вклад только в намерения совершать пожертвования. Враждебный сексизм вносит отрицательный вклад в намере-

ния совершать пожертвования, доброжелательный сексизм — подписывать петиции и обсуждать проблему помощи пострадавшим женщинам. Пол вносит отрицательный вклад³ в намерения подписывать петиции и обсуждать проблему, образование — отрицательный вклад в намерения подписывать петиции, обсуждать проблему и участвовать в социальных движениях по помощи пострадавшим женщинам.

Анализ непрямых эффектов продемонстрировал, что просоциальная идентичность вносит не прямой положительный вклад во все формы коллективной активности по помощи пострадавшим женщинам через самооффективность: обсуждение проблемы ($\beta = 0,07, p = 0,025$), пожертвования ($\beta = 0,12, p < 0,001$), петиции ($\beta = 0,08, p = 0,009$) и социальные движения ($\beta = 0,12, p < 0,001$).

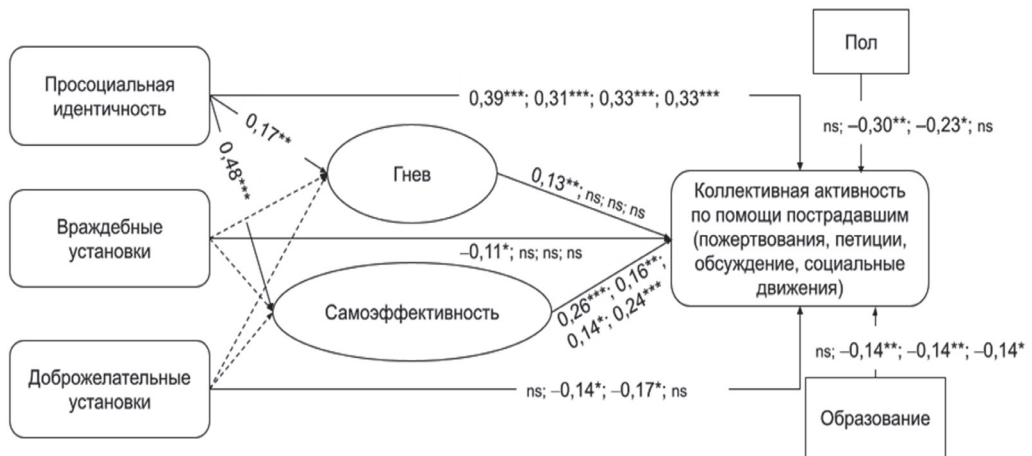

Рис. 2. Прямые эффекты модели готовности помочь пострадавшим от домашнего насилия женщинам
 Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; ns – не значимо

² Аналитическая стратегия включала бутстреп-процедуру с использованием ресэмплинга $n = 5000$ и скорректированных доверительных интервалов.

³ Отрицательный вклад пола свидетельствует о том, что мужчины в меньшей степени готовы участвовать в представленных формах коллективной активности.

Готовность участвовать в коллективной активности по помощи мужчинам, пострадавшим от домашнего насилия

Модель готовности помогать пострадавшим мужчинам показала удовлетворительные показатели пригодности: $SRMR_{estimated} = 0,079$; $SRMR_{saturated} = 0,072$; $R^2 = 0,47$ для пожертвований, $0,41$ для петиций, $0,39$ для обсуждения проблемы, $0,51$ для социальных движений [23]. Результаты представлены на рис. 3.

Просоциальная идентичность и самоэффективность вносят значимый положительный вклад в намерения участвовать во всех формах коллективной активности по помощи пострадавшим мужчинам (пожертвования, петиции, обсуждение проблемы, социальные движения). Гнев вносит положительный вклад в намерения участвовать в обсуждении проблемы, совершать пожертвования и подписывать петиции.

Доброжелательные установки по отношению к мужчинам вносят отрицательный вклад в намерения подписывать коллективные петиции по помощи пострадавшим от ДН мужчинам. При этом эффекты враждебных установок не значимы.

Анализ социо-демографических характеристик показал, что пол вносит отрицательный вклад⁴ в намерения подписывать петиции.

Анализ непрямых эффектов продемонстрировал, что просоциальная идентичность вносит не прямой положительный вклад в намерения участвовать во всех формах коллективной активности по помощи пострадавшим мужчинам через самоэффективность: обсуждение проблемы ($\beta = 0,10$, $p = 0,002$), пожертвования ($\beta = 0,18$, $p < 0,001$), петиции ($\beta = 0,12$, $p < 0,001$) и социальные движения ($\beta = 0,22$, $p < 0,001$). Просоциальная идентичность вносит не прямой положительный вклад в намерения участвовать

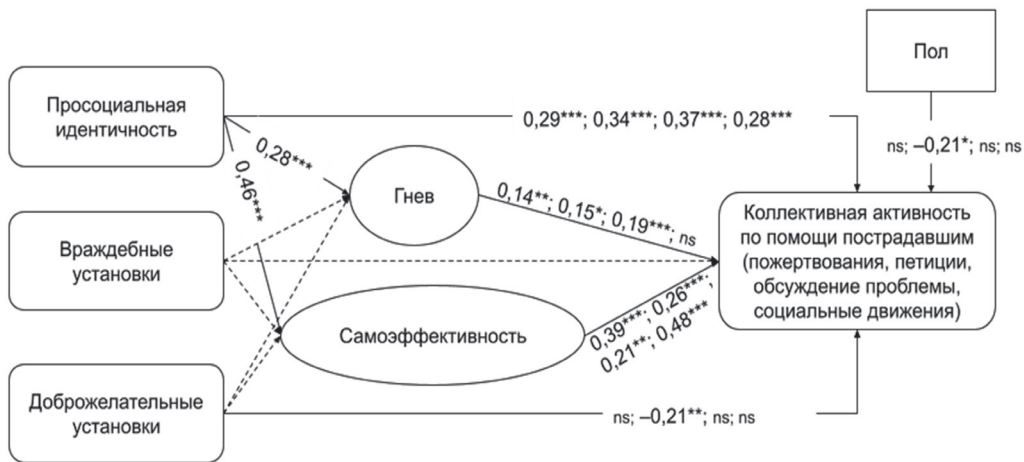

Рис. 3. Прямые эффекты модели готовности помогать пострадавшим от домашнего насилия мужчинам
Примечание: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$, ns – не значимо

⁴ Мужчины в меньшей степени готовы участвовать в представленных формах коллективной активности.

в большинстве форм коллективной активности через гнев: обсуждение проблемы ($\beta = 0,05$, $p = 0,011$), пожертвования ($\beta = 0,04$, $p = 0,022$) и петиции ($\beta = 0,04$, $p = 0,034$).

Обсуждение результатов

Представленное исследование направлено на изучение роли просоциальной идентичности, амбивалентных предубеждений по отношению к женщинам и мужчинам, гнева и самоэффективности в намерениях участвовать в коллективной активности по помощи женщинам и мужчинам, пострадавшим от домашнего насилия.

Результаты продемонстрировали, что просоциальная идентичность и самоэффективность вносят наиболее стабильный вклад в намерения участвовать во всех формах коллективной активности по помощи пострадавшим от ДН. Люди, которые считают принадлежность к помогающим группам важной частью самоопределения, будут с большей готовностью участвовать в помощи пострадавшим. Полученные результаты согласуются с зарубежными и отечественными исследованиями коллективной активности [5; 13; 38]. Другим важным фактором является самоэффективность, то есть вера в возможность повлиять на ситуацию. Россияне, которые верят в возможность улучшения положения пострадавших от ДН, будут с большей готовностью участвовать в различных формах помощи, что также соотносится с результатами прошлых исследований [5; 13; 38; 39].

Эффекты гнева, враждебных и доброжелательных установок по отношению к женщинам и мужчинам продемонстрировали различающиеся результаты. Переживание гнева предсказывало только намерения совершать пожертвования для помощи пострадав-

шим женщинам, а в отношении помощи пострадавшим мужчинам — обсуждение проблемы, подписание петиций и совершение пожертвований. Полученные результаты свидетельствуют о том, что аффективная реакция на несправедливость в виде гнева играет не универсальную роль в готовности к помогающему поведению. Прошлые исследования обнаружили значимую роль надежды на изменение ситуации, которая вносит независимый от гнева вклад в коллективную активность [36].

Анализ не прямых эффектов показал, что просоциальная идентичность вносит не прямой положительный вклад во все формы коллективной активности по помощи пострадавшим от ДН, опосредованный через самоэффективность. Люди, которые осознают значимость своей принадлежности к помогающим группам, склонны оценивать свои возможности для изменения ситуации на более высоком уровне, возможно, из-за воспринимаемой социальной поддержки и доступных группе ресурсов [22], что, в свою очередь, предсказывает готовность к коллективной активности [13; 38; 39]. Просоциальная идентичность также вносит не прямой положительный вклад в намерения участвовать в обсуждении проблемы, пожертвованиях и подписании петиций по помощи пострадавшим от ДН мужчинам, опосредованный через переживание гнева. Люди, для которых важна принадлежность к помогающим группам, будут более чувствительны к несправедливости положения групп, которым оказывается помощь, испытывать гнев, который, в свою очередь, может побуждать к коллективным действиям [13; 30; 36; 38].

Враждебный сексизм как комплекс негативных установок по отношению к женщинам напрямую подрывает го-

товность совершать денежные пожертвования для помощи женщинам, пострадавшим от ДН. Люди, враждебно настроенные по отношению к женщинам, склонны верить в то, что последние стремятся получать преимущества и власть, устанавливая контроль над мужчинами [1]. Метааналитические исследования показывают, что враждебные установки напрямую связаны с антипатией к женщинам вообще и пострадавшим от ДН женщинам в частности [2; 15]. При этом результаты настоящего исследования обнаружили, что вклад враждебных установок по отношению к мужчинам в коллективную активность по помощи пострадавшим от ДН мужчинам не значим. Возможно, размышление о насилии в отношении мужчин расходится с традиционными представлениями о их высоком статусе в социальной иерархии, что может нивелировать эффект враждебных установок в готовности оказывать им помощь.

Доброжелательный сексизм напрямую подрывает готовность подписывать петиции и обсуждать проблемы, связанные с помощью женщинам, пострадавшим от ДН. Содержание доброжелательных сексистских установок сводится к позитивному отношению к женщинам, следующим традиционным гендерным ролям [1]. Однако отклонение от традиционных норм может вести к негативному отношению к женщинам, нарушающим традиции, включая ситуации домашнего насилия [25]. Столкновение с информацией о ДН может представлять угрозу о справедливости мира и стабильности системы социальных и гендерных отношений и вызывать тревогу, для совладания с которой люди могут прибегать к различным стратегиям рационализации насилия, включая обвинение пострадавших [4].

В частности, доброжелательные установки по отношению к женщинам могут быть связаны с размышлениями о том, что «хорошие жены» насилию не подвергаются, и предсказывать меньшую симпатию к пострадавшим и низкую готовность им помогать [15]. Доброжелательные установки по отношению к мужчинам вносят негативный вклад в готовность подписывать петиции по помощи пострадавшим от ДН мужчинам. Традиционное распределение социальных ролей закрепляет за мужчинами роли защитника [1; 15]. Мужчины, которые сообщают об опыте ДН, могут выступать в качестве угрозы традиционным гендерным нормам, сталкиваясь с негативным отношением и стигматизацией и получать меньшую поддержку и помощь [35].

Анализ социально-демографических характеристик показал, что пол и образование вносили негативный вклад в готовность к отдельным формам коллективной активности по помощи пострадавшим. В частности, мужчины в меньшей степени готовы участвовать в обсуждении проблемы помощи пострадавшим женщинам, а также подписывать петиции по помощи обеим целевым группам. Результаты согласуются с прошлыми исследованиями [14]. Образование вносило негативный вклад в намерения подписывать петиции, обсуждать проблему и участвовать в социальных движениях по помощи женщинам, пострадавшим от ДН. Недавнее исследование коллективной активности показало, что уровень образования отрицательно связан с участием в коллективных действиях (например, протестах, демонстрациях, подписании петиций и пожертвованиях) [33]. Данная связь может косвенно указывать на роль возраста: в коллективных действиях чаще участвуют более моло-

дые люди с неоконченным высшим образованием [33].

Представленное исследование позволило протестировать в российском контексте двухкамерную модель коллективной активности (Dual Chamber Model of Collective Action), разработанную Ван Зомереном и Агостини [13] и расширяющую модель SIMCA [38]. Настоящее исследование также позволило дополнить поле отечественных исследований коллективной активности [5], сместив фокус на просоциальную коллективную активность по помощи социально уязвимым группам населения. Тем не менее работа обладает рядом ограничений. Во-первых, в работе не измерялась идентификация с группами женщин или мужчин, пострадавших от ДН. Несмотря на то, что результаты исследований отмечают бóльший вклад просоциальной идентичности⁵ в коллективную активность по сравнению с идентификацией с группой, которой оказывается помощь [13; 38], последняя может усиливать связи между предикторами модели и намерениями участвовать в коллективной активности. Для уточнения взаимодействия эффектов идентичности дальнейшая траектория исследований помощи пострадавшим от ДН должна включать контроль опыта пережитого насилия и идентификацию с группами пострадавших. Во-вторых, в исследовании не был реализован мультигрупповой анализ, который позволил бы сравнить разницу эффектов модели для разных групп респондентов (в частности, для мужчин и женщин по отдельности), а также не был проведен анализ представлений о целевых группах женщин и мужчин, пострадавших от ДН. Несмотря на значимый вклад пола

в готовность участвовать в различных формах коллективной активности по помощи пострадавшим, остается открытым вопрос о разнице восприятия представителей целевых групп мужчинами и женщинами. В дальнейших исследованиях восприятия гендерного насилия и предикторов помощи пострадавшим необходимо проводить мультигрупповой анализ для уточнения исследуемых эффектов для респондентов-мужчин и респондентов-женщин. В-третьих, в данном исследовании в качестве конструкторов моральных оснований использованы предубеждения по отношению к женщинам и мужчинам. В будущих исследованиях, направленных на изучение роли моральных факторов в коллективной активности, необходимо исследовать другие моральные переменные, например, моральные основания и моральные черты [8; 9]. В-четвертых, в исследовании был изучен вклад гнева (как аффективной реакции на несправедливость) и самоэффективности; в будущих исследованиях необходимо включать другие эмоции (надежда), когнитивные аспекты восприятия несправедливости, а также измерения групповой эффективности, которые вносят независимый вклад в готовность к коллективным действиям [36; 38; 39].

Выводы

На основе результатов настоящего исследования можно сделать следующие выводы:

1. Просоциальная идентичность и самоэффективность вносят стабильный вклад в готовность участвовать во всех формах коллективной активности по помощи женщинам и мужчинам, пострадавшим от ДН.

⁵ Politicized identity, т.е. идентификацией с конкретным социальным движением или группой активистов.

2. Переживание гнева как аффективной реакции на несправедливость предсказывает намерения к совершению денежных пожертвований (для помощи обеим целевым группам), обсуждению проблемы и подписанию петиций (для помощи пострадавшим мужчинам).

3. Просоциальная идентичность вносит непрямой положительный вклад в намерение помогать пострадавшим от ДН женщинам и мужчинам, опосредованный через самоэффективность (для

обеих групп) и переживание гнева (только для группы пострадавших мужчин).

4. Враждебный сексизм напрямую подрывает намерения россиян к совершению денежных пожертвований для помощи женщинам, пострадавшим от ДН. Доброжелательные установки напрямую подрывают намерения к подписанию петиций (для помощи обеим целевым группам) и к обсуждению проблем, связанных с помощью пострадавшим от ДН женщинам.

Литература

1. Агадуллина Е.Р. Сексизм по отношению к женщинам: адаптация шкалы амбивалентного сексизма (П. Глика и С. Фиск) на русский язык // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 3. С. 447–463.
2. Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157.
3. Алгоритм света — Консорциум женских неправительственных объединений [Электронный ресурс]. URL: <https://wcons.net/projects/algorithm-sveta/> (дата обращения: 29.09.2024).
4. Ананьева О.А., Прусова И.С., Захарова С.А. Почему люди оправдывают насилие: роль мотивационных оснований в поддержке мифов об изнасиловании // Психология и право. 2024. Т. 14. № 1. С. 1–17.
5. Гулевич О.А., Гусева В.В. Оправдание системы, групповая идентификация и политическое поведение: протесты в Хабаровском крае // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 3. С. 9–22.
6. Казун А.П. и др. Бьет — значит любит? Стратегии депроблематизации домашнего насилия в российских СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5(171). С. 149–171.
7. Кривошеков В.С., Гулевич О.А., Любкина А.С. Враждебные и доброжелательные аттитюды к мужчинам: адаптация шкалы амбивалентности к мужчинам на русский язык // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 3. С. 427–446.
8. Кухтова Н.В. Идентичность: исследовательский поиск (адаптация методики «Содержание просоциальной идентичности») // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 2: Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков. 2011. № 2. С. 43–51.
9. Сычев О.А. Теория моральных оснований: современный взгляд на психологические факторы политических убеждений // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 1. С. 5–22.
10. Тяжелобольные взрослые: кто поможет? — ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tjazhelobolnye-vzroslye-kto-pomozhet> (дата обращения: 28.09.2024).
11. Худой мир — или добрая ссора? — ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoj-mir-ili-dobraja-ssora> (дата обращения: 28.09.2024).

12. *Agadullina E. et al.* Ambivalent sexism and violence toward women: A meta-analysis // *European Journal of Social Psychology*. 2022. Vol. 52. № 5–6. P. 819–859.
13. *Agostini M., van Zomeren M.* Toward a comprehensive and potentially cross-cultural model of why people engage in collective action: A quantitative research synthesis of four motivations and structural constraints // *Psychological Bulletin*. 2021. Vol. 147. № 7. P. 667.
14. *Badenes-Sastre M. et al.* How severity of intimate partner violence is perceived and related to attitudinal variables? A systematic review and meta-analysis // *Aggression and Violent Behavior*. 2024. P. 101925.
15. *Bareket O., Fiske S.T.* A systematic review of the ambivalent sexism literature: Hostile sexism protects men's power; benevolent sexism guards traditional gender roles // *Psychological bulletin*. 2023. Vol. 149. № 11–12. P. 637–698.
16. *Becker J.C., Wright S.C.* Yet another dark side of chivalry: Benevolent sexism undermines and hostile sexism motivates collective action for social change // *Journal of personality and social psychology*. 2011. Vol. 101. № 1. P. 62–77.
17. *Corcoran K.E., Pettinicchio D., Young J.T.N.* Perceptions of structural injustice and efficacy: Participation in low/moderate/high cost forms of collective action // *Sociological Inquiry*. 2015. Vol. 85. № 3. P. 429–461.
18. *Ellemers N., Barreto M.* Collective action in modern times: How modern expressions of prejudice prevent collective action // *Journal of Social Issues*. 2009. Vol. 65. № 4. P. 749–768.
19. *Glick P., Fiske S.T.* The Ambivalent Sexism Inventory: Differentiating Hostile and Benevolent Sexism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 70. № 3. P. 491–512.
20. *Glick P., Fiske S.T.* The ambivalence toward men inventory: Differentiating hostile and benevolent beliefs about men // *Psychology of women quarterly*. 1999. Vol. 23. № 3. P. 519–536.
21. *Gracia E., Lila M., Santirso F.A.* Attitudes toward intimate partner violence against women in the European Union: A systematic review // *European Psychologist*. 2020. Vol. 25. № 2. P.104–121.
22. *Hamann K.R.S. et al.* Believing that we can change our world for the better: A Triple-A (Agent-Action-Aim) Framework of self-efficacy beliefs in the context of collective social and ecological aims // *Personality and Social Psychology Review*. 2024. Vol. 28. № 1. P. 11–53.
23. *Henseler J., Ringle C.M., Sinkovics R.R.* The use of partial least squares path modeling in international marketing // *New challenges to international marketing*. Emerald Group Publishing Limited, 2009. P. 277–319.
24. *Kelly C., Breinlinger S.* Identity and injustice: Exploring women's participation in collective action // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 1995. Vol. 5. № 1. P. 41–57.
25. *Kruahiran P., Boonyasiriwat W., Maneesri K.* Thai police officers' attitudes toward intimate partner violence and victim blaming: The influence of sexism and female gender roles // *Journal of interpersonal violence*. 2022. Vol. 37. № 9–10. P. NP7426–NP7446.
26. *Leach C.W. et al.* Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // *Journal of personality and social psychology*. 2008. Vol. 95. № 1. P. 144.
27. *Macchia L., Whillans A.V.* The link between income, income inequality, and prosocial behavior around the world // *Social Psychology*. 2022. Vol. 52. № 6.
28. *Nardi-Rodríguez A. et al.* Willingness to help women victims of intimate partner violence in a Spanish context: Differential factors, interactions and predictors // *PLoS one*. 2024. Vol. 19. № 7. P. E0307274.
29. *Osborne D. et al.* Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action // *European Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 49. № 2. P. 244–269.
30. *Petkanopoulou K. et al.* Collective disadvantage in the context of socioeconomic crisis in Greece: The role of system directed anger, politicians directed anger and hope in normative and non

- normative collective action participation // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2022. Vol. 32. № 4. P. 589–607.
31. Ringle C.M., Wende S., Becker J.-M. “SmartPLS 4.” Oststeinbek: SmartPLS GmbH. 2022 [Electronic resource]. URL: <http://www.smartpls.com> (Accessed 28.09.2024).
32. Shepherd L. et al. The role of threat, emotions, and prejudice in promoting collective action against immigrant groups // *European Journal of Social Psychology*. 2018. Vol. 48. № 4. P. 447–459.
33. Smeekes A., Sedikides C., Wildschut T. Collective nostalgia: Triggers and consequences for collective action intentions // *British Journal of Social Psychology*. 2023. Vol. 62. № 1. P. 197–214.
34. Subašić E., Schmitt M.T., Reynolds K.J. Are we all in this together? Co-victimization, inclusive social identity and collective action in solidarity with the disadvantaged // *British Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 50. № 4. P. 707–725.
35. Taylor J.C. et al. Barriers to men’s help seeking for intimate partner violence // *Journal of Interpersonal Violence*. 2022. Vol. 37. № 19–20. P. NP18417–NP18444.
36. Włodarczyk A. et al. Hope and anger as mediators between collective action frames and participation in collective mobilization: The case of 15-M // *Journal of Social and Political Psychology*. 2017. Vol. 5. № 1. P. 200–223.
37. Wright S.C., Taylor D.M., Moghaddam F.M. Responding to membership in a disadvantaged group: From acceptance to collective protest // *Journal of personality and social psychology*. 1990. Vol. 58. № 6. P. 994.
38. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: a quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // *Psychological bulletin*. 2008. Vol. 134. № 4. P. 504.
39. Van Zomeren M., Saguy T., Schellhaas F.M.H. Believing in “making a difference” to collective efforts: Participative efficacy beliefs as a unique predictor of collective action // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2013. Vol. 16. № 5. P. 618–634.
40. Zhao M. et al. Subjective socioeconomic status: an alternative to objective socioeconomic status // *BMC Medical Research Methodology*. 2023. Vol. 23. № 1. P. 73.

References

1. Agadullina E.R. Seksizm po otnosheniyu k zhenshchinam: adaptatsiya shkaly ambivalentnogo seksizma (P. Glick i S. Fisk) na russkii yazyk [Sexism towards Women: Adaptation of the Ambivalent Sexism Scale (P. Glick and S. Fisk) on a Russian Sample]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 447–463. (In Russ.).
2. Agadullina E.R., Lovakov A.V. Model’ izmereniya ingruppovoi identifikatsii: proverka na rossiiskoi vyborke [Measurement Model of In-group Identification: Validation in Russian Samples]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2013. Vol. 10, no. 4, pp. 143–157. (In Russ.).
3. Algoritm sveta – Konsortsium zhenskikh nepravitel’svennykh ob’edinenii [Algorithm of light – Consortium of Women’s Non-Governmental Organizations] [Electronic resource]. URL: <https://wcons.net/projects/algorithm-sveta/> (Accessed 29.09.2024). (In Russ.).
4. Ananyeva O.A., Prusova I.S., Zakharova S.A. Pochemu lyudi opravdyvayut nasilie: rol’ motivatsionnykh osnovanii v podderzhke mifov ob iznasilovanii [Why People Justify Violence: The Role of Motivational Foundations in Rape Myths Acceptance]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 1–17. DOI:10.17759/psylaw.2024140101 (In Russ.).
5. Gulevich O.A., Guseva V.V. Opravdanie sistemy, gruppovaya identifikatsiya i politicheskoe povedenie: protesty v Khabarovskom krae [System Justification, Group Identification and Political Behavior: Protests in Khabarovsk Krai]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 9–22. DOI:10.17759/sps.2021120302 (In Russ.).

6. Kazun A.P. et al. “B’et — znachit lyubit”? Strategii deproblematizatsii domashnego nasiliya v rossiiskikh SMI [“If He Beats You, It Means He Loves You”? Strategies for Deproblematizing Domestic Violence in the Russian Media]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2022, no. 5, pp. 149–171. DOI:10.14515/monitoring.2022.5.2220 (In Russ.).
7. Krivoshechekov V.S., Gulevich O.A., Lyubkina A.S. Hostile and benevolent attitudes toward men: psychometric properties of the Russian version of the Ambivalence toward Men Inventory. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 427–446.
8. Kukhtova N.V. Identichnost’: issledovatel’skii poisk (adaptatsiya metodiki “Soderzhanie prosotsial’noi identichnosti”) [Identity: a research exploration (adaptation of the moral identity content assessment)]. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 2: Pedagogika, psikhologiya, metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov = Bulletin of Minsk State Linguistic University. Vol. 2: Pedagogy, psychology, methods of teaching foreign languages*, 2011, no. 2, pp. 43–51. (In Russ.).
9. Sychev O.A. Teoriya moral’nykh osnovanii: sovremenniy vzglyad na psikhologicheskie faktory politicheskikh ubezhdenii [Moral Foundations Theory: Modern View on the Psychological Factors of Political Beliefs]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 1, pp. 5–22. DOI:10.17759/sps.2023140101 (In Russ.).
10. Tyazhelobol’nye vzroslye: kto pomozhet? — VTsIOM [Seriously ill adults: who will help? — VCIOM (Russian Public Opinion Research Center)] [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tjazhelobolnye-vzroslye-kto-pomozhet> (Accessed 28.09.2024). (In Russ.).
11. Khudoi mir — ili dobraya ssora? — VTsIOM [A bad peace — or a good quarrel? — VCIOM (Russian Public Opinion Research Center)] [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoi-mir-ili-dobraya-ssora> (Accessed 28.09.2024). (In Russ.).
12. Agadullina E. et al. Ambivalent sexism and violence toward women: A meta-analysis. *European Journal of Social Psychology*, 2022. Vol. 52, no. 5–6, pp. 819–859.
13. Agostini M., van Zomeren M. Toward a comprehensive and potentially cross-cultural model of why people engage in collective action: A quantitative research synthesis of four motivations and structural constraints. *Psychological Bulletin*, 2021. Vol. 147, no. 7, pp. 667–700.
14. Badenes-Sastre M. et al. How severity of intimate partner violence is perceived and related to attitudinal variables? A systematic review and meta-analysis. *Aggression and Violent Behavior*, 2024. Vol. 76, no. 101925, pp. 1–14.
15. Bareket O., Fiske S.T. A systematic review of the ambivalent sexism literature: Hostile sexism protects men’s power; benevolent sexism guards traditional gender roles. *Psychological bulletin*, 2023. Vol. 149, no. 11–12, pp. 637–698.
16. Becker J.C., Wright S.C. Yet another dark side of chivalry: Benevolent sexism undermines and hostile sexism motivates collective action for social change. *Journal of personality and social psychology*, 2011. Vol. 101, no. 1, pp. 62–77.
17. Corcoran K.E., Pettinicchio D., Young J.T.N. Perceptions of structural injustice and efficacy: Participation in low/moderate/high cost forms of collective action. *Sociological Inquiry*, 2015. Vol. 85, no. 3, pp. 429–461.
18. Ellemers N., Barreto M. Collective action in modern times: How modern expressions of prejudice prevent collective action. *Journal of Social Issues*, 2009. Vol. 65, no. 4, pp. 749–768.
19. Glick P., Fiske S.T. The Ambivalent Sexism Inventory: Differentiating Hostile and Benevolent Sexism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. Vol. 70, no. 3, pp. 491–512.
20. Glick P., Fiske S.T. The ambivalence toward men inventory: Differentiating hostile and benevolent beliefs about men. *Psychology of women quarterly*, 1999. Vol. 23, no. 3, pp. 519–536.

21. Gracia E., Lila M., Santirso F.A. Attitudes toward intimate partner violence against women in the European Union: A systematic review. *European Psychologist*, 2020. Vol. 25, no. 2, pp.104–121.
22. Hamann K.R.S. et al. Believing that we can change our world for the better: A Triple-A (Agent-Action-Aim) Framework of self-efficacy beliefs in the context of collective social and ecological aims. *Personality and Social Psychology Review*, 2024. Vol. 28, no. 1, pp. 11–53.
23. Henseler J., Ringle C.M., Sinkovics R.R. The use of partial least squares path modeling in international marketing. *New challenges to international marketing*. Emerald Group Publishing Limited, 2009, pp. 277–319.
24. Kelly C., Breinlinger S. Identity and injustice: Exploring women's participation in collective action. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 1995. Vol. 5, no. 1, pp. 41–57.
25. Kruahiran P., Boonyasirawat W., Maneesri K. Thai police officers' attitudes toward intimate partner violence and victim blaming: The influence of sexism and female gender roles. *Journal of interpersonal violence*, 2022. Vol. 37, no. 9–10, pp. NP7426–NP7446.
26. Leach C.W. et al. Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of personality and social psychology*, 2008. Vol. 95, no. 1, pp. 144–165.
27. Macchia L., Whillans A.V. The link between income, income inequality, and prosocial behavior around the world. *Social Psychology*, 2022. Vol. 52, no. 6.
28. Nardi-Rodriguez A. et al. Willingness to help women victims of intimate partner violence in a Spanish context: Differential factors, interactions and predictors. *PLoS one*, 2024. Vol. 19, no. 7, pp. E0307274.
29. Osborne D. et al. Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action. *European Journal of Social Psychology*, 2019. Vol. 49, no. 2, pp. 244–269.
30. Petkanopoulou K. et al. Collective disadvantage in the context of socioeconomic crisis in Greece: The role of system directed anger, politicians directed anger and hope in normative and non normative collective action participation. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2022. Vol. 32, no. 4, pp. 589–607.
31. Ringle C.M., Wende S., Becker J.-M. “SmartPLS 4.” Oststeinbek: SmartPLS GmbH. 2022 [Electronic resource]. URL: <http://www.smartpls.com> (Accessed 28.09.2024).
32. Shepherd L. et al. The role of threat, emotions, and prejudice in promoting collective action against immigrant groups. *European Journal of Social Psychology*, 2018. Vol. 48, no. 4, pp. 447–459.
33. Smeekes A., Sedikides C., Wildschut T. Collective nostalgia: Triggers and consequences for collective action intentions. *British Journal of Social Psychology*, 2023. Vol. 62, no. 1, pp. 197–214.
34. Subašić E., Schmitt M.T., Reynolds K.J. Are we all in this together? Co-victimization, inclusive social identity and collective action in solidarity with the disadvantaged. *British Journal of Social Psychology*, 2011. Vol. 50, no. 4, pp. 707–725.
35. Taylor J.C. et al. Barriers to men's help seeking for intimate partner violence. *Journal of interpersonal violence*, 2022. Vol. 37, no. 19–20, pp. NP18417–NP18444.
36. Włodarczyk A. et al. Hope and anger as mediators between collective action frames and participation in collective mobilization: The case of 15-M. *Journal of Social and Political Psychology*, 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 200–223.
37. Wright S.C., Taylor D.M., Moghaddam F.M. Responding to membership in a disadvantaged group: From acceptance to collective protest. *Journal of personality and social psychology*, 1990. Vol. 58, no. 6, pp. 994–1003.
38. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: a quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. *Psychological bulletin*, 2008. Vol. 134, no. 4, pp. 504–535.
39. Van Zomeren M., Saguy T., Schellhaas F.M.H. Believing in “making a difference” to collective efforts: Participative efficacy beliefs as a unique predictor of collective action. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2013. Vol. 16, no. 5, pp. 618–634.

40. Zhao M. et al. Subjective socioeconomic status: an alternative to objective socioeconomic status. *BMC Medical Research Methodology*, 2023. Vol. 23, no. 1, pp. 73.

Информация об авторах

Ананьева Ольга Алексеевна, аспирант, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: oananyeva@hse.ru

Прусова Ирина Сергеевна, кандидат психологических наук, заведующая Научно-учебной лабораторией психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Information about the authors

Olga A. Ananyeva, Graduate Student, Research Intern, Laboratory for Psychology of Social Inequality, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: oananyeva@hse.ru

Irina S. Prusova, PhD in psychology, head of Laboratory for Psychology of Social Inequality, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Получена 01.10.2024

Принята в печать 19.12.2024

Received 01.10.2024

Accepted 19.12.2024

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России
127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207
Тел.: +7 (495) 608-16-27
+7 (495) 632-95-44
Факс +7 (495) 632-95-44
e-mail: spas2010@mgppu.ru

Подписка на журнал

По объединенному каталогу «Пресса России» Индекс – 22209
Сервис по оформлению подписки на журнал
<https://www.ppressa-rf.ru>
Интернет-магазин периодических изданий «Пресса по подписке»
www.akc.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409
Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)
e-mail: k-409rio@list.ru
Корректор *А.А. Буторина*
Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:
Sretenka st., 29, office 207
Moscow, Russia, 127051
Phone: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
fax: +7(495) 632-95-44
e-mail: spas2010@mgppu.ru

Subscription to the journal

According to the united catalogue “Press of Russia” Index – 22209
Service on subscription to the journal
<https://www.ppressa-rf.ru>
Internet-shop of periodical editions “Subscription press”
www.akc.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409
Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)
e-mail: k-409rio@list.ru
Technical editor *А.А. Буторина*
Maker-up *М.А. Баскакова*